

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Т о м I.
Р о к 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 53 34 58, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: А.А. Гугнин, Д.В. Дук, Н.Б. Лысова.

Редактор Д.М. Севастьянова.

Подписано к печати 30.07.2015. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 20,23. Уч.-изд. л. 21,14. Тираж 100 экз. Заказ .

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 902/904

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ ПОЛОЦКА ПО ДАННЫМ РЕВИЗИИ 1765 ГОДА¹

д-р ист. наук, проф. Д.В. ДУК
(Полоцкий государственный университет)

Ревизия Полоцка 1765 г. (оригинальное название – «Ревизия пляцев в месте Полоцке около года 1765, скопированная в году 1802, месяца марта») является единственным сохранившимся на сегодняшний день максимально полным описанием Полоцка XVIII в. в составе Речи Посполитой. В статье впервые в историографии приведен перевод с польского языка текста ревизии города Полоцка 1765 г., оригинал которой хранится в Витебском областном краеведческом музее. Ревизия дает представление о размерах городских участков, их собственниках (феодалы светские и духовные, мещане и евреи), расположении этих участков, направлениях и размещении улиц на территории бывших городских посадов (Великого и Кривцового), а также на обоих полоцких замках (Верхнем и Нижнем). Приведены комментарии автора, касающиеся расположения упомянутых в ревизии топографических объектов (улиц, отдельных дворов, местностей) на современной карте Полоцка и картах XVIII в. Представлены данные о количестве ремесленных специальностей, упомянутых в ревизии, количестве дворов и их размерах в современной метрической системе.

Введение. Полоцкая ревизия 1765 г. сохранилась в виде копии 1802 г. Оригинальное название документа – «Ревизия пляцев в месте² Полоцке около года 1765, скопированная в году 1802, месяца марта». Документ хранится в Витебском областном краеведческом музее [4]³. Впервые полоцкую ревизию 1765 г. выявил и широко использовал в своей книге немецкий исследователь Стефан Рогдевальд [11]. Данные ревизии были использованы М.Д. Макаровым в капитальной монографии, посвященной организации и персональному составу городских властей Полоцка 1580 – 1772 гг. [8, с. 19].

На сегодняшний день ревизия Полоцка 1765 г. является единственным в своем роде документом, позволяющим увидеть комплексный срез данных о земельных владениях в Полоцке, социальном составе жителей и основных ремесленных специальностях. Материалы полоцкой ревизии 1765 г. не были опубликованы, упомянутыми исследователями в публикациях были использованы лишь определенные сведения. Так, согласно С. Рогдевальду, в Полоцке в 1765 г. располагалось порядка 600 дворов, из них 238 (40%) принадлежала шляхте, 179 (30%) – церквям и монастырям различных конфессий, 50 (8%) – евреям, 119 (около 20%) – королевским мещанам [11, с. 230].

В данной статье материалы полоцкой ревизии 1765 г. приведены полностью и будут рассматриваться с точки зрения реконструкции социотопографической структуры Полоцка, а также с целью изучения отдельных аспектов организации городского пространства (особенностей застройки, степени освоения городской территории, социального состава посадского населения) как части виталитивной культуры⁴.

Название «пляц» – стандартное обозначение определенного участка земли в белорусском городе XVI – XVIII вв. Размер усадеб определялся в пляцах или кратных долях пляца. На усадебном участке могли располагаться огород, сад, но чаще всего жилая, жилищно-хозяйственная или хозяйственная застройка, как правило, с огородом. Незастроенные участки носили обозначение «голых» либо «пустых».

¹ Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект Г14Р-013 «Образ жизни и бытовой уклад населения белорусских земель: динамика трансформации (XVI – первая половина XX в.)».

² В XVI – XVIII вв. по отношению к Полоцку и другим белорусским городам применялся данный термин, от него происходит термин «мещане» (непривилегированное городское сословие).

³ Высказываю благодарность администрации Витебского областного краеведческого музея и лично директору Глебу Владимировичу Савицкому за всестороннюю помощь и содействие в организации исследования.

⁴ Впервые понятие «виталитивная культура» была введено в научный оборот белорусским археологом Л.В. Колединским на международных научно-практических конференциях в Институте экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси (2007 г.) и в Полоцком государственном университете (2012 г.). В трактовке автора понятие «виталитивная культура» (от лат. Vita, vitalis – жизнь) – часть материальной культуры, связанная с жизнеобеспечением человека. Сюда можно отнести жилище, одежду, пищу, предметы повседневного обихода [7]. В нашем понимании в понятие «виталитивная культура» необходимо включить и духовную культуру, связанную с повседневным бытовым укладом людей, менталитетом и традициями. Таким образом, виталитивная культура – это часть материальной и духовной культуры, связанная с жизнеобеспечением, повседневным бытовым укладом людей, менталитетом и традициями.

Земельный участок («грунт») являлся основной топографической единицей, из которых состояла улица. Участки располагались двумя рядами, как правило, с трех сторон они межевали друг с другом, тыльная часть – с соседним рядом, соответственно, одна из сторон выходила на улицу. На основании данных по-лоцкой ревизии 1765 г. ниже представлена реконструкция размера городского пляца.

Помимо стандартного описания размеров и расположения участков полоцкая ревизия 1765 г. опи-сывает застройку и расположение улиц на территории основного городообразующего посада (бывшего Великого, собственно «места»), а также задвинского, к тому времени также «бывшего» Кривцового по-сада. Представлено описание участков на обоих полоцких замках и местности, расположенной за парка-ном⁵ Великого посада. Название «Великий посад», как и вообще термин «посад», в ревизии не указыва-ется. Нет упоминания и про застройку Заполотского посада, а также юридику полоцких иезуитов – Эки-мань. Зато в тексте ревизии упомянуты юридики иезуитов «в месте» – на территории Великого посада, а также на Верхнем замке.

В тексте приведены указания расположения улиц, данные о размерах участков, кратные опреде-ленным долям пляца, детализированные размеры пляцев в локтях⁶. Упомянуты в ревизии хозяйственное назначение пляцев: под жилую застройку (здесь выделены жилищно-хозяйственные комплексы), огоро-ды и сады. В большинстве случаев застройка а ргіогі подразумевается деревянная, в единственном случае указано на наличие кирпичного («мурованного») дома.

В оригинале текст ревизии написан латиницей, по-польски, с использованием стандартной термино-логии того времени. Ниже приводится перевод текста ревизии с комментариями автора статьи.

Так, **на улице Великой, с правой стороны, располагались:** 3/8 пляца «учтывого» Матея Езефови-ча, кузнеца («коваля»), на котором и сам жил; ¼ «пустого» пляца «его милости» «отцов базилианов» «в тыле» предыдущего пляца; ¼ «пустого» пляца «его милости» пана Кушлинского; ¼ «пустого» пляца «его милости» пана Пасинского, кублицкого плебана; ¼ пляца «его милости» пана Короневича, с «дом-ком»; ¼ пляца «в тыле» «его милости» ксендза Кублицкого; ¼ «пустого» пляца «его милости» пана Ленкевича, с огородом; ¼ пляца «в тыле» «учтывого» Ноксионовича; 1 пляц «учтывого» Ноксионовича, портного («кравца»), на котором и сам жил; огород на 2/4 пляца Ларовского.

На улице Великой, начиная от Верхнего замка, с левой стороны, располагались: ¼ пляца их милости «отцов базилианов», на котором жил еврей Марков Бенишович; ¼ пляца пана Буйницкого, меч-ника, на котором жили два ремесленника еврея в домах «господарей» (ремесленников): Гилми и Абрам, цирюльники; ¼ пляца и 6 локтей Зелика Лейбовича Бабины; 2/4 пляца и 3 локтя пана Буйницкого, на ко-тором жили два еврея; ¼ пляца и 7 локтей пани Корсаковой, на котром жил еврей Марко Зелманович; ½ пляца и 1 локоть пана Буйницкого, на котором жили в домах 2 еврея, а третий христианин, кучер («фурман»); 1 «пустой» пляц и 3 локтя «его милости» пана Селицкого до улицы Вознесенской; 1 пляц с долей 2/4 пляца до улицы Вознесенской «его милости» пана Жабы, старосты Бельского, на котором жил еврей Абрахам Зелманович до улицы Вознесенской; 1,72 пляца «без локтя» полоцкого подвоеводы до улицы Вознесенской; ¼ пляца «его милости» пана Базылианека, на котором жил еврей Бакалаж до ули-цы Вознесенской; 2/4 пляца хорунжего Корсака, на котором жил еврей Мовша Чмух до улицы Вознесен-ской; 0,75 пляца и 7 локтей их милости глубоких «отцов кармелитов босых» «до середины улицы» жил еврей Ицка Шмуйлович; 1 пляц и 4 локтя «господарей» Техановских с домами трех евреев Ицка, Нийсена и Шмуйло до улицы Вознесенской; 0,75 пляца и 9 локтей еврейки Мишуны с рядами четырех еврейских домов ремесленников до улицы Вознесенской; ½ пляца с домами братьев Лейбовичей, евреев до улицы Вознесенской; ¼ и 8 локтей пляца Шнейора Давидовича; ¼ и 8 локтей пляца еврея Ларуховича с жилыми домами; ¼ пляца их милости «отцов базилианов», на котором жил еврей Хаимович; 0,75 пляца пана Ко-нопки «застроенный дворик»; 0,75 пляца Романа Шишки, на котором жил еврей Тайбиш Маркович до улицы Вознесенской; 1/2 пляца с 6 локтями стольника Шишки «дворик» до улицы Вознесенской; 1,75 пляца с полчетвертью и 6,5 локтями их милости «отцов богоявленских», на которых жили четыре христианина ремесленника до улицы Вознесенской; ¼ пляца и 6 локтей братства Богоявленской церкви, на котором жил «его милость» пан Шыбайла, бурмистр полоцкий; ¼ и 9 локтей «пустого» пляца Ми-рона Москаля с огородом; 2/4 пляца и 1,5 локтя с домом того же Мирона до улицы Вознесенской; 0,75 «пустого» пляца и 1,5 локтя Мушинских; 0,75 пляца еврея Блахаши, с домом, до улицы Вознесенской; 1,25 пляца и 9 локтей пана Стебута, с домом, до улицы Вознесенской; ½ пляца «учтывого» пана Ведзблевско-го с жилым домом; огород на 0,75 пляца и полтора локтя пана Стебута; 0,75 пляца и 1,5 локтя «его мило-сти» пана Лодвишты, на землях которого жил еврей Шмуйлович; 2/4 пляца и 7 локтей «его милости» пана Ягелского; 2/4 пляца и 1,5 локтя пана Воронича с домом; ¾ пляца и 3,5 локтя их милости «отцов базили-анов», на которых жили два ремесленника христианина; огород на ½ пляца Ёзефа Башианина; ¼ «пустого» пляца «ее милости» панны Якуксиевичовой; 2/4 пляца и 2,5 локтя Гаврилы, сапожника; 2/4 пляца и 3,75 локтя

⁵ Паркан – название оборонительной стены посада.

⁶ В Речи Посполитой после 1764 г. локоть был равен 0,6496788 м [1, с. 218].

Воситовского, коваля; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца пана Шыбицкого; $\frac{3}{4}$ пляца их милости «отцов базилианов» «господарей» двух.

Улица Великая хорошо известна по материалам картографических и письменных источников, из текста ревизии можно судить о наиболее интенсивной ее застройке с северной стороны.

На Пробойном заулке, по направлению от еврейской школы к улице Вознесенской, располагались: $\frac{1}{2}$ пляца и 5 локтей «его милости» пана Корсака, «стражника места полоцкого», на котором жил еврей Мовша Пасаманик; 0,75 пляца и 7 локтей пана Страбницкого, на котором жил еврей Тайбиш Ми-сунович; $\frac{1}{4}$ пляца и 2,5 локтя «его милости» пана Розанки, на котором жил еврей Ицик.

Вызывает интерес упоминание еврейской школы, которую можно отождествлять с расположенными на территории усадебного участка по ул. Нижне-Покровской 7 остатками каменицы, выявленными в ходе археологического надзора автора в 2002 г. Таким образом, расположение Пробойного заулка можно реконструировать на рис. 1.

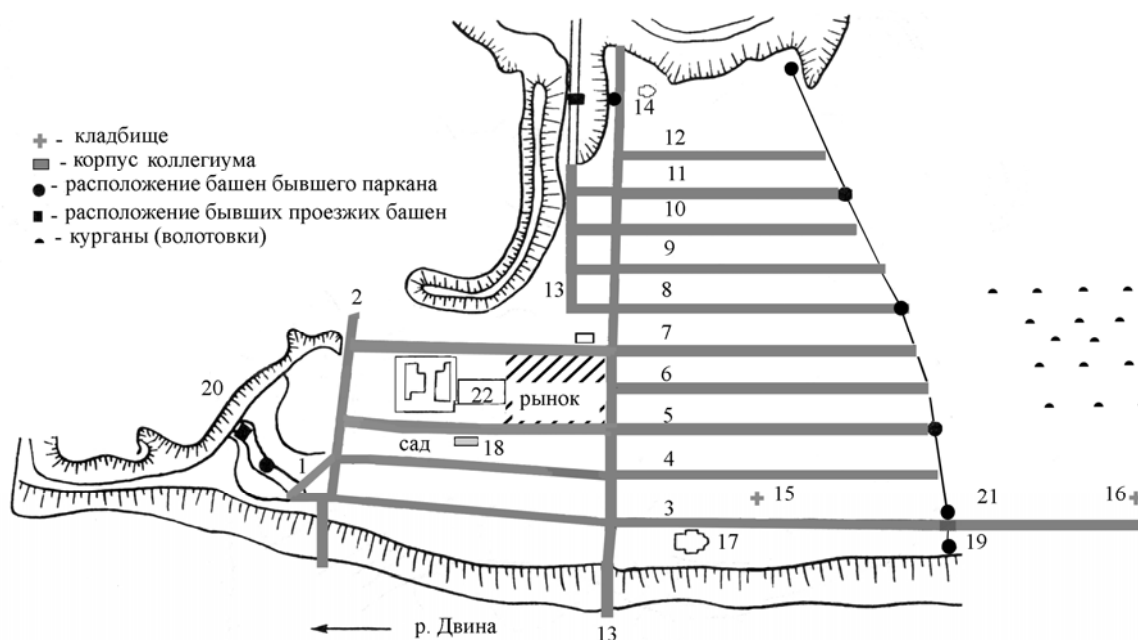

Рис. 1. План центральной части Полоцка согласно ревизии 1765 г. с обозначением топографических объектов:

1 – заулочек Пробойный; 2 – улица Рождественская; 3 – улица Великая; 4 – улица Вознесенская; 5 – улица Ильинская; 6 – улица Батечковская; 7 – улица Спасская; 8 – улица Боровая; 9 – улица Азаровая; 10 – улица Степановая; 11 – улица Невельская; 12 – улица Собачья; 13 – улица Пробойная; 14 – костел св. Креста; 15 – Воскресенское кладбище; 16 – Покровское кладбище; 17 – Богоявленская церковь; 18 – «заложенный» мурованный корпус коллегии; 19 – мост через ров бывшего парка; 20 – юридика иезуитов на Верхнем замке; 21 – «грунты» за парканом; 22 – Фарный костел иезуитов и коллегии

На улице Вознесенской, по направлению от Пробойного заулка, с правой стороны располагались: $\frac{1}{4}$ пляца и 2,5 локтя их милости «отцов базилианов», на котором жил еврей Бениш Зелманович; $\frac{1}{4}$ пляца и 2 локтя еврея Лоруха Мордохеловича с домом; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца и $\frac{1}{2}$ локтя витебского хорунжего, «его милости» пана Реута; $\frac{1}{8}$ пляца и 8,5 локтей их милости «отцов богоявленских», на котором жил «господар» христианин, скорняк («кушнер») Стефан Кетошка; $\frac{1}{4}$ пляца и 1 локоть их милости «отцов базилианов», на котором жил христианин Шеймак; $\frac{1}{2}$ «грунта» пана Стебута с застройкой; $\frac{1}{4}$ огорода «его милости» пана Подбицеты; $\frac{1}{8}$ пляца и 6 локтей интролигатора (переплётчика) «учтивого» Лабача Дубины; $\frac{1}{8}$ пляца и 6 локтей «его милости» Бонифация Снарского, на котором жил еврей Борух; $\frac{1}{8}$ и 4 локтя «его милости» Ёзефа Снарского, на котором жил Геляш Шайторович; огород Габриеля Клиникова на $\frac{1}{8}$ пляца и 1 локоть; огород на $\frac{3}{8}$ пляца и 3,5 локтя «его милости» пана Шпинки; огород на $\frac{1}{4}$ пляца полоцкого райцы, «славетного» Михаила Шнитки; огород на $\frac{3}{8}$ пляца и 6 локтей «их милости» панов Мушинских; огород на $\frac{1}{8}$ пляца и 3,5 локтя «его милости» пана Шыбелы; $\frac{1}{8}$ «пустого» пляца и 1,5 локтя «его милости» пана Абрамковского.

На улице Вознесенской, с левой стороны, были расположены: $\frac{1}{4}$ пляца и 3 локтя некоего именного Ожием, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 3 локтя Игнатия Добошинского, на котором жил еврей Рапул; $\frac{1}{8}$ пляца и 7 локтей их милости «отцов базилианов», на котором жил еврей Шмуyla Давидович; 1 пляц

полоцкого хорунжего Храповицкого, на котором проживали в четырех домах четверо «господарей» евреев; 3/8 пляца и 7,5 локтя их милости «отцов базилианов», на котором проживали двое «господарей» христианин, один Андрей Стефанович, другой – фурман (имя не названо).

Возле могил Воскресенского церковича располагались: ¼ пляца еврея Калмана с домом; 1/8 пляца бурмистра полоцкого «славетного» пана Друговины с домом; 1/8 пляца и 3,5 локтя «ее милости» паны Корсаковой, на котором жил Алхим Айкаш; ¼ пляца и 1 локоть Будзьки, на котором жил фурман Ян Рудковский; 1/8 пляца и 7 локтей «без четверти» «его милости» пана Борейки, на котором жил Иван Бравценик; 3/8 пляца и 6 локтей «без четверти» сапожника, «учтивого» Яна Лукашевича с домом; 5/8 и 6,25 локтя «славетного» пана Михаила Снитки, райцы полоцкого, с домом; 1,5 пляца и 4 локтя покойного бурмистра полоцкого Яна Александровича, а сейчас «без права» подвоеводы, «ясновельможного» пана Яна Павловского.

Местонахождение Воскресенского церковича не ясно. Вполне можно допустить, что церковиче находилось возле одноименной церкви, упомянутой в полоцкой ревизии 1552 г. на Великом посаде [2, с. 253; 3, с. 165, 167]. В результате археологического надзора по ул. Нижне-Покровской в 2005 г. нами были обнаружены следы захоронений по направлению на северо-восток от Богоявленской церкви, что, возможно, следует отнести к следам Воскресенского церковича.

На улице Рождественской, по направлению с улицы Великой, с левой стороны располагались: 3/8 пляца и 2,5 локтя «его милости» пана Русецкого, на котором жили в своих домах Ёзеф и Матей Липчинские; ¼ пляца и 1 локоть «его милости» пана Рагозы, на котором жил еврей Копыл Реймович; 1/4 пляца без 0,5 локтя «ясновельможного» пана Максимовича, на котором жил Антоний Бушкович; 3/8 пляца и 2 локтя, на котором был построен дом «его милости» пана Сwoлынского; 1,5 пляца их милости «отцов базилианов», на котором жили в своих домах семь «господарей».

Собственно, расположение улицы Рождественской, впервые упомянутой в ревизии 1765 г., можно отождествить с улицей Безымянной, известной по актовым материалам XVII в. [5, с. 87]. Эта улица имела выход к Нижнему замку и перевозу к Двине. Именно здесь, на описываемой в ревизии территории, были проведены археологические раскопки и обнаружены следы кладбища XVI – XVII вв. и жилой застройки XVIII в. [6]. Название улицы не случайно, поскольку она располагалась возле церкви Рождества Христова, также известной в историографии под названием «Храм на рву». Церковь существовала в XII – XVII вв. К моменту написания ревизии храм был разрушен [5, с. 80].

На улице Рождественской, с правой стороны, располагались: 7/8 частей пляца с 8 локтями «его милости» пана Шезыта, на котором жили в домах еврей Авсей и христианин Антоний Осипович, сапожник; 3/8 пляца и 6 локтей «его милости» пана Рагозы, на котором в «доме панском» жил Андрей; 1/8 и 6,5 локтей «его милости» пана Яна Зайковского с домом; 3/8 пляца «его милости» пана Гласки, на котором в двух домах жили «господари»: мечник Раишукло и Ян Кухан; ¼ пляца «его милости» пана Вазгерда, на котором жил Езеф Домбровский; на землях «его милости» пана Корсака Удзельского⁷, а теперь «ясновельможного» пана Гребницкого жили в своих домах три «господаря», еврея: Ешик, Шлома и Абрам (размер пляца не указан).

На улице Ильинской, по направлению от улицы Рождественской к рынку, по правой стороне располагались: 6,5 пляцев их милости «отцов иезуитов» полоцкого коллегиума, на которых раньше мечтаны жили, а теперь заложены «школа мурованная», сад до самой улицы Вознесенской; пустые 3/4 пляца без локтя «его милости» пана Шантыря до улицы Вознесенской; 1/8 пляца и 5,5 локтя Хириши Шмуйловича с домом; 1/8 пляца и 5,5 локтя еврея Арона Абрама с домом; 7 локтей и 2/3 Бороха Абрамовича, с домом; 7 локтей и 2/3 Борка Абрамовича, с домом; 1/8 пляца и 5 локтей Берки Абрамовича, с домом; 1/8 пляца и 5 локтей Михала Абрамовича, с домом; 1/8 пляца и 5 локтей Михала Бонашевича, с домом; 3/8 пляца и 1,5 локтя бывшего «сборового»⁸, а ныне их милости «отцов иезуитов», в двух «господарчих домах» которых жили Яков и Сымон; ¼ пляца Еки Якубовича, с домом; ¼ пляца Эли Израеловича, с домом; 5/8 пляца и 4 локтя «их милости» панов Гребницких, на котором были два дома «господарей» евреев Мовиши и Нохина Израйловичей; 9,5 локтей пляца их милости «отцов базилианов», ранее Вознесенское церковиче, а теперь на нём жили трое «господарей»; 1,5 пляца и 3 локтя «его милости» пана Гребницкого, гродского писаря, с застроенным «двориком» до улицы Вознесенской; 1/8 пляца еврея Авсея с домом; ¼ пляца «славетного» пана Пичолки, в торце упомянутого еврея, с огородом; 3/8 пляца того же пана Пичолки, бурмистра полоцкого, на котором жил еврей Буим; 7/8 пляца с 4,5 локтями «славетного» пана Друговины, бурмистра полоцкого, с домом; ¼ пляца с 5 локтями «славетного» пана, бурмистра полоцкого Чернявского, с огородом; 7/8 пляца с 1,5 локтями «сла-

⁷ Начало слова исправлено, участок принадлежал представителю одного из влиятельнейших ответвлений рода Корсаков в Полоцком воеводстве [9, с. 184 – 185].

⁸ Имеется в виду, по всей видимости, кальвинский сбор.

ветной» панны Домяровичовой, с домом, до улицы Вознесенской; $\frac{1}{4}$ пляца «славетной» панны Оловяшки с построенным домом; $\frac{3}{8}$ «пустого» пляца и 6,5 локтей пана Молодзёшки; $\frac{1}{4}$ пляца и 4 локтя «учтывого» Яна Лукашевича, сапожника, дом; 1 пляц усопшего бурмистра полоцкого Александровича, а ныне без права «его милости» пана Павловского с застроенным «двориком».

Важным является также упоминание одного пляца на месте бывшего Воскресенского церковича, расположенное южнее улицы Ильинской. Значит, какая-то часть кладбища к 1765 г. уже начала застраиваться с северной стороны, основная же – оставалась по-прежнему действующей.

На улице Ильинской, по направлению от улицы Рождественской, с левой стороны, располагались: коллегіум иезуитов с фарным костелом и рынок со складами («кромами»). Также отмечен пустой пляц, принадлежащий костелу св. Ксаверия, без указания размеров. Помимо этих объектов, ревизором зафиксированы: $\frac{3}{8}$ и 7,5 локтя «его милости» пана Реута, чашика, с двумя домами, одни христианина Канарского, другой еврея Мовиш; $\frac{1}{4}$ пляца «его милости» пана Милкевича с домом, в котором жил еврей Герейка; $\frac{1}{4}$ пляца и 7 локтей Шломы Лейбовича с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 4 локтя Берки Давидовича с домом; $\frac{5}{8}$ пляца и 7,5 локтей полоцкого райцы, «славетного» пана Камковича; $\frac{1}{2}$ пляца и 3 локтя «его милости» пана Гребницкого до улицы Батечковой; $\frac{1}{8}$ пляца и 5,25 локтя «славетного» пана Пинтуса Мовишевича с домом; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца и 4,5 локтя «славетного» пана, полоцкого бурмистра, Шибайлы; $\frac{1}{8}$ пляца и 8,5 локтя «славетного» пана Павла Дубины, с домом; $\frac{1}{2}$ пляца еврея Перца до улицы Батечковой, с домом; $\frac{5}{8}$ пляца и 7,5 локтя усопшего полоцкого бурмистра Олашкевича, ныне «бесправный» их милости «отцов базилианов», на котором располагались три дома евреев: Рика Мортгеловича, Берка Барновича и Мовиш Ларуховича; $\frac{3}{8}$ и 7 локтей «славетного» пана Савицкого с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 8,5 локтя «славетного» пана Скорбуловича, с огородом; $\frac{3}{4}$ пляца и 3 локтя борисоглебских их милости «отцов базилианов», на котором жили «господари» – сапожник Филипп Лубашевич и еврей (имя не названо); $\frac{5}{8}$ пляца и 19 локтей И. Гелиаша, на заброшенном церковиче, «где сам декан живет», с огородом.

На улице Батечковой, по направлению от рынка и улицы Пробойной, с правой стороны: $\frac{1}{2}$ пляца и 7 локтей «его милости» Семковского, на котором жил еврей Борух; $\frac{1}{8}$ пляца и 7,5 локтей «его милости» пана Рыпинского, на котором жил еврей Орка Лейбович; $\frac{1}{4}$ пляца пана Спиридовича, на котором жил христианин Григорий Лукашевич; $\frac{1}{8}$ пляца и 8,5 локтя «его милости» пана Гребницкого, на котором жил Григорий Легиш; $\frac{1}{4}$ пляца и 3,5 локтя «учтывого» Янки Бенедыки, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 6 локтей «славетного» полоцкого райцы Комковича огород; $\frac{1}{4}$ пляца их милости забельских «отцов доминиканов», на котором жил еврей Абель; $\frac{1}{8}$ пляца и 8 локтей «учтывой» Шайтаровичовой, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 8 локтей полоцкого бурмистра Чарнявского, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 6 локтей их милости «отцов базилианов», на котором живет еврей Мовиш Израелович, с домом, а раньше жил Блешковичевский; $\frac{3}{8}$ пляца и 8,5 локтей «славетной» панны Вероничовой, где и сама живёт; $\frac{1}{2}$ пляца и 2 локтя «учтывого» Сымона Бексиевича, где и сам живёт; $\frac{3}{4}$ пляца и 2,5 локтя «учтывого» Яна Бегечаника огород.

На улице Батечковой, с левой стороны, располагались: $\frac{1}{4}$ пляца еврея Боруха, на котором и сам жил; $\frac{1}{4}$ пляца и 5,5 локтей «ясновельможного» пана Помарнацкого, на котором жила еврейка Реуза; $\frac{1}{4}$ пляца и 9 локтей пана Пилинского огород; $\frac{1}{2}$ пляца и 5 локтей почившего «его милости» пана Рыпинского, а теперь Прихабского до улицы Спасской; $\frac{1}{2}$ пляца «его милости» пана Гребницкого до улицы Спасской, на котором жил еврей Абрам; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца и 7 локтей «его милости» пана Бешилова; $\frac{1}{8}$ пляца и 4 локтя «учтывого» портного («кравца») Романа Климковича, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 1,5 локтя «его милости» пана Довмонта, на котором жила Шая Хацкевич; $\frac{1}{8}$ пляца и 3 локтя «его милости» пана Гуиши, на котором жил Степан Бобыль; $\frac{1}{4}$ пляца вдовы Рыны, еврейки, на котором жил Янка; $\frac{1}{4}$ пляца «ясновельможной» панны Корсаковой, который межует с пляцем еврейки Рыны; $\frac{1}{4}$ пляца и 4 локтя «славетного» полоцкого лавника, пана Кошабудского, на котором и сам жил; $\frac{1}{2}$ пляца панны Корсаковой с «домком», в котором она сама жила; $\frac{1}{4}$ пляца и 7 локтей слесаря Матея Жызневского, на котором и сам жил; $\frac{1}{4}$ пляца и 7 локтей Александровой Каменковой, жены портного («кравца»), на котором сама жила; $\frac{1}{8}$ пляца и 1,5 локтя «его милости» Гуиши «дворик», на котором и сам жил; 1,5 пляца «учтывого» мечника Ешего Кабяки, на котором и сам жил; $\frac{1}{2}$ «пустого» пляца и 9 локтей «их милости» Константиновой Рыпинской.

На улице Спасской, по направлению от коллегіума иезуитов, с правой стороны: $\frac{1}{4}$ пляца и 8 локтей, на котором дом мурованный Демиана Вирлы в дисквиции коллегіума, с местом лошадиного торжища; $\frac{1}{4}$ пляца Хаима Гиришовича «в тыле дома» Демиана Вирлы; $\frac{3}{8}$ пляца мечника Обранпальского жил еврей, цирюльник; $\frac{1}{8}$ пляца и 5 локтей «его милости» Прихабского, на котором жил еврей Шая; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца пана Козела; $\frac{1}{4}$ пляца «учтывого» Теодора Цецеры, сапожника, с домом; $\frac{1}{8}$ «пустого» пляца и 6 локтей без четверти их милости «отцов доминиканов»; $\frac{1}{8}$ пляца «учтывого» Николая Олейника, сапожника, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца «учтывой» Лошадковой, на котором сама и жила; $\frac{1}{4}$ пляца и 1 локоть пана Ноксяновича, на котором жил еврей Зелман Нохонович; $\frac{1}{2}$ пляца «его милости» пана Гребницкого, на котором в двух домах жили ремесленники христиане; $\frac{1}{4}$ пляца Ёсела Шмуйловича с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 8 лок-

тей их милости «отцов богоявленских», на котором жил Михал Злот⁹; 1/8 «пустого» пляца богоявленского братства; 1/4 пляца «учитивого» кузнеца Андрея Горноковича, на котором и сам жил; 3/8 пляца и 5 локтей «ясновельможного» пана Селявы «дворик застроенный»; 1/4 пляца и 9 локтей «учитивого» Томаша Шпаковича с домом; 1/4 пляца за парканом той же улицы пана Шадурского, на котором и сам жил.

Из приведенного текста следует, что улица Спасская выходила за пределы городского паркана, здесь располагался один застроенный пляц. Эти сведения подтверждают высказанное ранее предположение, что к середине XVIII в. территория древнего курганного некрополя («волотовок») уже начала заселяться [5, с. 86 – 87, 89]. На данной улице находился «дом мурованный», первое монументальное сооружение жилого типа, упомянутое в тексте ревизии.

На улице Спасской, с левой стороны, располагались: 1/2 пляца их милости «отцов иезуитов», расположенный «тылом к валу замковому», на котором жил Подгурский на дворике «его милости» А. Комендаша; 3/4 пляца «ясновельможного» пана Зеновича, войскового полоцкого, с «двориком», который находился «тылом к валу»: 7 пляцев доминиканского монастыря («кляштора») с костелом; 5/8 пляца и 6,5 локтей еврея Марки «в тыле» его же дома; 1/8 пляца и 7,25 локтя «его милости» пана Александра Корсака «дворик»; «ее милости» панны Кублицкой Ловчиной, на котором «до улицы» проживали в двух домах евреи Ейк и Янкель Шмуйловичи (размер пляца не указан); 1 пляц и 9 локтей «его милости» Михала Рыпинского, на котором проживал портной («кравец»), христианин Лукович; «славетного пана» Мироновича, лавника полоцкого, с домом (размер пляца не указан);

На улице Спасской, с левой стороны, располагались: 1/8 «пустого» пляца и 3 локтя их милости «отцов францисканов»; 1/8 «пустого» пляца и 2,5 локтя «его милости» пана Новельского; 1/8 «пустого» пляца и 2 локтя без четверти их милости «отцов базилианов»; 5/8 пляца и 1,5 локтя «ясновельможного» пана Невельского «дворик» застроенный; 1/4 пляца без 1,5 локтя «ясновельможного» пана Максимовича; 1 пляц «его милости» пана Гребницкого, на котором жили 4 «господаря» христианина; 1/4 пляца и 6 локтей их милости «отцов доминиканов», на котором жил Андрей Шеде, «а теперь еврей» (имя не названо); 1/8 пляца и 6 локтей «славетной» панны Вороничовой огород; 1/8 пляца и полчетверти локтя портного Краёвского; 1/8 и 4 локтя их милости «отцов богоявленских», на котором жил портной Ян Лопух; 1/8 пляца их милости «отцов богоявленских» огород; 1/4 «пустого» пляца и локтя 3 «его милости» пана Селицкого; 1/4 и локтей 6 «учитивого» Яна Гойноковича, кузнеца; 1/8 пляца и 6,25 локтя Габриеля Климковича огород; 1/2 пляца и 8,5 локтя «его милости» пана Селявы «дворик» застроенный.

На улице Боровой, по направлению с улицы Пробойной в Плиговки, с правой стороны, располагались: 1/4 пляца и 3,25 локтя «его милости» пана Гуци, на котором жил еврей Юда; 3/8 «пустого» пляца и 3,25 «ясновельможного» пана Рыпинского; 1/8 пляца и 1,5 локтя «ясновельможного» пана Годзевского; 1/8 пляца и 0,5 локтя «ясновельможного» пана Корсака, скарбника; 1/8 пляца панны Воробёвой; 1/4 пляца и 3,5 локтя «её милости» панны Мыслинской; 1/4 пляца «ясновельможного» пана Максимовича; 1/2 пляца и 3 локтя «ясновельможного» пана Козакевича «дворик застроенный»; 1/8 пляца и 1,5 локтя «славетного» пана Стебута; 1/8 пляца и полчетверти локтя их милости «отцов базилианов»; 1/4 пляца «его милости» пана Ковалевского; 1/2 пляца их милости «отцов доминиканов»; 1/4 пляца и 3,5 локтя Ромы Климовича.

Указанная в тексте местность Плиговки располагалась по направлению трассы улицы Боровой, очевидно, за городским парканом. Ранее нами было высказано предположение, что данная местность, которая неоднократно упоминается в актовых книгах XVII – XVIII стст., располагалась на улице Пробойной, напротив перевоза от реки Двины [5, с. 89]. В свете новых данных местоположение Плиговок следует определить за парканом (оборонительной стеной сооружения), где-то по трассе улицы Боровой.

На улице Боровой, с левой стороны, располагались: 3/4 пляца и 3 локтя «ясновельможного» пана Антония Реута, на котором жил «почтовый» Бутович; 1/4 пляца и 9 локтей «учитивой» Вроблевской с домом; 1/4 пляца и 3 локтя «ясновельможного» пана Валериана Корсака, который жил в своем доме; 1/8 пляца и 4 локтя «ясновельможного» пана Пиесецкого; 3/8 пляца и полтрети локтя еврея Нохина Буселевича; 1/8 пляца и 9 локтей без четверти «ясновельможного» пана Гребницкого, на котором жил Тимошек Рубис; 1/8 пляца и 9 локтей в дисквизиции вдовы Онескевичовой; 1/8 пляца и 1/2 локтя «учитивой» Мекевичовой; 1/4 пляца и 4 локтя их милости «отцов францисканов»; 1/4 пляца и 5 локтей «учитивого» Крупского, писаря, в котором он сам и жил; 3/8 пляца и 5,5 локтей, принадлежность которого не выяснена; 3/8 пляца и 1,5 локтя Побочиловой; 3/8 пляца и полтрети локтя их милости «отцов доминиканов».

На улице Азаровой, также по направлению от улицы Пробойной, с правой стороны располагались: 1/4 пляца и 4 локтя «ясновельможного» пана Шкорня, на котором жил Антоний Гесевский;

⁹ Возможно, в данном случае указана не фамилия, а профессиональная принадлежность – «злот» (сокращенно от «злотник» (ювелир)). Примерно по трассе улицы Спасской (современная улица Замковый проезд) располагались ювелирные мастерские в XII и XVII вв., при этом вторая указанная мастерская, открытая нами в 2005 г., находилась восточнее площади Свободы (бывший рынок). Не исключено, что на улице Спасской мог проживать ремесленник-ювелир и в 1765 г.

1 пляц и 8 локтей «ясновельможного» пана Рафала Гласки «дворик застроенный»; 1/8 «пустого» пляца и 9 локтей без четверти «ясновельможного» пана Рыпинского, старосты; 1/8 пляца и «полседьмой» части локтя их милости «отцов базилианов»; 3/8 пляца «ее милости» панны Якуновичовой; 1/2 пляца и 2 локтя Мовиши и Иоханова с домом; $\frac{3}{4}$ «пустого» пляца и 5 локтей Онишкевича; $\frac{1}{4}$ пляца и 4 локтя сапожника Астафа; 3/8 пляца и 1,5 локтя «учтывого» Селезня; $\frac{1}{4}$ пляца и 8,5 локтя «учтывого» Астапёнки, мясника («резника»).

На улице Азаровой, с левой стороны располагались: 5/8 пляца и 4,5 локтя «ясновельможного» пана Игнатия Гласки, на котором жил Миколай Томашевский; 1/8 пляца и 8,5 локтей их милости «отцов францисканов», на котором жил Ронацевич; $\frac{1}{4}$ пляца «учтывого» Яна Шолома, мясника, «до улицы тылом»; 1/8 пляца и 2 локтя без четверти «ясновельможного» пана Балодышевского, старосты; 3/8 пляца и 1,5 локтя их милости «отцов доминиканов»; 3/4 пляца и 3 локтя «ясновельможного» пана Рыпинского, старосты Балодычевского; 1/8 пляца и 1,5 локтя «ясновельможного» пана Исаковского; $\frac{1}{4}$ пляца и 6 локтей «его милости» пана Снарского; $\frac{1}{2}$ пляца и 3,75 локтя «его милости» пана Рыпинского, полоцкого ротмистра; $\frac{1}{2}$ пляца «его милости» пана Ленчынского.

На улице Степановой, по направлению от улицы Пробойной, с правой стороны располагались: 3/8 пляца и полтрети локтя «ясновельможного» пана Гребницкого; 3/8 пляца и 5,5 локтя «его милости» пана Гласки, поручика; 1/8 пляца и 8,5 локтя их милости «отцов францисканов»; 3/8 пляца «славетного» пана Яна Мироновича, лавника полоцкого; 3/8 и 1 локоть «учтывого» Яна Бексевича, с домом; 7/8 пляца и 7,5 локтей «дворик» «ясновельможного» пана Гласки, граничащий с предыдущим; 3/8 пляца и 4,5 локтя «учтывого» Пошедки, кузнеца, с «домиком»; 1/8 «пустого» пляца и 1,5 локтя их милости «отцов богоявленских»; 1/8 «пустого» пляца и 2 локтя «славетной» панны Шапоньковой; 7/8 пляца и с 6,5 локтями «пустой» пляц «его милости» пана Гизберта.

На улице Степановой, с левой стороны, располагались: 3/8 пляца и полшестой части локтя их милости «отцов доминиканов»; $\frac{1}{4}$ пляца и 3 локтя «его милости» пана Соболевского огород; $\frac{1}{4}$ пляца и 6 локтей «славетного» пана Яна Мироновича огород; 3/8 пляца и 3 локтя «учтывого» Конспелки, мясника, огород; 3/8 пляца и 4,5 локтя «его милости» пана Кублицкого, полковника, «дворик»; $\frac{1}{2}$ пляца «славетного» пана Яна Мироновича, лавника полоцкого, с домом; $\frac{1}{2}$ пляца пана Бутрымовича; $\frac{1}{4}$ пляца «ясновельможного» пана Яковицкого «дворик»; $\frac{1}{2}$ пляца «учтывого» Леона Бекевича; $\frac{1}{4}$ пляца и 3 локтя Шолома; 1/8 пляца и 6 локтей Онишкевича; $\frac{1}{2}$ пляца их милости «отцов доминиканов»; 3/8 пляца и 5 локтей «учтывого» Яна Шпаковича, на котором и сам жил.

На улице Невельской, по направлению от улицы Пробойной, с правой стороны, располагались: 1/8 пляца панны Анны Улашонковой; 1/8 пляца «его милости» пана Глушанина; $\frac{1}{4}$ пляца без локтя «славетной» панны Анны Сломной с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 3 локтя «учтывого» Вогеры, портного, с домом; 3/8 пляца и 4,5 локтя «учтывого» Миколаевича с «домиком»; $\frac{1}{4}$ пляца их милости «отцов доминиканов» с двумя «домами», в одном жил почтовый работник (имя не названо), в другом – Конопелька, мясник; $\frac{1}{4}$ пляца «учтывого» Теодора Данисевича, сапожника, с «домиком»; 3/8 пляца и 3 локтя «учтывого» Яна Лукашевича, портного, с домом; 1/8 пляца и 7,5 локтя их милости «отцов францисканов»; 5/8 пляца и 3 локтя «ее милости» панны Далевайлиной; $\frac{1}{4}$ пляца и 1,5 локтя их милости «отцов доминиканов»; 3/8 пляца и 8,5 локтей «его милости» пана Лекевича; 1/8 пляца и 8 локтей «учтывого» Астапа Рапцевича, кузнеца.

На улице Невельской, с левой стороны, располагались: 3/8 «пустого» пляца «его милости» пана Максимовича; 3/8 «пустого» пляца их милости «отцов францисканов»; 3/4 пляца «учтывого» Дырынского, сапожника, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 6 локтей Григория Лукашевича, портного, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 9 локтей панны Деливайлиной; 3/8 пляца и 3 локтя «ясновельможного» пана Ленкевича; 3/8 пляца и полшестой части локтя «его милости» пана Ленкевича «дворик»; 1/8 пляца и 5 локтей «его милости» пана Будзьки; 1/8 пляца их милости «отцов доминиканов»; 3/8 пляца и 7 локтей «учтывого» Явашкевича, сапожника; $\frac{1}{4}$ пляца «его милости» пана Сибкевича; 1/8 пляца и 4,5 локтя их милости «отцов францисканов».

На улице Собачьей, в самом «месте», с правой стороны, располагались: 5/8 пляца и 3 локтя «его милости» пана Камёнки и «учтывой» Павашневичовой; 3/4 пляца без собственника; $\frac{1}{2}$ пляца «славетной» панны Шапоньковичовой.

На той же улице, с левой стороны, располагались: 1,75 пляца и 3 локтя их милости «отцов иезуитов» костела св. Креста, на котором были юридики трех «господарей»; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца учтывого Григория Лукашевича; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца «отцов богоявленских» до самой реки Полоты; $\frac{1}{2}$ «пустого» пляца учтывого Олейника, сапожника; $\frac{1}{4}$ пляца «славетного» пана Камновича; $\frac{1}{4}$ пляца «славетной» панны Шапонькевичовой, $\frac{1}{2}$ пляца их милости «отцов доминиканов».

В приведенном тексте упомянута юридика иезуитов на территории Великого посада – возле костела св. Креста. Этот костел обозначен на ряде планов Полоцка XVIII в. (1707, 1720-х, 1778 гг.) [5, мал. 31 – 33, 38]. По материалам ревизии можно с уверенностью судить о том, что улица Собачья располагалась на самой северной на территории «места» – на Великом посаде.

На улице Пробойной, по направлению от реки Двины через рынок к реке Полоте, с правой стороны, располагались: $\frac{1}{4}$ пляца и 3 локтя Шавела Мовиевича, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца Мовиши Израйловича с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 4 локтя Шмуйлы Давидовича, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 8,5 локтя Мовиши Азыровича, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 8 локтей Аарона Абрамовича, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и локтей 8 панны Мушинской с домом; $\frac{3}{8}$ пляца и 3 локтя Файвишевича, с домом; $\frac{3}{8}$ пляца и 5 локтей Бениша Боруховича, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 6 локтей «ясновельможного» пана, полоцкого подвоеводы, на котором жил еврей Хаим; $\frac{5}{8}$ пляца и 5 локтей еврея Мордхела, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 4 локтя еврея Авсея Израйловича, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 4,5 локтя «его милости» пана Колешы, на котором жил еврей Иосел; их милости «отцов доминиканов» три дома, в которых жили евреи Мойка и Шая (размер пляца не указан); 1 пляц «ясновельможного» пана Гребницкого с «двориком», на котором жил еврей Ицик; $\frac{1}{4}$ пляца «ее милости» панны Андреевой Корсаковой, на котором жил еврей Моцка; $\frac{1}{8}$ пляца и 7,5 локтей «его милости» пана Гласки; $\frac{3}{8}$ пляца «его милости» пана Глушанина; $\frac{7}{8}$ пляца и 5 локтей панны Улашонковой, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 4,5 локтя «учтливой» Лавашневичовой с «домиком»; $\frac{1}{8}$ пляца и 8,5 локтей «ясновельможного» пана Гласки, на котором жил Иерома «в дворку панском»; $\frac{1}{4}$ пляца «его милости» пана Вишневецкого, с «двориком»; 1,25 пляца и 8 локтей «его милости» пана Герейка, с «двориком».

На улице Пробойной, с левой стороны, располагались: $\frac{1}{4}$ пляца Лыски Мейоровича, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 9,5 локтя Юды Мейоровича, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца и 3 локтя Арона Гиришовича, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца Даенеля Янкевича, с домом; кляштор «их милости» «отцов доминиканов» (размер пляцев не указан); $\frac{3}{4}$ пляца Зелика Берговича, с домом; $\frac{1}{8}$ пляца и 6 локтей «его милости» Томаши Гласки, на котром жил еврей Мовиша Зелманович; $\frac{3}{4}$ пляца и 9 локтей «его милости» пана Кулешова, на котором жил Ёзеф Блейхаши; 1,25 пляца и 9 локтей пана Гласки, старосты, с «двориком»; $\frac{3}{4}$ пляца «его милости» панны Корсаковой, с «двориком»; $\frac{3}{4}$ пляца пана Гласки, на котором жили двое «господарей» – Ёшка, портной, и Теодор Павашневич, мясник; 1,5 «пустого» («не в использовании») пляца «славетной» панны Улашонковой.

На улице Пробойной, «на конце места»¹⁰, недалеко от бывшего паркана, по направлению от реки Двины, располагались: $\frac{1}{4}$ пляца «учтливового» Леоновича, с «домиком»; $\frac{1}{4}$ пляца и 5 локтей их милости «отцов богоявленских» огород; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца «её милости» панны Абрамовской; $\frac{3}{4}$ пляца и 7,5 локтей «славетного» пана Ларовского, с домом; $\frac{3}{4}$ пляца «славетного» пана Малаховича, полоцкого райцы, с домом; $\frac{1}{4}$ «учтливового» Яна Берчанина, с домом; $\frac{3}{8}$ пляца и 8,5 локтя «учтливового» Шолома, мясника, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца «учтливового» Рувиша Титили с «домиком»; $\frac{1}{4}$ пляца «учтливового» Лухова и его кузнеца, с домом; $\frac{1}{2}$ пляца в дисквизиции «ясновельможного» пана Максимовича; $\frac{1}{8}$ пляца «учтливового» Астапёнка, мясника, с домом; $\frac{1}{8}$ «пустого» пляца и 1,5 локтя «учтливового» Бексевича; $\frac{3}{8}$ пляца и 2,5 локтя «учтливового» Швеего, с домом; $\frac{1}{4}$ пляца «учтливового» Астапёнка, с «домком»; $\frac{1}{2}$ пляца «ясновельможного» пана Ракуцкого, с «двориком»; $\frac{1}{2}$ «пустого» пляца «его милости» пана Гизберта; 1,25 пляца «славетного» пана Мироновича, с гумном; $\frac{3}{8}$ пляца «славетного» пана Малаховича; $\frac{1}{4}$ «пустого» пляца «учтливой» Явашневичовой.

Пляцы за парканом, на которых имеется недвижимость, по направлению с посада («места»), начиная от моста, до Пшесмушек, с левой, незастроенной («голой»), стороны, были расположены: $\frac{5}{8}$ пляца «учтливового» Мелешки, портного, с домом; $\frac{5}{8}$ пляца «ясновельможного» пана Шыбеки, с «домиком»; $\frac{1}{2}$ пляца «учтливового» Бородавки, ткача, с домом.

Далее следуя указанному направлению, **возле кладбища («церковища») св. Покрова, на трех пляцах, жили 5 христиан, из них – два пивовара («броварника»), 2 плотника («тесляра»), один – дозорный; $\frac{1}{4}$ пляца и пол трети локтя занимал «дворик» «его милости» Шадзевского.**

В приведенных выше описаниях упоминается бывший городской паркан, который к моменту составления ревизии уже не обновлялся, как минимум, с 1721 г. [5, с. 105]. Местность Пшесмушки известная также под названием Прасмужки, являлась «сяльцом» с пахотными землями и сенажатами вокруг и располагалась на восток от Великого посада, за волотовками [5, с. 100]. Указанное направление «с посада» свидетельствует о продолжении улицы Великой, с левой стороны которой располагалось Покровское кладбище, возле которого в 1781 г. была возведена деревянная Покровская церковь [5, с. 83].

На этой же улице, которая вела от бывшего паркана до Пшесмушек, с правой стороны были расположены: 1 «давний» пляц «zborowu»¹¹, а теперь «их милости» «отцов иезуитов», на пляцу жили 7 «господарчих» христиан; $\frac{1}{4}$ пляца «ясновельможного» пана Буйницкого, на котором жили двое «господарей»: Михал Войцеховский и Бутрымович; $\frac{1}{4}$ пляца «учтливового» Фрояна Мацкевича, ткача, с «домиком»; $\frac{1}{4}$ пляца «в тыле того домика», на Двине, «учтливового» Иллинича огород; $\frac{5}{8}$ и 6 локтей «учтливового»

¹⁰ Упоминание отдельной (северной) части улицы Пробойной не случайно. В районе улицы Боровой улица Пробойная раздваивалась и основная ее часть смешалась к валу и выходила за пределы паркана через т.н. башню-фортку, именно по этой причине ревизор вынужден прибегнуть к отдельному описанию участков в данной части улицы.

¹¹ Очевидно, ранее пляц принадлежал кальвинскому сбору, а на момент составления ревизии – «отцам иезуитам».

Иллинича, с домом; $\frac{3}{4}$ пляца «учитивого» Пятника, кожевника («гарбаря»), с «домиком»; $\frac{1}{4}$ пляца «в тыле отцов богоявленских»; $\frac{1}{4}$ пляца «отцов базилианов», на котором жил еврей Мовша; 1 «пустой» пляц «учитивого» Лойхалы; $\frac{1}{2}$ пляца «учитивого» Козёнка, кожевника; 1,5 пляца их милости «отцов богоявленских», на котром жили 3 бобыля; $\frac{1}{4}$ пляца «его милости» пана Шадурского с «домиком»; $\frac{1}{2}$ пляца «ясновельможного» пана Верыги, с «домиком».

На Верхнем замке располагались пляцы (без указания размеров): 13 домов «господарей» юрдики при костеле св. Петра, вдоль вала, в домах проживало 26 человек, далее разбит сад и 3 дома вдоль сада их милости «отцов иезуитов», «месту не принадлежащих».

На Нижнем замке располагались: $\frac{1}{2}$ пляца и 7 локтей «ясновельможного» пана Оскерки «дворик»; $\frac{1}{2}$ пляца и 2 локтя «ясновельможного» пана Есмана «дворик», $\frac{3}{8}$ пляца и 8 локтей «ясновельможного» пана Гласки; $\frac{3}{8}$ пляца и 4 локтя «ясновельможного» пана Реута; $\frac{1}{2}$ пляца и 4 локтя «ясновельможного» пана Гребницкого, писаря; $\frac{1}{4}$ пляца их милости «отцов францисканов»; их милости «отцов доминиканов» (без указания размеров); $\frac{1}{4}$ пляца Дзякелевича.

Наличие на Нижнем замке всего лишь 8 усадеб подтверждает данные, полученные нами во время археологического изучения, о маргинализации данной территории города после 1579 г. и в рассматриваемый период.

За рекой Двиной, на левом берегу, напротив города, по направлению от реки Двины по улице Великой к Кобаку Боханьскому, с правой стороны располагались: костел с кляитором их милости «отцов бернардинов»; $\frac{7}{8}$ пляца «его милости» пана Сытянки, с домом, в котором и сам жил; $\frac{3}{8}$ пляца и 1,5 локтя «ясновельможного» пана Рагозы, на котором жили: Тошина Булакова и еврей Лейбович; $\frac{3}{8}$ пляца «в тыле» вышеуказанного дома Сытянки огород; $\frac{1}{8}$ пляца и 3 локтя «учитивого» Анисима Маркевича, слесаря, дом; $\frac{1}{8}$ пляца Сытянки «в тыле» вышеуказанного участка, подле огорода; $\frac{1}{8}$ пляца и 2 локтя «ясновельможного» пана Рагозы, на котором жил портной; $\frac{1}{4}$ пляца еврея Ярохима Маркевича; $\frac{1}{8}$ «пустого» пляца и 3 локтя «учитивого» Соболевского; $\frac{1}{8}$ пляца и 9 локтей «его милости» пана Рагозы; $\frac{1}{2}$ пляца и 6 локтей их милости «отцов борисоглебских», на котором жили: храмовый работник («сchrationeк») и кузнец; 1 целый пляц и часть в $\frac{1}{8}$ пляца «в тыле» указанных домов пана Сытянки паиша; $\frac{1}{4}$ пляца «ясновельможного» пана Лобковского «дворик».

На Кобаке Боханьском, по направлению «в гору», в 1765 г. зафиксировано в «оседлости» указанных ранее в ревизии от 2 августа 1540 г. 71 и $\frac{1}{4}$ пляцев. Эти пляцы согласно королевскому декрету 20 апреля 1622 года были переданы магистрату, что подтверждается в тексте ревизии 1765 г.¹² Ранее эти пляцы находились под юрисдикцией Боханьского, а после «благославленного» Исафата Кунцевича и Бернарда Хмельницкого, игумена Борисоглебского монастыря, в 1623 г. были переданы городу Полоцку. В 1746 г. Бельчицкие базилиане забрали под свою власть население более 80 мещанских дворов, находившихся в юрисдикции Борисоглебского монастыря.

За рекой Двиной, на бывшем Кривцовом посаде, который ранее назывался городским и принадлежал полоцкой ратуше, по направлению от улицы и далее до церкви Святого Николая и реке Двине, располагались: $\frac{5}{8}$ пляца «его милости» Игнатия Жука, на котором в восьми домах жили ремесленники-христиане; $\frac{3}{4}$ пляца «ясновельможного» пана Улановского, на котором было 3 дома и столько же жило «господарей»; $\frac{3}{8}$ пляца «его милости» пана Шезыта, на котором жил еврей; $\frac{3}{8}$ пляца «его милости» пана Жабы, на котором жил кожевник Давид; $\frac{1}{4}$ пляца «ясновельможного» пана Винцента Жука, на котором жила О니шка Молашова; $\frac{1}{4}$ пляца «ясновельможного» пана Жабы, на котором был дом Давида, кожевника; $\frac{1}{8}$ пляца «учитивого» Давида Помелонка; $\frac{3}{8}$ пляца и 3 локтя «ясновельможного» пана Бецкого, на котором жил Ян, кожевник; $\frac{1}{2}$ пляца Марка, кожевника; $\frac{3}{8}$ пляца «ясновельможного» пана Жабы, на котором проживали двое «господарей» кожевников; $\frac{3}{4}$ пляца «ясновельможного» пана Александра Буйницкого («дворик»); $\frac{1}{2}$ пляца их милости «отцов доминиканов», на котором жил Роман Янулейши; $\frac{1}{2}$ пляца «ясновельможного» пана Жабы, на котором жили двое «господарей» кожевников; $\frac{1}{2}$ пляца «ясновельможного» пана Жука, лесничего, на котором жил Яким, кожевник; 2 пляца «его милости» пана Добошинского, на котором было 5 домов с аналогичной численностью «господарей» кожевников; 3 пляца их милости «отцов францисканов» с 4 домами «господарей»; 7 пляцев «ясновельможного» пана Салистровского, на которых жило 7 «господарей»; 7 пляцев паиши «ясновельможного» пана Салистровского.

В данном тексте приводится единственное в ревизии упоминание названия одного из посадов — Кривцового, очевидно, что к середине XVIII в. названия посадов более не употреблялись. Впервые указано название улицы Великой, которая ныне не существует, но ее изображение имеется на картах первой трети XVIII в. (рис. 2).

¹² За исключением части «землепашцев», которые оставались под юрисдикцией Боханьского, ремесленники, сидевшие на землях Боханьского, должны были платить ему чинш [8, с. 20].

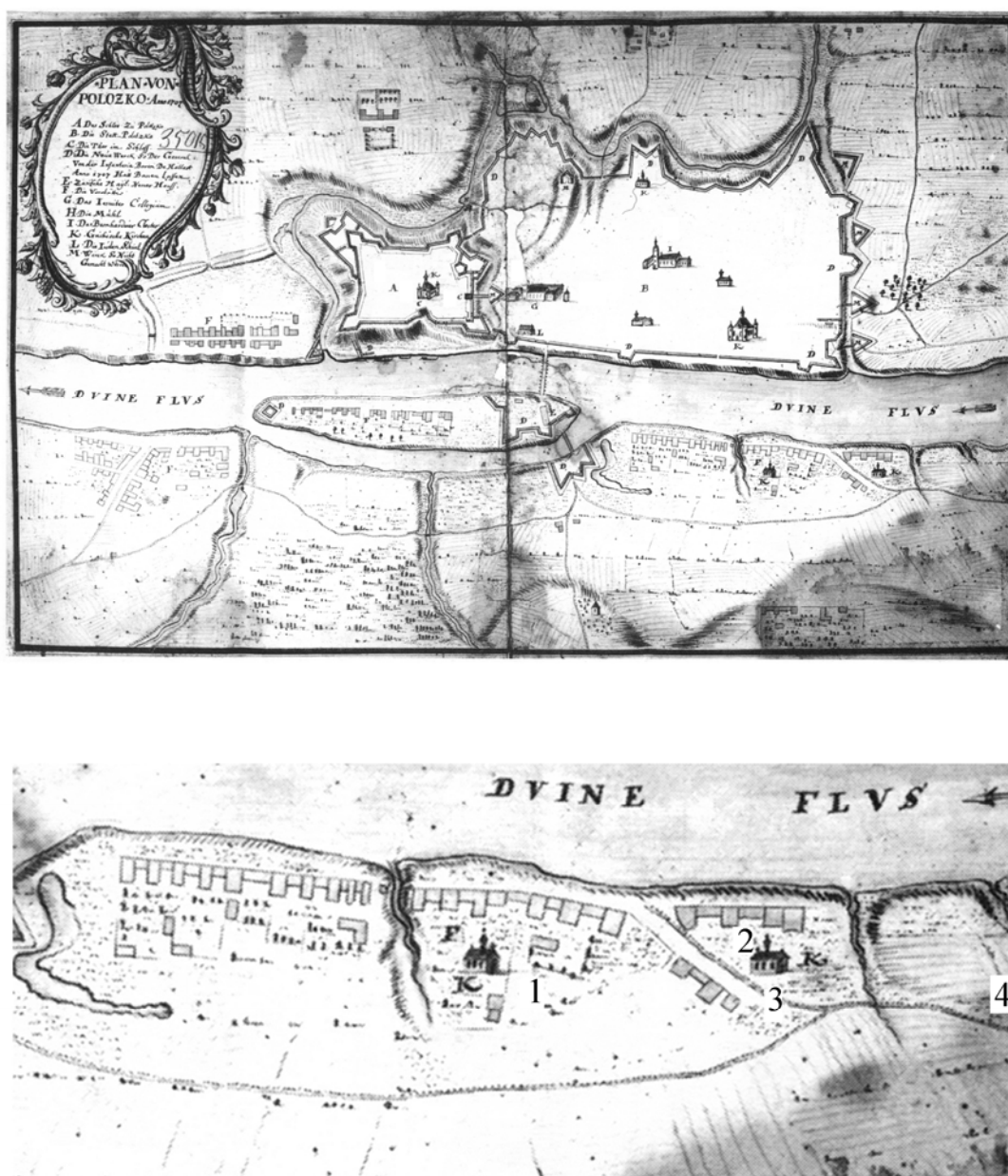

Рис. 2. План Полоцка 1720-х гг. [5, с. 26] (вверху) и копия части плана с обозначением топографических объектов, упомянутых в ревизии (внизу):

1 – церковь св. Николая; 2 – бернардинский кляштор; 3 – улица Великая; 4 – Бельчицкий Борисоглебский монастырь и местность «Кобак Боханьских»

На горе, со стороны церкви Святого Николая, располагались: 4 пляца «его милости» пана Жабы, на которых жили 8 «господарей»; 8 пляцев «ясновельможной» панны Реутовой Обозниной, на которых был один застроенный Тихановичский «дворик», остальные пляцы были пустые; 3 пляца «ясновельможного» пана Антония Реута, на которых находилась корчма и жили 7 «господарей»; $\frac{1}{4}$ пляца по направлению «с горы» «его милости» пана Томаша Реута, на котором проживали два «господаря»; $\frac{1}{4}$ пляца «ясновельможного» пана Антония Реута, на котором жили 2 «господаря»; $\frac{1}{4}$ пляца «его милости» пана Сумковского, на котором жил «господарь».

В тексте отмечено, что в ревизию не вошли многочисленные задвинские «грунты», на которых население не занималось ремесленной деятельностью. Аналогичная ситуация с достаточно большим числом землепашцев на задвинских посадах наблюдалась и в предыдущие два столетия.

Заключение. Ревизия дает представление о ремесленных специализациях в Полоцке. Так, в тексте указаны ряд ремесленных специальностей со следующей численностью людей: кожевники (16), сапож-

ники (12), портные (9), кузнецы (8), мясники (7), цирюльники (3), плотники (2), ткачи (2), пивовары (2), почтовые работники (2), кучеры (2), слесари (2). Также по одному представителю названы такие ремесленники, как оружейник, скорняк, переплетчик, храмовый работник и, возможно, ювелир. Реальное количество ремесленников было значительно большим, поскольку в тексте ревизии они, как правило, названы огулом «людьми господарчими» без детализации профессий.

Важными топографическими маркерами, упомянутыми в полоцкой ревизии, являются следующие. На улице Великой (сегодня – Нижне-Покровская) была расположена еврейская школа. От места ее расположения начинается заулочек Пробойный, который тянулся до улицы Вознесенской (в наши дни улица Вознесенская не существует). На улице Вознесенской расположены церковное кладбище. Улица Рождественская начиналась от улицы Великой (сегодня улице Рождественской соответствует улица Стрелецкая). От нее брала начало улица Ильинская (сегодня – южная улица проспекта Франциска Скорины), которая тянулась к рынку (сегодня – площадь Свободы). С правой стороны она была застроена зданием иезуитского коллегиума, тут же был разбит сад до улицы Вознесенской (ранее эта территория была заселена мещанами). С левой стороны данной улицы располагался коллегиум иезуитов с Фарным костелом и рынок, с расположенными на нем кромами (складами). Неоднократно упомянутые в источниках XVII в. улицы Батечковская (сегодня – северная улица проспекта Франциска Скорины), Спасская (Замковый проезд), Боровая (сегодня не существует) указаны и в ревизии 1765 г. На улице Спасской с левой стороны был расположен кляштор доминиканов с костелом. Улица Боровая тянулось по направлению к Плигавкам. Улицы Азаровская (сегодня – Коммунистическая), Степановская (сегодня не существует), Невельская (сегодня – Войкова) и Собачья (локализована впервые, сегодня соответствует трассе улицы Франциска Скорины) начинались, дословно согласуясь с текстом ревизии, не от улицы Пробойной. Последняя локализована от реки Двины до реки Полоты и, вероятно, севернее улицы Боровой, которая берет начало от улицы Пробойной, отклоняясь на восток на место современной улицы Евфросинии Полоцкой и т.н. Красного моста через Полоту. Улицы Вознесенская, Боровая и Степановская были ликвидированы в связи с укрупнением кварталов после присоединения Полоцка к Российской Империи.

Средний размер пляца был величиной постоянной, что отражено в материалах ревизии задвинской местности, т.н. Кобака Боханьского, – в 1765 г. зафиксированы в «оседлости» все указанные во время ревизии 2 августа 1540 г. 71 и $\frac{1}{4}$ пляца.

Упоминание на улице Ильинской кирпичного корпуса коллегиума и местности, где располагался сад, позволяет определить средний размер пляца исходя из общей конфигурации зданий, сохранившихся к настоящему времени, и площади территории с южной стороны коллегиума до трассы бывшей улицы Вознесенской [10, схема 4]. Так, среднее расстояние между двумя улицами в Полоцке на территории Великого посада варьировалось от 35 до 40 м, в среднем составляла 35 м. Один ряд участков, который не выходил к соседней улице, имел ширину, равную половине этого расстояния, т.е. около 15 – 20 м (среднее значение – 17,5 м). Указанные в ревизии 6,5 пляцев располагались от улицы Рождественской до придела фарного костела иезуитов (расстояние 200 м) и тянулись до самой улицы Вознесенской, т.е. на ширину около 35 м. Таким образом, общая площадь 6,5 пляцев была равной 7000 кв.м (35 x 200), а одного пляца – около 1077 кв.м. (7000 / 6,5).

Произведем аналогичные расчеты по указанным земельным наделам с северной стороны улицы Батечковской. Так, общее расстояние от рынка до бывшего парка составляет около 370 м, ширина участка в среднем 17,5 м, суммарное количество, указанное в ревизии – 4,75 пляца¹³ или 6475 кв.м (370 x 17,5), от этой площади следует отнять 605 кв.м локтей (0,64 x 54 x 17,5). В итоге один пляц составляет площадь 1236 кв.м (5870 / 4,75).

Таким образом, площадь пляца можно определить в диапазоне от 1077 до 1236 кв.м., величина его площади была постоянной на протяжении по крайней мере XVI – XVIII вв.¹⁴, таким образом, размер земельного участка кратный $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ пляца составлял соответственно 125 – 150, 250 – 300, 500 – 600 кв.м. Это полностью совпадает с имеющимися археологическими данными по размеру одной городской усадьбы на ул. Великой (около 300 кв.м) и на Верхнем замке (100 – 160 кв.м) [5, с. 100]. Высказанные нами ранее предположения о площади отдельных земельных участков в Полоцке следует считать ошибочными (за основу принималась площадь участка, отождествляемая с площадью пляца) [5, с. 92].

Упомянут в тексте ревизии 1765 г. и бывший паркан, а также церкви Покровской церкви за парканом, ровно как и мост через ров бывшего парка по трассе, вероятно, улицы Великой. Упомянуты иезуитские юриды в «месте» св. Креста и на Верхнем замке. Довольно подробное описание дворов на территории бывшего Кривцового посада и направление улиц коррелируется с картографическими источ-

¹³ Некоторые указанные в тексте участки доходили до улицы Спасской, поэтому указанная доля этих пляцев во время подсчетов была уменьшена вдвое.

¹⁴ Аналогично можно предполагать и для более раннего периода.

никами первой четверти XVIII в. Впервые приведено название улицы Великой на территории бывшей Старой Слободы (от перевоза к Кобаку Боханьскому и Бельчицкому Борисоглебскому монастырю).

Тем не менее, материалы ревизии нельзя считать полными, поскольку не отражена численность плывцов на территории за Полотой, на бывшем Заполотском посаде. Трудно представить, что данная территория, насчитывающая по наличию культурного слоя с городским характером находок XVIII в. около 17 га, в 1765 г. была не заселена. Также в тексте ревизии не упоминается крупнейшая юридика иезуитов – Экимань.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анішчанка, Я. Локаць / Я. Анішчанка // Вялікае княства Літоўскае : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал. : Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. З.Э. Герасімовіч. – Мінск : БелЭн, 2006. – Т. 2 : Кадэцкі корпус – Яцкевіч. – С. 217 – 218.
2. Варонін, В. Новая літаратура: агляды і рэцэнзіі: «Тарасаў, Сяргей В. Полацк IX – XVII ст.: Гісторыя і тапаграфія» / В. Варонін. – Мінск : Бел. навука, 1998. – 183 с. : іл. // Бел. гіст. агляд. Т. 7. Сш. – 1 (12). 2000. – С. 246 – 254.
3. Варонін, В.А. Праваслаўныя цэрквы і манастыры горада Полацка (да 1582 года) / В.А. Варонін // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. Вып. 2. – Минск : РИВШ, 2009. – С. 152 – 174.
4. Витебский областной краеведческий музей, коллекция рукописей 7312/9, листы 1–11.
5. Дук, Д.У. Полацк і палачане (IX – XVIII стст.) / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с., [22] арк. іл.
6. Дук, Д.У. Размяшчэнне вечавай плошчы ў Полацку (па выніках археалагічных раскопак у 2011 г.) / Д.У. Дук // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 25. Вынікі даследавання першабытных і сярэднявечных старажытнасцей Беларусі ў 2011 – 2012 гадах. – Мінск, 2014. – С. 203 – 212.
7. Коледінскі, Л.В. Віталітывная культура Віцебска в канцы XIII – сярэдзіне XV в. (па матэрыялах раскопак Верхняга замка) / Л.В. Коледінскі // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэр. міжнар. навук. канф., Полацк, 22 – 23 мая 2012 г. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Полацкі дзярж. ун-т ; рэдкал. : А.А. Каваленя [і інш.] ; навук. рэд., уклад. В.М. Ляўко. – Мінск : Бел. навука, 2012. – С. 437 – 455.
8. Макараў, М.Дз. Месцкія ўлады Полацка (1580 – 1772 гг.): арганізацыя, персанальны склад / М.Дз. Макараў. – Смаленск : Інбелкульт, 2014. – 198 с.
9. Мацук, А.У. Полацкае ваяводства ў XVIII ст.: ваявода, шляхецкая эліта, соймакі / А.У. Мацук. – Мінск : Бел. навука, 2014. – 233 с. : іл.
10. Соловьёв, А.А. Полоцкий иезуитский коллегиум в ретроспективе (1581–1914) : архитектурно-археологический очерк / А.А. Соловьёв. – Полоцк : Полоцк. кн. изд-во, 2012. – 97 с. : ил., XII с. цв. ил.
11. Rohdewald, S. Vom Polocker Venedig. Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost-und Mitteleuropa (Mittelalter, frühe Neuzeit, 19. Jh. Bis 1914) / S. Rohdewald. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2005. – 585 p.

Поступила 20.02.2015

URBAN SPACE AND SOCIAL TOPOGRAPHY OF POLOTSK ACCORDING TO THE EXPLORATION DATA OF 1765

D. DUK

In the article there is a text of exploration of Polotsk of 1765, the original of which is stored in Vitebsk regional local history museum. The exploration gives an idea of sizes of urban areas, their owners (cloisters, feudal lords, petty bourgeois and Jews), the disposition of these areas, directions and arrangement of streets on the territory of former urban suburbs (Velikij and Krivtsovij), and also on both Polotsk castles (Verhnij and Nizhnij). In the text there is a translation into Russian of all the text of the exploration, which is composed in traditions of that time in Polish. The author's comments are given, which concern the disposition of mentioned in the exploration of topographic objects (streets, separate courts, localities) on the modern map of Polotsk and on the maps of XVIIIth century. The data is given about the quantity of trade professions, mentioned in the exploration, about the quantity of courts. Polotsk exploration of 1765 is the only preserved till nowadays maximum full description of building of Polotsk of XVIIIth century included in Rech Pospolitaya.

УДК 272 (476)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОМ БОГОСЛУЖЕНИИ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (вт. пол. XIX в.):
АНАЛИЗ ПОЛЬСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

*канд. ист. наук, доц. А.И. ГАНЧАР
(Гродненский государственный аграрный университет)*

Изложен анализ польской и белорусской историографии по проблеме введения и использования русского языка в римско-католическом богослужении на территории Беларуси во вт. пол. XIX в. Современные польские и белорусские авторы более склонны к критической оценке происходивших событий, чем их предшественники. Общим для польских и белорусских исследователей является стремление анализировать происходившие события на микроуровне – римско-католический приход. В то же время надо отметить и наличие разнонаправленных тенденций: учет мнений каждого из участников событий и оправдание действий лишь одной стороны – представителей правительственной точки зрения (посредством подбора определенных документов, публицистических статей того периода, а порой и простым отрицанием всех обвинений в отношении некоторых активных участников тех процессов как клеветнических).

Введение. Замена языка в богослужении, как и введение дополнительного языка, всегда будет являться проблемой, чреватой крайними последствиями: с одной стороны для самой религиозной организации – вплоть до раскола, как следствие неприятия нововведения в освещенные веками канонические нормы; с другой стороны – для паствы (во многом по тем же причинам). Проблема также будет усугублена интересами государства: ведь каждое государство стремится к тому, чтобы религиозные тексты, речи звучали на государственном языке. Очевидным становится тот факт, что введение или замена языка богослужения должна проводиться очень осторожно, взвешенно, постепенно. Еще в феврале 2004 г. вопрос по организации богослужений и переводу обучения на государственные языки был предметом обсуждения на итоговой коллегии Комитета по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь [1, с. 3]. «Богослужение в Беларуси должно совершаться на родном языке, а для этого необходимы соответствующие переводы религиозной литературы на белорусский язык, – такое мнение высказал 21 августа 2013 г. на открытии XV Международного съезда славистов митрополит Минско-Могилевский архиепископ Тадеуш Кондрусевич. – Работа в данном направлении осложняется и тем, что религиозная терминология еще недостаточно полно разработана в белорусском языке» [2]. Актуальным видится как рассмотрение аналогичных процессов, уже имевших место на территории Беларуси, так и характера интерпретации происходивших событий.

Основная часть. Первую попытку всестороннего рассмотрения проблемы введения русского языка в римско-католическое богослужение на территории Беларуси во вт. пол. XIX в. в польской историографии, пожалуй, стоит отнести к вышедшей в 1893 г. брошюре профессора Краковского университета ксендза Кнапинского, который с различных точек зрения (канонической, исторической, культурной, философской, этической) рассматривал эту проблему [3]. «Очень уж тонкое различие между каноническим и дополнительным богослужением. Уж одно то, что такое различие учинил остроумный православный министр, заставляет заподозрить в этом подвох к нашему вреду. Всякое богослужение, отправляющееся в костеле, есть костельное. Разница может быть лишь между тем, которое ксендз совершает от имени костела сам, причем верующие принимают в нем участие, присоединяясь к намерениям ксендза, и тем, хотя и публичным, где ксендз только направляет и предводительствует, дабы оно совершалось согласно с духом костела. К первой категории относятся: литургия, канонические часы, установленные костелом особыми уставами. Ко второй категории – такие службы, как майские богослужения (Пресвятой Марии Деве), июньские (Сердцу Иисусову) и другие, проистекающие из особой набожности верных. Богослужения первой категории, совершаемые от имени костела, должны совершаться везде на основании неизменяемых уставов на костельном языке – посему на латинском. Богослужения второй категории – могут быть совершаемы на родном языке молящихся лишь при условии разрешения главой римско-католического костела» [4, с. 477 – 478]. Брошюра Кнапинского, размещенная в апологическом труде генерала А.В. Жиркевича, приобретает особую ценность еще и тем, что на ее полях сделаны собственные пометки Ф.Е. Сенчиковским – самым активным деятелем по продвижению русского языка в римско-католическое богослужение, выразившего таким образом свое несогласие с приведенными доводами, что дает исследователям лучше понять психологию, мотивацию поступков самого Ф.Е. Сенчиковского [4, с. 465 – 504].

Представители римско-католического духовенства, занимающиеся исследованием истории Римско-католической Церкви на территории Беларуси, предпочитают пользоваться термином «так называе-

мое дополнительное богослужение», поскольку дополнительного богослужения нет – оно все основное, единое, целое. Выделение же «дополнительное богослужение» было осуществлено представителями правительства Российской империи с целью уловки, рассредоточения внимания паствы: раз дополнительное, то можно и не утруждаться вопросами одобрения Римским Папой этого нововведения. Со своей стороны польские авторы старались предложить свое понимание данного термина. Ксендз Р. Юрковский под понятием «дополнительное» богослужение указал, что следует понимать т.н. Пиотровский ритуал (*rituał piotrowski*), утвержденный Римским двором в 1631 г., или все то, что не входит в латинский текст святой службы, совершение сокраменталий и костельных служб (бенедикции): проповедь, костельные песни, ответы при крещении, венчании, молитвы за правителя и т.д. [5, s. 225].

Труды авторов, написанные на польском языке (Э. Павлович, А. Важунский, С. Кжеменский, А. Ельский, Л. Василевский, Е. Бородич, Е. Жискар, Е. Телко-Гринцевич, З. Нагродский, Ф. Шнарбаховский, В. Урбан, Б. Кумор, М. Банашак, М. Раковский), отличаются крайней негативной оценкой мероприятий правительства по введению русского языка. В анонимном издании 1881 г. «*Polska i Rossja wobec ostatnich wypadków*» и вовсе все неудачи Российской империи, в т.ч. и смерть Александра II, сводились к справедливой Божьей каре за действия против католической веры [6]. Эти труды, примечательные проработкой вопроса непосредственного введения языка в богослужение, показывали негативное отношение к проблеме самого населения, а также больше внимания уделяли ксендзам, не принявшим русскоязычный требник [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12]. В этой связи представляет интерес труд А. Важинского, бывшего во времена управляющего Виленской епархией П. Жилинского в числе его капитула, для которого католик, любящий свой костел, и поляк, любящий свое Отечество, – это одно и то же; автор дает довольно язвительную характеристику губернаторов и «обрусевших» ксендзов, мало внимания уделяя их практическим делам [13, s. 107].

В. Урбан, Б. Кумор в введении правительством русского языка в римско-католическое богослужение видели попытку ликвидации римско-католической религии [14, s. 377]. Р. Юрковский, Р. Гирень, Т. Крахель – намерение правительства русифицировать католиков, обратить их в православие [4, s. 226; 15, s. 26; 16, s. 17; 17, s. 75]. М. Банашак (в книге для студентов католической академии) полагает, что введение русского языка в богослужение было целью русификации богослужения и религиозной науки [18, s. 309]. Л. Яскевич полагал, что трудность процесса «располячивания» костела заключалась в противодействии польского и «ополяченного» беларуского римско-католического духовенства [19, s. 153]. Автор очертил хронологически период, кампанию введения русского языка в римско-католическое богослужение – 1869 – 1875 гг., назвав ее безуспешной политикой русификации костела [19, s. 155]. Р. Дзвонковский уверен, что правительство введением русского языка в римско-католическое богослужение преследовало не только религиозную цель, но и политическую: оторвать поляков от костела, лишить их последнего «бастиона польскости», что непременно бы привело, по мнению властей, к православию и русификации [20, s. 60; 21, s. 21]. Труд Р. Дзвонковского выделяется из ряда других трудов тем, что автор уделит внимание теоретическим вопросам единения всех христиан – как простых верующих, так и духовенства, призвав римско-католическое духовенство не заострять внимание на «польскости», быть открытым к другим нациям, ветвям христианства, в т.ч. и православию – ведь Бог один [20, s. 124 – 128]. М. Радван считал политику по введению русского языка ассимиляцией [10, s. 215]. С. Кжеменский полагал, что с издания 8 ноября 1865 г. русскоязычного катехизиса Д. Стацевича началось осуществление самого большого желания правительства – уничтожение католицизма (издание вышло анонимно) [7, s. 208]. В воспоминаниях ксендза Е. Бородича введение русского языка в римско-католическое богослужение рассматривалось как проявление духовной борьбы между Востоком и Западом, западной и византийской культурой, автор углубился в теорию, философию этого вопроса [22, s. 249].

Е. Жискар утверждал, что введение русского языка предпринялось с целью распространения православия на католиков [23, s. 124]. Вторит ему Ю. Туронак, считающий, что процесс «располячивания» костела был предпринят инициаторами с целью возвращения белорусских католиков не только к русской народности, но и к православию [24, s. 84]. Ксендз А. Буду причину ввода русского языка в римско-католическое богослужение видел в желании правительства посеять вражду между поляками, по преимуществу своему римско-католиками, и Римской курией [25]. Е. Телко-Гринцевич видел в введении русского языка в римско-католическое богослужение «оружие» гражданских властей против Костела, с помощью которого население само бы стало покидать те храмы, где звучала русская речь из уст ксендзов – преследуя таким образом русификаторскую цель [26, s. 62]. Общественный деятель З. Нагродский в работе, посвященной деятельности римско-католического духовенства в 60 – 80 гг. XIX в., считал, что перевод костельного богослужения на русский язык был всего лишь одним из этапов (наравне с присоединением к православию бывших униатов, которые на конец 30-х – начала 40-х годов XIX в. стали католиками, введение в состав консисторий правительственных комиссаров и т.д.) плана по русификации костела [27, s. 26 – 27]. Но, как отметил современный белорусский исследователь А.Ф. Смоленчук, архивные документы не подтверждают существования подобного плана [28, s. 61].

Схожие и отличные тенденции в характеристике правительственной политики в отношении введения русского языка в римско-католическое богослужение наблюдаются в белорусской историографии. П.В. Терешкович полагает, что введение русского языка в римско-католическое богослужение было политикой по разъединению католицизма от полонизма [29, с. 657; 30, с. 356]. В.В. Григорьева (В.В. Яновская) считает, что план «располячивания костела», составной частью которого являлось введение русского языка в римско-католическое богослужение, был разработан с целью ослабления влияния римско-католических священнослужителей на белорусский народ, а что до самих белорусов, то В.В. Григорьева согласилась с мнением ксендза Адама Станкевича: «Для народа было все равно, так как и польский и русский язык был для него чужой, но к польскому он уже был более привыкшим, к тому же все притесненное, как всегда бывает, много имеет в себе моральной силы и красоты» [31, с. 57; 32, с. 71 – 93, 110 – 124; 33, с. 294]. Продолжением научных изысканий автора служит ее монография, изданная в 2002 г. [34], в которой автор дала краткий историографический обзор данной проблемы, а также многочисленные статьи [35; 33; 36, с. 63 – 67]. В.В. Яновская проблему «располячивания» костела считает концентрацией всей политики царского правительства в отношении костела и к польскому вопросу в Беларуси в целом, а механизм введения русского языка в костелы охарактеризовала как насильственный [36, с. 66; 34, с. 9].

В.Н. Линкевич считал, что с целью ослабления «польского» костела был разработан план его «располячивания», неоднозначное восприятие которого не только представителями римско-католического духовенства, но и православной церкви, а также правительства, привела к неосуществлению этой идеи [37, с. 28]. Ю.А. Бачища рассматривает «располячивание» Костела как одно из действенных средств, направленных на ограничение и полную ликвидацию сепаратизма костела в Беларуси, итогом которого стало формирование в начале XX ст. белорусского католического духовенства, которое противодействовало общей полонизации белорусского края [38, с. 4].

Анализу политики правительства Российской империи, местных властей посвящена целая серия изданий. Современный польский исследователь Л. Яскевич, изучив отчеты губернаторов Северо-Западного края, показал положительное отношение губернаторов (Д. Батюшков, Н. Урусов, Н.М. Клингенберг, Троцкий, П.Д. Святополк-Мирский, П. Курлов) к введению русского языка в римско-католическое богослужение, способствовавшего «обрусению края» [19, с. 147 – 153]. Рассматривали дискуссию по вопросу языка богослужения и белорусские ученые – В.В. Яновская, А.Ф. Смоленчук [34, с. 133; 28, с. 64 – 66].

Польские авторы в большинстве своем восхваляли тех ксендзов, кто выступал в защиту польского языка, не анализируя характер их поступков (им было достаточно самого факта непринятия русского языка), а также негативно относились к «ритуалистам». К примеру, С. Кжеменский, Т. Остая, Л. Чарковский, Р. Дзвонковский характеризуют С. Петровича (только за факт сожжения русскоязычного требника) как отважнейшего из ксендзов, патриота, прихода которого все ждали [7, с. 217; 39, с. 49 – 50; 40; 20, с. 62]. С. Кжеменский положительно характеризовал ксендзов, высланных из Минской губернии за сопротивление введению русского языка [7, с. 217, 234 – 235], а Ф. Сенчиковского, Я. Юргевича (визитаторов костелов Минской губернии, активно выступавших за русский язык) и других «ритуалистов» – предателями, врагами Римско-католической Церкви [7, с. 219]. Вторил ему Я. Пжибышевский (он же В. Войдак, бывший ксендз из г. Минска, бежавший в Галицию из-за репрессий), Ю. Жискар, З. Нагродский, Ф. Шнарбаховский, Б. Кумор [41, с. 46; 23, с. 126; 27, с. 82; 9, с. 92; 42, с. 377 – 378], а современный польский исследователь М. Радван и вовсе указал, что обязанностью визитаторов костелов Минской губернии Ф. Сенчиковского и Я. Юргевича была русификация белорусского душепастврства [10, с. 219].

Историк, этнограф, краевед, переводчик А. Ельский, видевший во введении русского языка в римско-католическое богослужение отступление не только от костельных канонических правил, но и от «краевой» традиции, П. Жилинского, Ф. Сенчиковского и прочих «ритуалистов» характеризовал как вероотступников, превозносил дух неотступивших ксендзов [43, с. 17 – 18, 20, 23]. Солидарен с А. Ельским и Ю. Жискар, воспользовавшийся его трудом: порой просто переписав отдельные страницы, особенно что касается ксендзов, не принявших русский язык [43, с. 136]. Ю. Жискар деятельность П. Жилинского и других «отступников» характеризовал как направленную против католичества, преданность идее русского языка в богослужении Ф. Сенчиковского называл фанатической, а поступки его объяснял лишь одной только практической выгодой [23, с. 129 – 133]. В действиях С. Петровича видел проявление угрызений совести, не позволившей ему дальше идти вместе с «отступниками» (так автор называл ксендзов, принявших русский язык) [23, с. 129 – 130].

Стоит отметить, что одобрению действий Ф. Сенчиковского посвящена целая серия работ российских исследователей, особенно дореволюционного периода. Но подобную оценку роли Ф. Сенчиковского, по-видимому, из-за недостатка фактологического материала, дал и современный белорусский исследователь В.Н. Линкевич. В кандидатской диссертации автор отмечает, что «среди отдельных представителей религии все же появлялось осознание недопустимости межконфессиональных раздоров, и предпринимались попытки налаживания диалога между ними и сближения: в 70 – 80-е годы XIX в. эту идею

пытался реализовать католический иерарх Ф. Сенчиковский» [44, с. 14]. Совершенно противоположная оценка А.Ф. Смоленчука, указавшего целью деятельности Ф. Сенчиковского слияние римско-католиков с Православной Церковью [28, с. 72; 45, с. 57].

В анонимном польском сборнике статей дореволюционного периода описывались различные вопросы: о проблемах перевода римско-католических богослужебных книг на русский язык, негативном отношении к этому процессу рядового духовенства и населения Беларуси, об отношении Виленских римско-католических епископов К. Гриневецкого (1883 – 1895 гг.) А. Авдевича (1890 – 1895 гг.), С. Зверовича (1897 – 1902 гг.) к языку богослужения, отмечая их упорство в отстаивании польского языка как отстаивания римско-канонических традиций в Беларуси [8, с. 20, 22, 24]. Подобная мысль отражена в труде кандидата теологии ксендза К. Прополаниса, утверждавшего, что упадок «польскости» начался с П. Жилинского, но искать причину этого только в его личности есть то же самое, что доказывать, что М. Лютер – единственная причина Реформации XVI в. Причину же следует искать в религиозном, политическом и экономическом положении Европы и Литвы [46, с. 119]. Влияние международного фактора, Римской курии в использовании русского языка в римско-католическом богослужении на территории Беларуси затрагивалось в монографических работах Л. Василевского, Ф. Шнарбаховского, Р. Дзвонковского, Э. Винтера [47; 9, с. 91 – 92; 20, с. 63].

Для епископа П. Кубицкого Костел и Отечество тождественны: поляка, ставшего на защиту восстания 1863 г., «светского рыцаря» П. Кубицкий ставит в один ряд с ксендзом, однозначно считая всех ксендзов поляками, воспитателями польских патриотов, не спавших после поражения восстания, а всяческими мерами старавшихся добыть свободу краю [46, с. 6]. В труде содержатся сведения о первых ксендзах, принявших распоряжение правительства относительно русского языка в римско-католическом богослужении [46, с. 355 – 356]. Как своеобразный ответ на труд П. Кубицкого вышла в 1935 г. книга З. Нагродского [27]. З. Нагродский критиковал П. Кубицкого за то, что им были отобраны материалы только о «сопротивляющихся» ксендзах, которые боролись за «польское дело». З. Нагродский отметил, что из 616 ксендзов Виленской губернии 115 приняли русский язык в богослужении [27, с. 69]. Автор критиковал также ксендза Я. Пжибышевского (магистра теологии) за книгу «*Język rosyjski w katolickim rytuale i w nabożeństwie dodatkowem*». «Если Пжибышевский пишет о Жилинском, Тупальском, Немекше, как об отступниках от польского дела, то почему не упоминает, что и они все во время восстания 1863 г. пели польские патриотические гимны – не все так просто», – заключал З. Нагродский [27, с. 19]. З. Нагродский согласен, что были ксендзы, боровшие за Отечество, но и предателей было очень много: «Один только Ф. Сенчиковский, тройной декан и визитатор костелов Минской губернии, собрал 32 верноподданических адреса от администраторов приходов губернии, а в целом по Виленской епархии таких адресов было собрано 147» [27, с. 49 – 50]. Лишь Тельшевская епархия (Ковенская губерния), по мнению автора, заслуживала уважение, так как ее священнослужители под управлением епископа М. Волончевского не предавали Отечество [27, с. 55]. Автор выразил свое несогласие с П. Кубицким, который привел численность по Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губернии в 61 % тех, кто поднялся за поддержку введения русского языка в римско-католическое богослужение, назвав при этом цифру в 99% [27, с. 98]. Впрочем, оспаривание данных официальной статистики можно видеть и ранее в труде В. Смочинского, осуществившего еще в 1889 г. перевод с французского книги И. Мартинова, добавив собственный материал [47, с. 55]. З. Нагродский склонился к мнению, что больше правды в труде А.В. Жиркевича, чем в книге П. Кубицкого, которого критиковал за явное покровительство высшего римско-католического духовенства [27, с. 98].

Профессор ксендз Б. Кумор считал, что удаление Минского римско-католического епископа А. Войткевича от управления епархией и подчинение ее Виленскому управляющему П. Жилинскому было мерой по продвижению русского языка в костелы Минской губернии, поскольку А. Войткевич был противником данной политики; костел считал последним бастионом «польскости»; ректора католической духовной академии в Санкт-Петербурге Д. Стацевича, поддерживавшего введение русского языка, автор называл русофилом [42, с. 375 – 378]. Е. Валевадер отметил значительное давление правительства на управляющих римско-католическими епархиями с целью продвижения русского языка в костелы [50, с. 22]. Белорусский исследователь Л. Лыч видел в использовании польского языка в костелах Беларуси проявление польской традиции в костеле. Автор утверждал, что правительство специально задумало основными проводниками русского языка в костелах сделать самих ксендзов (где уговорами, а где силой), дабы они потеряли влияние на население [51, с. 102].

Авторы, описывая процесс введения русского языка в римско-католическое богослужение, не могли не затронуть отношения самого населения к нововведению. Еще П. Бобровский, описывая реальное положение дел в Гродненской губернии, указывал на то, что католики-крестьяне Гродненской губернии разговаривали между собой на «белорусском наречии», а остальные, которые были побогаче, лишь с ними по-белорусски, а между собой употребляли польский язык [52, с. 623]. Современный белорусский ученый Т. Крutchковский подметил, что даже чиновников наказывали штрафом за употребление польского

языка в костелах [53, с. 62]. Польские авторы, характеризовавшие отношение самого населения к нововведению, указывали на заступничество верующих за Костел, выступление против русского языка [21, с. 21]. К. Прополанис поднял проблему «литовских» и «польских» католиков, отношения к ним высшего руководства костела [46, s. 120]. Ксендз Ф. Рогала-Завадский, отрицательно относившийся к мероприятию правительства, отобразил негативное отношение паствы Витебской губернии к введению русского языка, несмотря на то, что некоторые ксендзы были сторонниками замены польского языка русским [54, s. 49]. В воспоминаниях польского публициста и ученого М. Ваньковича содержится материал об избегании населением Минской губернии встреч с «русскоязычными» ксендзами [55, s. 75]. М. Шопа отметил, что католики сами стали обучать своих детей молитвам, когда слышали богослужение на русском языке [56, s. 6]. Только благодаря, по мнению Р. Арчutowского, активному сопротивлению простого народа и лишь некоторым усилиям со стороны духовенства, почерпнувшего у последнего патриотизм, удалось отстоять польский язык в костелах Беларуси [57, s. 258]. Л. Чарковский описал в своих мемуарах негативное отношение населения к Э. Тупальскому и П. Жилинскому [40, s. 123 – 124]. Ю. Жискар несогласие населения на введение русского языка объяснял устоявшейся традицией, которая находилась в крови народа и которую не так просто было преодолеть даже самому человеку, не говоря уже о внешней силе – правительству Российской империи; описал тяжелое положение римско-католиков Минской губернии, оставшихся без духовного окормления [23, s. 127 – 129]. Е. Клочовский, Мулерова, Е. Скарбек указали, что некоторые ксендзы были за русский язык, но верующие выступили против – фактов не привели [58, s. 236]. Этот пробел несколько восполнил А.Ф. Смоленчук [28, с. 70].

Рассматривая проблему использования в римско-католическом богослужении польского и русского языка, авторы непременно приходили к еще одной – использованию белорусского языка, в терминологии того периода – «местного наречия». Даже среди дореволюционных российских авторов, воспринимавших белорусский язык как местный вариант русского языка, все же отмечались попытки введения наравне с русским и белорусского языка как допустимого в переходе от польского к русскому [59, с. 26]. Л. Василевский показал неудачную попытку введения белорусского языка в римско-католическое богослужение в 1897 г., а Р. Радик привел даже факты более раннего употребления белорусского языка в костелах [47, s. 289; 60, s. 166]. Ю. Жискар, М. Косман видели причину согласия правительства на белорусский язык в римско-католическом богослужении в конце XIX в. в желании гражданской власти подменить его затем на русский язык [23, s. 126; 62, s. 250]. Созвучно этому мнению белорусских ученых И.В. Чавкина и П.В. Терешковича: в борьбе с «полонизмом» царской администрации в известной степени было выгодно, чтобы белорусы, особенно католики, осознали себя «не поляками». Поэтому проводя политику разобщения католицизма и полонизма, чиновники допускали использование белорусского языка в католических литургиях, а в школьные учебники вводились сведения о Беларуси, белорусах [60, с. 49]. П.В. Терешкович полагал, что белорусы-католики были менее подвластны русификационным влияниям, чем белорусы-православные, а значит, этноконфессиональная политика правительства в указанный период содействовала пробуждению белорусского сознания среди католического населения и поэтому объективно, как это не парадоксально, содействовала целостности и консолидации белорусского этноса [29, с. 658]. Р. Юрковский, рассматривая проблему введения белорусского языка в римско-католическое богослужение, отметил, что белорусский народ сам был пассивен в этом стремлении [4, s. 228]. Ю. Горбанюк, О. Горбанюк, Е. Гебень, изучив современное отношение к языку в литургии населения Беларуси, проведя соответствующее социологическое исследование, отметили, что даже в наше время римско-католическое население Беларуси далеко неоднозначно относится к замене польского языка другим – белорусским или русским [62; 63; 64; 65; 66]. Я. Тротяк прямо утверждал, что белорусский язык выжил благодаря костелу, передавая белорусское слово из храма в храм [67, с. 66]. В. Григорьева увязывала с начатым процессом «располячивания» костела зарождение и распространение в среде римско-католического духовенства идей белорусского национального возрождения [33, с. 293]. А.Ф. Смоленчук, исследуя вопрос о роли Костела в белорусском национальном движении во вт. пол. XIX – нач. XX в., отметил, что в нач. XX в. Костел стоял за белорусский язык; рассматривал использование т.н. «белорусской карты» во введении русского языка [45; 68, с. 112].

Закключение. Освещение польской и белорусской историографии по вопросу использования русского языка в римско-католическом богослужении на территории Беларуси в указанный период показывает, что наблюдаются как отличия в оценках происходивших событий, так и полное согласие, особенно, что касается значения данного процесса для Римско-католической Церкви в Беларуси. Современные польские и белорусские авторы более склонны к критической оценке происходивших событий, чем их предшественники. Общим для польских и белорусских исследователей является стремление анализировать происходившие события на микроуровне – римско-католический приход. Во многом это объясняется тем, что белорусские исследователи ограничены в денежных средствах для выезда и проживания продолжительного периода времени за границей – с целью наработки фактологического материала в архивах

Российской Федерации, Польше, Литве, а польские исследователи, представленные в основной своей массе духовенством, занимаются постижением своего же объекта служения. В то же время надо отметить и наличие разнонаправленных тенденций: учет мнений каждого из участников событий и оправдание действий лишь одной стороны – представителей правительственной точки зрения (посредством подбора определенных документов, публицистических статей того периода, а порой и простым отрицанием всех обвинений в отношении некоторых активных участников тех процессов как клеветнических). Это позволит белорусским исследователям избежать ошибок в объективной оценке событий, связанных с заменой польского языка русским в римско-католическом богослужении на территории Беларуси в указанный хронологический период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврыш, В. Язык богослужений – вопрос деликатный / В. Гаврыш // Нар. газета. – 2004. – 10 лют. – С. 3.
2. Кондрусевич: Богослужение в Беларуси должно совершаться на родном языке [Электронный ресурс] // Новости Беларуси. Бел. телеграф. агентство. – 2010. – Режим доступа : www.belta.by. – Дата доступа : 21.08.2013.
3. Кнапиński, W. List do pewnego kapłana katolickiego / W. Кнапиński. – Kraków, 1893. – 54 s.
4. Жиркевич, А.В. Из-за русского языка. Биография каноника Сенчиковского : в 2 ч. / А.В. Жиркевич // Минск. старина. – 1911. – Вып. 3. – Ч. 1. – 669 с.
5. Jurkowski, R. Edward Ropp jako biskup Wileński 1903 – 1907 / R. Jurkowski // Studia teologiczne. – 1990. – № 8. – S. 205 – 281.
6. Polska i Rossja wobec ostatnich wypadków. – Lwów : nakład drukarni ludowej, 1881. – 128 s.
7. Krzemieński, S. Dwadzieścia pięć lat Rosji w Polsce (1863 – 1888) / S. Krzemieński. – Lwów: nakl. redak. «Ekonomisty Polskiego», 1892. – 312 s.
8. Ракоўскі, М. Супрацьстаянне / М. Ракоўскі // Наша вера. – 1996. – № 1. – С. 73 – 81.
9. Sznarbachowski, F. Początek i dzieje rzymsko-katolickiej diecezji Łucko-Żytomierskiej / F. Sznarbachowski. – Warszawa, 1936. – 179 s. – S. 91 – 92.
10. Radwan, M. Polityka wyznaniowa caratu na Białorusi w XIX w. Implikacje duszpasterskie / M. Radwan // Nasza przeszłość. – 2001. – T. 95. – S. 197 – 240.
11. Pawłowicz, Ed. Wspomnienia z nad Wilji i Niemna / Ed. Pawłowicz. – Lwów, 1883. – 243 s.
12. Stosunki Litewsko-Polskie w diecezji Wileńskiej i naduzycia partyi wszechpolskiej. – Wilno, 1913. – 147 s.
13. Ważuński, A. Litwa pod względem przesładowania w niej rzymsko-katolickiego kościoła / A. Ważuński. – Poznań, 1891. – 264 s.
14. Urban, W. Ostatni etap dziejów Kościoła w Polsce przed nowym Tysiącleciem (1815 – 1965) / W. Urban. – Rzym, 1966. – 555 s.
15. Gimek, J. Nawiedzenie obrazu Matki Bożej Częstochowskiej w rodzinach na przykładzie parafii Gorków w diecezji lubelskiej / J. Gimek // Studia Claromontana. – 1987. – № 7. – S. 100 – 121.
16. Gireń, R. Oczyszczyć od polskości / R. Gireń // Magazyn Polski. – 2002. – № 1 – 2. – S. 24 – 28.
17. Krahel, T. Nowy Dwór. Dzieje parafii rzymskokatolickiej 1504 – 2004 / T. Krahel. – Białystok: Kuria Metropolitalna Białostocka, 2004. – 125 s.
18. Banaszak, M. Historia kościoła katolickiego : w 5 t. / M. Banaszak. – Warszawa : Akademia Teologii Katolickiej, 1986. – T. 4. – 468 s.
19. Jaśkiewicz, L. Carat i sprawy polskie na przełomie XIX i XX wieku / L. Jaśkiewicz. – Pultusk : Wyższa Szkoła Humanistyczna w Pultusku, 2001. – 219 s.
20. Dzwonkowski, R. Polacy na dawnych kresach wschodnich. Z problematyki narodowościowej i religijnej / R. Dzwonkowski. – Lublin : Oddział Lubelski Stowarzyszenia «Wspólnota Polska», 1994. – 150 s.
21. Dzwonkowski, R. Polacy w Kościele katolickim na Wschodzie – czego oczekują? / R. Dzwonkowski // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 16 – 18 нояб. 2001 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2003. – 288 с. – С. 21 – 32.
22. Borodzich, J. Pod wozem i na wozie, czyli kilka lat pracy duszpasterskiej na Litwie, Białej i w głębi Rosji / J. Borodzich. – Kraków, 1911.
23. Żyskar, J. Nasze Kościoły. Opis ilustrowany wszystkich Kościołów i Parafji znajdujących się na obszarach dawnej Polski i ziemiach przyległych. Djecezja Mińska / J. Żyskar. – Warszawa–Petersburg: druk. P. Laskaura, 1914. – T. I, cz. 2. – 348 s.
24. Туронак, Ю. Канфесійная трансфармацыя на Беларусі і нацыянальная самасвядомасць / Ю. Туронак // Наша вера. – 1998. – № 2. – С. 80 – 86.
25. Boudou, A. Stolica święta a Rosja. Stosunki dyplomatyczne między nimi w XIX stuleciu / A. Boudou. – Kraków : wyd. «Księży Jezuitów», 1928. – 680 s.
26. Telko-Hryncewicz, J. Z przeżytych dni (1850 – 1908) / J. Telko-Hryncewicz. – Warszawa, 1930.
27. Nagrodzki, Z. Rola duchowenstwa katolickiego w godzinie prob i cierpien na terenie Litwy i Bielej Rusi (1863 – 1883) / Z. Nagrodzki. – Wilno, 1935. – 274 s.
28. Смалянчук, А.Ф. Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – 1917 г. / А.Ф. Смалянчук ; пад рэд. С. Куль-Сяльверставай. – Гродна : ГрДУ, 2001. – 322 с.

29. Церашковіч, П.У. Этна-канфесійная палітыка Расійскай адміністрацыі і фарміраванне беларускай свядомасці ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / П.У. Церашковіч // Наш Радавод. – Гродна, 1992. – Кн. 4, ч. 3. – С. 655 – 658.
30. Церашковіч, П. Палякі і нацыянальная палітыка Расійскай адміністрацыі на Беларусі ў другой палове XIX ст. / П. Церашковіч // Беларусы і палякі: дыялог народаў і культур. X – XX ст. : матэрыялы міжнар. кругл. стала, Гродна, 28 – 30 вер. 1999 г. / Гродз. дзярж. ун-т; рэдкал. : І.П. Крэнь [і інш.] – Гродна, 1999. – С. 354 – 357.
31. Stankiewicz, A. Rodnaja mowa ŭ światyniach / A. Stankiewicz. – Wilnia : adbitka z “Chryścijanskaj Dumki”, 1929. – 192 s.
32. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX стст.) / В.В.Грыгор’ева [і інш.] ; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : Экапер-спектыва, 1998. – 340 с.
33. Грыгор’ева, В. Каталіцкае духавенства ля вытокаў Беларускага Адраджэння / В. Грыгор’ева // Беларусіка = Albaruthenica 2 / Міжнар. асац. беларус., Нац. навук.-асв. цэнтр ім. Ф. Скарыны ; рэд. А. Анціпенка [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 293 – 297.
34. Яноўская, В.В. Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг. / В.В. Яноўская. – Мінск : БДУ, 2002. – 199 с.
35. Григорьева, В.В. Из истории расположения костела в Белорусских губерниях (взгляд на проблему через деятельность каноника Сенчиковского) / В.В. Григорьева // Наш радавод. – Гродна, 1996. – Кн. 7, ч. 3. – С. 672 – 680.
36. Грыгор’ева, В. Нацыянальнае пытанне ў дзейнасці каталіцкага касцела на Беларусі ў другой палове XIX стагоддзя / В. Грыгор’ева // Гарадзенскія запісы. Старонкі гісторыі і культуры : у 2 ч. – Гарадня, 1996. – Ч. 2. – С. 63 – 67.
37. Лінкевіч, В.М. Палітыка царскай адміністрацыі на Беларусі ў адносінах каталіцкай канфесіі (апошняя трэць XIX ст.) / В.М. Лінкевіч // Гісторыя Беларусі : новае ў даследаванні і выкладанні: матэрыялы рэсп. навук. канф., Мінск, 25 кастр. 2002 г. / Беларус. дзярж. педаг. ун-т ; рэдкал.: У.В. Тугай (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2002. – С. 27 – 29.
38. Бачышча, Ю.А. Каталіцкая царква ў нацыянальна-рэлігійнай палітыцы царызма ў Беларусі (1900 – 1914 гг.) : аўтарэф. ...дис. канд. гіст. навук : 07.00.02 / Ю.А. Бачышча ; Беларус. дзярж. педаг. ун-т ім. М. Танка. – Мінск, 2003. – 19 с.
39. Ostoja, T. Garść wspomnień z niedawnej walki o wolność sumienia w Rosyi / T. Ostoja. – Warszawa, 1916.
40. Czarkowski, L. Wilno w latach 1867 – 1875 (ze wspomnień osobistych) / L. Czarkowski. – Wilno, 1929. – 327 s.
41. Przybyszewski, J. Język rosyjski w katolickim rytuale i w dodatkowym nabożeństwie / J. Przybyszewski. – Lwów, 1897.
42. Kumor, B. Historia Kościoła : w 7 cz. / B. Kumor. – Lublin : Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1973. – Cz. 7. – 514 s.
43. Jelski, A. Dzieje dyecezyi Mińskiej w zarysie. – Mińsk : druk E. Nowickiego w Wilnie, 1907. – 26 s.
44. Линкевич, В.Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси во второй половине XIX – начале XX века : автореф. ...дис. канд. ист. наук : 07.00.02 / В.Н. Линкевич ; Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2004. – 23 с.
45. Смалянчук, А.Ф. «Беларуская карта» ў дзейнасці царскай адміністрацыі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / А.Ф. Смалянчук // Спадчына. – 1996. – № 11. – С. 53 – 66.
46. Propolanis, K. Polskie apostołstwo w Litwie (szkic historyczny 1387 – 1917) / K. Propolanis. – Wilno : druk M. Kuchty, 1913. – 286 s.
47. Wasilewski, L. Litwa i Białoruś: Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych / L. Wasilewski. – Warszawa – Kijów : wyd. M. Arcta, 1925. – 176 s.
48. Kubicki, P. Bojownicy kapłani za sprawę Kościoła i Ojczyzny w latach 1861 – 1915. Materiały z urzędowych świadectw władz Rosyjskich, archiwów Konsystorskich, zakonnych i prywatnych: w 4 cz. / P. Kubicki. – Sandomierz : nakł. Tłumacza, 1936. – Cz. 2. – 976 s.
49. Martinow, I. O języku rosyjskim w nabożeństwie katolickim / I. Martinow; pzełożył z francuskiego W. Smoczynski. – Kraków, 1889. – 87 s.
50. Walewander, E. Polacy w kościele katolickim w ZSRR / E. Walewander. – Lublin, 1991.
51. Лыч, Л. Шлях беларускага слова ў касцел / Л. Лыч // Роднае слова. – 2000. – № 11. – С. 99 – 102.
52. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния : в 2 ч. / сост. П. Бобровский. – СПб. : тип. Департамента Генерального штаба, 1863. – Ч. 2. – 1074 с.
53. Kruczkowski, T. Niektóre zagadnienia historii etnicznej Polaków na Białorusi / T. Kruczkowski // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 16 – 18 нояб. 2001 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2003. – 288 с. – С. 58 – 63.
54. Rogala-Zawadzki, T. Wspomnienia z życia ks. Franizka Rogali-Zawadzkiego (1829 – 1915), ostatniego zakonnika wileńskiej diecezji ze starej generacji / T. Rogala-Zawadzki. – Wilno, 1916. – 125 s.
55. Wańckowicz, M. Szczeniecie lata / M. Wańckowicz. – Warszawa, 1934. – 346 s.
56. Szopa, M. O narodzie polskim na Litwie / M. Szopa. – Warszawa : wyd. Straży Kresowej, 1919. – 214 s.
57. Archutowski, R. Historia kościoła katolickiego w zarysie / R. Archutowski. – Warszawa : Skład główny G. Gebethnera i Wolffa, 1919. – 291 s.
58. Kłoczowski, J. Zarys dziejów Kościoła katolickiego w Polsce / J. Kłoczowski, J. Müllerowa, J. Skarbek. – Kraków : Znak, 1986. – 470 s.
59. Чихачев, Д.Н. К вопросу о расположении костела в прошлом и настоящем / Д.Н. Чихачев. – СПб., 1913. – 136 с.
60. Radzik, R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia / R. Radzik. – Lublin: Uniwersytet Marii Curie Skłodowskiej, 2000. – 301 s.
61. Чаквин, И.В. Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV – начало XX в.) / И.В. Чаквин, П.В. Терешкович // Сов. этнография. – 1990. – № 6. – С. 42 – 54.
62. Kosman, M. Historia Białorusi / M. Kosman. – Warszawa : Zakład naradowy imienia Ossolińskich, 1979. – 485 s.

63. Giebień, H. Język liturgii rzymskokatolickiej oraz język ojczysty polaków w rejonie Lidzkim / H. Giebień // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 7 – 9 нояб. 2003 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Барановичи, 2004. – С. 57 – 72.
64. Gorbaniuk, J. Co znaczy być Polakim dla katolików na Białorusi? / J. Gorbaniuk, O. Gorbaniuk // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 7 – 9 нояб. 2003 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Барановичи, 2004. – С. 41 – 57.
65. Gorbaniuk, J. Postrzegane przyczyny i konsekwencje wprowadzenia języka białoruskiego do liturgii mszy św. w Kościele katolickim na Białorusi / J. Gorbaniuk, O. Gorbaniuk // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси : материалы III междунар. науч. конф., Гродно, 22 – 24 окт. 2004 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2005. – С. 7 – 25.
66. Gorbaniuk, O. Preferowany język liturgii wśród katolików obrządku łacińskiego na Białorusi / O. Gorbaniuk, J. Gorbaniuk // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси : материалы III междунар. науч. конф., Гродно, 22 – 24 окт. 2004 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2005. – С. 25 – 40.
67. Трацяк, Я. Роля беларускіх святароў у адраджэнні роднай мовы / Я. Трацяк // Гарадзенскія запісы. Старонкі гісторыі і культуры : у 2 ч. – Гародня, 1993. – Ч. 1. – С. 66 – 71.
68. Смелянчук, А.Ф. Біскуп Эдвард Роп / А.Ф. Смелянчук // Беларус. гіст. часоп. – 1994. – № 3. – С. 108 – 112.

Поступила 02.03.2015

**USE OF RUSSIAN IN ROMAN CATHOLIC CHURCH SERVICE IN THE TERRITORY
OF BELARUS (the second half of the 19th century):
ANALYSIS OF THE POLISH AND BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY**

A. HANCHAR

In article the analysis of the Polish and Belarusian historiography on problem of introduction, use of Russian in Roman Catholic Church service in the territory of Belarus in the second half of the 19th century. Modern Polish and Belarusian authors are more prone to the critical evaluation of current experiences than their predecessors. Common to Polish and Belarusian researchers is the desire to analysis the events that took place at the micro level - the Roman Catholic parish. During research of monographic works, the articles, memoirs literature is drawn a conclusion on existence of multidirectional tendencies in an assessment of a role and value of a church, representatives of the government, orthodox church in this difficult process: the accounting of opinions of each of participants of events and a justification of actions of only one party – representatives of the government point of view (by means of selection of certain documents, publicity articles of that period, and at times and simple denial of all charges of the relation of some active participants of those processes as slanderous).

УДК 658.511.5(47+57)+94(47+57)

**ГЕРМАНСКИЕ РЕПАРАЦИИ И ТРУД ВОЕННОПЛЕННЫХ
В ВОССТАНОВЛЕНИИ ЭКОНОМИКИ БССР
ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ**

П.А. КОНЦЕВОЙ*(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)*

Рассмотрены вопросы, раскрывающие роль и место германских репараций, а также труда военнопленных в восстановлении экономики БССР в послевоенный период. Отмечается, что в счет репараций поставлялось промышленное оборудование, подвижной состав железных дорог, рабочий и продуктивный скот, а также другие материальные ценности. Акцентируется внимание на исследовании литературы, посвященной проблемам восстановления белорусской экономики после окончания Второй мировой войны, и анализе наиболее общих тенденций развития отечественной и зарубежной историографии по вопросам возрождения народного хозяйства БССР. Сделан вывод, что проблема репарационных поставок практически не рассматривалась советскими историками и только после распада СССР она стала объектом глубоких исторических исследований.

Введение. Актуальность статьи обусловлена тем, что до недавнего времени в советской, а потом уже в российской и отечественной научной литературе практически не было публикаций, затрагивающих проблемы репарационных поставок, осуществлявшихся в соответствии с решениями Ялтинской и Потсдамской международных конференций 1945 г. Изучать данную тему в советский период не рекомендовалось. Руководство СССР декларировало, что восстановление разрушенной войной экономики происходило только собственными силами на основе независимости от капиталистических государств. В то же время репарационные поставки и труд военнопленных использовались в возрождении советской экономики, составной частью которой являлась экономика БССР.

Основная часть. Анализ историографии проблемы использования германских репараций в восстановлении промышленности и сельского хозяйства БССР (1945 – начало 1950 гг.), по нашему мнению, лучше проводить в контексте развития отечественной историографии послевоенного восстановления народного хозяйства БССР. При этом необходимо отметить, что в освещении данной проблемы можно выделить два основных периода: советский – завершившийся с распадом СССР и постсоветский или современный период, который ведет свой отсчет с начала 90-х годов XX века и продолжается до настоящего момента. Первый период, советский, включает исследования, проводившиеся в бывшем СССР на основе марксистско-ленинской методологии. Второй период, постсоветский или современный, начало которого совпало с образованием независимой Республики Беларусь, отличается методологическим плюрализмом. В этот же период также и в российской историографии появился целый ряд исследований, затрагивающих отдельные стороны проблемы репараций, как в рамках всего СССР, так и в рамках отдельных союзных республик.

Проблема использования германских репараций в послевоенном восстановлении промышленности и сельского хозяйства БССР не стала предметом специального обобщающего исследования в отечественной историографии. Написание подобных работ в советское время было затруднено особенностями развития исторической науки того периода. Вместе с тем, в историографии СССР есть работы, затрагивающие проблему репараций. Так, одной из первых работ по данной проблеме в советской историографии стала монография В.В. Евгеньева «Международно-правовое регулирование репараций после Второй мировой войны» [1]. В своей работе В.В. Евгеньев провел анализ правовых оснований поступления германских репараций в СССР. Он отметил, что удовлетворение репарационных претензий СССР было осуществлено путем изъятия конкретных видов имущества из советской оккупационной зоны Германии, а также путем получения некоторой доли репараций из западных зон.

Две статьи в энциклопедии «Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.» [2] («Репарации» и «Берлинская конференция 1945 г.») содержали лишь общие сведения о принципах возмещения ущерба, нанесенного СССР нацистской Германией и ее союзниками. В статье «Репарации» приводится сумма предъявленных советской стороной репарационных требований к Германии, которая равнялась 10 млрд долларов, при общей оценке прямых потерь СССР на оккупированной территории в 128 млрд долларов [2, с. 609]. В статье «Берлинская конференция 1945 г.» содержатся сведения о договоренности союзников об изъятии репараций из своих зон оккупации, а также о согласии предоставить советской стороне право изъять дополнительные репарации из западных зон [2, с. 93].

Следует отметить автобиографическое произведение известного советского писателя А.П. Казанцева «Пунктир воспоминаний» [3], опубликованное в 1981 г. В конце Великой Отечественной войны

А.П. Казанцев служил инженер-полковником советских войск в Австрии. Он непосредственно руководил демонтажем промышленного оборудования в австрийской федеральной земле Штирия. Автор смог достоверно описать процесс отбора необходимого промышленного оборудования и его отправку в СССР. Его воспоминания были написаны в советский период, когда про данную тематику не принято было упоминать, что придает им особую ценность.

Вопросы, связанные с поступлением в СССР немецких репараций, были изучены С.И. Висковым и В.Д. Кульбакиным в их совместной работе «Союзники и «Германский вопрос» [4]. Важным достоинством данного исследования стало то, что авторы одними из первых в советской историографии подняли вопрос о роли репараций в восстановлении экономики СССР.

Важное место в историографии названной проблемы занимает работа советского экономиста Г.И. Ханина «Динамика экономического развития СССР» [5], в которой он затрагивает проблему репараций. В своих расчетах он отмечает, что в четвертой пятилетке (1946 – 1950 гг.) репарационные поступления обеспечивали примерно 50% поставок оборудования для объектов капитального строительства в промышленности СССР [5, с. 186].

В работах белорусских исследователей советского периода, посвященных послевоенному восстановлению народного хозяйства, тема репараций фактически не нашла отображения. Например, в двух коллективных работах «Экономика Советской Белоруссии 1917 – 1967» [6] и «Экономика Белоруссии в период послевоенного возрождения» [7] содержится большой объем статистического материала, касающегося проблемы финансового и материально-технического обеспечения восстановительных работ. Однако в этих работах нет ни одного упоминания о репарациях как об одном из источников финансового и материально-технического обеспечения возрождения экономики БССР.

Не получила отражения проблема репараций и в коллективном обобщающем труде – 5-томной «Гісторыі Беларускай ССР». В 4-м [8] и 5-м [9] томах этого труда, значительная часть которых посвящена событиям Великой Отечественной войны и послевоенному восстановлению белорусской экономики, репарационные поставки не упоминаются.

В работах А.П. Купреевой «Возрождение народного хозяйства Белоруссии» [10] и Г.И. Олехновича «Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны (1941 – 1945)» [11] подробно исследуются особенности начального периода восстановления промышленного производства в БССР, но проблема репараций в них не затрагивается.

Богатый фактический материал, освещающий процесс послевоенного восстановления белорусской промышленности, ее технической реконструкции, сооружения новых заводов и фабрик, содержится в двух монографиях И.Е. Марченко («Рабочий класс БССР в послевоенные годы (1945 – 1950)» [12] и «Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР (1943-1950)» [13]). Однако в своих работах И.Е. Марченко не рассматривает вопросы репарационных поставок и привлечения немецких военнопленных к восстановлению белорусской промышленности.

Необходимо отметить и появившиеся в советское время публикации, посвященные крупнейшим промышленным предприятиям БССР, в которых кратко изложена история их восстановления или создания в послевоенный период. В качестве примера можно привести исторические очерки «Гомельский станкостроительный» [14] и «Минский автомобильный. Очерк истории завода» [15]. В них не содержится сведений об использовании на белорусских предприятиях промышленного оборудования и материалов, полученных по репарациям.

Характерной чертой работ, написанных в советский период, является их идеологическая направленность. Кроме того, у исследователей, работавших в то время, не было возможности в полной мере использовать архивные материалы. Однако, несмотря на присущие им недостатки, исследования советского периода не потеряли своей актуальности и сейчас. Эти работы являются тем фундаментом, на который опираются современные исследователи данной проблемы.

Работы, созданные в постсоветский период, отличаются привлечением значительно большего объема архивного, статистического и другого материала, ранее не доступного для ученых. Кроме того, современные исторические исследования, в которых рассматривается проблема послевоенного восстановления экономики БССР, отличаются от публикаций советского времени не только методологией и широтой архивных данных, но и существенной сменой приоритетов. Активно стали разрабатываться вопросы, касающиеся репарационных поступлений и привлечения труда военнопленных.

В начале 2000-х годов вопросам репараций уделила внимание в целом ряде публикаций отечественный историк Г.П. Бущик. Наиболее полно эта проблема была освещена ею в статьях: «Значэнне германскіх рэпарацый для аднаўлення гаспадаркі г. Магілёва і Магілёўскай вобласці пасля Другой сусветнай вайны» [16]; «Міжнародныя пагадненні аб рэпарацыях і іх паступленне ў БССР у 1945 – 1946 гг.» [17]; «Эканамічныя сувязі Беларусі ў часы пасляваеннага адбудовання народнага гаспадарства» [18]; «Выкарыстанне германскіх рэпарацый для аднаўлення Мінска пасля Вялікай Айчыннай вайны» [19]. Приводимые Г.П. Бущик данные свидетельствуют, что в счет репараций в БССР поступало промышлен-

ное оборудование, сельскохозяйственная техника, рабочий и продуктивный скот. По мнению автора, ремонтные поставки сыграли значительную роль в восстановлении экономики БССР.

Отдельные аспекты ремонтного вопроса освещаются в статье В.И. Голубовича «Минск – крупный индустриальный центр СССР» [20]. Автор отмечает, что большая часть германских ремонтных поставок оставалась в Минске и способствовала налаживанию городского промышленного производства. Данная статья вошла в состав фундаментального коллективного труда «История Минска». В этом же издании была опубликована и статья Г.П. Бушик «Минск в межгосударственном сотрудничестве» [21], значительная часть которой также посвящена ремонтам. Примечательно, что «История Минска» стала первым в Беларуси крупным обобщающим трудом, в котором довольно подробно освещается роль ремонтов в послевоенной экономической жизни нашей республики.

Общие сведения о ремонтах присутствуют в изданном в постсоветское время 6-м томе (книга первая) 6-томной «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» [22]. В этом томе содержится статья В.Е. Снапковского «Рэпарацыі», однако собственно процессу поступления и использования ремонтов в БССР посвящена только небольшая ее часть, в которой очень лаконично освещается данная проблема. Такого же рода сведения присутствуют и в 1-м томе 7-томной энциклопедии «Республика Беларусь» [23]. В статье Ю.Л. Грузицкого «Восстановление и развитие Беларуси после Великой Отечественной войны (2-я половина 1940-х – 1950-е гг.). Народное хозяйство» из этой энциклопедии проблеме ремонтов отведена только часть одного абзаца. Автор отмечает, что определенной компенсацией потерь экономики Беларуси явились ремонтные поставки из бывших государств фашистского блока [23, с. 348].

Вопросы трудоустройства немецких военнопленных и интернированных в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства БССР затрагиваются в монографиях М.П. Костюка «Большевистская система власти в Беларуси» [24] и А.В. Шаркова «Военнопленные и интернированные на территории Беларуси: Роль органов внутренних дел в их содержании и трудовом использовании (1944 – 1951 гг.)» [25]. Этим же вопросам уделено определенное внимание и в учебном пособии А.М. Сасима «Промышленность Беларуси в XX столетии» [26]. В работах показано, что немецкие военнопленные интенсивно привлекались к процессу восстановления народного хозяйства БССР.

Более проработана проблема ремонтов в российской историографии. Следует выделить работы таких российских исследователей, как А.М. Фелитова «Германский вопрос: от раскола к объединению» [27], П.Н. Кнышевского «Добыча. Тайны германских ремонтов» [28], М.И. Семиряги «Как мы управляли Германией» [29], К.И. Ковалю «Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне» [30]. Отличительной чертой этих работ является то, что их авторы опираются на богатый архивный материал и свидетельства очевидцев. Так, А.М. Фелитов в своей работе «Германский вопрос: от раскола к объединению» обращает внимание на вопрос, связанный с определением объема демонтированного оборудования в западных оккупационных зонах. П.Н. Кнышевский на основе рассекреченных архивных документов исследовал механизмы проведения советской ремонтной политики. В работе М.И. Семиряги больше внимания уделяется определению объема ремонтных поставок, полученных СССР, и эффективности их использования. Причем автор приводит архивные документы, которые проливают свет на распределение ремонтных поставок по союзным республикам. Исходя из этих данных можно сделать вывод, что БССР заняла третье место среди союзных республик по объему полученного ремонтного оборудования. Причем РСФСР получила 70,6% от общего числа ремонтного оборудования, УССР – 21,0%, БССР – 2,3% [29, л. 152]. Исследователь К.И. Коваль в своей работе в значительной степени опирается на личные впечатления, т.к. с 1945 по 1950 гг. работал в Берлине на посту первого заместителя Главного начальника СВАГ по экономическим вопросам. Сочетание личного опыта и обширного архивного материала делает данную работу значимой для рассматриваемой нами проблемы.

Российский исследователь Е.Ю. Зубкова в статье «Послевоенная экономика: основные проблемы и тенденции развития» [31] отмечает, что эффективность использования ремонтного оборудования на советских предприятиях в ряде случаев была невысокой. Зачастую технологические линии одного немецкого предприятия распределялись по нескольким советским заводам, а часть оборудования использовалась не по назначению. Для еще не введенного в эксплуатацию оборудования не хватало складских помещений, оно хранилось на открытых площадках, ржавело и приходило в негодность, что, по мнению Е.Ю. Зубковой, во многом снижало экономическую отдачу от ремонтов.

Во втором томе коллективного труда «История России. XX век» [32] содержатся сведения о германских ремонтных поставках в СССР. Здесь отмечается, что ремонты являлись одним из источников финансирования восстановления причиненных войной разрушений, а вывезенные из Германии оборудование и заводы оцениваются на сумму равную более чем 4 млрд долларов [32, с. 204].

Проблеме использования ремонтного подвижного состава на железных дорогах СССР посвящена работа российского исследователя В.А. Ракова «Локомотивы отечественных железных дорог (1845 – 1955 гг.)» [33]. По приведенным им данным в СССР в счет ремонтов поступили грузовые, пассажирские и маневровые локомотивы. Одними из наиболее массовых были поставки грузовых паровозов типа 1-5-0 серий 52, 42 и 50. (советское обозначение ТЭ, ТЛ и ТЕ соответственно). Причем все локомотивы серии ТЛ были приписаны к депо станций Унеча, Осиповичи и Молодечно [33, с. 341 – 344].

Проблема германских репараций рассматривается и в монографии российского историка В.Л. Пянкевича «Репарации и труд военнопленных как источники восстановления экономики СССР после Второй мировой войны (Вопросы историографии)» [34]. Автор сумел проанализировать немалое количество публикаций, в той или иной степени затрагивающих репарационную проблему. В исследовании В.Л. Пянкевича важное место занимает и зарубежная историография репарационного вопроса.

Среди исследований зарубежных авторов необходимо обратить внимание на сборник документов, подготовленный под руководством немецкого историка Я. Фойтцика «Советская политика в отношении Германии 1944 – 1954» [35]. Документы сборника дают представление о широте и масштабах советской репарационной политики в Германии. Вводная статья к этому сборнику документов, написанная Я. Фойтциком, показывает всю сложность установления общей суммы репарационных поставок, полученных СССР. Немецкий исследователь отмечает, что разные советские учреждения производили свои расчеты исходя из разных критериев. Даже внутри одного учреждения не всегда соблюдалась единообразность критериев.

Немецкий исследователь Ф. Бедюрфтиг в статье «Народ без государства» касается вопроса объемов германских репарационных поставок в СССР [36]. По его мнению, с началом холодной войны демонтаж в западных зонах фактически застыл, поэтому в СССР из Западной Германии было вывезено только 8% оборудования от ее производственных мощностей в 1936 г. [36, с. 84].

Заключение. Таким образом, в историографии проблемы репараций следует выделить два основных периода: советский – завершившийся с распадом СССР и постсоветский или современный период, который начинается отсчет с начала 90-х годов XX века и продолжается до настоящего времени. Характерной чертой работ, написанных в советский период, является их идеологическая направленность. Кроме того, у советских исследователей не было возможности полномасштабного использования архивных материалов. Основой восстановления разрушенного в период Великой Отечественной войны народного хозяйства в этих работах провозглашался героический труд советского народа, что соответствует действительности, и вместе с тем, замалчивалась проблема репараций. И только после распада СССР ранее закрытые темы получили новый импульс. Работы, созданные в постсоветский период, отличаются привлечением большого количества архивных данных, ранее не доступных для ученых. Однако крупных обобщающих исследований по данной проблематике в современной белорусской историографии пока еще не имеется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евгеньев, В.В. Международно-правовое регулирование репараций после Второй мировой войны / В.В. Евгеньев. – М. : Гос. изд. юрид. лит-ры, 1950. – 200 с.
2. Великая Отечественная война 1941 – 1945 : энцикл. / редкол. М.М. Козлов (глав. ред.) [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1985. – 832 с.
3. Казанцев, А.П. Пунктир воспоминаний / А.П. Казанцев // Лбды возвращаються / А.П. Казанцев. – М. : Мол. гвардия, 1981. – С. 473 – 539.
4. Висков, С.И. Союзники и «Германский вопрос» (1945 – 1949 гг.) / С.И. Висков, В.Д. Кульбакин ; отв. ред. Р.Ф. Иванов. – М. : Наука, 1990. – 304 с.
5. Ханин, Г.И. Динамика экономического развития СССР / Г.И. Ханин. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние., 1991. – 267 с.
6. Экономика Советской Белоруссии. 1917 – 1967 / редкол.: Ф. Мартинкевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1967. – 571 с.
7. Экономика Белоруссии в период послевоенного возрождения / З.И. Гиоргидзе [и др.] ; под ред. В.И. Дрица. – Минск : Наука и техника, 1988. – 238 с.
8. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / рэдкал.: І.М. Ігнаценка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972 – 1975. – Т. 4 : Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938 – 1945 гг.) / І.С. Краўчанка [і інш.]. – 1975. – 640 с.
9. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / рэдкал.: І.М. Ігнаценка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972 – 1975. – Т. 5 : Беларуская ССР у перыяд стварэння развітага сацыялістычнага грамадства і будаўніцтва камунізму (1945 – 1974 гг.) / А.А. Філімонаў [і інш.]. – 1975. – 776 с.
10. Купреева, А.П. Возрождение народного хозяйства Белоруссии / А.П. Купреева. – Минск : Наука и техника, 1976. – 224 с.
11. Олехнович, Г.И. Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны (1941 – 1945) / Г.И. Олехнович. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – 174 с.
12. Марченко, И.Е. Рабочий класс БССР в послевоенные годы (1945 – 1950) / И.Е. Марченко. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1962. – 259 с.
13. Марченко, И.Е. Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР (1943 – 1950) / И.Е. Марченко. – Минск : Наука и техника, 1977. – 246 с.
14. Казаков, Г.М. Гомельский станкостроительный / Г.М. Казаков, В.Я. Райский, Д.М. Фабрикант. – Минск : Беларусь, 1979. – 142 с.

15. Блистин, М.М. Минский автомобильный. Очерк истории завода / М.М. Блистин, Ю.К. Богушевич, Е.Г. Вайнруб. – Минск : Беларусь, 1972. – 240 с.
16. Бушчык, Г.П. Значэнне германскіх рэпарацый для аднаўлення гаспадаркі г. Магілёва і Магілёўскай вобласці пасля Другой сусветнай вайны / Г.П. Бушчык // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць – 3 : зб. навук. прац удзельнікаў міжнар. навук. канф., Магілёв, 22 – 23 мая 2003 г. : у 2 ч. / Магілёў. гарадскі выкан. кам., Магілёўскі дзярж. ун-т харчавання ; рэдкал.: І.А. Пушкін [і інш.]. – Магілёв, 2003. – Ч. 1. – С. 119 – 127.
17. Бушчык, Г.П. Міжнародныя пагадненні аб рэпарацыях і іх паступленне ў БССР у 1945 – 1946 гг. / Г.П. Бушчык // Беларус. гіст. часоп. – 2005. – № 8. – С. 10 – 15.
18. Бушчык, Г.П. Экономические связи Беларуси в годы послевоенного восстановления народного хозяйства / Г.П. Бушчык // Директор. – 2005. – № 5. – С. 56 – 59.
19. Бушчык, Г.П. Выкарыстанне германскіх рэпарацый для аднаўлення Мінска пасля Вялікай Айчыннай вайны // Весті БДПУ. Сер. 2. – 2006. – № 2. – С. 3 – 7.
20. Голубович, В.И. Минск – крупный индустриальный центр СССР / В.И. Голубович // Гісторыя Мінска / У.А. Бабкоў [і інш.] ; кіраўнік час. навук. калектыву М.П. Касцюк. – Мінск : БелЭН, 2006. – 696 с. – С. 449 – 474.
21. Бушчык, Г.П. Минск в межгосударственном сотрудничестве / Г.П. Бушчык // Гісторыя Мінска / У.А. Бабкоў [і інш.] ; кіраўнік час. навук. калектыву М.П. Касцюк. – Мінск : БелЭН, 2006. – 696 с. – С. 514 – 536.
22. Снапкоўскі, У.Е. Рэпарацыі / У.Е. Снапкоўскі // Энцыкл. гіст. Беларусі : у 6 т. – Мінск, 1993 – 2003. – Т. 6. Кн. 1 / Г.П. Пашкоў [і інш.]. – 2005. – 592 с. – С. 172 – 173.
23. Грузицкий, Ю.Л. Восстановление и развитие Беларуси после Великой Отечественной войны (2-я половина 1940-х – 1950-е гг.). Народное хозяйство / Ю.Л. Грузицкий // Республика Беларусь : энцикл. : в 7 т. / редкол. Г. Пашков (глав. ред.) [и др.]. – Минск : БелЭн, 2005 – 2008. – Т. 1 / Г. Пашков [и др.]. – 2005. – 1040 с. – С. 346 – 350.
24. Костюк, М.П. Большевицкая система власти в Беларуси / М.П. Костюк. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2002. – 344 с.
25. Шарков, А.В. Военнопленные и интернированные на территории Беларуси: Роль органов внутренних дел в их содержании и трудовом использовании (1944 – 1955 гг.) / А.В. Шарков ; под ред. В.П. Павлова. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1997. – 159 с.
26. Сасим, А.М. Промышленность Беларуси в XX столетии : учеб. пособие / А.М. Сасим. – Минск : Эксперспектива, 2001. – 271 с.
27. Филитов, А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение / А.М. Филитов. – М. : Междунар. отношения, 1993. – 240 с.
28. Кнышевский, П.Н. Добыча. Тайны германских репараций / П.Н. Кнышевский. – М. : Соратник, 1994. – 144 с.
29. Семиряга, М.И. Как мы управляли Германией / М.И. Семиряга. – М. : РОССПЭН, 1995. – 400 с.
30. Коваль, К.И. Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне / К.И. Коваль. – М. : РОССПЭН, 1997. – 448 с.
31. Зубкова, Е.Ю. Послевоенная экономика: основные проблемы и тенденции развития / Е.Ю. Зубкова // История России. XX век / А.Н. Баханов [и др.] ; отв. ред. В.П. Дмитриенко. – М. : АСТ, 2000. – 608 с. – С. 476 – 482.
32. История России. XX век / редкол. А.Н. Зубов (ген. директор проекта) [и др.]. – М. : Астрель, 2009. – Т. 2 : История России. XX век: 1939 – 2007 / редкол. А.Н. Зубов (ген. директор проекта) [и др.]. – 2009. – 829 с.
33. Раков, В.А. Локомотивы отечественных железных дорог (1845 – 1955 гг.) / В.А. Раков. – М. : Транспорт, 1995. – 564 с.
34. Пянкевич, В.Л. Репарации и труд военнопленных как источники восстановления экономики СССР после Второй мировой войны (Вопросы историографии) / В.Л. Пянкевич. – СПб. : Нестор, 1999. – 29 с.
35. Фойтцки, Я. Введение / Я. Фойтцки // Советская политика в отношении Германии 1944 – 1954. Документы / Я. Фойтцки [и др.]. – М. : РОССПЭН, 2011. – 751 с. – С. 5 – 53.
36. Бедюрфтиг, Ф. Народ без государства / Ф. Бедюрфтиг // Родина. – 1995. – № 5. – С. 82 – 87.

Поступила 03.06.2015

GERMAN REPARATIONS AND LABOUR OF WAR PRISONERS IN THE ECONOMIC RECOVERY OF BSSR AFTER WORLD WAR II: ISSUES HISTORIOGRAPHY

P. KONTSEVOJ

The role and place of German reparations, as well as the labor of war prisoners in the economic recovery of BSSR in the postwar period are observed. On account of reparations industrial equipment, railway rolling stock, working and productive livestock, as well as other tangible assets are delivered. The attention is focused on the study of the literature on the problems of the Belarusian economy recovery after World War II, and the most common trends in the development of domestic and foreign historiography on the revival of the economy of the BSSR are analyzed. The problem of reparation deliveries has not considered by Soviet historians and only after the collapse of the USSR, it became the object of deep historical research.

УДК 94(476)«1875/1914»:614.8:342.25

**ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ
ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЙ
В 1875 – 1914 гг.**

*канд. ист. наук Н.С. МОТОВА
(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)*

На протяжении 1875 – 1914 гг. население городов белорусско-литовских губерний сталкивалось с периодически повторявшимися эпидемиями различных инфекционных заболеваний. Органы городского самоуправления принимали меры для предотвращения эпидемий и ликвидации их последствий: издавали обязательные постановления, учреждали санитарные попечительства, открывали временные больницы, выделяли средства на улучшение санитарного состояния городов. Но эти мероприятия носили стихийный, краткосрочный характер. Их недостатки проявились во время эпидемии холеры 1892 – 1893 гг. Серьезной проблемой стал дефицит средств при проведении противоэпидемических мероприятий. Ситуация начала улучшаться после учреждения в 1897 г. Особой комиссии, которая должна была обеспечивать проведение противоэпидемических мероприятий, координировать деятельность в этой сфере различных учреждений. С 1911 г. правительство начало выделять средства органам местного самоуправления на противоэпидемические и санитарные мероприятия. Но даже в этих условиях эффективность деятельности органов городского самоуправления белорусско-литовских губерний была невысокой, т.к. даже самые успешные мероприятия носили краткосрочный характер и сворачивались после того, как угроза эпидемии миновала.

В 1875 г. на территорию белорусско-литовских губерний было распространено действие Городового положения 1870 г., что означало проведение на территории региона общероссийской городской реформы. Реформирование системы городского самоуправления предполагало, что на первый план выйдет решение исключительно муниципальных задач, среди которых особое место занимали мероприятия по улучшению санитарно-гигиенического состояния городов, предотвращению и ликвидации последствий эпидемий.

Деятельность органов городского самоуправления белорусско-литовских губерний в этой сфере была частично проанализирована в рамках комплексных исследований советского периода по истории здравоохранения, например, в коллективной работе «Основные черты развития медицины в России в период капитализма (1861 – 1917 гг.)», монографии Г.Р. Крючка «Очерки истории медицины Белоруссии» и В.Г. Мицельмахериса «Очерки по истории медицины в Литве». В начале XXI в. были опубликованы новые исследования, посвященные развитию системы медицинского обслуживания населения Беларуси в XIX – начале XX вв. – монографии Е.М. Тищенко «Здравоохранение Беларуси в XIX – XX вв.» и «История здравоохранения Беларуси XX вв.». В перечисленных выше работах авторы уделили основное внимание вопросам организации медицинского обслуживания в целом. В них отсутствует анализ роли органов городского самоуправления в организации системы здравоохранения. Приводимые в этих исследованиях факты носят фрагментарный характер. Вне поля зрения исследователей осталось рассмотрение участия органов городского самоуправления в проведении противоэпидемических мероприятий.

Цель данной статьи заключается во всестороннем рассмотрении и оценке мероприятий городских властей белорусско-литовских губерний, направленных на предотвращение и ликвидацию последствий эпидемий.

Вплоть до начала XX в. население большинства городов белорусско-литовских губерний сталкивалось с периодически повторявшимися эпидемиями различных заболеваний (холеры, оспы, тифа, скарлатины и пр.). Из отчетов губернаторов видно, что вспышки эпидемий регистрировались повсеместно и постоянно. Их широкому распространению в городах способствовали следующие факторы: высокая плотность населения, плохое санитарное состояние городских территорий, загрязнение источников водоснабжения, отсутствие канализационных систем. В этих условиях органы городского самоуправления не только принимали санитарные меры для улучшения условий жизни горожан, но и при непосредственной эпидемической угрозе участвовали в осуществлении полицейско-карантинных мероприятий для локализации эпидемий, обеспечивали возможность бесплатного лечения в больницах заболевших.

Первоначально организация противоэпидемических мероприятий в городах белорусско-литовских губерний носила стихийный характер. Она сводилась к изданию обязательных постановлений, учреждению санитарных попечительств, выделению средств на улучшение ассенизации, открытию временных больниц. В наиболее крупных городах при угрозе эпидемий местные власти выделяли средства на проведение бесплатной дезинфекции домов малоимущих жителей.

Но эффективность участия органов городского самоуправления в организации противоэпидемических мероприятий снижали два фактора. Во-первых, недостаток наличных финансовых средств, что обусловило декларативный характер постановлений городских властей. Во-вторых, отсутствие долгосрочной системы мероприятий по благоустройству городских территорий (как правило, они сворачивалась сразу же после прекращения эпидемии).

Наиболее ярко все недостатки в организации противоэпидемических мероприятий проявились во время эпидемии холеры 1892 – 1893 гг. Вновь потребовалось провести очистку городских территорий, организовать дезинфекцию помещений и вывоз нечистот, благоустроить источники водоснабжения. В ряде городов органы самоуправления временно приглашали на службу санитарных врачей, учреждали санитарные попечительства. Так, по постановлению Городской думы Полоцка в 1892 г. город был разделен на 4 санитарных участка, в каждый из которых пригласили санитарного врача. Городские власти распорядились провести стандартный комплекс мероприятий: Управе было поручено открыть холерную больницу, организовать вывоз нечистот, провести дезинфекцию. На эти мероприятия первоначально было выделено 600 руб. [1, л. 780 – 781]. Постановления об открытии временных холерных больниц и закупке дезинфекционных средств были приняты в Динабурге, Белостоке и пр. [1, л. 558 – 563 об.; 2, л. 208 – 209]. В некоторых городах (например, Вильно) были открыты дешевые чайные и столовые для обеспечения бедных горожан горячим и качественным питанием в условиях эпидемии [3, с. 132 – 133].

При осуществлении этих мероприятий органы самоуправления как небольших уездных городов, так и крупных губернских центров сталкивались с дефицитом собственных финансовых средств. В этих условиях они вынуждены были ходатайствовать о выделении ссуд и займов. Соответствующие постановления были приняты в Витебске, Гродно и т.д. [4, л. 114 – 115 об.; 5, л. 2 – 3 об.].

В этот период в наиболее крупных городах белорусско-литовских губерний органы самоуправления начали открывать дезинфекционные камеры. Например, в Витебске такая камера была создана согласно постановлению Думы от 13 мая 1893 г. [4, л. 230, 233 об., 236]. Виленская городская дума приняла решение приобрести дезинфекционную камеру на заседании 15 сентября 1893 г., на что было выделено 3 500 руб. [6, с. 43, 52].

После прекращения эпидемии холеры стало очевидно, что для наиболее эффективной организации противоэпидемических мероприятий необходимо обеспечить взаимодействие правительства, губернской администрации и органов самоуправления, закрепив обязанности всех сторон в законодательном порядке. С этой целью 8 января 1897 г. были утверждены «Главные основания действий Особой, учрежденной под председательством его высочества, принца Александра Петровича Ольденбургского, Комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумною заразою». В число ее членов вошли министры внутренних дел, финансов, путей сообщения и пр. Комиссия обязана была принимать меры для предупреждения появления и распространения чумы и других эпидемий в государстве, наблюдать за их исполнением [7, с. 9]. Сама Комиссия была учреждена согласно закону от 11 января 1897 г. [7, с. 12].

Эти законодательные акты были дополнены «Временными правилами о принятии мер к прекращению чумной заразы при появлении ее внутри Империи» от 3 июня 1897 г. Согласно статьям этого закона в регионах, которым угрожало появление чумы, губернаторы обязаны были учреждать губернские, городские и уездные санитарно-исполнительные комиссии. Городские и уездные комиссии должны были разделить город и уезд на возможно большее число участков, пригласив в каждый из них по врачу. Участковые врачи обеспечивались за счет органов городского самоуправления дезинфекционными средствами и медикаментами. В случае подтверждения появления заболевания в конкретной местности или городе комиссии должны были открывать больницы [7, с. 393 – 395].

Новые «Правила о принятии мер к прекращению холеры и чумы при появлении их внутри Империи» были утверждены 11 августа 1903 г. К этому времени, кроме вышеперечисленных законов, вступили в действия различные инструкции и правила как Высочайше учрежденной Комиссии, так и Министерства внутренних дел. В этих условиях потребовалось систематизировать все постановления в единых «Правилах». По этому закону подтверждалась обязанность создавать губернские, уездные и городские санитарно-исполнительные комиссии при угрозе чумы или холеры. Городские комиссии обязательно учреждались в губернских городах и городах с населением более 20 000 жителей. В остальных городах они могли быть образованы по постановлению местных дум, но при условии получения разрешения со стороны губернатора. В состав губернской санитарно-исполнительной комиссии обязательно входил городской голова губернского города. В состав городских комиссий кроме городского головы, исполнявшего обязанности председателя, включались полицмейстер, исправник или пристав, городской врач и весь состав городской управы. Что касается финансирования противоэпидемических мероприятий, то оно должно было осуществляться за счет земских и городских бюджетов. В случае недостатка местных средств губернские санитарно-исполнительные комиссии могли ходатайствовать перед Высочайше учрежденной Комиссией о предоставлении правительственных кредитов [8, с. 881 – 884].

Однако эти законодательные акты не внесли коренных изменений в деятельность органов городского самоуправления, направленную на предупреждение и прекращение эпидемий. Несмотря на прогресс в этой сфере, связанный с учреждением Комиссии, правительство так и не разрешило главную проблему, с которой сталкивались практически все органы самоуправления, – не было обеспечено финансирование противоэпидемических

мероприятий. Городские власти белорусско-литовских губерний, как и прежде, вынуждены были ходатайствовать о предоставлении займов и кредитов на эти цели. Соответствующие ходатайства в 1905 г. направили органы самоуправления Минска, Гродно и пр. [9, л. 695; 10, л. 205 – 205 об.].

При очередной угрозе эпидемии холеры в 1908 г. городские власти белорусско-литовских губерний принимали обычные распоряжения о благоустройстве источников водоснабжения и городских территорий, осуществлении дезинфекции, приобретении медикаментов, приглашении санитарного персонала, устройстве холерных больниц и пр. Соответствующие постановления были приняты городскими властями Пинска, Двинска и др. [11, л. 302–303 об., 323 – 324.; ф. 12, л. 235 – 236].

В начале XX в. органы самоуправления большинства белорусских городов стали более активно участвовать в организации противоэпидемических мероприятий, что отражено в их постановлениях. Однако окончательно ликвидировать угрозу возникновения и распространения эпидемий не удалось. Это было обусловлено тем, что в условиях активных урбанизационных процессов требовалось провести масштабные работы по оздоровлению городских территорий, улучшению источников водоснабжения и устройству канализации. Реализация этих проектов требовала значительных финансовых вложений. «Правила...» от 11 августа 1903 г. обязывали органы городского и земского самоуправления организовывать противоэпидемические мероприятия за счет собственных средств, только в крайнем случае можно было ходатайствовать о предоставлении правительственного пособия. Но земские и городские бюджеты с трудом могли справиться с дополнительной финансовой нагрузкой. Например, к 1910 г. только 25 из 84 городов белорусско-литовских губерний не имели долгов перед казной (преимущественно это были небольшие уездные и заштатные города). В остальных случаях кроме задолженности доходы едва покрывали расходы или бюджеты были составлены с дефицитом [подсчитано по: 13, с. 165 – 167].

Чтобы обеспечить проведение эффективных противоэпидемических мероприятий в городах, требовалось в законодательном порядке предоставить дополнительные средства для их реализации. Только в 1911 г. был принят закон, согласно которому правительство выделило 4 млн руб., из которых 2,5 млн руб. предполагалось распределить в качестве пособий органам городского и земского самоуправления. Эти средства можно было использовать на расширение штата медицинского персонала, приобретение лекарств, дезинфекционных средств. Также органы самоуправления могли получить пособия на проведение работ по благоустройству источников водоснабжения, на открытие временных лечебных заведений (барачков, больничек, амбулаторий и пр.). Ходатайства о выделении средств должны были направляться через губернские санитарно-исполнительные комиссии в Высочайше учрежденную Комиссию о мерах борьбы с чумною заразою, которая распределяла пособия. В ходатайстве необходимо было указать планируемые статьи расходов и размер сумм, необходимых для осуществления намеченных мер, приложить постановление по этому вопросу губернской комиссии и окончательное заключение губернатора. В законе оговаривалось, что правительственное пособие не могло превышать 50% запланированных расходов. Органы местного самоуправления обязаны были из собственных средств выделить оставшиеся 50% [14, с. 351]. На этом основании органы городского самоуправления белорусско-литовских губерний начали направлять ходатайства о предоставлении правительственных пособий. В Комиссию были направлены ходатайства о выделении средств для строительства водопровода от Полоцкой городской думы [15, л. 197 – 197 об.], для благоустройства источников водоснабжения – от Речицкого собрания уполномоченных [16, л. 176 – 177 об.] и т.д.

В пореформенный период органы городского самоуправления белорусско-литовских губерний принимали меры по предотвращению и менее тяжелых, чем чума и холера, инфекций (например, оспы, скарлатины, дизентерии). С этой целью городские власти выделяли средства на организацию бесплатных прививок для бедного населения. Так, городские власти Городка в 1900 г. закупили оспенный детрит, Витебска в 1908 г. – скарлатино-стрептококковую вакцину, Могилева в 1912 г. – противодифтеритную сыворотку [17, л. 65; 18, с. 35 – 36; 19, с. 3]. Городские власти выделяли средства на организацию дезинфекционных мероприятий, устройство изоляционных квартир или домов. Например, Минская городская дума в 1911 г. оборудовала две изоляционные квартиры и выделяла на содержание каждой из них по 200 руб. в месяц [20, л. 392].

Таким образом, на протяжении 1875 – 1914 гг. органы городского самоуправления белорусско-литовских губерний принимали участие в организации и проведении противоэпидемических мероприятий. Однако первоначально их эффективность была невысокой, т.к. городские власти не располагали достаточными финансовыми средствами, а правительство старалось обеспечить финансирование борьбы с эпидемиями исключительно за счет местных источников. Кроме того, деятельность правительственных учреждений, губернской администрации и органов самоуправления по предупреждению распространения эпидемий не была скоординированной, что создавало ряд трудностей при реализации тех или иных постановлений. Положительные тенденции в этой области наметились с 1897 г., после учреждения специальной Комиссии, которая на государственном уровне обязана была организовывать, координировать и контролировать проведение мероприятий, направленных на прекращение эпидемий наиболее тяжелых инфекций (чумы и холеры). Дополнительные средства для их финансирования правительство начало выделять с 1911 г. Но даже в этих условиях эффективность деятельности органов городского самоуправления Беларуси была невысокой, т.к. любые, даже самые успешные мероприятия, носили краткосрочный характер и сворачивались после того, как угроза эпидемии миновала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 41067. Представления городских голов с копиями постановлений городских дум о предоставлении помещений для войск, об устройстве водопроводов и другим вопросам.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) (г. Гродно). – Ф. 17. Оп. 1. Д. 35. Копии постановлений Белостокской городской думы за 1892 г.
3. Протоколы Виленской городской думы за второе полугодие 1892 года. – Вильно : Тип. М.Б. Жирмунского, 1892. – 4 с., 223 с., [1 с.].
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 46. Протоколы заседаний Городской думы за 1893 г.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) (г. Гродно). – Ф. 17. Оп. 1. Д. 111. Дело об ассигновании денежных средств для проведения санитарных мероприятий в целях предотвращения появления холеры в г. Гродно.
6. Протоколы Виленской городской думы за второе полугодие 1893 года. – Вильно : Тип. М.Б. Жирмунского, 1893. – 5 с., [1 с.], 152 с.
7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3. – СПб. : Гос. тип., 1885 – 1917. – Т. 17 : 1897. От № 13611 – 14680 и доп. – 1900. – 1556 с., 37 рис., разд. паг.
8. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3. – СПб. : Гос. тип., 1885 – 1917. – Т. 23 : 1903. Отд-ние 1. От № 22360 – 23838 и доп. – 1905. – 1303 с., разд. паг.
9. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 24. Оп. 1. Д. 3600. Постановления Думы [за второе полугодие 1899–1907 гг.].
10. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) (г. Гродно). – Ф. 17. Оп. 1. Д. 319. Копии постановлений Гродненской городской думы за 1905 г.
11. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 22. Оп. 1. Д. 994. Журналы заседаний Пинской городской думы за 1908 г.
12. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 4144. Постановления Двинской городской думы за 1909 г.
13. Города России в 1910 году / Центр. стат. к-т МВД. ПБ.: Тип.-лит. Н.Л. Ныркина, 1914. – 1193 с., разд. паг.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3. – СПб. : Гос. тип., 1885 – 1917. – Т. 31 : 1911. Отд-е 1. От № 34629 – 36390 и доп. – 1914. – 1440 с., разд. паг.
15. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5233. Доклады Полоцкой городской управы и Городской думы об уплате налога и др.
16. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 22. Оп. 1. Д. 1102. Журналы заседаний Собрания уполномоченных Речицкого городского общественного управления.
17. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2508. Оп. 1. Д. 1364. Постановления Городского собрания уполномоченных за 1900 г. (копии).
18. Отчет Витебской городской санитарной комиссии за 1908 год. – Витебск : Типо-литогр. П. Подземского, 1910. – 56 с., диагр.
19. Могилевский Вестник. – 1912. – 25 сент. (8 окт.). – № 213.
20. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 24. Оп. 1. Д. 3642. Журналы и протоколы заседания Думы.

Поступила 13.01.2015

**ANTI-EPIDEMIC MEASURES OF MUNICIPAL GOVERNMENT
OF THE BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES IN 1875 – 1914 YEARS**

N. MOTOROVA

Throughout the 1875 – 1914 years the urban population of the Belarusian-Lithuanian provinces faced the periodically repeating epidemics of infectious diseases. Bodies of municipal government took measures to prevent epidemics and wind up their consequences. They published decrees, established sanitary boards of guardians and founded temporary hospitals, allocated funds to improve sanitary condition of towns. But these actions were spontaneous short-term nature. Their shortcomings revealed during the cholera epidemic in 1892–1893 years. The serious problem was the shortage of funds at carrying out anti-epidemic measures. The situation began to improve after the establishment of the Special Commission in 1897. It was supposed to provide conducting anti-epidemic measures, to coordinate activities in this area of various institutions. Since 1911 the government began to allocate funds to local governments to carry out anti-epidemic and sanitary measures. But even in these conditions, the effectiveness of the activities of the municipal government of the Belarusian-Lithuanian provinces was low, as even the most successful events were of short duration and folded after the threat of an epidemic passed.

УДК 392.1(476) «19/20»

«ПРИВАТНАЯ» (ИНДИВИДУАЛЬНАЯ) ПАМІНАЛЬНАЯ АБРАДНАСЦЬ БЕЛАРУСАЎ ПАДЗВІННЯ (ПА МАТЭРЫЯЛАХ КАНЦА XX – ПАЧАТКУ XXI СТАГОДДЗЯЎ)¹

канд. гіст. навук У.Я. АЎСЕЙЧЫК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)

На аснове этнаграфічных матэрыялаў канца XX – пачатку XXI ст. разгледжана індывідуальная («прыватная») памінальная абраднасць беларусаў Падзвіння. Прааналізаваны памінальныя традыцыі на трэці, дзявяты, саракавы (трыццаты) дні, гадавіну з дня смерці. Разгледжаны парадак рытуальных дзеянняў, выяўлены іх лакальныя адрозненні ў межах Падзвіння. Да этналагічнага вывучэння прыцягнуты новыя палявыя матэрыялы, частка якіх зафіксавана аўтарам. Вынікі даследавання будуць карысныя для вывучэння светапогляду і вераванняў беларусаў.

Уводзіны. У айчынным народазнаўстве практычна адсутнічае ўсебаковы і ўзважаны аналіз сучаснага стану пахавальна-памінальнай абраднасці беларусаў. Такіх даследаванняў не стае як у адносінах да ўсяго беларускага абшару, так і да канкрэтных рэгіёнаў краіны. У сваю чаргу даследаванне дадзенага аспекту народнай культуры з’яўляецца часткай больш аб’ёмнай праблематыкі – функцыянавання культуры беларускага этнасу на сучасным этапе развіцця. Пахавальныя і памінальныя абрады з’яўляюцца адной з найбольш архаічных і складана арганізаваных частак традыцыйнай культуры. У сучасных умовах менавіта пахавальна-памінальная абраднасць валодае магутным механізмам захавання традыцыйнай культуры. Таму актуальнасць яе вывучэння набывае істотнае значэнне. Гэтая частка культуры не толькі ўвабрала ў сябе элементы сямейнай і каляндарнай абраднасці, але ахоплівае значна большы комплекс сацыяльных праяў жыцця грамадства, таму яе вывучэнне не толькі дазваляе выявіць узаемасувязі абрадавых комплексаў сямейнага і каляндарнага цыклаў, але і садзейнічае разуменню асаблівасцей самабытнай культуры беларусаў.

У структуры традыцыйнай памінальнай абраднасці беларусаў прынята выдзяляць «прыватныя» (індывідуальныя) памінальныя дні і «агульныя» [1, с. 81; 2, с. 148]. Першыя звязаны з памінаннем асобнага нябожчыка (на працягу года, радзей трох, з дня смерці) і застаюцца ў межах працягу пахавальнага абраду. Агульныя памінкі прысвечаны ўшанаванню памяці ўсіх памерлых продкаў і ўключаны ў структуру каляндарнай абраднасці.

У параўнанні з пахавальным абрадам і каляндарнымі памінкамі, этнаграфічныя зборнікі XIX – першай трэці XX ст. змяшчаюць мала інфармацыі аб памінальных абрадах беларусаў Падзвіння, якія адбываюцца на працягу года з дня смерці. Этнограф М. Анімеле ў сваю чаргу адзначаў, што і самі прыватныя памінкі – даволі рэдкая з’ява ў вясковага насельніцтва ў параўнанні з каляндарнымі памінаннямі. У сярэдзіне XIX ст., па словах даследчыка, яны сустракаліся толькі ў заможных сялян [3, с. 212]. Этнограф С. Нячаеў згадваў, што беларусы Бягомльшчыны (сучасны Докшыцкі раён) паміналі памерлых толькі два разы пасля смерці: на саракавы дзень і Прыкладзіны² [4, с. 227]. У той жа час М. Нікіфароўскі прыводзіў звесткі аб большай колькасці такіх памінанняў. Ён адзначаў, што ў цэнтральнай і ўсходняй частцы Падзвіння індывідуальныя памінкі адбываліся ў трэці, дзявяты, дваццаць першы, саракавы дні і гадавіну [5, с. 295]. У залежнасці ад часу спраўлення гэтыя памінкі, па словах этнографа, мелі адпаведныя назвы: «траціны», «шасціны», «дзеваціны» [5, с. 295]. Аднак больш дэтальнага згадвання памінальных ўрачастансці даследчык не апісаў. Не разгледзелі дадзеную частку памінальнай абраднасці беларусаў Падзвіння і іншыя этнографы XIX – першай трэці XX ст. Бракуе такіх матэрыялаў і ў другой палове XX ст. Толькі сістэматычнае даследаванне Падзвіння ў 1990-я – пачатак 2000-х гг. прывяло да назапашвання значнага аб’ёму матэрыялаў па абранай тэме.

Мэта дадзенай працы – разгледзець індывідуальныя памінальныя абрады беларусаў Падзвіння на аснове матэрыялаў канца XX – пачатку XXI ст., вылучыць іх традыцыйныя і новыя элементы, разгледзець парадак рытуальных дзеянняў, выявіць лакальныя адрозненні ў межах рэгіёна.

¹ Артыкул падрыхтаваны ў ходзе працы па тэме «Традиционный культурно-языковой ландшафт белорусско-русского (Витебско-Смоленского) пограничья XX – начала XXI в.: символика фольклорных образов, ритуальные функции и их коммуникативные репрезентации» (№ Г14РП-003).

² Пад Прыкладзінамі разумеюцца абрадавыя дзеянні, звязаныя з упарадкаваннем магілы (абкладанне магілы дзёрнам, пастаноўка помніка і інш.), якія характэрны для першага года пасля смерці. Больш падрабязна гл.: Аўсейчык, У.Я. Абрад Прыкладзіны ў беларусаў Падзвіння / У.Я. Аўсейчык // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. II міжнар. навук. канф., Полацк, 17–18 красав. 2014 г.: у 2 ч. / Полацкі дзярж. ун-т; пад агулн. рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача, С.А. Шыдлоўскага. – Ч. 1. – Наваполацк: ПДУ, 2014. – С. 144–156.

Асноўная частка. У сучасны перыяд, як паказваюць матэрыялы палявых этнаграфічных даследаванняў, падзел памінальных абрадаў на «прыватныя» і «агульныя» яўляецца некалькі ўмоўным. Для сучаснага стану традыцыйнай памінальнай абраднасці беларусаў характэрна сціранне межаў паміж агульнымі і індывідуальнымі памінкамі. Як сведчаць матэрыялы палявых даследаванняў, індывідуальныя памінанні перастаюць абмяжоўвацца годам з дня смерці [6, арк. 28, арк. 40; 7, арк. 41]. Колькасць іх таксама ўзрастае. Памяць памерлага ўшаноўваюць іншы раз у дзень смерці і дзень народзінаў [8, арк. 8; 9, арк. 12, арк. 15, арк. 39]. Шэраг элементаў прыватных памінанняў уключаюцца ў каляндарныя памінкі. У каляндарных памінальных абрадах іншы раз ушаноўваюць не агульную групу дзядоў-продкаў, а канкрэтных памерлых. Сведчанні гэтай тэндэнцыі праяўляюцца нават у такім архаічным элеменце як формула-запрашэнне памерлых продкаў на Дзяды. У сучасны перыяд асабліва ўвага ў запрашэнні памерлых продкаў скіроўваецца не на агульную катэгорыю дзядоў-продкаў, як гэта было ў мінулым, а на нядаўна памерлых родных: *«Завуць, памолюцца Богу, там: “Тата, мама, брат, сестра, а каму некуды ісці, і тых прыглашайце”»*¹; *«Ну вот приглашайи, вот свечачку запалии, памолісья Богу, а тады як у мяне і мужык памёр тады стаю ўжо ў вакне і заву: “Мама і тата і Валодзя, ён зваўся, прыхадзіце ў Дзяды, і ў каго нема куды, завіце ўсіх сюды”*. Вот такія слава гаварылі»². Правай дадзенай тэндэнцыі можа служыць і з’яўленне на памінальным сталё фотаздымкаў нядаўна памерлых: *«На Дзяды грамічную свечку палілі, картачкі на стол ставілі, прыгаваравалі, каб прыхадзілі на вячэру»*³.

У рэгіёне колькасць «прыватных» памінальных дзён, а таксама асабліва сці рытуальных дзеянняў у кожны з іх, адрозніваюцца ў залежнасці ад лакальнай традыцыі і канфесійнай прыналежнасці. Этнаграфічныя крыніцы канца XIX ст. на Падзвінні сярод беларусаў праваслаўнага веравызнання зафіксавалі прыватныя памінальныя абрады на трэці, шосты, дзявяты, дваццаты (дваццаць першы), саракавы дні, у паўгода і гадавіну [5, с. 295; 10, с. 583]. У сучасны перыяд у рэгіёне памінанні на шосты, дваццаты (дваццаць першы дні) і на паўгода пасля смерці амаль не фіксуюцца. Найбольш пашыранымі сярод беларускага праваслаўнага насельніцтва з’яўляюцца памінкі на трэці (або на наступны пасля пахавання), саракавы дні, а таксама ў гадавіну пасля смерці. У беларусаў каталіцкага веравызнання памінальныя абрады адбываюцца на наступны дзень пасля пахавання, трыццаты дзень, гадавіну з дня смерці, радзей на сёмы і дзявяты дні [8, арк. 30; 9, арк. 44; 11, с. 189; 12, с. 140–141].

Разам з іншымі лакальнымі адрозненнямі, для рэгіёна характэрна існаванне некаторай варыяцыйнасці ў назвах прыватных памінальных абрадаў. Пераважна яна залежыць ад спосабу адліку часу пасля смерці (па днях, тыднях, гадах). Таму ў асобных лакальных традыцыях назвы аднаго і таго ж памінальнага абраду іншы раз адрозніваюцца. Так, у адных месцах памінкі на саракавы дзень маюць назву *«сарачыны»* або *«саракавіны»*, а ў другой – *«шасціны»* (г. зн. памінкі праз шэсць тыдняў) [14, арк. 78; 13, арк. 56; 8, арк. 11]. Дадзеная асабліва сці не абумоўлена толькі тэрытарыяльным фактарам. Нават у адной лакальнай традыцыі назвы прыватных памінальных дзён могуць паходзіць з розных варыянтаў адліку часу пасля смерці [17, с. 198]. У рэгіёне зафіксаваны выпадкі, калі розныя прыватныя памінкі маюць адну і тую ж назву. Так, памінкі на трэці дзень у наш час яшчэ сустракаюцца пад назвай *«траціны»* [15, р. 68]. На Падзвінні, па сведчанні М.Я. Нікіфароўскага, пад *«трацінамі»* былі вядомы памінкі на дваццаць першы дзень (г. зн. праз тры тыдні) [5, с. 295]. А даследчык К. Фалютынскі ўвогуле пад *«трацінамі»* разумее памінкі праз тры гады пасля смерці [16, с. 88].

Траціны. У беларусаў Падзвіння як праваслаўнага, так і каталіцкага веравызнання захоўваецца архаічная традыцыя памінаць памерлага ўжо на наступны дзень пасля пахавання. Абрадавыя дзеянні гэтага памінання абмяжоўваюцца наведваннем могілак, і, у шэрагу выпадкаў, спраўленнем там трапезы (як лічыцца, разам з нябожчыкам): *«Ну, на кладбішча, сразу, пахаранілі сягоння, а заўтра раненька нада ісці на кладбішча, есці несці. Нясучь там яму ўжо перакуску, хто што»*⁴. У рэгіёне традыцыя наведваць магілу памерлага на наступны дзень пасля пахавання ў наш час яшчэ фіксуецца пад назвай *«будзіць памерлага»*: *«На трэці, як памрэ, гэта будзіць нада, абед нясці, заўтрак. Пабудзіць нада, гарэлку нясучь, закуску»*⁵. У гэты дзень, як правіла, могілкі наведваюць толькі родныя памерлага: *«Ходзяць, уся радня ходзіць. Бяруць закуску і ідуць тады на кладбішча. І ўся радня там, каля магілкі гэтай памінаюць. <...> Вот сягоння пахавалі, назаўтра рана нада ісці. <...> Гэта ж кажучь, разам паядзём там, ці пайдзём разам там паснедаем»*⁶. Традыцыйна, на Падзвінні памінальная трапеза адбывалася на самой магіле, якую засцілалі асобным абрусам ці ручніком: *«На заўтра сабіраюцца, ня ўсе ж сабіраюцца, там ці сын, ці дачка, ці маці, колькі чалавек пойдзіць там, ну што прыдуць, магілку засцілюць, па сто грам вып’юць,*

¹ Зап. аўтарам у 2011 г. ад Дранковіч Г.М., 1936 г.н. у в. Шалагіры Докшыцкага р-на.

² Зап. аўтарам у 2011 г. ад Дунец Н.А., 1921 г.н. у в. Таргуны Докшыцкага р-на.

³ Зап. Валодзінай Т.В. у 1998 г. ад Сяднёвай Г.П., 1919 г.н. у в. Бачэйкава Бешанковіцкага р-на.

⁴ Зап. аўтарам у 2009 г. ад Крыўко Т.М., 1926 г.н. у в. Осцевічы Мёрскага р-на.

⁵ Зап. аўтарам у 2011 г. ад Дранковіч Н.І., 1936 г.н. у в. Гліннае Докшыцкага р-на.

⁶ Зап. аўтарам у 2010 г. ад Хрол Л.М., 1922 г.н. у в. Храпы Глыбоцкага р-на.

пастаяць, паплачуць і пойдуць назад. Ніхто ж не вярнуўся»¹. Абавязковым момантам такога памінавання, па словах рэспандэнтаў, з'яўляецца пакіданне памерламу ежы на магіле: «А назаўтра? – Хадзілі будзіць. Палажылі яды. Гарэлку ў чарку, а закуску на тарэлку» [15, р. 68]. У сучасны перыяд такая традыцыя не заўсёды выконваецца, асабліва з-за ўплыву святароў: «Ну гэта так на заўтра ходзяць, так. Занясут там, як цяпер гарэлку занясут. Бацюшка, ксёндз не разрашаець каб насілі на кладбішча гарэлку, не выпівалі. А раньша тады прынясуць, румачку нальюць, а што там пакойнік той, паложачь там канфеты, пячэнне – птушка з'есць там»²; «А не, не, уперад бралі, бываець і вып'юць тамака, а цяперака і бацюшка і ксёндз гавораць – гэта лішняе, не нада нічога, каб на магільніку нічога не астаўлялі ежнага. Цвяткі тока прынясуць»³. У гэты дзень памінальная трапеза іншы раз ладзіцца і ў хаце. Гэта адбываецца тады, калі не спраўляюць яе на могілках: «Ходзяць на кладбішча на следуюшчы дзень. Ну вот своя радня ідуць, сваі хатнікі і боlí ніхто. На кладбішча ідуць, а тады ўжо прыйдуць, памінаюць і ўсё»⁴. Як вынікае з сучасных палявых даследаванняў, у рэгіёне не існуе строгай рэгламентацыі адносна парадку рытуальных дзеянняў, а таксама асартыменту памінальных страў.

Памінкі на дзевяты і сёмы дні. У беларускага праваслаўнага насельніцтва Падзвіння наступныя памінкі ладзяць на дзевяты дзень пасля смерці. Гэты памінальны абрад звязаны з уяўленнем аб провадах душы ў далёкую дарогу, з якой яна нібыта вяртаецца толькі на саракавы дзень [18, с. 381]. Традыцыя памінавання памерлых у гэты час распаўсюджана не ва ўсім рэгіёне. У некаторых яго частках яна даволі позняя паходжання: «Цяпер выдумалі і дзевяты дзень, даўней не было»⁵; «Гэта ж і шасціны бываюць. Цяпер і дзевяць дней. – А даўней не было дзевяці дней? – Не-а. Тры дні, тады шасціны, а тады як ужо год»⁶. Такая асабліваць абумоўлена пашырэннем уплыву царквы на пахавальна-памінальную абраднасць у сучасны перыяд. Памінкі на дзевяты дзень праходзяць даволі сціпла і звычайна без наведвання могілак. Памінальную трапезу ладзяць дома. На ёй прысутнічаюць толькі родныя і самыя блізкія нябожчыка [6, арк. 54; 8, арк. 11; 19, с. 387]. Да гэтага памінальнага дня іншы раз прымяркоўваюць царкоўную службу па памерламу [13, арк. 5; 20, арк. 42]. Сярод каталіцкага насельніцтва Браслаўшчыны зафіксаваны падобны памінальны абрад на сёмы дзень пасля смерці. У рэгіёне ён вядомы пад назвай «жалобны стол» (такую ж назву маюць памінкі на трэці і трыццаты дні) [12, с. 140–141].

Памінане на саракавы (трыццаты) дзень. Асабліва важнымі ў цыкле сучасных прыватных памінанняў лічацца памінкі на саракавы (у праваслаўных) ці трыццаты (у католікаў) дзень. Згодна з павер'ем пасля смерці чалавека яго душа пэўны час знаходзіцца на зямлі, а пасля 40 (у католікаў – 30) дзён выпраўляецца на неба (у «вырай») [21, с. 426; 22, с. 163]. Гэтыя памінкі адзначаюцца як провады душы на «той» свет: «Гэта я не знаю, як паложэна. Гэта ўжо Бог душу забіраць. Да сарака дней душа ходзіць, у нас эдак, у рылігіі. А ўжо паслі сарака дней Бог тады ўжо судзіць чалавека. Ну эта па рылігіі»⁷. У беларусаў Падзвіння як каталіцкага, так і праваслаўнага веравызнання важным кампанентам у гэты дзень лічыцца памінальная служба ў храме [20, арк. 20; 23, арк. 37]. На памінкі ў саракавы (трыццаты) дзень у хаце памерлага адбываецца застолле, на якое запрашаюць амаль усіх, хто прымаў удзел у пахаванні. Па сведчанні рэспандэнтаў, такая традыцыя бытуе і ў наш час: «А на саракавы робюць, а на саракавы сазываюць усіх родственнікаў, капачыстаў, што яму капаюць, гэта ўжо ўсіх»⁸. Існуе строгае прадпісанне спраўляць гэтыя памінкі не пазней саракадзённага тэрміну: «Ну ў нас у гэта ў тры дні ідуць на кладбішча, тады ў дзевяць дней, а потым ужо як сорок, да сарака, ужо калі дні два тры ўпярод здзелаюць, гэта разрышаецца, ну после сарака нільзя»⁹. Аднак зафіксаваны выпадкі, калі сучаснае вясковае насельніцтва Падзвіння гэтыя памінкі часам ладзіць не строга на саракавы (трыццаты) дзень, а прымяркоўвае да бліжэйшых выходных [19, с. 387].

У сучасны перыяд ход памінальнага застолля ўжо мала захоўвае рытуальных элементаў, але яшчэ існуе патрабаванне ў наяўнасці на памінальным сталe абавязковых рытуальных страў. Для Падзвіння найбольш характэрнымі з'яўляюцца тры памінальныя стравы: куцця, поліўка (юшка) і клёцкі. Гэта тычыцца не толькі індывідуальных памінак, але і памінальнай вячэры ў дзень пахавання і каляндарных ушанаванняў [38, с. 40]. Дадзеныя памінальныя стравы таксама характэрны для Барысаўскага і Лагойскага раёнаў Мінскай вобласці, у той час як у другіх раёнах Міншчыны распаўсюджаны іншыя наборы

¹ Зап. аўтарам у 2011 г. ад Шуневіч С.М., 1923 г.н. у в. Чарнічка (II) Докшыцкага р-на.

² Зап. аўтарам, Круткіным А. у 2010 г. ад Мацюшонак Ю.М., 1924 г.н. у в. Зерчаніцы Ушацкага р-на.

³ Зап. аўтарам, Круткіным А., Пятровым І. у 2010 г. ад Радзюша В.Ф., 1928 г.н., Радзюш М.Ю., 1938 г.н. у в. Вострава Глыбоцкага р-на.

⁴ Зап. аўтарам у 2009 г. ад Заяц А.А., 1936 г.н. у в. Шарагі Мёрскага р-на.

⁵ Зап. Валодзінай Т.В у 2006 г. ад Глазко М.М., 1926 г.н. у в. Баяры Докшыцкага р-на.

⁶ Зап. Валодзінай Т.В і Лобачам У.А. у 2006 г. ад Ставер В.Ю., 1935 г.н. у в. Маргавіца Докшыцкага р-на.

⁷ Зап. аўтарам у 2012 г. ад Карнацэвіча А.У., 1931 г.н., Карнацэвіч Л., 1929 г.н. у в. Верацеі Пастаўскага р-на.

⁸ Зап. аўтарам, Круткіным А., Салаўёвым С., Трацяковай А. у 2010 г. ад Анашкевіч Л.М., 1935 г.н. у в. Шо Глыбоцкага р-на.

⁹ Зап. аўтарам у 2011 г. ад Батура В.М., 1928 г.н. у в. Чарнічка (II) Докшыцкага р-на.

рытуальных страў [34, с. 323; 39, л. 322]. У дадзеным элеменце пахавальна-памінальнай абраднасці прасочваецца тыпалагічнае падабенства і нават роднасць традыцыйнай культуры Барысаўскага і Лагойскага раёнаў з Падзвінскім рэгіёнам.

Жалоба на працягу года. У беларусаў Падзвіння жалоба пасля смерці працягвалася цэлы год. На працягу гэтага перыяду ў сем'ях, дзе быў нябожчык, забаранялася спраўляць вяселлі, ўдзельнічаць у розных забавах, спяваць і танцаваць [23, арк. 13; 5, с. 294; 24, с. 96]. Жалоба па памерламу праяўлялася і ў асаблівасцях спраўлення некаторых каляндарных святаў. Так, у тых дамах, дзе на працягу года быў нябожчык, не малявалі мелама крыжоў на Хрышчэнне, а толькі драпалі іх нажом у патрэбных месцах, не абпальвалі жывёлу і людзей «грамнічнай свечкай», на Вялікдзень і Духаў дзень не фарбавалі яйкі, не ставілі «май» у Троіцын дзень [5, с. 294]. На Сенненшчыне сям'я не прыбірае двор «маем», калі ў час ад пачатку года да Троіцы ў сям'і памёр нехта з бацькоў [25, с. 221]. Падобныя забароны яшчэ характэрны для сучаснага вясковага насельніцтва Падзвіння. У рэгіёне распаўсюджаным застаецца перакананне, што ў тых сем'ях, дзе на працягу года быў нябожчык, на Вялікдзень не фарбуюць яйкі: «А на Вялікадні яйкі красілі? – Красілі. Ну, як хто памрэ ў гэты год, тады не. Не красяць ў гэты год. У мяне брат памер, тады братава, на адным гаду памярлі. Дык два гады не варыла яйкі»¹. Існуе традыцыя ў гэты перыяд насіць адзенне чорнага колеру. Аднак спецыфіка выканання гэтай традыцыі ў сучасны перыяд можа залежыць ад таго, кім прыходзіцца нябожчык: «Ну, чорнае. Па матцы носюць жалабу, па дзяцёнку носяць жалабу ў чорным, а па мужыку і па жонцы, кажучь, ня носяць жалабу»².

Гадавіна («гадаўшчына», памінкі «ў год»). Беларускае насельніцтва Падзвіння памінае памерлых таксама праз год пасля смерці. У мінулым, як сведчаць крыніцы, памінанне памерлых праз год пасля смерці не было пашыраным ва ўсім рэгіёне. Адсутнасць яго фіксуецца ў тых частках Падзвіння, дзе распаўсюджаны абрад Прыкладзінаў (заходняя і цэнтральная частка рэгіёна). Пра такую асаблівасць яшчэ памятаюць рэспандэнты: «Прыкладзіны дзелалі. Усю жыццё ў Прыкладзіны. Вот сорок дней, і год у нас не было пераж»³. У наш час абрад Прыкладзіны паступова выцясняецца памінкамі ў гадавіну з часу смерці: «Прыкладзень ужо ня робяць, робяць год. У мяне брат у горадзе памер, дык ужо не робілі Прыкладзень, але хадзілі на кладбішча. Ня Прыкладзень, а як прыкладаюць у той дзень, а год ужо»⁴. Можна меркаваць, што ў мінулым абрад Прыкладзінаў якраз і завяршаў цыкл прыватных памінанняў. Аднак пад уплывам шэрагу фактараў, асабліва ўздзеяння царквы, памінальныя абрады ў гадавіну з дня смерці сталі больш распаўсюджанымі на тэрыторыі Падзвіння.

На гадавіну прынята замаўляць памінальную службу па памерламу ў храме [23, арк. 37; 6, арк. 28; 13, арк. 47]. У гэты дзень родныя наведваюць магілу нябожчыка, а потым спраўляюць жалобную трапезу дома [23, арк. 25; 13, арк. 48]. Іншы раз фіксуецца памінальная трапеза ў гэты дзень і на могілках: «Ну цераз год нада адмячаць, у нас ходзяць. Свечачку запалюць, гэту занясуць яму канфет, закускі, паставяць усе, гарэлку п'юць, у чарачку яму, усе пасядзяць каторыя, стол накрываюць, у каго столікі пароблены, закуску паставяць, гарэлку вып'юць»⁵.

Памінанне ў гадавіну пасля смерці завяршае цыкл прыватных памінак. Аднак на Падзвінні, як сведчаць крыніцы, прыватныя памінанні іншы раз працягваліся да трох гадоў. Пра такую асаблівасць ў рэгіёне яшчэ ў 1820-я гг. пісаў К. Фалютынскі [16, с. 88]. У сучасны перыяд такі тэрмін прыватнага памінання яшчэ фіксуецца ў некаторых частках Віцебска-Смаленскага памежжа сярод вясковага насельніцтва [26, с. 745; 27, с. 111]. Сустрэкаюцца нават сведчанні аб 15-гадовым памінанні памерлага [27, с. 111]. Такая традыцыя не з'яўляецца распаўсюджанай сярод беларускага і ўвогуле славянскага насельніцтва. Яна існавала толькі ў паўднёвых славян і была зафіксавана ў паўночна-заходняй частцы Балгарыі, на што звярнула ўвагу В. Седарова [28, с. 69].

Разам з абрадавымі дзеяннямі на працягу году (зрэдку – трох) пасля смерці чалавека ў беларускага насельніцтва Падзвіння яшчэ захоўваецца шэраг прадпісанняў і ўяўленняў адносна асаблівасцей ушанавання нябожчыка. Так, у сучасны перыяд пашыраным з'яўляецца ўяўленне, што надмагільны помнік можна ўстанаўліваць толькі пасля году з дня смерці: «Ну год пройдзе дык памятник ставяць, а да гэтага не ставяць. Вот так»⁶. Аднак зафіксаваны выпадкі, калі рэспандэнты называюць такую традыцыю даволі новай: «Памятник, як даўна хто там стаўляў. Камень які ўзвернуць на магілку. А цяпер у год стаўляюць»⁷. Тлумачэнне забароны на ўстаноўку помніка да гадавіны у наш час, па словах рэспандэнтаў,

¹ Зап. аўтарам у 2009 г. ад Плыгаўка М.І., 1936 г.н. у в. Тумілавічы Докшыцкага р-на.

² Зап. аўтарам, Круткіным А., Салаўёвым С., Трацяковай А. у 2010 г. ад Анашкевіч Л.М., 1935 г.н. у в. Шо Глыбоцкага р-на.

³ Зап. аўтарам і Жахоўскім Б. у 2009 г. ад Пецько Г.С., 1931 г.н. у в. Рачныя Докшыцкага р-на.

⁴ Зап. аўтарам у 2011 г. ад Дземідовіч М.І., 1924 г.н. у в. Замасточча Докшыцкага р-на.

⁵ Зап. аўтарам у 2011 г. ад Васіковіч М.Е., 1936 г.н. у в. Чарніца (ІІ) Докшыцкага р-на.

⁶ Зап. Казловым Д. І. у 2013 г. ад Тоўпінец С., 1948 г.н. у в. Шыпулі Бешанковіцкага р-на.

⁷ Зап. аўтарам у 2009 г. ад Януковіч Ф.І., 1936 г.н. у в. Гайдукі Пастаўскага р-на.

не столькі абумоўлена традыцыяй, колькі мае практычна-ўтылітарны характар: «Калі памятник ставіць? Нада, што б год прашоў. За тое, што заране зямля садзіцца»¹.

Прасторавая арыентацыя надмагільных помнікаў (заход – усход) у значнай ступені была абумоўлены канфесійнай прыналежнасцю пахаванага [30, с. 408]. Аднак у шэрагу выпадкаў арыентацыя помніка і спосаб устаноўкі крыжа («у галаве» ці «ў нагах»), як і арыентацыя магілы, вызначаліся не толькі рэлігійнымі прадпісаннямі, але і залежалі ад мясцовай традыцыі: «Да, усе ў адзін бок, правільна. Ну як начаў першы хто хараніцца, так ужо ўсе хароняць. Ня гэта што адзін туды, другі туды, не. <...> А знаю, што ў адну старану, як пачалі, то так усе адзінакава. Прыглядаюцца што абы як»². Акрамя таго, арыентацыя магілы, якая непасрэдным чынам звязана з прасторавай лакалізацыяй свету памерлых (дакладней з накірункам, у якім ён знаходзіцца), мае яшчэ дахрысціянскія карані. Таму не дзіўнымі падаюцца выпадкі заходняй арыентацыя магіл памерлых беларусаў каталіцкага веравызнання і сёння, асабліва на невялікіх вясковых могілках, дзе ўплыў касцёла не такі істотны.

Памеры, форма і характар надмагільнага помніка, згодна з этнаграфічнымі крыніцамі XIX – пачатку XX ст., указвалі на пажыццёвыя характарыстыкі памерлага. Так, на Падзвінні вышыня надмагільнага крыжа залежала ад узросту памерлага: чым старэйшы нябожчык – тым большы крыж. Такая ж асаблівасць датычылася і памеру надмагільнага насыпу [25, с. 222]. Падобныя ўяўленні яшчэ і зараз фіксуецца сярод беларусаў Докшыччыны: «А вялікія драўляныя крыжы? – Гэта ставілі старым, пажылым людзям. А малым ні ставілі. Там жа іх густа – магілачка для магілачкі. Плітачкі маленькія. Аставаліся ж толькі смялякі – людзі закалі здароўя. А маленькія раджаліся і ўміралі часта»³. На знешні выгляд магілы ўплывала і полавая прыналежнасць нябожчыка. На Падзвінні надмагільныя крыжы на мужчынскіх і жаночых магілах адрозніваліся па таўшчыні (але не па вышыні) [5, с. 294]. Даўней на магілах жанчын, асабліва тых, якія вызначаліся непрыстойнымі паводзінамі пры жыцці, крыжоў магілі ўвогуле не ставіць [5, с. 294]. На Віцебшчыне, па словах Дз. Зяленіна, «на такую магілу ўказвае толькі магільны ўзгорак. Акрамя таго, у памяць аб жанчынах там перакідваюць праз ручаі і багністыя месцы лёгкія масткі з адной дошкі ці бярвёна, на якіх выразаныя крыж, чаравікі або серп, а часам і год смерці жанчыны» [29, с. 351]. Надмагільны помнік іншы раз указваў і на сацыяльны статус памерлага, спецыфічны характар яго пажыццёвых заняткаў [30, с. 408–409]. Для сучаснага стану пахавальна-памінальных абрадаў беларусаў Падзвіння такія рысы ўжо не характэрныя.

Нягледзячы на захаванне спецыфічных абрадавых элементаў у кожным з памінанняў, многія з якіх маюць архаічны характар, для сучаснага стану памінальнай абраднасці характэрна тэндэнцыя да ўніфікацыі абрадавых дзеянняў асобных індывідуальных памінак, фарміравання яе агульнай структуры. Неад’емнымі кампанентамі кожнага індывідуальнага памінання становяцца царкоўная служба, наведванне могілак і дамашняе памінальнае застолле.

Памінкі на трэці, дзвяты, дваццаты (дваццаць першы), саракавы і гадавы дзні – афіцыйныя памінальныя дні ў праваслаўнай царкве – з некаторымі варыяцыямі сустракаюцца на ўсёй тэрыторыі Беларусі (нават шырэй – сярод праваслаўных вернікаў іншых краін) [31, с. 313; 32, с. 430; 33, с. 407–408; 34, с. 565; 35, с. 525; 36, с. 326]. Акрамя іх на Падзвінні ў асобных лакальных традыцыях зафіксаваны даволі спецыфічныя памінальныя абрады, якія адбываліся на працягу года з дня смерці. Так, сярод беларусаў Себежскага павету Ф. Сярэбранікаў засведчыў аб адной цікавай памінальнай урачыстасці, якая адбывалася ў першую нядзелю пасля пахавання. У гэты дзень родныя памерлага адпраўляліся ў царкву, куды прыносілі ў глінянай ці драўлянай місе куццю, накрытую двума ці трыма невялікімі хлябамі. Падчас літургіі куцця ставілася каля абраза, а ў верхні хлеб устаўлялася свечка, якая гарэла падчас літургіі і паніхіды. У гэты ж дзень у царкве паміналі памерлых. Пасля службы хлябы аддаваліся прычту, а куццю падносілі родным і знаёмым; астаткі аддаваліся жабракам, што былі ў гэты час у храме [37, с. 89–90]. У сучасны перыяд такая традыцыя не была зафіксавана ў рэгіёне.

Вывады. Такім чынам, аналіз этнаграфічных матэрыялаў канца XX – пачатку XXI ст. дазваляе зрабіць наступныя высновы: 1) у сучаснай памінальнай абраднасці беларусаў Падзвіння захоўваюцца асноўныя індывідуальныя памінкі (на трэці, саракавы (у праваслаўных) ці трыццаты (у каталікоў) дні, гадавіну з дня смерці); 2) у рэгіёне існуе традыцыя памінаць памерлага ўжо на наступны дзень пасля пахавання (яшчэ фіксуецца пад назвай «будзіць памерлага»); важнымі ў цыкле прыватных памінанняў праваслаўных беларусаў лічацца памінкі на саракавы (у праваслаўных) ці трыццаты (у каталікоў) дзень і гадавіну з дня смерці, не страціла свайго значэння спраўленне жалобы па памерлым на працягу года з дня смерці (праяўляецца ў нашэнні адзення цёмных колераў, асаблівасцях святкавання каляндарных свят, забароне на ўдзел у розных забавах); 3) у межах гістарычна-этнаграфічнага рэгіёна Падзвіння індывідуальная памінальная абраднасць беларусаў мае лакальныя адрозненні (праяўляецца ў назвах абрадаў, іх коль-

¹ Зап. аўтарам у 2010 г. ад Хрол Л.М., 1922 г.н. у в. Храпы Глыбоцкага р-на.

² Зап. аўтарам, Чараўко В.У. у 2009 г. ад Алеська Л.М., 1939 г.н. у в. Ульшына Мёрскага р-на.

³ Зап. Валодзінай Т.В., Лобачам У.А. у 2007 г. ад Ставера В.А., 1929 г.н. у в. Маргавіца Докшыцкага р-на.

касці, асабліва сыхаў правядзення); 4) у наш час зніклі памінкі на шосты, дваццаты (дваццаць першы) дні, у паўгода, адбываецца спрашчэнне і ўніфікацыя прыватных памінальных абрадаў (знікненне шэрагу частак і элементаў, тэндэнцыя да ўніфікацыі абрадавых дзеянняў розных памінак, прывядзення іх да агульнай структуры), характэрна сцісненне межаў паміж агульнымі памінкамі і індывідуальнымі, адбываецца павелічэнне колькасці апошніх.

ЛІТАРАТУРА

1. Толстая, С.М. Деды в полесском народном календаре / С.М. Толстая // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд : тезисы докладов / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР ; редкол.: Вяч.Вс. Иванов (отв. ред.), Л.Г. Невская. – М., 1985. – С. 81–83.
2. Шарая, О.Н. Ценностно-нормативная природа почитания предков / О.Н. Шарая. – Минск : Тэхналогія, 2002. – 249 с.
3. Анимеле, Н. Быт белорусских крестьян / Н. Анимеле // Этнографический сборник. – 1854. – Вып. II. – С. 111–268.
4. Нечаев, С. О поминовении умерших: нечто из религиозных обрядов и суеверий в Бегомльском приходе Борисовского у. / С. Нечаев // Мин. епарх. ведом. – 1874. – 15 апр. (ч. неофиц.). – С. 227–232.
5. Никифоровский, Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Н.Я. Никифоровский. – Витебск : Губ. тип.-литограф., 1897. – [2], X, 307, 30 с.
6. Архіў гісторыка-філалагічнага факультэта ПДУ (АГФФ). – Ф. 1. – Воп. 3. – Спр. 4. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ў Докшыцкі раён (ліпень 2011 г.). – Сш. 2. Запісы Аўсейчыка У.Я.
7. АГФФ. – Ф. 1. – Воп. 3. – Спр. 8. Палявыя этнаграфічныя запісы Аўсейчыка У.Я. (2005–2011 гг.). – Сш. 8. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ў Мёрскі і Верхнядзвінскі раёны (16–17 чэрвеня 2009 г.).
8. АГФФ. – Ф. 1. – Воп. 3. – Спр. 8. Палявыя этнаграфічныя запісы Аўсейчыка У.Я. (2005–2011 гг.). – Сш. 9. Матэрыялы этнаграфічнай экспедыцыі ў вв. Лоўжа і Пабедна Шумілінскага раёна Віцебскай вобласці (2009 г.).
9. АГФФ. – Ф. 1. – Воп. 3. – Спр. 11. Матэрыялы апытання па тэме : «Пахавальна-памінальная абраднасць беларусаў Падзвіння» (2012–2013 гг.).
10. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П.В. Шейн. – СПб. : Тип. имп. акад. наук, 1890. – Т. 1. – Ч. 2 : Бытовая и семейная жизнь белорусов в обрядах и песнях. – XXXIV, 712, [4] с.
11. Верещагина, А.В. Праздники и таинства в жизни христиан Беларуси / А.В. Верещагина. – Минск : Бел. наука, 2009. – 232 с.
12. Chodorowska, I. Świat żywych i umarłych (możliwości transgresji) / I. Chodorowska // Браслаўскія чытанні : матэрыялы 4-й навук.-краязн. канф., Браслаў, 24–25 красав. / Брасл. музей. аб'яд-не, Брасл. краязн. тав-ва ; рэдкал.: К. Шыдлоўскі [і інш.]. – Браслаў, 1997. – С. 133–145.
13. АГФФ. – Ф. 1. – Воп. 3. – Спр. 5. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Глыбоцкі і Пастаўскі раёны (4–18 ліпеня 2012 г.). – Сш. 1. Запісы Аўсейчыка У.Я.
14. АГФФ. – Ф. 1. – Воп. 3. – Спр. 2. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Докшыцкі раён (ліпень 2009 г.). – Сш. 1. Запісы Аўсейчыка У.Я., Філіпенкі У.С., Лобача У.А., Зянько В., Шаўчэнка Я.
15. Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lietuvių tautosakos rankraštynas. – 7647. Tautosaka 2006 m. liepos mėnesį prie Neris įtakų surinkta Lietuvos ir Baltarusijos mokslininkų grupės, vadovaujamos Vykinto Vaitkevičiaus.
16. Фалютинский, К. Народные праздники, увеселения, поверия и суеверные обряды жителей Белоруссии / К. Фалютинский // Вестник Европы. – 1828. – март-апрель. – С. 75–92.
17. Полацкі этнаграфічны зборнік / Полац. дзярж. ун-т ; [уклад., прадм. і паказ. У.А. Лобача]. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Вып. 2 : Народная проза беларусаў Падзвіння : у 2 ч. – Ч. 2. – 368 с.
18. Сысоў, У.М. 3 крыніцы спрадвечных / У.М. Сысоў. – Минск : Выш. шк., 1997. – 415 с.
19. Традиційная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. – Минск : Бел. навука, 2004. – Т. 2 : Віцебскае Падзвінне / Т.Б. Варфаламеева, А.М. Боганева, М.А. Козенка. – 910 с.
20. АГФФ. – Ф. 1. – Воп. 3. – Спр. 3. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Глыбоцкі і Ушацкі раёны (5–22 ліпеня 2010 г.). – Сш. 1. Запісы Аўсейчыка У.Я., Філіпенкі У.С., Круткіна А.
21. Валодзіна, Т. Сарачыны / Т. Валодзіна, У. Васілевіч // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. – Минск, 2011. – С. 426.
22. Лобач, У. Душа / У. Лобач, Л. Салавей // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. – Минск, 2011. – С. 162–163.
23. АГФФ. – Ф. 1. – Воп. 3. – Спр. 4. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ў Докшыцкі раён (ліпень 2011 г.). – Сш. 1. Запісы Аўсейчыка У.Я.
24. Sielicki, F. Pieśni pogrzebowe i dziadowskie śpiewane w b. powiecie Wilejskim / F. Sielicki // Acta Universitatis Wratislaviensis. Slavica Wratislaviensis. – Warszawa-Wrocław, 1982. – Т. 22. – S. 91–104.
25. Шлюбскі, А. Матэрыялы да вывучэння фальклору і мовы Віцебшчыны : у 2 ч. / А. Шлюбскі. – Минск : Інбелкульт, 1928. – Ч. 2. – 259 с.
26. Шагалева, Т.А. Традыцыі, абрады, вераванні / Т.А. Шагалева // Памяць : Гарадоцкі раён : гіст.-дакум. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. – Минск, 2004. – С. 744–748.
27. Смоленский музыкально-этнографический сборник. – М., 2003. – Т. 2 : Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи. – 760 с.
28. Седакова, О.А. Поэтика обряда: погребальная обрядность восточных и южных славян / О.А. Седакова. – М. : Индрик, 2004. – 320 с.
29. Зеленин, Д. Восточнославянская этнография / Д. Зеленин. – М. : Наука, 1991. – 511 с.
30. Лобач, У.А. Міф. Прастора. Чалавек: традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у сямиятычнай перспектыве / У.А. Лобач. – Минск : Тэхналогія, 2013. – 511 с.

31. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. – Мінск : Бел. навука, 2001. – Т. 1 : Магілёўскае Падняпроўе / Т.Б. Варфаламеева [і інш.]. – 797 с.
32. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. – Мінск : Выш. шк., 2006 – Т. 3 : Гродзенскае Панямонне / В.І. Басько [і інш.] : у 2 кн. – Кн. 1. – 608 с.
33. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. – Мінск : Выш. шк., 2008. – Т. 4 : Брэсцкае Палессе / В.І. Басько [і інш.] : у 2 кн. – Кн. 1. – 559 с.
34. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. – Мінск : Выш. шк., 2010. – Т. 5 : Цэнтральная Беларусь / В.І. Басько [і інш.] : у 2 кн. – Кн. 1. – 847 с.
35. Кремлева, И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды / И.А. Кремлева // Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. – М., 2005. – С. 517–532.
36. Пономарев, А.П. Похороны / А.П. Пономарев // Украинцы. – М., 2000. – С. 324–326.
37. Серебренников, Ф. Обычаи и обряды крестьян Себежского уезда при крестинах, свадьбе и похоронах / Ф. Серебренников // Памятная книжка Витебской губернии на 1865 г. – СПб., 1865. – С. 75–90.
38. Аўсейчык, У.Я. Восеньскія Дзяды ў беларусаў Падзвіння: рэгіянальныя асаблівасці і лакальныя варыянты / У.Я. Аўсейчык // Весн. Полац. дзярж. ун-та. Сер. А, Гуманітар. навукі. – 2012. – №9. – С. 35–44.
39. Дулебо, А.И. Современный общественный и семейный быт белорусских колхозников : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / А.И. Дулебо. – Минск, 1966. – 367 л.

Паступіў 26.06.2015

«PRIVATE» (INDIVIDUAL) FUNERAL CEREMONIAL RITES OF BELARUSIANS OF DVINA REGION (ON THE MATERIALS OF THE END OF 20TH – BEGINNING OF THE 21ST CENTURIES)

U. AUSEICHYK

On the basis of the ethnographic materials of the end of the 20th – beginning of the 21st centuries the individual (“private”) funeral ceremonial rites of the Belarusians of Dvina region are considered. The funeral traditions on the 3rd, 9th, 40th (30th) day, yearly commemoration are analyzed. The order of ritual actions is considered, their regional features and local peculiarities are determined in the borders of the Dvina region. The new field materials are drawn into ethnological studies, part of them is established by the author. The results of the research will be useful for studying of the world outlook and beliefs of the Belarusians.

УДК 930:94(44):327"1945/1949"

**ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
ПО ПОЛИТИКЕ ФРАНЦИИ В ГЕРМАНСКОМ ВОПРОСЕ В 1945–1949 ГОДЫ***канд. ист. наук Н.В. ВЕЛИЧКО**(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)*

Представлена истоковедческая и историографическая база исследования германской политики Франции в 1945–1949 гг. Германия играла существенную роль во внешней политике Франции 1945–1949 гг. Это во многом обусловлено как историческими причинами, в том числе связанными с вопросами послевоенного устройства Европы, так и ролью ФРГ и ГДР, а ныне объединенной Германии на международной арене. Представлен перечень российских и французских архивов, содержащих неопубликованные документы по данной проблематике, а также указаны уже опубликованные источники, которые условно разделены на четыре группы: официальные государственные документы, сборники документов по вопросам международных отношений и внешней политики; статистические сборники и справочные материалы; мемуарная литература; советская и зарубежная пресса. Предложен краткий и последовательный анализ советской, российской и зарубежной историографии второй половины XX в. по политике Франции в германском вопросе в 1945–1949 гг.

Введение. Одной из важнейших и ключевых проблем международной политики и дипломатии, всей системы европейской безопасности после окончания Второй мировой войны и разгрома германского национал-социализма стал германский вопрос, контуры и возможные рамки разрешения которого в разных вариациях обсуждались уже в годы войны, в особенности в ходе Тегеранской и Ялтинской (Крымской) конференций. Германский вопрос оказался основным на повестке дня работы Потсдамской конференции союзников по антигитлеровской коалиции в июле–августе 1945 г.

Основная часть. Несмотря на то что Франция, в силу известных причин и обстоятельств, не выступала в Ялте и Потсдаме в качестве великой державы, она уже на исходе Второй мировой войны активно подключилась к разрешению германской проблемы. Этого требовали прежде всего национальные и геополитические интересы Франции, а также опасение того, что Германия может возродиться в качестве великой державы и выступить опасным военным противником, как это было в начале Первой и Второй мировых войн. Неизбежно должны были, что и произошло, подключить Францию к разрешению германской проблемы и сами великие державы (СССР, США и Великобритания) в силу глубоких противоречий между ними, в том числе по германскому вопросу.

Вплоть до середины 1980-х гг. германский вопрос, прежде всего, как проблема административно-политического устройства Германии, являлся серьезным полем конфронтации СССР и Запада, одновременно своеобразным стержнем и символом «холодной войны». Линия разлома между Советским Союзом, с одной стороны, и США и Великобританией, с другой, четко определилась еще в 1945–1949 гг. Франция в тогдашнем противостоянии по германскому вопросу пыталась играть самостоятельную роль, лавируя между великими державами, о чем свидетельствовали многочисленные дипломатические инициативы Шарля де Голля и французского Министерства иностранных дел (МИД) в 1946–1947 гг. Первое время Париж даже демонстрировал сближение с Москвой, стремясь добиться таким образом больше успехов по германскому вопросу в свою пользу от Лондона и Вашингтона.

Однако в 1947 г. начался радикальный пересмотр внешнеполитического курса Франции в отношении возможных вариантов решения германского вопроса. В германской политике Франции начали звучать новые мотивы, направленные на сближение Парижа с США и Великобританией. Но специфика подхода Франции к германскому вопросу продолжала сохраняться и в 1948–1949 гг. Еще более своеобразной являлась ее оккупационная политика в Германии во французской зоне оккупации на протяжении 1945–1949 гг., где долго сохранялся «фактор мести» за войну.

Все эти проблемы в германской политике Франции, включая позиции политических партий, парламента и общественного мнения, остаются не только малоизученными в отечественной и российской историографии, но и актуальными на сегодняшний день. Изучение политики Франции по германскому вопросу имеет важное значение для анализа всей системы международных и европейских отношений, сложившихся после Второй мировой войны. Актуальность исследования германского вопроса и роли Франции в его урегулировании определяется еще и тем, что в нынешней Европе Франция и Германия играют ключевую роль в сохранении мира и стабильности, выступают надежным гарантом европейского единства, в том числе устойчивости таких структур, как Европейский союз (ЕС) и Организация Североатлантического договора (НАТО). Два в прошлом «недоверчивых соседа», чьи отношения становились источниками двух мировых конфликтов в XX в., за исторически короткий срок смогли во второй поло-

вине прошлого века найти компромисс и примирение. От этого выиграли и они сами, и Европа в целом. Истоки этой актуальной для франко-германских отношений и для единой Европы тенденции находятся в первых послевоенных годах, в том числе в германской политике Франции 1945–1949 гг.

В исследовании германской проблемы и германской политики Франции целесообразно, по мнению российского историка Ю.В. Родовича, учитывать следующие уровни [1, с. 3]:

- международный (встречи лидеров держав, конференции, сессии СМВД, заседания союзных контрольных органов);
- правительственный и министерский;
- региональный (военные администрации зон оккупации, другие контрольные органы, немецкие органы управления в провинциях и землях, городах).

Не опубликованную источниковедческую базу исследования по проблематике французской политики в германском вопросе на протяжении 1945–1949 гг. составляют прежде всего документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ, ранее РЦХИДНИ) и Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). В АВП РФ хранятся документы единой референтуры по Германии третьего европейского отдела МИД СССР (фонд 82), где содержатся материалы по многим аспектам германской проблемы. В их числе находятся архивные документы, касающиеся позиции Парижа в германском вопросе в первые послевоенные годы. Огромное количество не введенных еще в научный оборот архивных материалов содержится в Бюро архивов французской оккупации в Германии и Австрии за 1945–1955 гг. в г. Кольмаре (Франция).

Опубликованные источники по позиции Франции в германском вопросе можно условно разделить на четыре группы.

К первой группе источников относятся сборники документов по вопросам международных отношений и внешней политики, где германской проблематике отводится достаточно много места. В эту же группу источников входят собрания документов, содержащие протоколы и материалы многосторонних переговоров, в которых участвовала Франция, а также официальные государственные документы Франции. В конце XX века появились сборники, содержащие большое число ранее секретных материалов со ссылкой на конкретные архивные фонды. Прежде всего, необходимо отметить подготовленный Историко-документальным департаментом МИД РФ и Центром изучения новейшей истории в Потсдаме трехтомный сборник документов «СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации», который является первым изданием архивных документов о внешней политике СССР по отношению к Германии и позиции Москвы в германском вопросе в период с 22 июня 1941 г. по 15 июня 1948 г. [2]. Данный сборник документов содержит материалы переговоров французских министров иностранных дел с И.В. Сталиным, В.М. Молотовым и другими советскими официальными должностными лицами по германскому вопросу. В 1997 г. вышел труд О.А. Ржешевского, в котором были впервые опубликованы многие документы из личного архива И.В. Сталина и Наркомата иностранных дел [3].

Вторую группу источников составляют статистические сборники и справочные издания. Среди них особый интерес представляют французский ежегодник «L'Année politique», данные переписи населения французской зоны оккупации 1947 г., перечень научно-исследовательских центров научных трудов по истории послевоенной Германии, промышленный потенциал и природные ресурсы французской зоны оккупации Германии [4–7].

К третьей группе источников относится мемуарная литература, представленная прежде всего воспоминаниями и интервью Шарля де Голля, Жоржа Бидо, Венсана Ориоля, Леона Блюма, Робера Шумана и многих других очевидцев и непосредственных участников событий.

Четвертая группа источников – советская и зарубежная пресса. Она позволяет восполнить картину событий и процессов, происходивших на немецкой земле в послевоенные годы. По содержанию и духу статей газет и журналов можно судить об эволюции политики держав в германском вопросе, о сущности дискуссий по данной проблеме, в том числе со стороны Франции.

В советской и зарубежной историографии вопрос франко-германских отношений 1945–1949 гг. был освещен слабо. Как отмечает в своей диссертации А.В. Смирнов, после окончания Второй мировой войны главным образом изучалась американская позиция в германском вопросе, а политике Великобритании и Франции в послевоенной Германии уделялось гораздо меньше внимания. «Этому способствовали объективные обстоятельства, среди которых можно отметить преобладание американской дипломатии на международной арене» [8, с. 7]. Однако германская проблема в целом получила широкое освещение в советской исторической литературе. Она отражена прежде всего в коллективных обобщающих трудах, посвященных истории международных отношений и внешней политике СССР, а также в ряде монографических исследований по германской истории.

Специальные исследования по германской проблеме появились в СССР в 1950-е гг., поскольку в то время «борьба за единую демократическую и миролюбивую Германию» была в числе важнейших направлений советской дипломатии и пропаганды. В этих работах, в соответствии с тогдашними официальными установками, содержался критический анализ позиций западных держав и вместе с тем обосновывался «единственно правильный курс» СССР в германском вопросе [9–12].

Жесткая конфронтация Советского Союза и стран Запада в германском регионе в середине – конце 1950-х гг., а также Берлинский кризис 1961 г. усилили интерес к проблемам, составлявшим суть германского вопроса. При этом в советской историографии 1960-х гг. наблюдается тенденция к увязыванию событий 1961 г. в Берлине с событиями более раннего периода, а сам Берлинский кризис 1961 г. целиком и полностью считается виной «раскольнической» политики западных стран, стремившихся к возрождению германского милитаризма [13]. В числе работ такого характера можно выделить исследования А.А.Галкина, Д.Е.Мельникова и П.А.Николаева [14–15].

В конце 1950-х гг. и 1960-е гг. в официальном политическом лексиконе и историографии стали проводить различие между «германским вопросом» (частью комплекса проблем, связанных с европейской безопасностью и подведением итогов Второй мировой войны) и «немецкой национальной проблемой» (поиском самими немцами путей к сближению и восстановлению единства двух государств – ФРГ и ГДР). При этом германским вопросом занимались главным образом ученые СССР и стран Восточной Европы, а немецкой национальной проблемой – историки бывшей ГДР и ФРГ [1, с. 8].

Необходимо отметить ряд положительных моментов советской историографии 1950–1960-х гг. по германской проблематике. В работах советских историков по германскому вопросу в указанный период анализируется объемный материал, подробно разрабатывается хронологическая сторона проблемы с параллельным описанием хода переговоров по Германии, нот и заявлений советского правительства, его позиций по урегулированию спорных вопросов. Но, обращаясь к советской историографии 1950–1960-х гг. по германской проблематике, необходимо учитывать, что все исследования этого периода несли на себе отпечаток своего времени. В условиях существования в стране идеологического пресса, их авторы были вынуждены максимально полно приближать свои оценки и выводы к официальной позиции советского руководства и идеологического отдела ЦК КПСС. Названные тенденции, к сожалению, коснулись и работ такого известного специалиста в области истории внешней политики Франции 1940–1950-х гг. как Н.Н. Молчанов.

В начале 1970-х гг. германский вопрос был «закрыт» для ученых. В 1967 г. на VII съезде Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) был сделан вывод о невозможности объединения двух немецких государств с противоположным общественно-политическим строем. В 1969 г. тогдашний руководитель СЕПГ В. Ульбрихт выдвинул идею о «двух немецких нациях». После подписания 21 декабря 1972 г. в Берлине договора об основах отношений между ГДР и ФРГ лидер СЕПГ Э. Хонекер заявил об «окончательном международно-правовом урегулировании отношений между двумя суверенными государствами» и о том, что «по логике вещей» нет и «открытого германского вопроса» [1, с. 8]. Тем не менее, появились публикации В.Н. Белецкого по германской проблеме, которые фигурировали под рубрикой «германских дел» [16], М.М. Наринского [17].

На рубеже 1980–1990-х гг. советская историческая литература по германской проблематике постепенно освободилась от груза идеологических стереотипов, критически переосмыслила прежние, казавшиеся незыблемыми оценки, и тем самым внесла свой вклад в становление российской исторической науки, которой сегодня приходится, как бы заново открывать проблемы, закрытые для обсуждения в минувшие годы. Большинство работ советских авторов базировалось, главным образом, на официальных документах. Объективное и всестороннее исследование событий и процессов на немецкой земле и вокруг нее стало возможным лишь в 1990-е гг. с получением исследователями доступа к ранее секретным материалам центральных архивов.

Для научного осмысления политики союзников по антигитлеровской коалиции в решении германского вопроса в первое послевоенное пятилетие важное значение имело опубликование в 1990 г. монографии известных российских историков С.И. Вискова и В.Д. Кульбакина [18]. Использование авторами некоторых новых документов, в частности, из центральных немецких архивов, позволило им дать более глубокий чем прежде анализ и оценку процессов, происходивших во всех зонах оккупации, и деятельности конкретных органов оккупации союзников в Германии (Союзного Контрольного Совета (СКС), зональных органов оккупации и других). Вместе с тем, эти оценки в целом исходили из сложившихся в советской науке в 1970–1980-е гг. традиций. Тем не менее, появление этой монографии было шагом вперед в исследовании политики союзных держав в послевоенной Германии.

В монографии А.М. Филитова на основе тщательного анализа работ российских и зарубежных исследователей и некоторых архивных документов осуществлено действительно «новое прочтение» германской проблемы [19]. Здесь много заслуживающих внимания высказываний, интересных предположе-

ний, в частности, относительно упущенных возможностей в решении германского вопроса. В исследовании А.М. Филитова рассматривается планирование политики четырех держав в отношении Германии, анализируются причины трудностей в решении германской проблемы. Вместе с тем, автору тогда были еще недоступны многие материалы центральных архивов.

Особое место в исследовании германского вопроса в российской историографии принадлежит монографиям М.И. Семиряги, Ф.И. Новик, Я.Б. Мухиной [20–22].

Среди белорусских ученых, занятых германской проблематикой во второй половине XX в., следует упомянуть М.В. Стрельца, В.П. Скок, А.В. Смирнова [23–25]. Профессор М.В. Стрелец специализируется на изучении внешней политики ФРГ с момента ее создания. В.П. Скок занимается изучением политики США, а А.В. Смирнов – политики Великобритании в Германии в первое послевоенное десятилетие. В белорусской исторической науке второй половины XX в. не было цельных научных исследований, посвященных политике Франции в германском вопросе.

На работах зарубежных исследователей как и советских историков до конца 1980-х гг. лежала печать «холодной войны». Многие западноевропейские историки рассматривали Потсдамские соглашения как документы, предопределившие или даже зафиксировавшие раскол Германии [1, с. 13]. В западноевропейской историографии долгое время не было комплексных трудов, которые освещали германскую политику союзников в 1945–1949 гг. Она затрагивалась в общих работах по истории ФРГ и ее внешней политике. Некоторые аспекты германской политики западных держав в 1945–1949 гг. были детально изучены в монографиях Николаса Балабкинса, Мишеля Бальфура, Вильгельма Тройе, Юстуса Фюрстенау, Герхарда Грюндлера, Армена фон Маниковского [26–30].

Французские исследователи долгое время не проявляли должного интереса к германской политике Франции в 1945–1949 гг. Наиболее полно данный аспект внешней политики Франции освещен в монографии американского исследователя Роя Уиллиса [31]. Р. Уиллис рассматривал политический режим во французской зоне оккупации, его структуру, экономическую политику Франции в Германии, влияние французской политики на общественно-политическую жизнь во французской зоне оккупации, реформы французской администрации в области немецкого образования. Автор отмечал противоречивость французской политики в германском вопросе. Тем не менее, по мнению Р. Уиллиса, эволюция германской политики Франции способствовала созданию новых франко-германских отношений и сближению двух государств.

В 1980-е гг., особенно во второй половине десятилетия, когда были достигнуты реальные результаты на пути обеспечения международной безопасности, тенденция к более объективному анализу политики держав в германском вопросе усилилась. Среди французских исследователей, занимавшихся германской политикой Франции в 1945–1949 гг., можно отметить Раймона Пуадевена, Альфреда Гроссера, Марка Хилелла [32–34]. В 1983 г. в западногерманском городе Висбадене был издан сборник статей историков ФРГ и Франции под редакцией К. Шарфа и Х.-Ю. Шредера под общим названием «Германская политика Франции и французская зона в 1945–1949 гг.» [35], а в 1989 г. в Мюнхене вышла монография М. Кессель «Западная Европа и раздел Германии. Английская и французская германская политика на конференциях министров иностранных дел с 1945 по 1947 гг.» [36].

В 1990-е гг., когда на международной арене произошли глобальные перемены (крушение мира «глобального социализма», распад СССР, объединение Германии), для исследования германской проблемы возникли качественно новые условия. Открытие в то же время доступа к ранее секретным архивам СССР и бывшей ГДР дало в руки политиков и ученых уникальные документы, позволившие внести существенные изменения в устоявшиеся оценки событий и процессов.

Исследование концепций четырех держав в германском вопросе и их реализация содержится в обстоятельной работе немецкого историка Р. Бадентюбнера [37]. Деятельность СКС для Германии рассматривается Г. Маем [38]. Некоторые новые подробности берлинского кризиса 1948–1949 гг. нашли отражение в монографии известного французского исследователя Сирила Бюффе [39]. Среди современных французских ученых, занимающихся германским вопросом 1945–1949 гг., можно выделить Мориса Вайса, Пьера Гийена, Поля Жербе [40], [41], [42].

Заключение. Таким образом, политика Франции в германском вопросе в 1945–1949 гг. нашла свое отражение в работах советских, отечественных, российских и зарубежных исследователей второй половины XX в. Однако специального монографического исследования по данной проблеме в советской и постсоветской историографии за данный период так и не появилось. Анализ состояния и научной разработки проблемы франко-германских отношений в 1945–1949 гг. позволяет утверждать, что, несмотря на большое число публикаций по германской проблеме, в отечественной и российской историографии во второй половине XX в. отсутствовали работы, в которых комплексно, детально и на основе новых архивных документов рассматривались бы все ключевые направления и аспекты внешнеполитического курса

Франции в отношении Германии на протяжении 1945–1949 гг., место и роль государственного аппарата и оккупационных властей Франции в реализации планов Парижа в германской политике во французской зоне оккупации и в германском вопросе в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Родович, Ю.В. Германская проблема в 1945–1955 гг. и позиция СССР: концепция и историческая практика : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / Ю.В. Родович. – М. : [б. и.], 2002. – 41 с.
2. СССР и германский вопрос. 1941–1949 : документы из Архива внешней политики Российской Федерации : в 3 т. / редкол.: Г.П. Кынин и Й. Лауфер. – М. : Международные отношения, 1996–2003. – Т. I : 22 июня 1941 г.– 8 мая 1945 г. – 1996. – 783 с.; Т. II : 9 мая 1945 г.–3 октября 1946 г. – 2000. – 880 с.; Т. III : 6 октября 1946 г.– 15 июня 1948 г. – 2003. – 825 с.
3. Ржешевский, О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии / О.А. Ржешевский. – М. : Наука, 1997. – 465 с.
4. L'année politique. Revue chronologique des principaux faits politiques économiques et sociaux de la France du 1-er janvier 1947 au 1-er janvier 1948. – Paris : Le Grand Siècle, 1947. – 395 p.
5. État de la population par cercle d'après les resultants du recensement démographique du 26 janvier 1946. – Paris : S. I., 1947. – 182 p.
6. Ménudier, H.L' Allemagne après 1945. Guide de recherches 4 / H. Ménudier. – Paris : Colin, 1972. – 226 p.
7. Christout, J. Le contrôle des biens dans la Zone Française d'occupation en Allemagne / J. Christout. – Paris : S. I., 1947. – 182 p.
8. Смирнов, А.В. Великобритания и германский вопрос : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А.В. Смирнов; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2007. – 20 с.
9. Мельников, Д.Е. Борьба за единую, демократическую, миролюбивую Германию / Д.Е. Мельников. – М. : Госполитиздат, 1951. – 288 с.
10. Кирсанов, А.В. Борьба за единую, демократическую, миролюбивую Германию / А.В. Кирсанов. – М. : Госполитиздат, 1954. – 374 с.
11. Винокуров, П.А. Германский вопрос и безопасность Европы / П.А. Винокуров. – М. : Госполитиздат, 1954. – 100 с.
12. Молчанов, Н.Н. Внешняя политика Франции. 1944–1954 / Н.Н. Молчанов. – М. : Гос. изд-во пол. лит-ры, 1959. – 404 с.
13. Мухина, Я.Б. Германский вопрос во внешней политике Советского Союза за период с 1945 по 1990 годы: исторический анализ : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Я.Б. Мухина. – СПб. : [б. и.], 1998. – 16 с.
14. Галкин, А.А., Мельников, Д.Е. СССР, западные державы и германский вопрос (1945–1965 гг.) / А.А. Галкин, Д.Е. Мельников. – М.: Политиздат, 1966. – 407 с.
15. Николаев, П.А. Политика США, Англии и Франции в германском вопросе. 1945–1954 / П.А. Николаев. – М. : Политиздат, 1964. – 264 с.
16. Белецкий, В.Н. За столом переговоров: Обсуждение германских дел на послевоенных международных совещаниях и встречах / В.Н. Белецкий. – М. : Политиздат, 1979. – 302 с.
17. Наринский, М.М. Англия и Франция в послевоенной Европе. 1945–1949 / М.М. Наринский. – М. : Наука, 1972. – 277 с.
18. Висков, С.И. Союзники и «германский вопрос» / С.И. Висков, В.Д. Кульбакин. – М. : Наука, 1990. – 304 с.
19. Филитов, А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение / А.М. Филитов. – М. : Международные отношения, 1993. – 240 с.
20. Семиряга, М.И. Как мы управляли Германией. Политика и жизнь / М.И. Семиряга. – М. : РОССПЭН, 1995. – 400 с.
21. Новик, Ф.И. «Оттепель» и инерция холодной войны (германская политика СССР в 1953–1955 гг.) / Ф.И. Новик. – М. : Институт российской истории РАН, 2001. – 277 с.
22. Мухина, Я.Б. Германский вопрос во внешней политике СССР в период с 1945–90-х гг. / Я.Б. Мухина. – М. : МГПУ, 1998. – 120 с.
23. Стрелец, М.В. Политика безопасности ФРГ в 1949–1954 гг.: основные тенденции и проблемы / М.В. Стрелец. – Брест : Лавров, 1997. – 36 с.
24. Скок, В.П. США и германский вопрос (осень 1945–1954 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / В.П. Скок; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2004. – 21 с.
25. Смирнов, А.В. Великобритания и германский вопрос : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А.В. Смирнов. – Минск, 2006. – 122 л.
26. Balabkins, N. Germany under direct control. Economic aspects of industrial disarmament 1945–1948 / N. Balabkins. – New-Brunswick : Rutgers University Press, 1964. – 265 p.
27. Balfour, M. Viermächte-Kontrolle in Deutschland 1945–1946 / M. Balfour. – Düsseldorf : Droste-Verlag, 1959. – 408 p.
28. Treue, W. Die Demontagepolitik der Westmächte nach dem 2. Weltkrieg. Ihre Wirkung auf die Wirtschaft in Niedersachsen / W. Treue. – Göttingen : Musterschmidt-Verlag, 1967. – 110 p.
29. Fürstenau, J. Entnazifizierung. Ein Kapitel deutscher Nachkriegspolitik / J. Fürstenau. – Neuwied : Hermann Luchterhand Verlag, 1969. – 275 p.
30. Gründler, G. Nürnberg ou la justice des vainqueurs / G. Gründler, A. Manikowski. – Paris : Robert Laffont, 1969. – 373 p.
31. Willis, R. The French in Germany. 1945–1949 / R. Willis. – Stanford : Stanford University Press, 1962. – 308 p.

32. Poidevin, R. Le facteur Europe dans la politique allemande de Robert Schuman dans histoire des débuts de la construction européenne (mars 1948 – mai 1950) / R. Poidevin. – Bruxelles : Bruylant, 1986. – 423 p.
33. Grosser, A. Affaires extérieures: La politique de la France, 1944 – 1984 / A. Grosser. – Paris : Flammarion, 1984. – 347 p.
34. Hiller, M. L'occupation française en Allemagne (1945–1949) / M. Hiller. – Paris : Balland, 1983. – 400 p.
35. Scharf, C. Die Deutschlandspolitik Frankreich und die französische Zone. 1945–1949 / C. Scharf, H.-J. Schröder. – Wiesbaden : Franz Steiner Verlag GMBH, 1983. – 315 s.
36. Kessel, M. Westeuropa und die deutsche Teilung: England und französische Deutschlandspolitik auf den Aussenministerkonferenzen von 1945 bis 1947 / M. Kessel. – Meunchen : Oldenburg, 1989. – 324 s.
37. Badstübner, R. Friedenssicherung und deutsche Frage: vom Untergang des «Reiches» bis zur dt. Zweistaatlichkeit (1943 bis 1949) / R. Badstübner. – Berlin, 1990. – 238 p.
38. Mai, G. Der Alliierte Kontrollat in Deutschland 1945–1948 / G. Mai. – München, 1995. – 167 p.
39. Buffet, C. Mourir pour Berlin. La France et l'Allemagne 1945–1949 / C. Buffet. – Paris : Colin, 1991. – 326 p.
40. Vaïsse, M. Les relations internationales depuis 1945 / M. Vaïsse. – Paris : Colin, 2005. – 271 p.
41. Guillen, P. La question allemande (1945–1995) / P. Guillen. – Paris : Imprimerie nationale Éditions, 1996. – 236 p.
42. Gerbet, P. Le relèvement. 1944–1949 / P. Gerbet. – Paris : Imprimerie nationale, 1991. – 481 p.

Послупила 06.02.2015

MAIN SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF SECOND HALF XX CENTURY OF FRANCE'S POLICY ON THE GERMAN QUESTION IN 1945–1949

N. VELICHKO

This paper presents a historiographical sources expert and research base of French policy on the German question in 1945–1949. Germany occupied an important place in the foreign policy of France in 1945–1949., and takes it today. This is largely due to both historical reasons, including issues related to postwar Europe and the role of the West and East Germany, and now the unified Germany in the international arena. The article provides a list of Russian and French archives containing unpublished documents on this issue, as well as published sources have indicated that roughly divided into four groups: the official state documents, collections of documents on international relations and foreign policy; statistical collections and reference materials; memoir literature; Soviet and foreign press. The paper gives a brief and coherent analysis of the Soviet, Russian and foreign historiography of the second half of the twentieth century of French policy on the German question in 1945–1949.

УДК 94(476) 1921/1939

**УЗАЕМААДНОСІНЫ БЕЛАРУСКІХ ПАЛАНАФІЛЬСКІХ АРГАНІЗАЦЫЙ
З ПОЛЬСКІМІ ЎЛАДАМІ Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў МІЖВАЕННЫ ПЕРЫЯД****А.С. ГОРНЫ****(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы)**

Закранаецца малавывучаная ў айчыннай і замежнай гістарыяграфіі праблема ўзаемадзеяння беларускіх паланафільскіх арганізацый з польскімі ўладамі ў Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд. Раскрываюцца асноўныя формы супрацоўніцтва з польскімі ўладамі такіх арганізацый, як “Краёвая сувязь”, Часовая беларуская рада, група Луцкевіча – Астроўскага і інш. Аўтар прыходзіць да высновы, што падтрымка ўладамі прапольскіх сіл у беларускім грамадстве Заходняй Беларусі насіла абмежаваны характар і не выходзіла за рамкі палітыкі паланізацыі беларусаў.

Уводзіны. Улады любой дзяржавы зацікаўленыя ў існаванні ўнутры грамадства груп, якія б пра-яўлялі вялікую прыхільнасць да існуючага дзяржаўнага ладу і трансліравалі ідэалагічныя дзяржаўныя ўстаноўкі на іншыя пласты грамадства. Не была выключэннем і міжваенная Польшка. Наяў-насць у краіне значнай колькасці нацыянальных меншасцяў з моцнымі замежнымі цэнтрамі прымушала ўлады вылучаць сваіх прыхільнікаў у розных грамадскіх асяродках і аказваць ім ідэалагічную, мараль-ную і фінансавую падтрымку. Менавіта паланафільская плынь беларускага нацыянальнага руху, прад-стаўнікі якой арыентаваліся на польскія ўлады, павінна была стаць транслятарам праўрадавых ідэй для беларускай меншасці Польшчы. З іншага боку, беларускія паланафільскія арганізацыі разглядалі поль-скія ўлады як тую інстанцыю, з якой у першую чаргу неабходна супрацоўнічаць і знаходзіць агульную мову дзеля вырашэння праблем беларускага насельніцтва і пашырэння сярод яго прапольскіх ідэй.

Праблема кантактаў беларускіх паланафілаў з польскімі адміністрацыйнымі структурамі Заходняй Беларусі пэўным чынам была асветлена ў беларускай і польскай гістарыяграфіі. Апошнім часам, дзя-куючы ўвядзенню ў навуковы ўжытак новых крыніц, грунтоўна распрацоўваецца тэма супрацоўніцтва беларускіх дзеячоў, у тым ліку і паланафільскай арыентацыі, са спецслужбамі міжваеннай Польшчы. Гэтай праблеме прысвечаны працы беларускіх даследчыкаў А. Чарнякевіча і А. Пашкевіча [1; 2; 3]. Некаторыя аспекты ўзаемастасункаў паланафілаў з уладамі Польшчы былі адлюстраваны ў працах поль-скіх гісторыкаў К. Гамулки [4], І. Янушэўскай-Юркевіч [5], М. Галэндэка [6]. Разам з гэтым, на сённяшні дзень прадстаўляецца даволі актуальным комплексны аналіз пазначанай праблемы з характарыстыкай усіх магчымых накірункаў супрацоўніцтва беларускіх паланафілаў з інстытутамі польскай улады.

Асноўная частка. Першай арганізацыяй, якую стварылі беларускія паланафілы на тэрыторыі За-ходняй Беларусі вясной 1921 г., была “Краёвая сувязь” на чале з П. Аляксюком. Яе мэтай было абуджэн-не беларускай свядомасці ў духу краёвага саюза з Польшчай. Прадстаўнікі арганізацыі разлічвалі знайсці падтрымку сваёй дзейнасці ў польскіх улад і непрызнанага дзяржаўнага ўтварэння Сярэдняй Літвы. На адрас польскага ўраду у Варшаве і кіраўніцтва Сярэдняй Літвы былі дасланы некалькі патрабаванняў: выдаць субсідыю на арганізацыйна-палітычную працу “Краёвай сувязі”, прафінансаваць выданне яе дру-каваных органаў, адчыніць беларускія пачатковыя школы, гімназію і настаўніцкую семінарыю, забяспечыць кааператывы, падкантрольныя паланафілам, дапамогай і гандлёвымі прэферэнцыямі [7, арк. 7–7 адв.]. Аднак польскія ўлады не спяшаліся падтрымліваць нават памяркоўныя і ляяльныя сілы беларускага руху, бо баяліся, што пад іх шыльдай могуць дзейнічаць антыпольскія элементы. Цэнтральны камітэт “Краёвай сувязі” на працягу пяці месяцаў веў перамовы з уладамі наконт падтрымкі паланафільскага руху, якія скончыліся безвынікова [7, арк. 30 адв.]. Дэлегат польскага ўраду ў Сярэдняй Літве згадзіўся, дзеля бліжэйшага азнаям-лення з арганізацыяй, прафінансаваць толькі выданне паланафільскай газеты “Jednasc” [8, арк. 36]. Акрамя гэ-тага, паланафілы, дзякуючы цыркуляру віленскага старасты, маглі без перашкод пашыраць сваю прэсу на тэ-рыторыі Віленшчыны, а падкантрольныя “Краёвай сувязі” кааператывы атрымлівалі ад Дэпартаменту харча-вання Сярэдняй Літвы на льготных умовах значную колькасць прадукцыі [9; 10].

Неабходна заўважыць, што лідар “Краёвай сувязі”, П. Аляксюк, знаходзіўся ў сталай перапісцы з дэлегатам польскага ўраду ў Сярэдняй Літве. У сваіх лістах Аляксюк заклікаў улады выпрацаваць выразную лінію адносна беларускіх прапольскіх груп і пачаць аказваць ім маральную і матэрыяльную падтрымку [7, арк. 31]. Спробы прадстаўнікоў арганізацыі наладзіць стасункі ў першую чаргу з цывіль-нымі ўладамі Сярэдняй Літвы, менавіта – дэлегатурой польскага ўраду, былі невыпадковыя. Па-першае, да чэрвеня 1921 г. дэлегатам польскага ўраду ў Вільні працаваў У. Рачкевіч, з якім Аляксюк меў цесныя ўзаемаадносіны яшчэ падчас польска-савецкай вайны [11, с. 368]. Па-другое, на гэты выбар значна ўплы-ваў палітычны канфлікт і канкурэнцыя паміж рознымі інстытутамі польскай улады, у прыватнасці, паміж II аддзелам польскага Генштаба (дэфензіва), вакол якога аб’ядноўваліся прыхільнікі Ю. Пілсудскага, і

мясцовым кіраўніцтвам Сярэдняй Літвы, якое карысталася падтрымкай міністэрства замежных спраў Польшчы. Польскія спецслужбы мелі ўласную пазіцыю адносна беларускага пытання, распрацоўваючы ў 1921 г. у гэтым кірунку, напрыклад, праект Беларускага дзяржаўнага камітэта на чале з Я. Ладновым, які павінен быў адцягнуць беларускія эліты ад сімпатый у бок Літвы [3, s. 852; 12, s. 48–49]. Таму акцыю “Краёвай сувязі” дэфензіва лічыла непатрэбнай і нават небяспечнай, а самога Аляксюка адносіла да авантурыстаў, які толькі прыкрываўся паланафільствам, а насамрэч шукаў сціслых кантактаў з антыпольскімі арганізацыямі. Са свайго боку, П. Аляксюк зазначаў, што палітыка П аддзела з’яўлялася шкоднай, і надаваў вялікую ролю ў вырашэнні беларускай праблемы менавіта міністэрству замежных спраў Польшчы і мясцоваму кіраўніцтву Сярэдняй Літвы [13, арк. 43–44, 47]. Дэфензіва ўсялякімі сродкамі імкнулася супрацьдзейнічаць лідару “Краёвай сувязі”, нават здзейсніўшы ў пачатку чэрвеня 1921 г. яго арышт на некалькі дзён [11, с. 368–369].

Пералом у адносінах польскіх улад да “Краёвай сувязі” надышоў толькі ў канцы 1921 г. Ён быў абумоўлены набліжэннем выбараў у сейм Сярэдняй Літвы (Віленскі сейм). Палякам быў неабходны ўдзел у выбарчай кампаніі беларускага насельніцтва, каб пацвердзіць яе легітымнасць перад міжнароднай супольнасцю. У гэтых умовах улады пачалі наладжваць стасункі з “Краёвай сувяззю” [7, арк. 25]. Міністэрства замежных спраў Польшчы рэкамендавала кіраўніцтву Сярэдняй Літвы выдаткаваць субсідыі для паланафілаў і забяспечыць ім дапамогу ў падрыхтоўцы да выбараў [6, с. 502]. Можна дапусціць, што дзякуючы польскім субсідыям прадстаўнікі “Краёвай сувязі” ў снежні 1921 г. арганізавалі т. зв. “з’езд беларускага сялянства, партый і арганізацый Заходняй Беларусі”, на якім пацвердзілі ідэалы польска-беларускага збліжэння. На з’ездзе была сфарміравана адмысловая дэлегацыя ў складзе П. Аляксюка, А. Паўлюкевіча, С. Абрамчыка, М. Каспяровіча, П. Калечыса, якая накіравалася ў Варшаву да вышэйшага дзяржаўнага кіраўніцтва Польшчы. У польскай сталіцы дэлегацыя беларускіх паланафілаў наведвала прэм’ер-міністра А. Панікоўскага, міністра ўнутраных спраў С. Даўнаровіча і міністра замежных спраў К. Скірмунта. Сябры польскага ўраду запэўнілі дэлегатаў, што па меры магчымасці будуць праводзіць у жыццё ўсе дамаганні беларускага насельніцтва і ў першую чаргу – справу адчынення новых беларускіх школ. Акрамя гэтага, прэм’ер-міністр Польшчы абяцаў палепшыць долю беларускіх бежанцаў і нават вылучыў на гэтую справу 200 000 марак [14]. Тым не менш, актывізацыя кантактаў паланафілаў з уладамі і зацікаўленасць апошнімі беларускім пытаннем з’яўлялася ўсяго толькі прапагандысцкім крокам. Пасля таго, як “Краёвая сувязь” цалкам праваліла сваю выбарчую кампанію ў Віленскі сейм, польская адміністрацыя спыніла яе матэрыяльную і маральную падтрымку [3, s. 845]. Гэта прывяло да самаліквідацыі арганізацыі ў сакавіку 1922 г.

Імкнулася наладзіць трывалыя кантакты з польскімі ўладамі і Арганізацыя беларускіх безпартыйных актывістаў (АББА), утвораная ў сакавіку 1922 г. Яе прадстаўнікі выступалі за збліжэнне з Польшчай і актыўна агітавалі супраць беларускіх левых і нацыянальна-дэмакратычных груп [4, s. 64]. Лідар “актывістаў” Я. Міткевіч меў стасункі з уладамі на розных узроўнях. Прынамсі, сустракаюцца сведчанні аб супрацоўніцтве Міткевіча ў якасці канфідэнта з польскай дэфензівай [2, с. 42]. Акрамя гэтага, выяўлены два мемарыялы, пададзеныя прадстаўнікамі АББА ўладам. У першым мемарыяле да міністра ўнутраных спраў Польшчы, складзеным у 1922 г., падкрэслівалася, што “актывісты” актывна пашыраюць сярод беларускага насельніцтва Гродзеншчыны ідэю польскай дзяржаўнасці, але маюць нязначную апеку з боку ўлады, у тым ліку і фінансавую. Паланафілы пазначалі, што статут іх арганізацыі, зарэгістраваны толькі ў Гродзенскім старостве, не быў зацверджаны ў Міністэрстве ўнутраных спраў [15, арк. 2]. Значна завышаючы сваю палітычную вагу, Міткевіч патрабаваў ад міністэрства таксама і фінансавыя субсідыі для пашырэння паланафільскай прапаганды праз прэсу. На выданне газеты “Беларускі шлях” ён прасіў выдаткаваць штомесячна 300–400 тыс. марак, а на выданне новага штодзённіка ці тыднёвіка “Беларускі звон” – ад 600 тыс. да 2 млн. марак [15, арк. 3]. Паказальна, што апошняя назва газеты супадала з назвай таго беларускага выдання, якое актывна крытыкавала дзейнасць Міткевіча. Нам невядома ці прадаставілі ўлады гэтую суму, але “Беларускі шлях” перастаў выходзіць ужо ў жніўні 1922 г., а штодзённік АББА “Беларускі звон” так і не пабачыў свет.

Цікавае ўяўляе другі мемарыял, складзены ў 1924 г., калі Міткевіч пасля фактычнага заняпаду разлічваў рэанімаваць Арганізацыю беларускіх безпартыйных актывістаў. На пачатку дакумента ён зноў завясыў палітычнае значэнне АББА, падкрэсліваючы, што яна шмат зрабіла для ліквідацыі літоўска-беларускага і камуністычнага партызанскага руху. Заняпад дзейнасці “актывістаў” Міткевіч тлумачыў адсутнасцю фінансаў. “Больш добра для Польшчы, чым арганізацыя актывістаў, не прынесла ніводнай з беларускіх арганізацый, аднак нашая арганізацыя не атрымлівала на гэтыя мэты фінансавай дапамогі ад ураду” – падкрэсліваў лідар АББА [16, арк. 33]. Паказваючы дэструктыўную ролю Беларускага пасольскага клуба і віленскага Беларускага нацыянальнага камітэта для польскай дзяржаўнасці, прадстаўнікі АББА прапанавалі ўладам свае паслугі ў барацьбе з гэтымі беларускімі групамі. Дзеля гэтага была распрацавана адмысловая праграма дзеянняў, якая ўтрымлівала наступныя пункты: 1) перанесці працу АББА з Гродзеншчыны ў Навагрудскае ваяводства і ўтварыць сядзібу арганізацыі ў Слоніме ці Барнавічах; 2) арганізаваць беларускі з’езд і ўтварыць новую паланафільскую групу пад прапагандысцкай назвай “Адра-

дзённые Беларусі”; 3) у якасці канкурэнта Цэнтральнай школьнай беларускай рады ўтварыць новую школьную арганізацыю памяркоўнага кірунку, якая б перацягнула на свой бок беларускіх настаўнікаў і інтэлігенцыю; 4) арганізаваць новы Беларускі нацыянальны камітэт па прынцыпу лаяльнасці да Польшчы; 5) дамагацца адкрыцця змешаных польска-беларускіх школ з мэтай стрымання антыпольскай агітацыі сярод вучняў; 6) абараняць хрысціянскі промысел і гандаль на т.зв. “крэсах” ад манаполіі яўрэйскага капітала; 7) мець сталыя кантакты з мясцовымі ўладамі і атрымліваць ад іх маральную і фінансавую дапамогу [16, арк. 34–36]. У прапагандысцкіх мэтах паланафілы абяцалі выкарыстоўваць пастулат аўтаноміі Заходняй Беларусі, але насамрэч цалкам прызнавалі ўнітарнасць Польскай дзяржавы. Тым не менш, нягледзячы на гэты распрацаваны план, намаганні Міткевіча і яго прыхільнікаў былі не заўважаны ва ўрадавых колах. Верагодна гэта было выклікана тым, што згаданыя дзеячы не выклікалі вялікага даверу, бо фактычна з’яўляліся палітычнымі авантурыстамі, неаднаразова абвінавачанымі ў розных фінансавых махінацыях [17, с. 299].

У верасні 1924 г. у Вільні ўтварылася новая паланафільская арганізацыя пад назвай Часовая беларуская рада (ЧБР, з 1926 г. мела назву Беларуская нацыянальная рада). Адною з палітычных задач ЧБР з’яўлялася ўстаноўка шчыльных зносін з прадстаўнікамі мясцовай і цэнтральнай улады для вырашэння праблем беларускай меншасці [18, арк. 5]. Старшыня арганізацыі, доктар А. Паўлюкевіч, неўзабаве пачаў рэалізоўваць гэтую задачу, арганізуючы розныя аўдыенцыі і сустрэчы з вышэйшымі польскімі чыноўнікамі. Так, 3–10 кастрычніка 1924 г. дэлегацыя ЧБР правяла ў Варшаве некалькі сустрэч з членамі Савета міністраў Польшчы, у тым ліку з прэм’ер-міністрам У. Грабскім. Польскаму кіраўніцтву былі выказаны прашанні аб правядзенні ў Заходняй Беларусі рэформы школьніцтва, мясцовага самакіравання, падкрэслівалася неабходнасць прадастаўлення дапамогі гаспадаркам былых бежанцаў [19]. Амаль падобныя пытанні закраналіся і падчас сустрэч з віцэ-прэм’ерам С. Тугутам, міністрамі ўнутраных спраў і асветы, дэлегатам ураду ў Вільні, куратарам Віленскай навучальнай акругі, мітрапалітам Польскай праваслаўнай царквы і інш. Усяго, паводле падліку аўтара, які абапіраўся на матэрыялы друкаванага органа ЧБР “Грамадскі голас”, у 1924–1925 гг. прадстаўнікі арганізацыі здзейснілі каля 10 сустрэч з польскім кіраўніцтвам.

Неабходна заўважыць, што падчас сустрэч з польскімі чыноўнікамі паланафілам удавалася дабіцца невялікіх саступак для беларусаў. Так, у 1925 г. пасля наведвання Міністэрства асветы дэлегацыя ЧБР змагла атрымаць дазвол на арганізацыю беларускіх курсаў для настаўнікаў пачатковых школ у Вільні і Кракаве [20, арк. 345]. Тым не менш, падчас згаданых аўдыенцый не заўсёды абмяркоўваліся праблемы беларусаў у Польшчы. Хутчэй за ўсё, дзеля прапагандысцкага эфекту ў паланафільскай прэсе завываліся змест і значэнне гэтых сустрэч, якія насамрэч не мелі вялікага ўплыву на грамадска-палітычнае і сацыяльнае жыццё беларускага насельніцтва. У большасці выпадкаў прадстаўнікі ЧБР шукалі ў кабінетах польскіх чыноўнікаў матэрыяльную падтрымку сваёй дзейнасці. Напрыклад, пасля візіта да віцэ-прэм’ера С. Тугута А. Паўлюкевіч заяўляў сваім прыхільнікам, што ўлады абяцалі вылучыць канцэсіі на аўтобусныя перавозкі і ўтрыманне аптовых складоў тытуно, даходы з якіх павінны былі ісці на развіццё паланафільскага руху [20, арк. 249].

У маі 1926 г. ЧБР, адзіная сярод усіх беларускіх арганізацый Заходняй Беларусі, падтрымала майскі пераварот у Варшаве, у ходзе якога да ўлады прыйшлі прыхільнікі маршала Ю. Пілсудскага. 15 чэрвеня 1926 г. ЧБР на надзвычайным паседжанні паставіла даслаць маршалу Пілсудскаму віншавальную тэлеграму, у якой між іншым, пазначалася: “Часовая Беларуская Рада, прадстаўляючы тое беларускае грамадзянства, якое ў злучнасці і братняй, згоднай супольнай працы з польскім народам жадае збудаваць сабе лепшую будучыню, вітае Цябе, Правадыр, у гэтую вялікую гістарычную хвілю пералому, аддае гонар і пашану і складае сардэчныя пажаданні давядзення да канца задуманнай санацыйнай акцыі ў цэлай Польшчы” [11, с. 309]. Адразу пасля выхаду тэлеграмы, на старонках газеты “Беларускае слова” прыхільнікі ЧБР пачалі праводзіць агітацыю ў падтрымку Пілсудскага. Напрыклад, у даволі рэзкай форме яны патрабавалі, каб беларускія паслы Сейма падчас выбараў прэзідэнта Польшчы аддалі свае галасы за кандыдатуру маршала [21].

Пасля акрэслення сваёй пазіцыі, А. Паўлюкевіч выехаў у Варшаву з мэтай усталявання стасункаў з новымі ўладамі. Новапрызначаны прэм’ер-міністр К. Бартэль падчас сустрэчы з лідарам беларускіх паланафілаў абяцаў фінансавую дапамогу, але, можна дапусціць, што ўзамен прапанаваў ЧБР правесці на тэрыторыі Заходняй Беларусі шырокую кампанію па падтрымцы Пілсудскага [11, с. 309]. Падобная акцыя змагла б у пэўнай ступені стварыць становаўчы вобраз новых улад сярод беларускага насельніцтва, большасці якога былі яшчэ малавядомы акалічнасці варшаўскіх падзей.

Паводле справаздачы, надрукаванай у газеце “Беларускае слова”, у канцы мая 1926 г. сябры ЧБР правялі ў Заходняй Беларусі 21 мітынг: 6 – у Вілейскім павеце, па тры – у Нясвіжскім і Лідскім паветах, 2 – у Валожынскім павеце, па аднаму – у Слоніўскім, Баранавіцкім, Навагрудскім, Пастаўскім, Браслаўскім, Дзісенскім і Маладзечанскім паветах [22]. У справаздачах польскай паліцыі і ваяводскай адміністрацыі намі знойдзена характарыстыка 11 падобных мерапрыемстваў, што, аднак не выключае лічбы, пададзенай у паланафільскай газеце (табліца 1). Фактычна ўсе яны мелі аднолькавы змест: характарыстыка падзей пераварота ў Варшаве, пазітыўная ацэнка прыходу да ўлады прыхільнікаў Пілсудскага,

прыняцце рэзалюцыі з заклікам да беларускіх дэпутатаў падтрымаць кандыдатуру Пілсудскага падчас выбараў прэзідэнта Польшчы [23, арк. 119,170; 24, арк. 139,140; 25, арк. 103–104]. Больш таго, пры ўдзеле прадстаўніка ЧБР Б. Друцкага-Падбярэзкага каля 15 вёсак і мястэчак Гродзеншчыны даслалі ў Варшаву тэлеграму з выказваннем падтрымкі новым уладам [26, арк. 88–89]. Тым не менш гэтая акцыя не мела значнага ўздзеяння на грамадска-палітычнае жыццё краю і выбар беларускіх дэпутатаў. Сябры БПК як і сеймавага клубу БСРГ падчас выбараў прэзідэнта ўстрымаліся ад галасавання і адмовіліся падтрымаць кандыдатуру Пілсудскага [27].

Табліца 1

Мітынгі ў падтрымку майскага пераварота і Ю. Пілсудскага,
скліканыя Часовай беларускай радай у Заходняй Беларусі ў маі 1926 г.

Дата	Мясцовасць	Арганізатар мітынга	Колькасць прысутных
25 мая	Вільня	А. Паўлюкевіч	Не адбыўся з-за адсутнасці слухачоў
26 мая	Паставы	У. Більдзюкевіч	100
26 мая	Нясвіж	А. Паўлюкевіч	700
27 мая	в. Краснае Вялейскага пав.	Т. Вернікоўскі	300
27 мая	мяст. Радашковічы Вялейскага пав.	Т. Вернікоўскі	300
27 мая	мяст. Клецк Нясвіжскага пав.	А. Паўлюкевіч	100
27 мая	в.Сіняўка Нясвіжскага пав.	А. Паўлюкевіч	120
27 мая	мяст. Шаркаўшчына Дзісенскага пав.	У. Більдзюкевіч	400
28 мая	Баранавічы	А. Паўлюкевіч	100
28 мая	в. Аляхновічы Вялейскага пав.	Т. Вернікоўскі	15
29 мая	в.Гародзкі Валожынскага пав.	А. Кабычкін	100

У 1920-я гг. польскія ўлады імкнуліся разгарнуць і падтрымаць у Заходняй Беларусі яшчэ шэраг палітычных праектаў беларускіх паланафілаў. Найбольш цікавым з іх з’яўляецца Цэнтральны камітэт беларускіх спраў, пад шыльдай якога дзейнічала некалькі актывістаў. Ініцыятарам утварэння гэтай арганізацыі быў Феліцыян Цяўлоўскі – малавядомая постаць у беларускім нацыянальным руху, які пачынаў сваю палітычную кар’еру ў польскіх сацыялістычных арганізацыях пачатку ХХ ст. [11, с. 280]. У канцы верасня 1924 г. ён абвясціў аб стварэнні Цэнтральнага камітэта па беларускіх справах і адразу ж пачаў шукаць сувязі з рознымі ўрадавымі ведамствамі Польшчы. Можна дапусціць, што “беларуская справа” была для Цяўлоўскага ўсяго толькі карысным бізнесам, бо якраз у часы агульнай радыкалізацыі беларускага нацыянальнага руху ў Польшчы ўладам былі патрэбны актыўныя прапагандысты прапольскіх ідэй, праца якіх добра фінансавалася. Аднак палякі ў гэтай справе значна памыліліся, зрабіўшы стаўку на малавядомых і неаўтарытэтных дзеячаў. Першапачаткова, пасля прапановы польскай дэфензіве выкарыстоўваць Цэнтральны камітэт па беларускіх справах у вывадоўчых і прапагандысцкіх мэтах, Цяўлоўскі атрымаў адмову [28, с. 68]. Аднак гэтую ідэю неўзабаве падхапіла Міністэрства ўнутраных спраў, якое разлічвала з дапамогай Цяўлоўскага знізіць палітычную напружанасць у т.зв. “крэсах”. Асабліва моцна паланафіла падтрымліваў чыноўнік міністэрства па прозвішчы Руткоўскі, які не меў ніякага ўяўлення аб асаблівасцях тагачаснага беларускага палітычнага жыцця ў Польшчы [29, с. 253].

Неабходна заўважыць, што ў адрозненні ад іншых беларускіх паланафільскіх арганізацый Ф. Цяўлоўскі імкнуўся выйсці за межы віленскага палітычнага асяроддзя і праводзіць агітацыю ў правінцыі, перамяшчаючы такім чынам вектар беларускага паланафільства з Віленшчыны ў Навагрудскае ваяводства. Адмыслова дзеля гэтага, 29 студзеня 1925 г. Міністэрства ўнутраных спраў накіравала навагрудскаму ваяводзе Янушайцісу паведамленне, у якім заклікала кіраўніка Навагрудчыны ўзяць пад асабісты кантроль дзейнасць Цяўлоўскага і не ствараць яму ніякіх перашкод. У дакуменце, між іншым, падкрэслівалася: “Пан Феліцыян Цяўлоўскі накіраваўся ў Навагрудскае ваяводства з мэтай разгортвання сярод беларускага насельніцтва дзейнасці, накіраванай супраць бальшавіцкай агітацыі, а таксама з мэтай выхавання гэтага насельніцтва ў духу, прыхільным да Польскай дзяржавы... Выезд пана Цяўлоўскага адбыўся са згоды Міністэрства ўнутраных спраў, якое да акцыі пана Цяўлоўскага адносіцца прыхільна” [30, арк. 3]. Маючы санкцыю вышэйшых улад і пратэкцыю мясцовай адміністрацыі, Цяўлоўскі пачаў арганізоўваць у розных мястэчках і вёсках ваяводства падчас кірмашоў агітацыйныя мітынгі, на якіх заклікаў насельніцтва падтрымліваць дзеянні польскіх улад па барацьбе з беларускімі апазіцыйнымі групамі. Аднак гэтыя мерапрыемствы не карысталіся значным поспехам сярод сялян, якія лічылі Цяўлоўскага “зdraднікам, падкупленым уладамі” [31, арк. 98].

На рубяжы 1920–1930-х гг. у Заходняй Беларусі на праўрадавыя пазіцыі перайшлі некаторыя вядомыя дзеячы беларускага нацыянальнага руху. Частка былых прыхільнікаў Беларускай сялянска-работніцкай грамады (А. Луцкевіч, Р. Астроўскі, Я. Шнаркевіч, У. Самойла і інш.) прапанавалі шукаць кампрамісы і кантакты з санацыйным урадам Польшчы з мэтай хоць нейкім чынам захаваць культурна-нацыянальныя здабыткі беларусаў. Па гэтай прычыне дадзеная група ў заходнебеларускім палітычным асяроддзі атрымала назву “беларускай санацыі” альбо групы Луцкевіча – Астроўскага. Для каардынацыі сваёй дзейнасці ў жніўні 1930 г. яна ўтварыла Цэнтральны саюз беларускіх культурна-асветніцкіх і гаспадарчых арганізацый (Цэнтрсаюз), у межах якога імкнулася аб’яднаць працу амаль усіх беларускіх непалітычных таварыстваў, саюзаў і школ [32, с. 183–184].

Сацыяльна-палітычныя і культурныя праблемы беларускага насельніцтва прадстаўнікі групы Луцкевіча – Астроўскага разлічвалі вырашыць праз перамовы з вышэйшым кіраўніцтвам Польшчы. У беларускай прэсе падавалася інфармацыя пра сустрэчу ў ліпені 1929 г. дзеячоў “беларускай санацыі” з Ю. Пілсудскім і перамовах аб датэрміновым вызваленні арыштаваных “грамадоўцаў” [33]. Можна меркаваць, што дзякуючы гэтай сустрэчы ў 1930 г. большасць лідараў Грамады выйшлі на волю. 18 чэрвеня 1930 г. Р. Астроўскі, С. Станкевіч, А. Трэпка і іншыя былі прыняты прэзідэнтам Польшчы І. Масыцкім падчас яго візіту ў Віленскае ваяводства. Прэзідэнту быў пададзены “Мемарыял беларускіх культурна-асветніцкіх інстытутыў”, у якім утрымліваўся шэраг разгорнутых патрабаванняў у адукацыйнай, палітычнай, рэлігійнай сферах. Напрыклад, прадстаўнікі групы Луцкевіча – Астроўскага прапаноўвалі ўладам вылучыць Віленскае, Навагрудскае, Палескае ваяводства ў асобную адміністрацыйную адзінку, стварыць на гэтых землях адзіную школьную акругу з аддзелам беларускага школьніцтва, аказаць матэрыяльную падтрымку беларускім школам, гімназіям і асветніцкім арганізацыям, адчыніць кафедру беларусазнаўства ў Віленскім універсітэце і інш. [34, с. 382–383]. Тым не менш, польскі ўрад пасля гэтага мемарыялу кардынальна не змяніў свае адносіны да вырашэння “беларускага пытання” ў Польшчы. Выключэннем было, бадай, з’яўленне ў Вільні ў 1930 г. беларускай настаўніцкай семінарыі, якая, аднак, праз год была зачынена.

Праграмныя пастулаты ў справе ўзаемаадносін беларускага грамадства з польскімі ўладамі меў выступ лідара “беларускай санацыі” Р. Астроўскага падчас пасяджэння т.зв. “Грамадскага клуба” 22 сакавіка 1931 г. у Вільні, у якім прымалі ўдзел прадстаўнікі віленскіх адміністрацыйных улад, польскіх палітычных партый, грамадскіх арганізацый і прэсы. У сваім дакладзе Астроўскі заявіў, што беларускае насельніцтва імкнецца забяспечыць свае нацыянальна-культурныя патрэбы ў рамках польскай дзяржаўнасці, ад якой чакае прызнання беларусаў раўнапраўнымі грамадзянамі краіны. Дзеля гэтага, прамоўца выказаў у бок улад некалькі патрабаванняў у культурнай, гаспадарчай і адміністрацыйнай сферах: адчыніць у кожным заходнебеларускім павеце беларускую сямікласную школу, аказаць падтрымку існуючым беларускім гімназіям, стварыць кафедру беларусазнаўства ў Віленскім універсітэце, правесці аграрную рэформу і скасаваць асудніцтва, сканцэнтраваць заходнебеларускія ваяводства ў асобную адміністрацыйную адзінку. Аднак нават такія памяркоўныя патрабаванні былі крытычна ўспрыняты на пасяджэнні прадстаўнікамі польскага істэблішменту, напрыклад, віленскім ваяводам Кіртклісам, рэдактарам С. Мацкевічам і інш. [35]. Гэтая акалічнасць пацвярджала той факт, што польскія ўлады працягвалі прытрымлівацца палітыкі паланізацыі беларускага насельніцтва і не жадалі падтрымліваць нават тыя вузкія змены, якія прапаноўвалі прадстаўнікі паланафільскай плыні беларускага нацыянальнага руху.

Заклучэнне. Такім чынам, у міжваенны перыяд беларускія паланафільскія арганізацыі мелі трывалыя стасункі з польскімі ўладамі на розных адміністратыўных узроўнях. Дадзеныя стасункі насілі ў большасці выпадкаў характар прыватных перамоваў, сустрэч з прадстаўнікамі ўрада ці мясцовай адміністрацыі падчас якіх ставіліся пытанні падтрымкі паланафільскага руху і забеспячэння памяркоўных патрэб беларускай меншасці ў Польшчы. Узаемаадносіны ўлад і паланафілаў былі абумоўлены ў першую чаргу неабходнасцю аказання з боку ўрадавых структур пэўнай падтрымкі прапольскім сілам у беларускім грамадстве. Але кіраўніцтва Польшчы не мела адзінай канцэпцыі ці “дарожнай карты” супрацоўніцтва з беларускімі прапольскімі арганізацыямі, што прадвызначала існаванне супрацьлеглых поглядаў на беларускіх паланафілаў з боку розных інстытутаў улады (польскі ўрад, віленская адміністрацыя, дэ-фензіва і інш.). Пры гэтым, трэба падкрэсліць, што ўлады вельмі абмежавана рэагавалі на ініцыятывы паланафільскіх арганізацый, бо не жадалі аказваць вялікае садзеянне любой, нават памяркоўнай, палітычнай эмансipaцыі беларускага насельніцтва.

ЛІТАРАТУРА

1. Пашкевіч, А. В. Псыхалёгія здрады: беларускі нацыянальны рух вачыма канфідэнта ІІ аддзела польскага Генэральнага штабу / А. В. Пашкевіч, А. М. Чарнякевіч // Arche. – 2005. – № 6. – С. 214 – 271.
2. Чарнякевіч, А. М. Ад супрацоўніцтва да здрады: беларускі рух і ІІ аддзел Польскага Генэральнага штабу 1919–1939 / А. М. Чарнякевіч // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – С. 13 – 46.
3. Czarniakiewicz, A. “Inwestycja w lojalność”: Próby finansowania przez polskie instytucje rządowe białoruskiego ruchu narodowego / A. Czarniakiewicz // Przegląd Wschodni. – 2013. – Т. XII. – З. 4. – С. 825–862.

4. Gomółka, K. Białoruskie partie i organizacje prorządowe w II Rzeczypospolitej / K. Gomółka // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 1997. – № 7. – S. 63–74.
5. Januszevska-Jurkiewicz, J. Stosunki narodowościowe na Wileńszczyźnie w latach 1920–1939 / J. Januszevska-Jurkiewicz. – Katowice : Wyd. Uniwersytetu Śląskiego, 2010. – S. 630 – 632.
6. Галэндак, М. Беларуская палітыка ў Сярэдняй Літве / М. Галэндак // Arche. – 2009. – № 3. – С. 479 – 506.
7. Lietuvos centrinių valstybės archyvas (LCVA). – F. 22. – Ap. 1. – B. 54. Raporty polityczne w sprawie ruchu białoruskiego na terenie Litwy Środkowej, 1921 г.
8. LCVA. – F. 22. – Ap. 1. – B. 42. Доклад о деятельности белорусских буржуазно-националистических организаций и их руководителей в Польше, Литве и странах Западной Европы с приложениями, характеризующими деятельность данных организаций, 1921 г.
9. Беларускі голас. Аднаднёўка. – 1921. – 11 сьнежня. – С. 1.
10. Аляксук у кааперацыі // Бел. ведам. – 1921. – № 12–13. – С. 3.
11. Кароткі нарыс беларускага пытання. – Мінск : Логвінаў, 2009. – 396 с.
12. Czarniakiewicz, A. Kwestia białoruska w planach Oddziału II Sztabu Generalnego Wojska Polskiego w latach 1919–1923 / A. Czarniakiewicz, A. Paszkiewicz // Przegląd historyczno-wojskowy. – 2011. – № 3. – S. 43 – 56.
13. Instytut Józefa Piłsudskiego w Ameryce. – Zespół : Adiutantura Generalna Naczelnego Wódcza. – Teczka 701/2/39 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.pilsudski.org/archiwa/teczka.php?nonav=0&nrrar=701&nrrzesp=2&sygn=39>. – Дата доступу: 10.10.2014.
14. Дэлегацыя Зьезду Заходняй Беларусі ў Варшаве // Раніца. – 1921. – № 2. – С. 2.
15. Цэнтральная навуковая бібліятэка НАНБ імя Я. Коласа. Адзел рэдкай кнігі і рукапісаў. – Ф. 4. – Воп. 1. – Спр. 61. Донесения издателя «Белорусского звона» в Министерство внутренних дел.
16. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГВ). – Ф. 662. – Воп. 2а. – Спр. 8. Месячные, недельные отчеты воеводских и повтовых коменд госполиции об общественно-политическом движении, 1924 г.
17. Горны, А. Вобраз беларускага паланафіліства на старонках беларускамоўнага друку міжваеннай Польшчы / А. Горны // Acta Albarruthenica. – 2013. – Т. 13. – S. 294 – 304.
18. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. – Ф. 3. – Воп. 1. – Спр. 189. Документы Канферэнцыі прадстаўнікоў беларускіх палітычных партый, сялянства і інтэлігенцыі (пратакты і выступленні), 1924 г.
19. Беларуская дэлегацыя ў Варшаве // Грамадскі голас. – 1924. – № 34. – С. 2.
20. LCVA. – F. 15. – Ap. 2. – B. 232. Sprawozdania sytuacyjne z życia społecznego i politycznego m. Wilno, 1925 г.
21. Мы трэбуем // Беларускае слова. – 1926. – № 15. – С. 1.
22. Спроба сілаў // Беларускае слова. – 1926. – № 16. – С. 2.
23. ДАГВ. – Ф. 664. – Воп. 3. – Спр. 9. Месячные отчеты по Новогрудскому воеводству, 1926 г.
24. ДАГВ. – Ф. 679. – Воп. 1. – Спр. 10. Донесения, отчеты коменды госполиции Несвижского повета о происшествиях и общественно-политическом движении на территории повета, 1926 г.
25. LCVA. – F. 15. – Ap. 2. – B. 233. Sprawozdania sytuacyjne z życia społecznego i politycznego m. Wilno, 1926 г.
26. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 242п. – Воп. 1. – Спр. 106. Интерпеляции и речи послов коммунистической посольской фракции и послов «Громады». Материалы Временной белорусской рады и др., 1926–1934 гг.
27. Паведамленне Соймавага Клубу Беларускае Сялянска-Работніцкае Грамады ў справе ўчасця ў выбарах Прэзідэнта Польскае Рэспублікі // Беларуска справа. – 1926. – № 14. – С. 1.
28. Чарнякевіч, А. Беларускія паланафілы і Грамада. 1925 – пачатак 1927 г. / А. Чарнякевіч // Гістарычны альманах. – 2006. – Т. 12. – С. 64 – 78.
29. Czerniakiewicz, A. Raporty Romualda Ziemiakiewicza z lat 1923–1925 / A. Czerniakiewicz // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2007. – № 27. – S. 224 – 275.
30. ДАГВ. – Ф. 551. – Воп. 1. – Спр. 974. Сообщения МВД об антисоветской пропаганде среди белорусского населения Цябловского Фелициана, 1925 г.
31. ДАГВ. – Ф. 662. – Воп. 3. – Спр. 11. Квартальные отчеты повтовых коменд госполиции об общественно-политическом движении в Новогрудском воеводстве, 1924 – 1928 гг.
32. Ладыеў, У. Ф. Паміж Усходам і Захадам. Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917 – 1939 гг.) / У. Ф. Ладыеў, П. І. Брыгадзін. – Мінск : БДУ, 2003. – 307 с.
33. Z białoruskaha żyćcia // Białoruskaja krynica. – 1929. – № 23. – S. 2.
34. Białorusini // Sprawy Narodowościowe. – 1930. – № 3–4. – S. 380–384.
35. Беларуская справа і польскае грамадзянства // Беларускі звон. – 1931. – № 7. – С. 1.

Пастыніў 27.05.2015

THE RELATIONS BETWEEN BELARUSIAN POLONOPHYLIC ORGANIZATIONS AND POLISH AUTHORITIES IN WESTERN BELARUS DURING THE INTERWAR PERIOD

A. GORNY

The article touches upon little-known problem of native and foreign historiography of interaction between Belarusian polonophilic organization with the Polish authorities in Western Belarus in the interwar period. Also reveals the main forms of cooperation with the Polish authorities of such organizations as "Krajovaja suviaz", Temporarily Belarusian Rada, Lutskevich-Ostrovsky group and others. The author comes to the conclusion that the support of the authorities of propolish forces in the Belarusian society of Western Belarus had been limited and had not exceeded the policy of polonization of Belarusian population.

УДК 364.65:159.922.767(476)«1944-1950»

**РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ И БЕЗНАДЗОРНОСТИ
В БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ (1944 – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1950-Х ГОДОВ)****Е.Ю. ЗАНЬКО***(Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)*

Одна из острых проблем жизни советского общества в первые годы после Великой Отечественной войны – проблема сиротства, уличной беспризорности как острого социального явления. Особую роль в борьбе с ней занимали детские дома, которые в условиях послевоенной разрухи нуждались в капитальном ремонте, снабжении инвентарем, продовольствием, квалифицированными кадрами. Рассмотрены социально-бытовые, организационно-кадровые, материально-экономические проблемы обустройства детей-сирот и методы борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в западных областях БССР в 1944 – 1950-х гг. на примере Брестской области.

Введение. Последствия Великой Отечественной войны отразились на белорусских землях самым страшным образом: материальные и человеческие потери, массовое беженство, сотни тысяч сирот, безнадзорных и беспризорных детей.

Актуальностью проблемы детской беспризорности и безнадзорности после Великой Отечественной войны является то, что долгое время эта тема была закрытой для исследований, большинство вопросов являются дискуссионными и подход к их решению неоднозначен.

Целью данной работы является анализ общих проблем и задач, которые стояли перед Советским государством в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью как сложнейшим социальным явлением в послевоенный период в западных областях БССР на примере Брестской области.

Общей чертой белорусской историографии сиротства в 1944 – 1950-х гг. является отсутствие обобщающих трудов по истории детской беспризорности в БССР данного периода. Не обработаны материалы массовых источников, которые позволяют изучить состав и структуру беспризорников как социальной группы. В работах по истории народного образования в Белорусской ССР мало уделялось внимания организации воспитательного и образовательного процесса среди детей-сирот. Особое значение занимает труд И.М. Ильюшина [1], где содержатся данные по образованию детей-сирот в послевоенный период. Среди публикаций данной проблематики выделяется исследование Е.И. Пашкович [2], в котором рассматривается организация процесса создания учета и распределения детей-сирот, их положение, быт, помощь сиротам со стороны общественных организаций и государственных органов. В статье А.А. Савича [3] рассматриваются социально-экономические, учебно-методические и организационно-кадровые аспекты деятельности детских домов на примере Ивацевичского района в 1940-х – 1950-х гг. Статьи В.А. Данилова [4, 5] посвящены деятельности органов внутреннего правопорядка БССР в организации и развитии патроната детей-сирот в послевоенные годы. Результаты данного исследования получены в ходе обработки архивных материалов из фондов Государственного архива Брестской области, Национального архива Республики Беларусь, часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Дети-сироты и решение проблемы детской беспризорности и безнадзорности в Брестской области

В послевоенный период перед Советским государством встала первоочередная задача обустройства детей-сирот, организация детских домов, проведение мероприятий по учету беспризорных и безнадзорных детей, создания благоприятных условий для восстановления нормальной жизни детей, оставшихся без опеки родителей. В масштабах Советского государства проблема встала настолько остро, что СНК СССР в своем постановлении «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» от 15 июня 1943 г. поручил НКВД СССР организовать работу среди безнадзорных, беспризорных, а также лишившихся родителей детей и подростков [4, с. 54–55]. Главный упор делался не на усиление уголовной ответственности за совершенные преступления, а на меры воспитательного характера. Согласно постановлению в БССР были открыты две трудовые воспитательные колонии НКВД: в Могилеве на 350 мест и в Бобруйске на 200 мест [6, с. 218]. Борьба с детской беспризорностью, безнадзорностью и помощь детям-сиротам рассматривались как дело первостепенной государственной важности, основные обязанности по организационному обеспечению этой задачи возлагались на НКВД [5, с. 54–55].

Вопросами борьбы с преступностью несовершеннолетних до 1943 г. занимались все оперативные работники органов милиции, специального аппарата для этой цели создано не было [2, с. 218]. В июле 1943 г. по приказу № 0246 наркома внутренних дел СССР в органах милиции БССР создавались специальные структурные единицы – аппараты НКВД (УНКВД) по борьбе с детской беспризорностью, которые стали основой организационного обеспечения деятельности сотрудников НКВД по ликвидации массовой детской безнадзорности [5, с. 54–55]. Эти отделы при большой и систематической помощи со сто-

роны партийных, советских и общественных организаций проделали значительную, главным образом профилактическую работу, направленную на пресечение преступлений среди подростков [6, с. 218].

В соответствии с постановлением СНК ССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» от 21 августа 1943 г., обязавшим Наркомпрос и НКВД СССР взять на себя основную заботу о детях-сиротах, в стране организовывались специальные детские дома и приемники-распределители для детей, родители которых погибли на фронтах и в партизанских отрядах. Необходимо было определить от 70 тыс. до 90 тыс. сирот [6, с. 217–218; 1, с. 337].

После начала освобождения территории Беларуси от оккупантов 12 октября 1943 г. СНК БССР и ЦК КП(б)Б приняли постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». Согласно этому документу на вокзалах, рынках, магазинах организовывались специальные рейды с целью выявления беспризорных детей. Для этой работы привлекалась не только милиция, но и школьники старших классов, учителя, комсомольские организации. В городах открывались детские комнаты милиции. Исполкомами областных, районных и городских советов создавались комиссии по устройству детей-сирот, в состав которых входили заместитель председателя исполкома, председатели отдела народного образования, охраны здоровья, профсоюзных и комсомольских организаций, промышленных предприятий, колхозники, рабочие МТС, совхозов.

На 1 декабря 1944 г. по республике в органах народного образования на учете состояло более 46 000 детей-сирот, к концу 1945 г. – 64 000 [2, с. 189]. К началу декабря 1944 г. в Брестской области насчитывалось 1 452 ребенка-сироты. В марте 1945 г. по области было учтено 1 537 детей, оставшихся без родителей (в документах Брестского обкома КП(б)Б говорится про отсутствие точного учета детей-сирот в этот период, что дает основание предполагать, что цифры приуменьшены) [7, л. 66], в сентябре 1945 г. – 2 016, в марте 1949 г. – 1 740 [8, л. 9; 9, л. 44; 10, л. 20].

На местах устройством детей-сирот занимались районы и директора детских домов [9, л. 1]. Поставка продовольственных и промышленных товаров была возложена на торгующие организации (межрайторг, райпромкомбинат, строительные конторы и т.д.). Беспризорники направлялись в детские приемники-распределители НКВД. К августу 1944 г. сотрудниками милиции были организованы и начали действовать 19 детских приемников-распределителей НКВД. В ноябре 1944 г. действовало 20 из 28 запланированных правительством подобного рода учреждений. Больших усилий со стороны НКВД требовало кадровое обеспечение приемников-распределителей. И хотя количественно к концу 1944 г. они были укомплектованы на 98% (373 человека), воспитательский состав сотрудников был в основном со средним образованием [4, с. 60]. К январю 1945 г. в республике действовало 18 таких учреждений с единовременным содержанием 1 200 детей, в т.ч. в Бресте и Пинске на 50 и 30 мест [11, л. 4]. За первый квартал 1947 г. органами МВД по изъятию и устройству беспризорных детей по Брестской области было задержано 467 и устроено 174 ребенка [12, л. 1]. Всего в республике в 1944–1946 гг. было организовано 32 детские комнаты милиции, через которые прошло 20 179 детей [4, с. 57].

В Брестский приемник-распределитель поступали дети в возрасте до 15 лет по следующим категориям: 1) дети, родители которых погибли на фронте, в партизанских отрядах, во время оккупации от рук немецко-фашистских захватчиков; 2) дети из других союзных республик (на 1945 г. они составляли 50%); 3) дети-репатрианты (начиная с 1945 г.); 4) дети, сбежавшие из детских домов; 5) дети, сбежавшие из дома (на 1948–1950 гг. они составляли более 50%); 6) дети репрессированных граждан (с 1948 г.) [13, л. 30]. Дети направлялись в приемники-распределители на двухнедельный срок. За это время им оказывали медицинскую помощь, устанавливали по возможности личность ребенка, после чего детей в возрасте до 14 лет распределяли в детские дома-колонии, отдавали на попечительство в семьи, детей старше 14 лет – трудоустраивали. Часто дети задерживались дольше 2-х недель, поэтому в приемниках необходимо было организовать учебно-воспитательную работу [2, с. 189]. За период с января по июль 1947 г. в детском приемнике-распределителе в Бресте побывало 346 детей [14, л. 15]. Помещения распределителя совершенно не соответствовали своему назначению, отсутствовало необходимое количество оборудования и инвентаря, одежды, постельного и нательного белья, обуви, что существенно отражалось на пропускной способности приемника и на своевременном устройстве детей-сирот. Плохо обстояло дело со снабжением продуктами, часто поставлялись овощи непригодные к употреблению [15, л. 5].

Такое положение дел было не только в Бресте. Например, в Коссовском районе Брестской области за первое полугодие 1947 г. было учтено 47 детей, которые остались без родителей, из них 29 – дети-сироты, родители которых погибли на войне, 46 определены в детский дом, 1 отдан под опеку. На 1 января 1948 г. на учете было 76 детей, которые остались без родителей, из них 63 – дети, родители которых погибли, 11 направлены в детский дом, 65 взято на патронаж родными или близкими. В детском доме находилось 220 детей [3, с. 28]. В целом по республике за период с 1943 г. по 1950 г. через детские приемники-распределители прошли 80 239 детей [2, с. 189].

Из приемников-распределителей большинство детей попадали в детские дома. Из 186 зданий детских домов, существовавших в республике до войны, оккупантами было полностью уничтожено 136,

уцелело 50 сильно поврежденных зданий. На 15 сентября 1945 г. в республике было открыты и работали 236 детских домов с общей численностью 24 204 воспитанника [16, л. 138]. На территории Брестской области до оккупации работало 9 детских домов (1 200 воспитанников), 3 из которых размещались в г. Бресте [17, л. 2]. К декабрю 1944 г. они были восстановлены и открыты 3 новых [8, л. 10]. В 1946 г. из 13 детских домов области 7 размещались в городах и райцентрах, 6 – в сельской местности, из них 3 – в бывших имениях. Только 3 детских дома размещались в пригодных помещениях, 10 – в приспособленных зданиях [18, л. 44]. Помощь в восстановлении детских домов оказывали подразделения Красной Армии. В феврале-марте 1944 г. силами тыловых частей I-го Белорусского фронта было восстановлено и оборудовано в освобожденных районах Беларуси 15 различных воспитательных учреждений. На строительство детских домов и приемников-распределителей направляли немецких военнопленных (например, в г. Барановичи) [2, с. 190].

Брестский детский дом начал работу 2 августа 1944 г. Из-за отсутствия финансовых средств ремонт сводился к тому, что окна забивались фанерой, помещения оставались неутепленными, не были проведены электричество и водоснабжение. Не хватало мебели, прежде всего кроватей. Дети спали по 3-4 человека на одной кровати и на полу [19, л. 130]. Не хватало одеял, простыней, одежды, обуви. Большинство детей Брестского дома, прежде всего дошкольники, ходило босиком – на всех 144 воспитанников было 2 пары обуви, которые носили по очереди. Были случаи, когда дети ели из консервных банок (г. Кобрин). В Высоковском детском доме на 120 воспитанников было только 15 мисок [2, с. 191]. Из-за нехватки мебели и инвентаря дети питались в 5 смен (Малечский детский дом в Пружанском районе) [15, л. 2].

Одна из самых острых проблем послевоенных лет – обеспечение питанием. Дети в детских домах недоедали. Поставки продуктов и других товаров не выполнялись в полном объеме. В некоторых детдомах (Жабинковском, Коссовском, Березовском) дети были сильно истощены. Торгующие организации на местах безответственно относились к снабжению детских домов: выделяемые фонды полностью не отоваривались, во многих случаях часто заменялись продуктами низкого качества (межрайторг г. Бреста, райпотребсоюз г. Береза), разворовывались [20, л. 247]. Приведем пример (не самый худший) меню Брестского детского дома в 1944 г.: завтрак – чай с хлебом, обед – суп, ужин – суп. Были случаи, когда на завтрак варили муку на воде. Одна из бывших воспитанниц Брестского детского дома вспоминала: «...запало в памяти, как дети ложились на землю и прикладывали ухо – не гудит ли грузовик, который привозит хлеб? А конфеты, коричневые такие, наподобие подушечек. Спрессуешь их несколько штук в ладошке и потом, как самое дорогое сокровище, бережешь этот сладкий ком» [2, с. 191].

Во многих детдомах, особенно в Каменецком и Домачевском, дети питались за счет продуктов, которые приносили местные жители. В Малечском детском доме дети не получали хлеба по 2-3 дня, за счет детского дома питались члены семьи директора детского дома, завуч и другие лица. Несмотря на получение из подсобного хозяйства дополнительных продуктов питания (убой 10 свиней, 2 коров, 2 верблюдов), дети недоедали и ходили в деревню просить милостыню, собирали на поле гнилой картофель и пекли из него лепешки [15, л. 2].

В приказе Брестского облоно от 1 декабря 1948 г. были озвучены результаты очередной ревизии, которая прошла в Коссовском детском доме. Утверждалось, что детский дом к зиме не подготовлен, ремонт помещений не окончен, нет топлива. В учреждении большая скученность – около 60 воспитанников спали по двое на одной кровати, при этом выделенные на ремонт и расширение помещений средства в сумме 80 тыс. рублей не были освоены. Постельное белье было грязным, воспитанники обмундированы плохо. Во время проверки было выявлено, что работники детского дома пользовались казенными постельными принадлежностями, инвентарем и мебелью, получали бесплатное питание за счет детей-сирот, которое было недостаточным по своей калорийности. Как результат такого положения, в 1948 г. из детского дома было совершено 32 побега. В отчете отмечалось, что директор детского дома, совместно с бухгалтером встали на путь укрывательства бюджетных средств. Еще 29 апреля 1948 г. ревизия выявила бесхозяйственное отношение к сохранности овощей, в результате чего сгнило 24 878 кг картофеля и 300 кг огурцов, за что директор получил строгий выговор, хотя и был назначен на должность директора только 15 марта 1948 г. [3, с. 27–28].

Из-за плохого питания и антисанитарных условий дети в детских домах часто болели корью, скарлатиной, туберкулезом, рахитом, страдали малокровием. Сироты находились в запущенном и тяжелом состоянии: дети из Каменецкого детского дома 5 месяцев не были в бане [21, л. 140], в Домачевском детском доме свыше 30 человек болели золотухой, стригущим лишаем, были завшивлены [22, л. 15]. Медицинское обслуживание было неудовлетворительным, в большинстве случаев не были прикреплены врачи и медсестры. Больницы с неохотой принимали больных из детских домов, за лечение требовали продукты [9, л. 35].

В это время детские дома были охвачены опасным заболеванием – трахомой, которое начало приобретать размеры эпидемии. Например, в Коссовском детском доме в результате плохого, нетщательного медицинского осмотра было зафиксировано 32 случая трахомы. Возможно, что из-за этого резко снизи-

лась успеваемость: из 163 учеников 26 отстающих. В 1951 г. по Брестской области было выявлено 66 больных трахомой, при этом 47 детей было из Коссовского детского дома. Массовая вспышка трахомы объяснялась неправильной диагностикой со стороны областного врача-окулиста, который неоднократно проводил в Коссовском детском доме осмотр детей, но отрицал наличие трахомы. Брестское облоно вынуждено было организовать трахоматозный изолятор при Коссовском детском доме. Однако лечение осуществлялось таким образом, что количество больных не уменьшалось, а увеличилось до 77 детей. Неэффективность лечения трахомы объяснялась тем, что Брестский облздрав не закрепил постоянного врача для изолятора, а установил систему откомандирования врачей в Коссовский детский дом на 1 месяц по очереди. Характерным было то, что разные врачи по-разному выявляли степень заболевания. По распоряжению Министерства просвещения БССР 24 воспитанника Коссовского детского дома с наиболее тяжелыми симптомами заболевания были направлены в трахоматозный детский дом Барановичской области. Однако комиссия, созданная Барановичским облздравотделом, признала всех детей здоровыми, и их отправили назад. Вызванная для окончательной консультации комиссия Министерства здравоохранения во главе с профессором Т.А. Бирич признала детей больными трахомой. После такого происшествия в детских домах были созданы профилактические прививки, в том числе от оспы, дифтерии. Была упорядочена медицинская документация, более регулярными стали медицинские осмотры детей. Были созданы изоляторы, построены бани [3, с. 30–31].

Многие воспитанники детских домов не посещали школу (в том числе из-за отсутствия обуви и верхней одежды). Успеваемость детдомовцев была низкой. Положение осложняла нехватка учебников, письменных принадлежностей (табл. 1).

Таблица 1

Потребности учебников для детдомов по западным областям БССР на 1945/46 учебный год

Название области	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс	5 класс	6 класс	7 класс
Полесская	900	800	900	500	65	35	10
Гродненская	250	200	180	175	25	13	8
Молодечненская	227	245	130	109	13	7	7
Пинская	855	380	455	255	31	18	7
Барановичская	554	430	200	164	26	14	10
Брестская	404	280	150	116	27	13	10
	3 190	2 335	2 015	1 319	218	100	52
Итого 9 229							
Всего по республике: 23914							

Источник: [16, л. 3].

Анализ сведений таблицы 1 позволяет сделать вывод, что обеспеченность учебной литературой в западных областях республики была лучшей по сравнению с другими областями БССР. Несмотря на это, особо остро в учебных принадлежностях нуждалась Брестская область (в современных границах) и в первую очередь начальная школа.

Все основное время дети были предоставлены сами себе или занимались хозяйственными работами. Вследствие чего в первом полугодии 1948/1949 учебного г. из 1462 воспитанников детдомов Брестской области, обучающихся в школах, 122 числились неуспевающими, 70 были не аттестованы. Особенно большая неуспеваемость была в Коссовском, Каменецком, Березовском, Антопольском, Пружанском детдомах [10, л. 20].

Согласно отчету Брестского облоно основными задачами в 1947/1948 учебном г. являлись коренное улучшение обучения детей, снижение до минимума второгодников, дальнейшее улучшение воспитательной работы в детских домах (воспитание нравственных качеств культуры поведения, культурно-гигиенических привычек), укрепление материально-технической базы, упорядочение учета имущества и борьба с хищениями, разбазариванием государственных ценностей, улучшение бытовых условий, ликвидация скученности, повышение общей культуры в детских домах. Помимо этого, большое внимание уделялось политическому, патриотическому, интернациональному воспитанию детей [3, с. 27]. Поэтому в детских домах активно разворачивали свою деятельность пионерские и комсомольские организации, проводилось идеологическое воспитание. На территории Брестской области из 350 воспитанников детских домов школьного возраста на январь 1945 г. 170 являлись пионерами, а 7 – комсомольцами. Встречались случаи, когда дети не воспринимали советскую идеологию, отказывались петь гимн Советского Союза, носить пионерские галстуки (Кобринский детский дом). В архивных документах отмечены случаи, что в Брестском детском доме дети носили крестики, прятали в кроватях иконки, молитвенники, говорили: «Мы молились и остались живы», «При немцах жилось лучше, мы ходили сами по себе добывать пищу» [2, с. 191].

Долгое время в детских домах нерешенным был кадровый вопрос. Из всех воспитателей детских домов в Брестской области только 15 имели 5–7 летнее образование, а директора впервые работали в подобных учреждениях (табл. 2). В 1944 г. в Брестском детском доме работало лишь 4 воспитателя [18, л. 44], в 1951 г. – 7, хотя по плану требовалось 9 [23, л. 44]. В период с 1944 по 1946 гг. на должности директора детдома сменилось 6 человек [2, с. 191].

Таблица 2

Положение с кадрами в детдомах по Брестской области по состоянию на 20 мая 1951 г.

Занимаемая должность	Всего	Образование				Стаж работы (лет)				Партийность	
		высшее	н/высшее	среднее	н/з среднее	до 5	5–10	10–20	свыше 20	член и канд. ВКП(б)	член ВЛКСМ
Директор	15	–	6	9	–	–	6	9	–	13	–
Завуч	14	1	1	12	–	5	2	7	–	2	2
Воспитатель	104	4	3	82	15	85	10	9	–	7	38

Источник: [23, л. 39].

Особо плачевно дело обстояло с кадрами с высшим образованием, воспитателей со средним специальным образованием в процентном соотношении было больше, в среднем со стажем от 10 лет.

В соответствии с постановлением СНК БССР от 27 апреля 1945 г. в Брестской области существующие детские дома были преобразованы в специальные детские дома с общей численностью воспитанников 400 человек (Брестский – 160, Кобринский – 140, Пружанский – 100), расширен существующий детский приемник в г. Бресте до 75 детей. В спецдома принимались дети дошкольного и школьного возраста от 3 до 13 лет, родители которых служили в рядах Красной Армии или были партизанами, подпольщиками и погибли от рук немецко-фашистских захватчиков [24, л. 170].

Однако это преобразование никоим образом не улучшило ситуацию. В справке «О состоянии учебно-воспитательной работы Брестского спецдома № 1» от 27 ноября 1951 г. отмечалось, что методическая работа в спецдоме поставлена слабо, предметные кружки не созданы, низкая успеваемость и дисциплина. Из 130 учеников – неуспевающих 24 человека (19%). Не все дети были обеспечены учебниками, не хватало чернил. Тетради, учебные пособия содержались в плохом состоянии. Воспитатели не следили за внешним видом детей: прически у девочек были растрепанные, руки не мылись, платья, костюмы были грязные и рваные. Беседы на санитарные темы не проводились, плохо была поставлена работа по физическому воспитанию. Раздевалки для воспитателей отсутствовали, поэтому они были вынуждены ходить по помещению в верхней одежде. Отмечалась большая текучесть кадров [23, л. 79–85].

Наиболее широкое распространение устройства детей-сирот в семьях трудящихся получила такая форма, как патронирование. В мае-июне 1945 г. была выработана правительственная программа, направленная на укрепление и развитие патроната. Она предусматривала организацию точного учета детей-сирот и принятие широкомасштабных мер с целью усиления государственной и общественной помощи семьям, воспитывающим детей, оставшихся без родителей. 13 июня 1945 г. ЦК КП(б)Б и СНК БССР приняли постановление «О мероприятиях по улучшению материально-бытового положения детей сирот». Семьям, взявшим на патронат ребенка, государство предоставляло продовольственные товары и денежное пособие в размере 50 рублей. В это же время проводилась активная общественная работа по организации сбора денежных средств, созданию фондов помощи, устройству благотворительных базаров, вечеров, концертов творческих коллективов, открытию бесплатных столовых и магазинов для патронированных и инвалидов (табл. 3). В 1947 г. комитеты Красного Креста направили на оплату школьных завтраков около 1,5 млн руб., собранных в качестве пожертвований [2, с. 190]. Если в 1944 г. под опекой и на попечительстве находилось 2 277 детей, и было усыновлено 354, то на патронате насчитывалось 18 407 человек [1, с. 338]. На 1 июня 1945 г. в республике на патронате состояло 19 000 детей, на 1 ноября 1946 г. из 138 000 детей-сирот 53 113 детей находилось на патронате [2, с. 190].

Таблица 3

Дети-сироты, взятые на патронат и под опеку в Брестской области 1944 – 1947 гг.:

	На декабрь 1944 г.	На март 1945 г.	На декабрь 1946 г.	На апрель 1947 г.
Всего детей-сирот	1 452	1 537	3 000	1 337
Детей-сирот на патронате и под опекой	400	742	1 084	1 249

Источник: [8, л. 9; 25, л. 3; 9, л. 44; 15, л. 1].

Такие небольшие цифры взятых под опеку детей говорят о том, что советские власти редко передавали детей-сирот родным и близким, потому как не были уверены в благонадежности местного насе-

ления, основную массу которого первоначально до осуществления коллективизации в Западной Беларуси составляли крестьяне-единоличники, которые не проявляли большой заинтересованности в строительстве социалистической колхозно-совхозной жизни. Поэтому советское государство доверяло воспитание детей государственным учреждениям – детским домам, которые должны были проводить организационно-воспитательную работу в коммунистическом духе [3, с. 31]. Большую роль сыграли и материально-бытовые условия жизни детей-сирот, находящихся на воспитании в семьях, которые, как правило, были тяжелыми. Во многих семьях, особенно в западной части БССР, патронированных детей рассматривали как бесплатную рабочую силу [5, с. 10]. Дети батрачили, работали в хозяйстве, нанимались пастухами, вследствие чего не посещали школы [26, л. 13]. После одной из проверок в апреле 1947 г. по Жабинковскому, Кобринскому, Пружанскому, Березовскому районам 71 ребенок был изъят из патроната и переведен в детские дома. В Березовском районе в течение 9 месяцев не выплачивалось господсобрание по патронату, не выдавались детям-сиротам положенные горячие завтраки, продукты питания (Кобринский район) [27, л. 23]. Потребность в подобных проверках диктовалась рядом причин: некоторые граждане брали детей-сирот на патронат, руководствуясь меркантильными соображениями, другие не имели возможности обеспечить надлежащих условий проживания и питания, часть детей-сирот из-за недоработки органов народного просвещения на местах не была учтена. Вследствие этого участились факты попадания в приемники-распределители НКВД детей, бежавших из приемных семей [5, с. 9]. Всего по БССР в январе – июне 1947 г. органами милиции были сняты с патроната и направлены в детские дома из-за плохих материальных условий 832 ребенка [5, с. 10].

Случаи усыновления были редкими: до марта 1945 г. по Брестской области было усыновлено 14 детей, к концу 1946 г. – 50 детей. Иногда родители сами отдавали своих детей в детские дома, будучи не в состоянии обеспечить им нормальные условия жизни. Так, например, в Дом ребенка в г. Пинске должны были направляться круглые сироты, дети одиноких матерей и только в исключительных случаях дети болящих матерей. Но из-за отсутствия в городе круглосуточных яслей и бедственного материального положения населения в Доме ребенка находились дети из полных семей. Значительная часть детей поступала в течение первой недели жизни [2, с. 190].

В 1947 г. вышел приказ министра путей сообщения СССР И.В. Ковалева № 420-с «О прекращении передвижения беспризорных и безнадзорных детей по железнодорожному транспорту», согласно которому при проверке станции Брест-Восточный было выявлено, что в 7 вагонах, находящихся в тупике, проживало 15 семей (приехавших из Смоленской, Брянской и других областей), имеющих 25 детей в возрасте до 17 лет. Дети нищенствовали, не посещали школу. Со стороны железнодорожной администрации не было принято мер к их определению [15, л. 5].

Долгое время руководство железнодорожной станции Брест-Центральный не обращало внимания на большое скопление безнадзорных детей на Брестском вокзале, которые занимали для проживания в помещении вокзала 2 комнаты. Территория привокзальной площади была переполнена безнадзорными подростками, которые первыми встречали проходящие из-за границы поезда, попрошайничали, торговали папиросами, занимались воровством, нанимались местными носильщиками для уборки вокзальных помещений [28, л. 11–12].

Трудность, с которой столкнулись органы милиции в борьбе с детской беспризорностью, заключалась еще и в том, что многие дети попадали под влияние уголовников-рецидивистов и становились на путь уголовных преступлений. В подвалах и на чердаках ютились сотни подростков-сирот [6, с. 218]. Для работы по их выявлению существенную роль сыграло привлечение к этому процессу общественности – бригады содействия милиции (БСМ). Члены БСМ активно участвовали в обходах и рейдах на улицах, базарах, вокзалах и других общественных местах с целью изъятия бездомных детей, работали в комнатах милиции. Так, в первом квартале 1947 г. из доставленных в приемники-распределители 2 602 детей 579 было изъято территориальной, 1 692 транспортной милицией, 331 бригадной милицией [4, с. 57].

При проведении ревизий в детских домах часто вскрывались случаи хищения государственных средств, использования служебного положения директоров для принуждения к сожительству воспитанниц, применения физической силы в качестве воспитательного воздействия на детей [23, л. 35]. К уголовной ответственности привлекались не только работники, руководители детских домов, но и воспитанники. В августе 1950 г. в Блуденском детском доме (Березовский район) имел место случай хищения (путем взлома потолка в складе детского дома) воспитанником, который был осужден на 10 лет лишения свободы. Однако согласно применению по отношению к нему ст. 51 УК БССР наказание было смягчено до 2 лет, учитывая его 14-летний возраст [29, с. 444–445; 23, л. 35]. В Антопольском детском доме два воспитанника совершили кражу обмундирования детского дома, воспитанник детского дома № 1 г. Бреста совершил кражу мотоцикла. Принимая во внимание, что арест и привлечение к уголовной ответственности были нецелесообразны в виду их несовершеннолетия, этих подростков направили в детскую воспитательную трудовую колонию для приобретения трудовой квалификации [23, л. 35–36]. Часто покинувшие патронатную семью дети становились на путь бродяжничества и преступлений. Только в 1945 г. было зарегистрировано 800 преступлений, в основном краж, совершенных беспризорниками, из которых были раскрыты 792, к уголовной ответственности привлечены 923 несовершеннолетних [5, с. 9].

Со второй половины 1945 г. начали поступать дети-репатрианты. За годы войны из Беларуси было вывезено в Германию 24 180 детей, вернулись только 6 607. Считая, что многие из них в Германии могли воспитываться в шпионско-диверсионных школах, службы НКВД таких детей рекомендовали направлять в детские трудовые колонии. На территории Брестской области детей-репатриантов направляли в специальные детские дома в Сигневичах и Малече. Ярким примером отношения к таким детям служит выдержка из записки инспектора школьного отдела секретарю Брестского обкома комсомола от 28 ноября 1945 г.: «Дети, прибывшие с репатриантами, подходят к трудовым колониям, а не к воспитанию в детском доме. Необходимо немедленно этих детей направить по назначению» [2, с. 192].

Для улучшения материально-бытовых условий жизни детей-сирот государство привлекало силы общественности. Широкая помощь по организации помощи детям-сиротам началась с марта 1944 г. Были задействованы товарищества Красного Креста (в июле 1945 г. областное общество Красного Креста провело вещевую лотерею, кружечный сбор и все средства перечислило в Фонд помощи детям-сиротам) [7, л. 67], женские советы, комсомольские организации. Так, в октябре-ноябре 1945 г. Высоковский и Брестский райкомы комсомола организовали сборы продуктов питания среди населения и передали Брестскому детдому 1 500 кг ржи, 120 кг гороха и фасоли, 300 кг крупы, 500 штук яиц, 8 штук кур, 10 кг масла [9, л. 35]. В день 25-летия комсомола БССР детям вручали подарки [18, л. 140]. В 1947 г. Брестский обком ЛКСМБ каждому детскому дому области передал библиотечки стоимостью по 500 руб. каждая, 26 гитар. Сельские комсомольские организации засеяли 85 га земли в фонд помощи детям-сиротам, комсомольская организация в г. Бресте выдала 300 вещевых подарков, 150 шерстяных и 100 хлопчатобумажных костюмов, 56 пар ботинок. В Березовском, Шерешевском, Коссовском районах детским домам передали 300 кг черники, Брестскому спецдому 100 кг варенья [15, л. 1]. Значительную помощь детским домам в изыскании дополнительных денежных средств оказывали попечительские советы, которые стали создаваться с 1944 г.

Помощь детям-сиротам в БССР приходила также из-за рубежа. Красным Крестом США было направлено около 5 000 пальто, головных уборов, 24 000 предметов верхней одежды, 89 000 метров ткани. Администрация ООН по вопросам помощи и восстановления после соответствующего обращения Советского правительства предоставила 10 млн долл., из которых 8 млн долл. были потрачены на закупку в США мясных консервов и другого продовольствия для детей-сирот в БССР. Всего Национальный комитет США по оказанию помощи странам, пострадавшим от германской агрессии, предоставил 100 000 долл. в качестве помощи детям республики [2, с. 192].

Судя по документам проверок, к осени 1945 г. положение в детских домах несколько улучшилось. В соответствии с постановлением Брестского обкома КП(б)Б от 29 марта 1945 г. большинство детских домов завели подсобные хозяйства, построили бани, организовали работу мастерских. В среднем на каждый детский дом в июле 1945 г. приходилось по 9–10 га пахотной земли для сенокоса [2, с. 192]. При Брестском детском доме № 1 работали 3 мастерских: сапожная, столярная, швейная. Девочек учили шить на швейных машинках, кроить. В детдоме работали кружки – хоровой, танцевальный, физкультурный. Силами воспитанников и работников детского дома велось свое подсобное хозяйство, состоящее из скота и 9 га земли [30, л. 30]. В распоряжении приемника-распределителя в г. Бресте помимо пахотной земли был разбит фруктовый сад, построены овощехранилище и парники [11, л. 4]. В 1951 г. Коссовский детский дом имел надел земли, который использовался не только под полевые и огородные культуры, сенокос, но и для учебных целей [3, с. 29]. Подсобные хозяйства помогали решать проблему с питанием, но с течением времени поголовье скота уменьшалось, т.к. не хватало кормов, семена это приводило к тому, что хозяйства становились убыточными.

В докладной о положении детских домов Брестской области на 1 марта 1949 г. отмечалось, что в Коссовском, Березовском, Пружанском, Шерешевском детских домах отсутствуют помещения для умывания, воспитанники умываются в коридорах и других непригодных помещениях из кружек, так как нет умывальников [3, с. 29].

Со временем сеть детских домов расширялась. Детский дом был открыт в каждом районе Брестской области, а в Кобринском и Пружанском районах работали по два детских дома. В 1948 г. в Бресте действовало 2 детских дома (в том числе дошкольный), в 1949 г. в городе работали 3 детских дома, в которых воспитывалось 280 детей. Всего же по Брестской области на 1949 г. насчитывалось 15 детских домов с общей численностью 1 826 воспитанников. На территории Пинской области в 1947 г. действовало 13 детских домов (1 035 воспитанников), Барановичской области в 1946 г. – 21 детский дом (2 325 воспитанников) [2, с. 193]. В 1950 г. в БССР уже функционировал 301 детский дом (в том числе 99 специальных), в которых воспитывались 36 000 детей (в том числе 12 556 в специальных) [2, с. 192].

Выводы. Великая Отечественная война стала основной причиной сиротства детей, что повлекло и ужесточило методы работы и борьбы с беспризорниками и вовлечение в организацию детских домов широких слоев населения. Советские государственные органы приложили максимум усилий для ликвидации детской беспризорности и безнадзорности с широким привлечением общественных и государственных учреждений, органов милиции и НКВД. Детей-сирот благоустраивали путем организации приемников-распределителей, детских домов, через систему патроната. Решение этой проблемы сопровож-

далось множеством трудностей и недостатков: послевоенная разруха, голод, антисанитария, нехватка промышленных и продовольственных товаров, отсутствие квалифицированных кадров, бюрократия и халатное отношение к своим обязанностям людей, которым поручали обездоленных детей. Благодаря целенаправленной организационно-кадровой политике борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью к началу 1950-х гг. улучшилось экономическое положение в стране, материально-техническая база детских домов, жизнь ребенка в патронированной семье и детских учреждениях. Таким образом, детская беспризорность и безнадзорность как социально-экономическое явление в Брестской области к концу 1950-х гг. была ликвидирована.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильюшин, И.М. Народное образование в Белорусской ССР / И.М. Ильюшин. – Минск : Учпедгиз БССР, 1961. – 439 с.
2. Пашкович, Е.И. Проблема детской беспризорности в послевоенные годы и пути ее решения в Брестской области / Е.И. Пашкович // Вторая мировая война и послевоенное устройство мира : материалы Междунар. науч. конф., посвященной 65-летию победы стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне; Брест, 27–28 сент. 2010 г. / Брест. гос. техн. ун-т ; ред.: А.В. Мошук [и др.] – Брест, 2010. – С. 189–193.
3. Савіч, А.А. Дзіцячыя дамы на тэрыторыі Івацэвіцкага раёна ў другой палове 1940-х – 1950-я гады / А.А. Савіч // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 2. – 2010. – № 2. – С. 27–32.
4. Данилов, В.А. Организационные основы борьбы НКВД-МВД Беларуси с детской безнадзорностью и беспризорностью во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы (1944-1947 гг.) / В.А. Данилов // Милиция Беларуси 90 лет: история и современность / редкол.: К.И. Барвинок (отв. ред.) А.Ф. Вишневский, В.А. Кучинский. – Минск : Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2007. – 218 с.
5. Данилов, В.А. Участие милиции Беларуси в организации и развитии патроната детей-сирот в послевоенные годы (1944–1950 гг.) / В.А. Данилов // Вестн. Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – 2009. – № 1 (17). – С. 7–11.
6. Очерки истории милиции Белорусской ССР / М-во внутр. дел БССР, Мин. высш. шк. милиции МВД СССР. – Минск : Беларусь, 1987. – 534 с.
7. Государственный архив Брестской области (далее ГАБО). – Ф. 1-П. Оп. 2. Д. 18.
8. ГАБО. – Ф. 25. Оп. 1. Д. 57.
9. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 2. Д. 213.
10. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 6. Д. 35.
11. ГАБО. – Ф. Р-783. Оп.1. Д.7.
12. ГАБО. – Ф. 815. Оп. 54. Д. 40.
13. ГАБО. – Ф. 25. Оп. 1. Д. 73.
14. ГАБО. – Ф. 25. Оп. 4. Д. 122.
15. ГАБО. – Ф. 815. Оп. 4. Д. 40.
16. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Ф. 4-П. Оп. 17. Д. 31.
17. ГАБО. – Ф. 815. Оп. 4. Д. 18.
18. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 3. Д. 291.
19. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 11.
20. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 2. Д. 11.
21. НАРБ. – Ф. 4-П. Оп. 17. Д. 20.
22. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 4. Д. 27.
23. НАРБ. – Ф. 4-П. Оп. 47. Д. 333.
24. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 2. Д. 14.
25. ГАБО. – Ф. Р-1096. Оп. 1. Д. 4.
26. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 4. Д. 34.
27. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 4. Д. 40.
28. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 4. Д. 64.
29. Советская жизнь. 1945 – 1953 / МГУ им. М.В. Ломоносова, фак. гос. упр. и др. – М. : Росспан, 2003. – 719 с.
30. ГАБО. – Ф. 1-П. Оп. 3. Д. 219.

Поступила 25.03.2015

**SOLVING THE PROBLEM OF CHILD ABANDONMENT AND NEGLECT IN
THE BREST REGION (1944 – THE FIRST HALF OF THE 1950 S)**

E. ZANKO

One of the most pressing issues that the Soviet Union faced in the post-war years was orphanhood and homelessness among children. Orphanages played a special role in combating this serious social phenomenon, but being amid the postwar devastation, they needed extensive repairs, supplies and equipment, food and qualified staff. This article considers the social, organizational, staffing problems, and economic issues connected with care for orphans and methods of dealing with child neglect and homelessness in the western regions of the BSSR in 1940-1950s through the example of the Brest Region.

УДК 904:339.562(476.5)(091)«08/12»

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИМПОРТОВ IX – XIII ВЕКОВ И ПУТЕЙ ИХ ПОСТУПЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЮ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ

*магистр ист. наук А.В. КОСТЮКЕВИЧ
(Институт истории НАН Беларуси)*

Рассмотрена история изучения торговых путей и импортов, поступающих на территорию Полоцкой земли в IX–XIII вв. Историографический обзор разделен на три основных этапа – дореволюционный, советский и современный. Проанализировано развитие изучения импортов в течение каждого указанного периода. Рассмотрены основные работы, посвященные вопросам импортов, торговли и торговых путей, даны их краткие характеристики.

Историография и источниковедческая база данного вопроса весьма обширны, однако в рамках нашей темы они требуют определенной систематизации и анализа. Историографический обзор данного исследования построен на хронологическом и типологическом принципах и разделен на три этапа: дореволюционный (до 1917 г.), советский (1917 – 1991 гг.) и современный (1991 г. – 20-е гг. XXI в.). Учитывая то, что вопрос комплексного исследования импорта и путей его поступления на территорию Полоцкой земли в IX–XIII вв. прямо не ставился в отечественной, российской и зарубежной историографии, мы привлекли к исследованию обширный пласт научной литературы, посвященной как изучению торговых путей, так и материальных артефактов.

Дореволюционный этап (до 1917 г.).

Целенаправленное изучение старины началось в России еще в первой половине XIX столетия. В данный период происходит формирование археологии как науки и идет накопление археологического материала. В это время основная масса трудов исследователей носит описательный характер. Импорты не являются отдельным предметом исследования, а рассматриваются в контексте трудов, посвященных путям сообщения и/или экономике древнерусского региона, к которому относилась Полоцкая земля. Непосредственно вопросу торговых путей посвящена работа З. Ходаковского «Пути сообщения в Древней Руси» (1837 г.) [1]. В ней рассматриваются наиболее важные пути, связывающие регионы Древней Руси: киево-новгородский, путь из Новгорода на север и северо-восток, путь из Новгорода в Полоцк и др. Данная работа относится к одному из первых исследований, дающих достаточно полную на то время картину о путях сообщения Древней Руси.

Изучение торговых путей естественным образом способствует проявлению интереса к торговле и экономической жизни древнерусского региона. В 1866 г. в Санкт-Петербурге выходит труд Н.Я. Аристов «Промышленность Древней Руси» – первая работа, посвященная экономической истории Древнерусского государства. Исследователь уделяет большое внимание внешней торговле Киевской Руси, в частности, подробно разбирая статьи импорта и экспорта, а также детально рассматривая экономических партнеров Руси и торговые пути [2]. На наш взгляд, данный труд является подробным исследованием проблемы и не утратил своей актуальности до наших дней. Однако необходимо указать и на слабые стороны исследования, заключающиеся в недостаточности использования вещественных источников и ошибочности основного вывода исследователя о недостаточности развитости русского ремесла.

Торговле Руси, в частности, контактам с Арабским Востоком и Ганзой, посвятил свою работу «О торговле Руси с Ганзой» (1879 г.) М. Бережков. Исследователь коснулся также вопросов арабской торговли с Древней Русью в доганзейскую эпоху и главных русских центров в ближневосточной торговле – Итиля, Киева, Булгара и Новгорода. Отдельные главы исследования посвящены торговым отношениям Новгорода с немецким купечеством на Готланде в XII в., торговым договорам и торговым путям, кроме того, исследователь касается вопроса торговых договоров Полоцка с Ригой. Данная работа ценна тем, что была первым исследованием на тему торговых отношений Руси и Ганзы [3].

Вопросы экономических отношений Киева с Западной Европой в своей работе «Древняя торговля Киева с Регенсбургом» (1888 г.) затрагивал В.Г. Василевский. Этот исследователь впервые ввел в научный оборот торговый путь X–XII вв. Киев – Прага – Регенсбург [4].

В последнем десятилетии XIX в. появляется ряд исследований, связанных непосредственно с северо-белорусским регионом. Изучением древностей Беларуси, происходящих с территории Полоцкой земли, занимался А.М. Сементовский. В его работе «Белорусские древности» собран ряд сведений о памятниках старины белорусских губерний Российской империи [5]. Данное исследование представляет интерес, т.к. в нем упомянут ряд предметов, несомненно, импортного изготовления, которые были найдены на территории Полоцкой земли в XIX в., но не сохранились до наших дней.

Исследованию одного из важнейших путей Полоцкой земли посвящена работа А.П. Сапунова «Река Западная Двина: историко-географический обзор» (1893 г.). В исследовании подробно рассматривается торговый путь, проходивший по Западной Двине [6]. Торговые пути Полоцкой земли в контексте древнерусских земель были также детально изучены П. В. Голубовским в его работе «История Смоленской земли до начала XV в.» (1895 г.) [7].

Достаточно большое количество накопленного материала было представлено учеными-искусствоведами Н.П. Кондаковым и И.И. Толстым. Н.П. Кондаков в своей работе «Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода» (1896 г.) подробно проанализировал древнерусские материалы с искусствоведческой точки зрения. Однако в данной работе широко представлен не только искусствоведческий, но исторический аспект [8]. На момент написания работа является самым полным исследованием древнерусских кладов. Необходимо отметить еще одну работу Н.П. Кондакова и И.И. Толстого, изданную в 1897 г. «Курганные древности и клады домонгольского периода» в серии «Русские древности в памятниках искусства» [9]. Основной задачей данной работы был поиск истоков развития древнерусского искусства. В издании Н.П. Кондаков и И.И. Толстой уделяют внимание истории повседневной жизни и быта населения Древней Руси и близлежащих регионов, базируясь на данных русских и зарубежных письменных и археологических источников VIII – середины XIII вв. Книга богата иллюстративным материалом древностей, найденных в процессе археологических раскопок и покупок у местного населения в Крыму, Среднем Поволжье, Северной, Центральной и Южной Руси. Исследование представляет ценность для интерпретации ряда изделий с территории Полоцкой земли иноземного происхождения.

На данном этапе кроме исследования материальной культуры продолжается изучение коммуникаций Древней Руси. Впервые торговые пути и партнерские отношения непосредственно Полоцкой земли были рассмотрены в книге В.Е. Данилевича «Очерки истории Полоцкой земли до конца XIV в.» (1896 г.) [10]. Отдельно пути сообщения Полоцкой земли были исследованы в работе «Пути сообщения Полоцкой земли до XIV в.» этого же ученого (1898 г.). В данной публикации указано 46 путей сообщения между центрами внешней и внутренней торговли Полоцкой земли как водных, так и сухопутных [11]. Исследование представляет интерес тем, что акцентирует внимание на изучении региона Полоцкой земли.

Говоря о водных путях сообщения Полоцкой земли в контексте Древней Руси, нельзя обойти вниманием работы Н.П. Загоскина. Непосредственно водные пути были описаны им в фундаментальной работе «Русские водные пути и судовое дело в допетровской России: историко-географические исследования» (1910 г.). Данное исследование, на наш взгляд, является одним из самых полных и подробных. В работе, посвященной детальному описанию торговых водных путей, задействована широкая источниковедческая база в виде сведений из русских летописей и византийских источников. В исследовании показаны отношения древнерусских земель со странами Северной Европы, раскрывается сущность русско-греческих договоров и отношений Руси и Византии. Работа содержит обоснованную и конструктивную критику норманской теории [12]. На наш взгляд, это одно из самых подробных исследований вопроса торговых путей.

Вопросы торговых связей домонгольской Руси были достаточно подробно освещены А.А. Спицыным в статье «Торговые пути Киевской Руси» (1911 г.) [13]. Исследователь говорит о киевской торговле, которая во многих аспектах была более развита, нежели торговля в Итиле. А.А. Спицыным выделяется пять направлений киевской торговли – западное (лядское), южное (греческое), юго-восточное (тмутараканское), северо-восточное (муромское) и северное (новгородское и суздальское) [13, с. 236]. Большое значение придается причерноморским торговым центрам, служившим посредниками в торговле Киева с Византией и Востоком. Исследователь также касается вопроса импортных изделий, но поясняет, что не все они подлежат точной интерпретации ввиду небольшого количества накопленного археологического материала [13, с. 236]. Кроме этого, А.А. Спицын выдвигает ошибочное предположение о поступлении в Киев сердоликовых бус и серебряных изделий (лунниц, височных колец и т.п.) с западного направления [13, с. 241].

Вопросы импортов, поступавших на территорию Древней Руси и в том числе белорусских земель, а также торговли Древней Руси затронул белорусский исследователь М.В. Довнар-Запольский в своей работе «История русского народного хозяйства» (1911 г.). Однако в данном случае вопрос освещается в контексте древнерусской истории. Ценность и новизна работы состоит в стремлении к исторической интерпретации археологического материала [14].

Как можно отметить из всего вышесказанного, на данном этапе большое внимание уделяется изучению торговых связей Древней Руси в целом. Подробно исследуются торговые связи и экономика лишь крупных городских центров домонгольской Руси. Белорусские земли, в частности Полоцкая земля, рассматриваются в контексте торговых связей Древней Руси (за исключением работ Н.М. Сементовского, А.П. Сапунова и В.Е. Данилевича). На данном этапе импорты не выделяются как отдельная тема для ис-

следования и рассматриваются в комплексе вопросов, касающихся торговых и экономических отношений древнерусского региона в целом.

Советский этап (1917 – 1991 гг.)

В первые годы Советской власти в российской историографии продолжается изучение торговых связей Древнерусского государства. Вопросы, касающиеся торговых связей домонгольской Руси, в своей работе «История русской торговли» (1923) освещает И.М. Кулишер. В исследовании, затрагивающем вопросы экономической жизни Древней Руси, подробно и обоснованно рассматривается торговля русов с Востоком, затрагивается дискуссия об этнической принадлежности русов, детально анализируются характер договоров с греками и статьи о торговле, а также торговые путешествия русских купцов в Византию. Отдельная глава посвящена торговле Новгорода с немецкими купцами [15].

Торговые связи Древней Руси с Востоком в этот период рассматривал П.П. Любомиров. В своей работе исследователь опирался преимущественно на данные о кладах восточных монет, являющихся весьма информативным источником в данном вопросе [16].

Исследование пути «из варяг в греки» было проведено В.А. Бримом. В нем автор затронул участок этого пути, пролегающий по Западной Двине [17, с. 213–218].

Работу по анализу древнерусского художественного ремесла и древнерусских кладов, начатую Н.П. Кондаковым, продолжил А.С. Гущин. В его работе «Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв.» (1936 г.) подробно рассмотрены ювелирные украшения, дано описание ряда кладов, также проведено исследование художественного текстиля. Исследователь акцентирует внимание не столько на византийском происхождении ряда изделий, сколько на древнерусском [18]. Ввиду своей информативности и богатого иллюстративного материала данная работа не утратила актуальности.

Новый этап исследования импортов и путей их поступления начался в послевоенный период. Данный этап характеризуется тем, что среди ученых-археологов начинают выделяться узкие специалисты, изучающие отдельные категории предметов или направления. Изучение импортных материалов идет по трем направлениям – типологическому, технологическому и искусствоведческому. В это же время начинается активное развитие белорусской археологической науки.

В контексте узкоспециальных исследований, посвященных отдельным категориям предметов, рассматриваются вопросы поступления единичных импортных изделий или их серий на древнерусские земли, в том числе и на территорию Полоцкой земли. Так как данный пласт литературы весьма обширен, мы остановимся лишь на самых известных и значительных исследованиях, использованных нами в процессе классификации и интерпретации импортов.

Одной из самых обширных категорий археологических находок как в курганных древностях, так и в городах являются предметы из стекла. Среди стеклянных артефактов преобладающее место принадлежит бусам, в значительном количестве встречающимся как в курганных могильниках, так и в городах Полоцкой земли. Основной работой, посвященной изучению бус Древней Руси, является исследование М.В. Фехнер «К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.» (1959 г.). В работе приведена как классификация бус, так и возможные регионы их изготовления и пути поступления на территорию Древней Руси. Исследование ценно своим каталогом, наиболее полным на момент его написания [19]. Кроме этого, исследовательница подробно рассматривала вопрос мест производства бус в своей статье «Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в.» (1961 г.) [20]. Однако территории производства бус, представленные в работах М. В. Фехнер, достаточно обширны и нуждаются в более четкой локализации.

Второй крупный специалист, посвятивший свои работы изучению бус, – З.А. Львова. Весьма ценно и информативно ее исследование бус Старой Ладogi [21]. В первой части работы представлена детальная обширная классификация стеклянных бус, широко используемая в археологической литературе, приводятся возможные места производства и пути поступления стеклянных бус на территорию древнерусского региона. Однако, на наш взгляд, места производства бус в этих работах, так же как и в исследованиях М.В. Фехнер, нуждаются в более точном определении региона их изготовления. З.А. Львовой был опубликован ряд исследований, посвященный как изучению бус с отдельных археологических памятников, так и вопросу распространения ближневосточных стеклянных бус в североевропейском регионе, что является для нашей работы ценной информацией [22, 23].

Кроме М.В. Фехнер и З.А. Львовой изучением бус отдельных археологических регионов занимались В.Б. Деопик и другие [24]. Данные исследования ценны для нас своими аналогиями, несмотря на то что они не затрагивают северобелорусский регион. Бусы с территории Полоцкой земли (преимущественно каменные) были рассмотрены З.М. Сергеевой. В ее статье «К изучению восточного импорта из памятников X–XIII вв. Белоруссии» (1991 г.) на основе анализа бусинного материала рассматриваются пути поступления восточного импорта на территорию Беларуси, что является важным для нашего исследования [25].

Ведущим специалистом в российской археологии, изучающим древнее стекло, является Ю.Л. Щапова, опубликовавшая серию работ, посвященных проблемам стеклоделия. Так, в ее монографии «Стек-

ло Киевской Руси» (1972 г.) на основе широкого круга археологических источников рассматривается история производства стекла и изделий из него на Руси с X по XV вв. Исследовательница уделяет особое внимание русскому стеклоделию. Она одной из первых привлекла ряд естественнонаучных методов для изучения древнего стекла, что является большим достижением и бесспорным достоинством данной работы. Исследование может использоваться для интерпретации ряда киевских импортов, однако нужно отметить, что некоторые сведения, в частности места производства стеклянных бус и браслетов, приведенные в монографии, нуждаются в проверке и уточнении [26]. В работе «Очерки истории древнего стеклоделия» (1983 г.) рассмотрены происхождение стекла, его производство и основные школы стеклоделия как ближневосточного, так и европейского регионов. В исследовании подробно описана методика изучения древнего стекла с применением естественнонаучных методов исследования. Особое внимание уделено византийскому и древнерусскому стеклоделию [27]. Кроме этого, Ю.Л. Шаповой было опубликовано большое число научных статей, посвященных средневековому стеклу. Ввиду обширности этого ряда, в данном обзоре мы не будем касаться каждой публикации в отдельности [28–30].

Существенный вклад в изучение стеклянных изделий Древней Руси внесла М.Д. Полубояринова. В исследовании, посвященном стеклянным браслетам Древнего Новгорода, приведена достаточно обширная историография данного вопроса и типология стеклянных браслетов, актуальная в настоящее время и применимая для классификации стеклянных браслетов, найденных на территории Полоцкой земли [31, 32].

Кроме того, необходимо отметить коллективную работу Ф.Д. Гуревич, Р.М. Джанполадян и М.В. Малевской (1968 г.), посвященную стеклянным сосудам византийского и ближневосточного искусства, оказывающую существенную помощь в интерпретации фрагментов византийских и ближневосточных сосудов, найденных на территории Полоцкой земли [33].

Среди белорусских исследователей, занимавшихся вопросами стеклоделия в конце данного хронологического периода нужно особо выделить Т.С. Скрипченко, защитившую диссертацию по теме обмена и местного производства в средневековых городах Белоруссии по материалам стеклянных браслетов. Исследовательницей был опубликован ряд статей, в которых получила развитие гипотеза о производстве стеклянных браслетов на территории Беларуси [34–36]. Одним из несомненных достоинств этих работ является применение естественнонаучных методов исследования. Однако необходимо отметить, что на территории Беларуси не обнаружено материальных доказательств существования стеклоделия в период IX–XIII вв., поэтому мы считаем уместным подходить к выводам Т.С. Скрипченко с определенной долей критичности.

Другую категорию массового импорта составляют шиферные пряслица, которым в литературе не уделено такого большого внимания, как стеклянным изделиям. Первым шиферные пряслица рассмотрел Б.А. Рыбаков в работе «Ремесло Древней Руси» (1948 г.). В параграфе, посвященном шиферным пряслицам, исследователь затронул вопросы их морфологии, производства и датировки, а также коснулся технологической стороны изготовления данных артефактов. В.А. Мальм в своей работе «Шиферные пряслица и их использование» (1971 г.) разработала типологию данных артефактов [37]. Особое внимание вопросу изучения шиферных пряслиц уделил Р.Л. Розенфельд в своей статье «О производстве и датировке овручских пряслиц» (1964 г.) [38]. В работе приводится технология производства данных артефактов и предлагается схема их датирования. Однако эта схема на данный момент существенно устарела и к ней нужно относиться критически.

К массовым находкам в древнерусских городах, в том числе и городах Северной и Центральной Беларуси (Полоцк, Витебск, Друцк) относится большое количество необработанного янтаря, вероятнее всего принадлежащего к категории массовых импортов из стран Балтии. Вопросы поступления янтаря, технологии его обработки и хронологии янтарных изделий освещены в работе Р.Л. Розенфельда «Янтарь на Руси (X – XIII вв.)» [39].

Небольшую долю восточного импорта в городах Полоцкой земли составляет ближневосточная керамика. Исследование данной категории изделий было предпринято Э.К. Кверфельдом в его монографии «Керамика Ближнего Востока» (1947 г.) [40]. В данной работе рассмотрены керамические изделия стран Ближнего Востока (Иран, Ирак, Турция, Египет, Самарканд, Византия) и различные виды типичных и определяющих форм и росписей керамических изделий вышеуказанных стран, что весьма важно для поиска аналогий. Более 500 украшенных поливой предметов систематизировала Т.И. Макарова. Эта работа стала основой для исследований поливного дела на Руси и позволила выделить среди поливной керамики привозные изделия – византийские, среднеазиатские, ближневосточные [41].

Исследование изделий из кладов продолжила Г.Ф. Корзухина (1954 г.) [42]. В своей масштабной работе она предприняла попытку привести наиболее полную сводку древнерусских вещевых кладов IX–XIII вв. Исследование содержит богатый иллюстративный материал, необходимый для выявления аналогий ряда артефактов, найденных на территории Полоцкой земли.

В археологических раскопках памятников Полоцкой земли достаточно часто встречаются предметы языческого культа, представленные зооморфными амулетами. Детальное исследование данного типа предметов в контексте всей Древней Руси приводит Е.Р. Рябинин. В его работе «Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв.» (1981 г.) приводится типология изделий, раскрывается их семантика, выдвигаются возможные регионы изготовления и распространения [43]. Данная тема расширяется и продолжается в работе «Языческие привески-амулеты Древней Руси» (1988 г.) [44].

Достаточно информативным источником при изучении ювелирных изделий и поиске их аналогий является монография М.В. Седовой «Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.)» (1981 г.) [45]. В этом исследовании представлены типология и хронология ювелирных изделий, найденных при археологических раскопках Новгорода, а также затронуты вопросы об этническом составе его населения и о культурных и торговых связях города.

Однако, несмотря на очевидный прогресс археологической науки, вопросы, касающиеся импорта и его поступления, по-прежнему не выделялись в специальную тему исследования. Частично они начали затрагиваться Б.А. Рыбаковым еще в монографии «Ремесло Древней Руси» (1948 г.), но исследователь ставил своей целью не изучение привозных изделий, а становление и развитие русского ремесла [46]. В разделе, посвященном торговле, коллективной монографии «Древняя Русь. Город, замок, село» под редакцией Б.А. Колчина подробно рассмотрены связи древнерусских городов с торговыми партнерами [47, с. 387–395]. В частности, выделены связи со Скандинавией и Западной Европой, показана торговля со странами Востока и Византией. Подробное исследование новгородской торговли приводится Т.С. Рыбиной в ее работе «Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв.» (1978) [48]. В монографии рассматривается археологический материал, характеризующий торговлю средневекового Новгорода, что позволило исследовательнице сделать выводы относительно динамики развития новгородской торговли, причин подъема и спада импортов и о состоянии торговых путей.

Вышеупомянутые исследования достаточно масштабны и касаются либо крупных центров Руси, либо древнерусского региона в целом. Белорусские земли, их торговые связи не являются непосредственным предметом изучения.

Первое систематизированное исследование, касающееся торговли и импортов Полоцкой земли, представлено Л.В. Алексеевым (1966 г.) в главе «Пути сообщения, торговля и хозяйство» его монографии «Полоцкая земля» [49]. Им были рассмотрены важнейшие водные пути на Полоцкой земле. Особое внимание уделено пути «из варяг в греки», проанализированы Днепровский водный путь, и путь по Березине, а также наличие волоков. Сухопутные пути по сведениям Л.В. Алексеева изучены хуже водных. От рассмотрения путей сообщения исследователь переходит к вопросу торговли и денежного обращения. Однако следует отметить тот факт, что рассматриваются лишь самые яркие предметы и не классифицируется импорт как таковой. Категории импорта рассмотрены кратко и обобщенно, экспорт определен лишь косвенными данными.

Вопрос денежного обращения и путей поступления несколько раз поднимается в коллективных и индивидуальных монографиях белорусских исследователей, но ни в одном случае не является темой отдельного исследования. Денежное обращение и пути поступления импортов на территорию Полоцкой земли рассмотрены в коллективной монографии «Очерки по археологии Беларуси» под редакцией Г.В. Штыхова и Л.Д. Поболя [50, с. 162–164]. В специальном разделе работы кратко рассмотрены внутренняя и внешняя торговля. В подразделе «Внешняя торговля» рассмотрены торговые пути, причем акцент сделан на водные магистрали, такие как путь «из варяг в греки», Волжский путь и путь по Припяти и Западному Бугу, по которому происходили торговые сношения с Польшей. Кратко упоминаются сухопутные дороги [50, с. 248].

Монография, посвященная древнему Полоцку, вышедшая в 1975 г., принадлежит Г.В. Штыхову. В главе IV «Памятники торговых и культурных связей» [51, с. 104–129], выделен раздел «Торговля», в котором кратко обозначены несколько категорий импорта, которые поступали на территорию Полоцкой земли в рассматриваемый нами период. Большое внимание Г.В. Штыхов уделяеткладам, найденным на территории Полоцкой земли. В 1978 г. он опубликовал другой труд «Города Полоцкой земли», где дается краткая характеристика основных категорий импорта, характерных для городов Полоцкой земли, упоминаются торговые договоры Витебска, Полоцка и Смоленска с Ригой [52, с. 116–117].

Торговые связи и импорты Минска кратко рассматриваются в монографии «Возникновение Минска» Э.М. Загорюльского (1982 г.) [53]. В данном случае вопрос импортов рассматривается в контексте археологических исследований города.

Непосредственно торговым связям регионов Полоцкой земли посвятила свою монографию «Торговые связи Витебска в X – XVIII вв.» О.Н. Левко. (1989) [54]. В этой работе сделан упор на документы и грамоты, по которым можно проследить экономические и культурные отношения Витебска с его зарубежными партнерами. Книга дает общее представление о категориях импорта, поступавших в Витебск в указанный период.

Таким образом, можно констатировать, что на данном этапе развития археологической науки происходит расширение круга изучаемых археологических памятников, продолжается накопление материала, выделяются узкие специализации, начинается внедрение естественнонаучных методов исследования. Кроме этого, необходимо отметить важный момент, заключающийся в появлении интереса к изучению непосредственно территории Полоцкой земли и ее городов.

Современный этап (1991 г. – 20-е годы XXI в.)

Этот период характеризуется не только развитием традиционных направлений изучения импортных изделий (типологическое, искусствоведческое и технологическое), но и более интенсивным использованием естественнонаучных методов исследований. Для современного этапа характерно продолжение выделения узких специализаций на постсоветском пространстве, в том числе в отечественной археологии.

В области изучения древнего стеклоделия продолжает работать Ю.Л. Щапова. Вопрос изготовления стеклянных изделий в Византии более подробно рассмотрен в ее монографии «Византийское стекло» (2008 г.) [55]. Она описывает развитие, организацию и структуру византийского стеклоделия, его роль в становлении стеклоделия в иных регионах. Кроме этого, в исследовании определены основные признаки стеклянных изделий византийского происхождения, что весьма важно для интерпретации ряда предметов, найденных в Полоцкой земле. Следует отметить, что привлекает внимание исследователей предположение О.М. Олейникова об отсутствии собственного стеклоделия на Руси [56–58]. Данная гипотеза может иметь перспективы ввиду широкого спектра применяемых естественнонаучных методов исследования. Однако в настоящий момент обработано небольшое количество материала, поэтому выводы исследователя могут расцениваться как предварительные и нуждаются в дальнейшем подтверждении.

Исследованиям типологии и хронологии бусинного материала посвящены работы М.Д. Полубояриновой (1991 г.), Я.М. Френкеля (2008 г.) [59, 60].

Типологию изделий из цветного металла продолжают рассматривать М.В. Седова [61], Л.В. Покровская [62, 63], В.В. Мурашова [64], А.А. Пескова [65] и др.

Оружью ближнего боя, его типологии и хронологии посвящены многочисленные статьи российского исследователя Ю. Каинова [66].

С 90-х гг. XX в. наступает новый этап в развитии белорусской науки, характеризующийся увеличением масштабности археологических исследований, выделением специализаций, и привлечением естественнонаучных методов исследования.

Торговые пути и импорт нашли отражение в статьях энциклопедий: «Археалогія і нумізматыка Беларусі» (1993 г.) [67, с. 656–657], двухтомном издании «Археалогія Беларусі» (2009 – 2011 гг.) [68, с. 423–424].

Проблем импорта и торговых путей касается П.Ф. Лысенко в разделе, посвященном торговле в третьем томе четырехтомного издания «Археалогія Беларусі» [69, с. 434–453]. Исследователь достаточно полно выделяет такие категории импорта, как изделия из драгоценных и цветных металлов, оружие, предметы быта, культовые предметы, изделия из камня и кости, стеклянные изделия. Однако данная работа имеет обобщенный характер, в основных чертах обрисовывая различные виды импортов и возможные пути их поступления на территорию Беларуси.

Большое значение для рассматриваемой нами темы имеют обобщающие работы, в которых в основном контексте затрагиваются разновекторные импорты. К подобным монографиям, посвященным древним городам Полоцкой земли, можно отнести книгу С.В. Тарасова «Полацк IX–XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія» (1998 г.). В работе в контексте изучения Полоцка рассмотрены основные группы импортов, их возможные центры производства и пути поступления в Полоцк [70]. Продолжением изучения Полоцка в настоящее время занимается Д.В. Дук. В своей монографии «Полацк і палачане (IX–XVIII стст.)» в главе, посвященной торговым связям Полоцка, он касается предметов импорта. Исследователь рассматривает различные векторы поступления импортов в Полоцк, обобщая обширный свод иноземных предметов, найденных в Полоцке [71]. Кроме этого, Д.В. Дуку принадлежит ряд статей, посвященных исследованию Полоцка, в которых затрагиваются отдельные вопросы, касающиеся импортов и путей их поступления в этот древнейший белорусский город [72–75].

Многостороннее исследование Витебска представлено Т.С. Бубенько в изданной в 2004 г. монографии «Средневековый Витебск» [76]. Торговые и культурные связи рассмотрены исследовательницей в одноименной главе [76, с. 132–142]. Она разделяет торговые связи древнего Витебска на два периода – IX–XI и XII–XIII вв. и отмечает, что «на раннем этапе развития торговли основными предметами ввоза были украшения из стекла, камня и цветных металлов» [76, с. 133]. Большое внимание Т.С. Бубенько уделяет бусинному материалу из раскопок Витебска, делая упор на регионы их происхождения, а также касается топографии водных и сухопутных путей.

В начале XXI в. в отечественной науке начинают появляться исследования, посвященные отдельным категориям импорта и импортам, происходящим из конкретных регионов. К таким работам можно отнести работу С.Д. Дерновича «Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси» (2006 г.) [77]. В данной работе представлено обобщенное исследование древностей скандинавского круга, выявленных на белорусс-

ских археологических памятниках. Достаточно подробно рассмотрены предметы вооружения, снаряжения всадника и коня, амулеты и детали костюма. Исследователь рассматривает динамику поступления северо-европейских предметов на территорию Беларуси (в том числе и в Полоцкую землю). Работа ценна своим каталогом скандинавских древностей, найденных в Беларуси. Предметы североευропейского происхождения рассматриваются и в ряде других публикаций исследователя [78–81].

Восточные и византийские привозные изделия были объектом изучения К.А. Лавыш, что нашло отражение в ее монографии «Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X–XIV вв.)», вышедшей в 2008 г. [82]. В работе рассмотрены импортные изделия из цветных металлов, стекла, камня, кости, а также художественные ткани, уделено большое внимание восточному и византийскому влиянию на древнебелорусскую художественную культуру. Однако необходимо отметить, что ряд датировок в работе, как и регионы происхождения и интерпретация некоторых предметов (в частности, стеклянных сосудов), нуждаются в проверке и уточнении.

Кроме вышеупомянутых работ, сведения о предметах импортного происхождения могут быть почерпнуты из научных монографий, входящих в серию «Древнейшие города Беларуси», изданных как авторская – «Витебск» [83] и под научной редакцией О.Н. Левко – «Полоцк» [84], «Друцк» [85]. В данных трудах вопрос торговых путей и импортов отражен в целом, в контексте основного фундаментального исследования. Исключение представляют разделы по стеклянным, костяным изделиям и изделиям из цветных металлов, рассмотренным в книге «Друцк». Они представлены в виде типологических групп с выделением предметов импортного происхождения.

Необходимо упомянуть монографию Э.М. Загорульского «Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века», вышедшую в 2014 г. [86]. В исследовании отражена экономическая жизнь региона, включающая в себя развитие ремесла и торговли [86, с. 273–291], рассмотрены торговые пути и основные экономические партнеры. Однако данный раздел носит обзорный характер и в нем не выделено отдельно исследование импортов.

В отечественной археологии используются естественнонаучные методы исследования, применяемые для изучения янтаря (А.Р. Богдасаров) [87], стекла (И. Синчук) [88], цветных металлов (И.В. Магалинский) [89]. В работах И.В. Магалинского рассмотрены основные векторы поступления цветных металлов на территорию Полоцкой земли, состав сплавов и их использование в разных видах продукции.

Отдельным вопросам, касающимся импортных изделий, поступавших на территорию Полоцкой земли в IX–XIII вв., посвящают свои статьи И.Г. Ганецкая [90], А.В. Войтехович [91–94], П.М. Кенько, М.В. Климов [95], Н.А. Плавинский [96–98] и др.

Особый интерес представляют современные работы зарубежных исследователей, широко применяющих естественнонаучные методы для исследования древностей. Данные работы имеют значение в плане установления мест производства некоторых импортов (каменные и стеклянные бусы, стеклянные браслеты и сосуды) и возможности достаточно точной интерпретации этих импортов, найденных на территории Полоцкой земли.

Достаточно хорошо в зарубежной периодической литературе освещен вопрос стекла из ближневосточных мастерских, представленного на территории Полоцкой земли бусами и некоторыми стеклянными браслетами.

Обзору богатого бусинного материала, произведенного в Византии и найденного в странах арабского востока, посвящена работа Ч. Эгепа «Bead jewelry of Late-Roman and Byzantine time in the Province of Arabia. The Beads and Pendants of Glass, Stone, and Organic Materials from the Rock Chamber Necropolis at Khirbat Yajuz, Jordan» (2013) [99]. Значение данного исследования состоит в том, что оно помогает достаточно точно локализовать места производства некоторых типов стеклянных бус. Весьма информативна статья Р. Лиу «Islamic glass beads. Well-traveled ornament» (2012) [100]. Работа посвящена путям массового распространения стеклянных бус (в частности, глазчатых полихромных лимонок и пронизок), встречающихся на пространстве от Испании до Китая и от Танзании до Исландии. Отметим, что большое количество подобных бус найдено и на территории Полоцкой земли. Исследователь точно локализует наиболее крупные центры их производства, включающие в себя Тир, Александрию, Нишапур и др. Естественнонаучному исследованию ближневосточных бус, найденным в Марокко, посвятил свою работу П. Робертшоу, указавший на Нишапур, Алеппо и Александрию как на наиболее вероятные центры их производства [101]. Морфологически эти изделия аналогичны бусам, выявленным в Полоцкой земле.

Византийские стеклянные браслеты нашли отражение в работах турецкой исследовательницы Г. Кероглу [102] и В. Лоуэрс [103]. Они опираются на материалы раскопок последних лет и могут оказать существенную помощь в интерпретации византийских стеклянных браслетов, найденных на территории Полоцкой земли. Естественнонаучными исследованиями сердоликовых бус, распространенных на широкой территории, с целью установления региона их производства, занимается Т. Инсолл, посвятивший данному вопросу несколько работ [104, 105]. Весьма информативна статья Дж. Дрошке «Byzantine

Jewellery? Amethyst Beads in East and West during the Early Byzantine Period» (2012), в которой рассмотрены каплевидные аметистовые бусины, широко распространенные в Византии и Западной Европе в раннесредневековый период с VI по VIII–IX вв. [106]. На территории Полоцкой земли имеются две подобные бусины.

Путей распространения шиферных пряслиц в Северной Европе и Финляндии, представляющих собой массовый южнорусский импорт, коснулись в своих исследованиях А. Съебек [107], С. и А. Синдбек [108], А. Тваури [109].

Исследованию янтарной индустрии в Литве посвящена работа А. Блюжене «*Northen gold. Amber in Lituania (с. 100 to с. 1200)*» [110], в которой представлена широкая типология янтарных изделий, хронология их отдельных групп и топография находок.

Диссертационное исследование, посвященное самшитовым гребням Новгорода, их морфологии, типологии, местам изготовления и путям распространения, было подготовлено и защищено британско-русской исследовательницей Л.И. Смирновой в Борнмуте – «*Comb-making in medieval Novgorod (950-1450). An industry in transition*» [111].

В современной зарубежной археологической литературе также затрагиваются проблемы контактов скандинавов и восточноевропейского региона, в том числе территории Полоцкой земли. Широко известны работы И. Янссона, выдвинувшего идею о переселении групп скандинавов (преимущественно шведов) на Русь и их участии в жизнедеятельности древнерусского региона [112–114]. Вопросы контактов Балтии, Скандинавии и Руси были затронуты в работах Т. Баранускаса [115], А. Радиньша [116, 117], Х. Валка [118] и др.

Непосредственно связи Беларуси и Швеции были рассмотрены в работе А.С. Котлярчука «Шведы в истории и культуре белорусов» [119]. Однако, на наш взгляд, данная монография достаточно тенденциозна, особенно в вопросах, касающихся норманнской теории, и в ряде положений страдает недостатком объективности. Тем не менее данное исследование является первой попыткой проследить непосредственные связи между Швецией и северобелорусским регионом.

Исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, что на современном этапе имеется достаточная историографическая база, при помощи которой возможно изучить импорты Полоцкой земли, но нет единой работы, обобщающей весь импорт, поступавший на ее территорию как массовый, так и представленный малыми сериями и единичными привозными изделиями. Как следствие, данная тема нуждается в отдельном обобщающем и систематизирующем исследовании.

Автором данной статьи был проведен ряд исследований, посвященных изучению импортов с территории Полоцкой земли: максимально собраны, классифицированы и интерпретированы стеклянные изделия данной территории (стеклянные браслеты, бусы, перстни, художественное стекло), каменные предметы (шиферные пряслица, каменные бусы и предметы личного благочестия), а также выявлен в музейных фондах и введен в научный оборот ряд импортных предметов [120–125]. Таким образом, на данный момент ведется активная работа по исследованию импортных изделий с территории Полоцкой земли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ходаковский, З. Пути сообщения в Древней Руси / З. Ходаковский // Русский исторический сборник. – М., 1873. – Т. 1. – С. 1–50.
2. Аристов, Н.Я. Промышленность древней Руси / соч. Н. Аристова. – СПб. : Тип. Королева, 1866. – VI. – 322 с.
3. Бережков, М.Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. / М.Н. Бережков. – СПб., 1879. – 267 с.
4. Васильевский, В.Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом / В.Г. Васильевский // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1888. – Кн. 7. – С. 121–150.
5. Сементовский, А.М. Белорусские древности / А.М. Сементовский. – СПб., 1890. – Вып. 1. – 136 с.
6. Сапунов, А.П. Река Западная Двина / А.П. Сапунов. – Витебск : Типо-литография Г.А. Малкина, 1893. – IV с. + 512 с. + LXXXII с.
7. Голубовский, П.В. История Смоленской земли до начала XV столетия / П.В. Голубовский. – Киев : Тип. Императ. ун-та Св. Владимира, 1895. – 341 с.
8. Кондаков, Н.П. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода / Н.П. Кондаков, И.И. Толстой. – СПб. : Имп. археол. комиссия, 1896. – Т. 1. – [4], 214 с. : ил. ; 20 л. цв. ил.
9. Кондаков, Н.П. Русские древности в памятниках искусства / Н.П. Кондаков, И.И. Толстой. – СПб. : Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1897. – Вып. 5. Курганные древности и клады домонгольского периода. – 168 с.
10. Данилевич, В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В.Е. Данилевич. – Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1896. – 289 с.
11. Данилевич, В.Е. Пути сообщения Полоцкой земли до конца XIV столетия / В.Е. Данилевич. – Юрьев (Тарту) : Тип. К. Маттисена, 1898. – 18 с.
12. Загоскин, Н.П. Русские водные пути и судовое дело в до-Петровской России : ист.-географ. исслед. / Н.П. Загоскин. – Казань : Лито-тип. И.Н. Харитонов, 1910. – 502 с.

13. Спицын, А.А. Торговые пути Киевской Руси : сб. ст., посвящ. Сергею Федоровичу Платонову / А.А. Спицын. – СПб., 1911. – С. 235–253.
14. Довнар-Запольский, М.В. История русского народного хозяйства. Т.1 [и единственный] / М.В. Довнар-Запольский. – Киев, 1911. – VIII. – 366 с.
15. Кулишер, И.М. История русской торговли / И.М. Кулишер. – СПб. : Тип. Коминтерна, 1923. – 328 с.
16. Любомиров, П.Г. Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII–IX вв. / П.Г. Любомиров // Ученые записки Саратов. ун-та, 1923. – Вып. 3. – Т. I. – С. 5–38.
17. Брим, В.А. Путь из варяг в греки / В.А. Брим // Изв. Акад. наук СССР. Сер. 7. – 1931. – № 2. – С. 201–247.
18. Гушин, А.С. Памятники художественного ремесла в Древней Руси X–XIII вв. / А.С. Гушин. – Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. – 112 с.
19. Фехнер, М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / М.В. Фехнер // Труды Гос. ист. музея. – М., 1959. – Вып. 38. – С. 149–224.
20. Фехнер, М.В. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины 13 в. / М.В. Фехнер // Междунар. связи России до 17 в. / Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – С. 46–54.
21. Львова, З.А. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I. Способы изготовления, ареал, время распространения // З.А. Львова / Археолог. сб. – Л., 1968. – Вып. 10. – С. 64–94.
22. Львова, З.А. Бусы I Поломского могильника / З.А. Львова // Археолог. сб. – Л., 1973. – Вып. 15. – С. 83–104.
23. Львова, З.А. К вопросу проникновения стекланных бус X – начала XI века в северные районы Восточной Европы / З.А. Львова // Археолог. сб. – Л., 1977. – Вып. 18. – С. 106–109.
24. Деопик В. Б. Классификация бус Восточной Европы VI – IX вв. / В. Б. Деопик // Сов. археология. – 1961. – № 3. – С. 202–232.
25. Сергеева, З.М. К изучению восточного импорта из памятников X–XIII вв. Белоруссии (по материалам сердоликовых и хрустальных бус) / З.М. Сергеева // Гомельщина: археология, история, памятники : тез. Второй Гомел. обл. науч. конф. по ист. краеведению. – Гомель, 1991. – С. 92–94.
26. Щапова, Ю.Л. Стекло Киевской Руси / Ю.Л. Щапова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 216 с.
27. Щапова, Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия / Ю.Л. Щапова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 200 с.
28. Щапова, Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода / Ю.Л. Щапова // Тр. новгород. археолог. экспедиции / МИА. – 1956. – Т. I. – № 55. – С. 164–179.
29. Щапова, Ю.Л. Стекланные изделия Древнего Новгорода / Ю.Л. Щапова // Материалы и исслед. по археологии СССР. – М., 1963. – № 117. – С. 104–163.
30. Щапова, Ю.Л. Стекланные браслеты Древнего Полоцка / Ю.Л. Щапова // Сов. Археология. – 1965. – № 1. – С. 225–235.
31. Полубояринова, М.Д. Стекланные браслеты древнего Новгорода / М.Д. Полубояринова // МИА. – 1963. – № 117. – С. 164–199.
32. Полубояринова, М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища / М.Д. Полубояринова // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988. – С. 151–219.
33. Гуревич, Ф.Д. Восточное стекло в Древней Руси / Ф.Д. Гуревич, Р.М. Джанполадян, М.В. Малевская. – Л. : Наука, 1968. – 26 с. : ил.
34. Скрипченко, Т.С. О применении масс-спектрометрического метода при изучении составов древних стекол / Т.С. Скрипченко // Древности Белоруссии и Литвы. – Минск : Наука и техника, 1982. – С. 152–156.
35. Скрыпчанка, Т.С. Аб крыніцах і метадах вывучэння старажытнарускага шкла / Т.С. Скрыпчанка // Весці акад. навук БССР. – № 1. – 1983. – С. 71–75.
36. Скрипченко, Т.С. Обмен и местное производство в средневековых городах Белоруссии (по материалам стекланных браслетов) / Т.С. Скрипченко // Тр. 5-го Междунар. конгр. славянской археологии, 18–25 сент. 1985 г., Киев. – М., 1987. – Вып. 10. – С. 67–72.
37. Мальм, В.А. Шиферные пряслица и их использование / В.А. Мальм // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М., 1971. – С. 197–206.
38. Розенфельд, Р.Л. О производстве и датировке оvrучских пряслиц / Р.Л. Розенфельд // Сов. археология. – 1964. – № 4. – С. 220–224.
39. Розенфельд, Р.Л. Янтарь на Руси (10 – 13 вв.) / Р.Л. Розенфельд // Проблемы советской археологии. – М., 1978. – С. 197–208.
40. Кверфельд, Э.К. Керамика Ближнего Востока. Руководство к распознаванию и определению керамических изделий / Э.К. Кверфельд. – Л., 1947. – 146 с.
41. Макарова, Т.И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси / Т.И. Макарова / Свод археолог. источников. – М. : Наука, 1967. – САИ, Е1-38. – 128 с.
42. Корзухина, Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. / Г.Ф. Корзухина. – М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – 156 с.: ил.
43. Рябинин, Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси 10 – 14 вв. / Е.А. Рябинин. – Л. : Наука, 1981. – САИ, Е1-60. – 123 с. ; ил.
44. Рябинин, Е.А. Языческие привески-амулеты Древней Руси / Е.А. Рябинин // Древности славян и Руси. – М., 1988. – С. 55–62.
45. Седова, М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (10 – 15 вв.) / М.В. Седова. – М. : Наука, 1981. – 195 с.
46. Рыбаков, Б.А. Ремесло Древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М. : Изд-во Акад. Наук СССР. – 1948. – 803 с.
47. Древняя Русь. Город, замок, село / под ред. Б.А. Колчина. – М. : Наука, 1985. – 221 с.
48. Рыбина, Е.А. Археологические очерки истории новгородской торговли 10 – 14 вв. / Е.А. Рыбина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 167 с. ; ил.

49. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля (очерк истории Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. / Л.В. Алексеев. – М. : Наука, 1966. – 296 с.
50. Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 2. – Минск : Наука и техника, 1972. – 248 с.; ил.
51. Штыхов, Г.В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.) / Г.В. Штыхов. – Минск : Наука и техника, 1975. – 136 с., ил.
52. Штыхов, Г.В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г.В. Штыхов. – Минск : Наука и техника, 1978. – 156, [3] с.
53. Загоруйский, Э.М. Возникновение Минска / Э.М. Загоруйский. – Минск : БГУ, 1982. – 358 с.
54. Левко, О.Н. Торговые связи Витебска в X – XVIII вв. / О.Н. Левко. – Минск : Наука и техника, 1989. – 87 с., ил.
55. Щапова, Ю.Л. Византийское стекло / Ю.Л. Щапова. – М. : Эдиториал УРСС, 2008. – 288 с.
56. Олейников, О.М. К проблеме возникновения древнерусского стеклоделия / О.М. Олейников // КСИА РАН. – 1993. – № 208. – С. 32–39.
57. Олейников, О.М. Стеклодельные мастерские в древности (к вопросу о существовании древнерусского стеклоделия) / О.М. Олейников // Новгород и новгородская земля. История и археология. – 1997. – Вып. 11. – С. 281–291.
58. Олейников, О.М. Стекланные браслеты Великого Новгорода / О.М. Олейников // Рос. археология. – 2002. – № 1. – С. 51–73.
59. Полубояринова, М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды / М.Д. Полубояринова. – М. : Ин-т археологии АН СССР. – 1991. – 112 с.
60. Френкель, Я.В. Опыт датирования пойменной части Гнездовского поселения на основании коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1993–2002 гг.) / Я.В. Френкель // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. – М. : Альфарет. – 2007. – С. 78–117.
61. Седова, М.В. Украшения «городского типа» 10–11 вв. из Суздаля и его округа / М.В. Седова // КСИА. – М., 2001. – Вып. 212. – С. 23–33.
62. Покровская, Л.В. Ювелирные украшения Новгорода X–XI вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопок) / Л.В. Покровская // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. – М., 1999. – С. 51–64.
63. Покровская, Л.В. Ювелирные украшения Людина конца: систематизация и топография / Л.В. Покровская // Новгород. археолог. чтения–3. – Великий Новгород, 2011. – С. 255–269.
64. Мурашова, В.В. Древнерусские наборные ременные украшения (X–XIII вв.) / В.В. Мурашова. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 136 с.
65. Корзухна, Г.Ф. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. / Г.Ф. Корзухна, А.А. Пескова. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. – 432 с.
66. Каинов, С.Ю. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнездова / С.Ю. Каинов // Раннесредневековые древности Руси и ее соседей. – СПб., 1999. – С. 49–62.
67. Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыкл. / рэдкал.: В.В. Гетаў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993. – 702 с. ; іл.
68. Археалогія Беларусі : энцыкл. У 2-х т. / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2011. – Т. 2. – 464 с.; іл.
69. Лысенка, П.Ф. Гандаль і прывазныя вырабы / П.Ф. Лысенка // Археалогія Беларусі. У. 4 т. – Минск : Беларуская навука, 2000. – Т. 3. Сярэднявяковы перыяд (IX–XIII стст.) / Я.Г. Звяруга [і інш.]. – С. 434 – 453.
70. Тарасаў, С.В. Полацк IX–XVII стст. : Гісторыя і тапаграфія. – Мінск : Беларуская навука, 1998. – 183 с. : іл.
71. Дук, Д.У. Полацк і палачане (9–18 стст.) / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с., [22] арк. іл.
72. Дук, Д.У. Полацк у сістэме станаўлення і развіцця сацыятапаграфічнай структуры старажытнарусскіх гарадоў IX–XIII стст. / Д.У. Дук // Гіст.-археал. зб. – Мінск, 2008. – Вып. 24. – С. 27 – 34.
73. Дук, Д.У. Станаўленне Полацка ў IX–XIII стст. / Д.У. Дук // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 11. – С. 25–31.
74. Дук, Д.У. Археалагічныя раскопкі на старажытным полацкім гарадзішчы ў 2007 г. / Д.У. Дук // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы V Міжнар. навук. канф., Полацк, 24–25 кастр., 2007 г. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі, Нац. полац. гіст.-культур. музей-запаведнік ; уклад. Т.А. Джумантаева. – Полацк, 2009. – С. 255–278.
75. Дук, Д.У. Асноўныя дасягненні археалагічнай навукі ў вывучэнні Полацка / Д.У. Дук // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы міжнар. навук. канф., Полацк, 22–23 мая 2012 г. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі, Полац. дзярж. ун-т ; навук. рэд., уклад. В.М. Ляўко. – Мінск, 2012. – С. 357–363.
76. Бубенько, Т.С. Средневековый Витебск. Посад – нижний замок (10–1 половина 14 в.): моногр. / Т.С. Бубенько. – Витебск : УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2004. – 276 с.: ил.
77. Дернович, С.Д. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси / С.Д. Дернович. – Минск : Беларуская навука, 2006. – 86 с.
78. Дзярновіч, С.Д. Меч X ст. з Віцебскага абласнога краязнаўчага музея / С.Д. Дзярновіч, М.А. Плавінскі, Н.Ю. Шаркоўская // Гіст.-археал. зб. – Мінск, 2003. – С. 268.
79. Дзярновіч, С. Нарманская тэорыя / С. Дзярновіч, Г. Штыхаў // Энцыкла. гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. энцыкл. ; рэдкал.: М.В. Біч [і інш.]. – Мінск, 1999. – Т. 5. – С. 282.
80. Дзярновіч, С.Д. Сувязі Полацка са Скандынавіяй у эпоху вікінгаў / С.Д. Дзярновіч // Беларус. гіст. часоп. – 2004. – № 5. – С. 38–43.
81. Дернович, С.Д. «Из Варяг в Греки». Археологические находки эпохи викингов на территории Беларуси / С.Д. Дернович // Беларус. думка. – 2009. – № 12. – С. 160–166.
82. Лавыш, К.А. Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (10–14 вв.) / К.А. Лавыш. – Минск : Беларус. навука, 2008. – 208с. : ил.
83. Левко, О.Н. Витебск / О.Н. Левко ; редкол.: А.А. Коваленя (гл. науч. ред.) [и др.] // Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларуская навука, 2010. – 334 с. – (Древнейшие города Беларуси / Национальная академия наук Беларусі, Институт истории).

84. Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в 9–13 вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в 14 – 18 вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О.Н. Левко [и др.]; редколл.: А.А. Коваленя (гл. ред.); науч. ред. О.Н. Левко; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 743 с. : ил. – (Древнейшие города Беларуси).
85. Друцк: Друцк и Друцкая волость (княжество) в IX – XIII вв. Летопись древних слоев. Князья Друцкие и их владения в XIII–XVIII вв. Ремесло, промыслы, торговля (по данным археологии, нумизматики, письменных источников). Памятники археологии и объекты туризма / О.Н. Левко [и др.]; науч. ред. О.Н. Левко; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 617 с. – (Древнейшие города Беларуси).
86. Загорюльский, Э.М. Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века / Загорюльский Э.М. – изд. 2-е, доп. – Минск : Четыре четверти, 2014. – 529 с.
87. Богдасаров, М.А. Янтарь из археологических памятников Беларуси / М.А. Богдасаров. – Брест : Талер, 1994. – 75 с.
88. Магалинскі, І.У. Вытворчасць, тыпалогія і храналогія вырабаў з каляровых металаў X–XVII стст. з тэрыторыі Полацка : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.06 / І.У. Магалинскі; Дзяржаўная навуковая установа “Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі”. – Мінск, 2013. – 20 с.
89. Синчук, И. Стекланные браслеты из мозырской коллекции 1988 г. / И. Синчук // Гіст.-археал. зб. – 2003. – № 18. – С. 191–196.
90. Ганецкая, І.У. Імпарт у Полацку 10–13 стст. па археалагічных матэрыялах / І.У. Ганецкая // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы 4-й Міжнар. навук. канф. – Полацк : НППКМЗ, 2003. – С. 50–58.
91. Вайцяховіч, А.В. Курганны могільнік ля вескі Валасовічы Лепельскага раёна / А.В. Вайцяховіч // Древности Беларуси в системе межкультурных связей : материалы по археологии Беларуси. – 2006. – № 11. – С. 94–103.
92. Вайцяховіч, А.В. Курганны могільнік Слабада ў вярхоўях Дзвінасы / А.В. Вайцяховіч // Гіст.-археал. зб. – 2011. – № 26. – С. 138–145.
93. Вайцяховіч, А.В. Пахавальны абрад курганнага могільніка канца X – XII ст. каля вескі Вітунічы Докшыцкага раёна Віцебскай вобласці / А.В. Вайцяховіч // Памятники эпохи железа и средневековья Беларуси (к 60-летию О.Н. Левко) : материалы по археологии Беларуси. – 2007. – № 14. – С. 86–108.
94. Вайцяховіч, А.В. Пахавальныя помнікі каля вескі Новыя Валасовічы Лепельскага раёна Віцебскай вобласці / А.В. Вайцяховіч // Археалогія эпохі сярэднявекі (да 75-годдзя з дня нараджэння П.Ф. Лысенкі) : матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2006. – № 12. – С. 89–101.
95. Клімаў, М.В. Элементы паяснога набору з г. Полацка (па выніках раскопак 2008–2009 гг.) / М.В. Клімаў, П.М. Кенько // Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка) : матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2011. – Вып. 21. – С. 194 – 198.
96. Плавінскі, М. Булава XII–XIII стст. з-пад Віцебска / М. Плавінскі, Н. Шаркоўская // Гіст.-археал. зб. – 2005. – № 20. – С. 184–185.
97. Плавінскі, М.А. Ланцэтападобныя наканечнікі копяў на тэрыторыі Беларусі: храналогія і тапаграфія знаходак / М.А. Плавінскі // Памятники эпохи железа и средневековья Беларуси (к 60-летию О. Н. Левко) : материалы по археологии Беларуси. – 2007. – № 14. – С. 156–175.
98. Плавінскі, М.А. Раскопкі курганнага могільніка Опса ў 2010 годзе / М.А. Плавінскі // Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2009 – 2010 гг. : матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2012. – Вып. 23. – С. 359 – 364.
99. Eger, Ch. Bead jewelry of Late-Roman and Byzantine time in the Province of Arabia. The Beads and Pendants of Glass, Stone, and Organic Materials from the Rock Chamber Necropolis at Khirbat Yajuz, Jordan / Ch. Eger, L. Khalil // Zeitschrift für Orient-Archäologie. – 2013. – Band 6. – P. 157–181.
100. Liu, Robert K. Islamic glass beads. Well-traveled ornament / Robert K. Liu // Ornament, 36.1. – 2012. – P. 58–70.
101. Chemical analysis of glass beads from medieval Al-Basra (Morocco) / P. Robertshaw [et al.] // Archaeometry 52, 3. – 2010. – P. 355–379
102. Köroğlu, G. Selected medieval glass artifacts from Yumuktepe mound / G. Köroğlu // Studiantichitan. – 1998. – Vol. 11. – P. 283–294.
103. Lauwers, V. Middle Byzantine (10th–13th century A. D.) Glass bracelets at Sagalassos (SW Turkey) / V. Lauwers, P. Degryse, M. Waelkens // Glass in Byzantium–Production, Usage, Analyses. International Workshop organised by the Byzantine Archaeology Mainz, 17th–18th of January 2008. Romisch-Germanisches Zentralmuseum. – Mainz, 2010. – P. 145–152.
104. Insoll, T. Carnelian mines in Gujarat / T. Insoll, K. Bhan // Antiquity No 75 (2001). – P. 495–496.
105. Towards an understanding of the carnelian bead trade from Western India to sub-Saharan Africa: the application of UV-LA-ICP-MS to carnelian from Gujarat, India, and West Africa / T. Insoll [et al.] // Journal of Archaeological Science 31/ – 2004. – P. 1161–1173/
106. Drauschke, J. Byzantine Jewellery? Amethyst Beads in East and West during the Early Byzantine Period / J. Drauschke // ‘Intelligible Beauty’ Recent Research on Byzantine Jewellery. – Publishers: The British Museum, Great Russell Street, London WC1B 3DG. – 2010. – P. 50–60.
107. Sjöbeck, A. The important craft. Textile tools and production in kv. Trädgårdsmästaren in Sigtuna. / A. Sjöbeck // Lund University Department of Archaeology and Ancient History Master thesis in Historical Archaeology. – 2014.
108. Sindbaek, S. Trade and exchange / S. Sindbaek, A. Sindbaek // J. Graham-Campbell, M. Valor (eds.); The Archaeology of Medieval Europe. Act a Jutlandica, 83:1; Humanities Series, 79. Aarhus University Press. – Århus. – 2008. – P. 289–315.
109. Tvauri, A. Archaeological investigations at the courtyard of Jakobi street 2 / Lossi street 3, Tartu / A. Tvauri // Archaeological fieldwork in Estonia. – 2010. – P. 179–186.

110. Bliujiene, A. Northern gold. Amber in Lithuania (c. 100 to c. 1200) / A. Bliujiene. – Leiden, 2011. – 480 p.
111. Smirnova, L.I. Comb-making in medieval Novgorod (950-1450). An industry in transition. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements of Bournemouth University for the degree of Doctor of Philosophy / L.I. Smirnova. – Bournemouth, 2002. – 380 p.
112. Янссон, И. Наследие варягов. Диалог культур = The Viking heritage: A dialogue between cultures / И. Янссон, Е. Тегнер, Т. Панова; ред. И. Янссон. – Стокгольм: Гос. ист. музей, 1996. – 120 с.
113. Янссон, И. Русь и варяги / И. Янссон // Викинги и славяне: ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях: сб. / Совет Министров Сев. стран, Информ. центр в С.-Петербурге; отв. ред.: А. Хедман, А. Кирпичников. – СПб., 1998. – С. 19–30.
114. Jansson, I. Warfare, trade or colonisation? Some general remarks on the Eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period / I. Jansson // The rural Viking in Russia and Sweden: conf., Örebro, 19–20 Oct. 1996 / ed. P. Hansson. – Örebro, 1997. – P. 9–64.
115. Baranauskas, T. Saxo Grammaticus on the Balts / T. Baranauskas // Saxo and the Baltic Region: A Symposium / ed. Tore Nyberg. – Odense: Univ. Press of Southern Denmark, 2004. – P. 63–79.
116. Радинаш, А. Даугмале и Гнездово (Проблема образования городов) / А. Радинаш // Труды / Гос. ист. музей. – М., 2001. – Вып. 124: Археол. сб. Гнездово: 125 лет исследования памятника. – С. 136–143.
117. Радинаш, А. Даугмале и Даугавский путь. К проблеме образования городов / А. Радинаш // Archaeologia Litwana. – 2003. – Т. 4. – P. 152–160.
118. Valk, H. The Vikings and the Eastern Baltic / H. Valk // The Viking World / ed. by S. Brink, N. Price. – London; New York: Routledge, 2008. – P. 485–495.
119. Катлярчук, А. Шведы ў гісторыі і культуры беларусаў = Svenskar i vitrysk historia och kultur / А. Катлярчук. – 2-е выд., папраўл. і дап. – Вільня: Ін-т беларусістыкі, 2007. – 303 с.
120. Костюкевич, А.В. Фрагмент скандинавского псалма из Полоцка (Из новых поступлений Витебского областного краеведческого музея) / А.В. Костюкевич // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2014. – № 25. – С. 228–229.
121. Костюкевич, А.В. Новые стеклянные браслеты из коллекции Друцка (по материалам археологических раскопок детинца в 2013 г.) / А.В. Костюкевич // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2014. – № 25. – С. 38–44.
122. Костюкевич, А.В. Бусы из курганных могильников в зоне Друцких волоков: классификация и хронология / А.В. Костюкевич // Гіст.-археал. зб. / Ін-т гісторыі, Нац. акад. навук Беларусі. – Мінск, 2014. – Вып. 29. – С. 293–299.
123. Костюкевич, А.В. Ожерелье из Новых Волосовичей как предмет импорта / А.В. Костюкевич // Лепельскія чытанні: матэрыялы VI навук.-практ. канф., Лепель, 17–18 кастр. 2014 г.) / рэдкал.: Я.А. Грэбень, А.У. Стэльмах. – Мінск, 2014. – С. 39–43.
124. Костюкевич, А.В. Стеклянные украшения / А.В. Костюкевич // Друцк: Друцк и Друцкая волость (княжество) в IX – XIII вв. Летопись древних слоев. Князья Друцкие и их владения в XIII – XVIII вв. Ремесло, промыслы, торговля (по данным археологии, нумизматики, письменных источников). Памятники археологии и объекты туризма / О.Н. Левко [и др.]; науч. ред. О.Н. Левко; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2014. – С. 410–430. – (Древнейшие города Беларуси)
125. Костюкевич А. В. Бусы с территории Друцких волоков как маркер торгово-культурных контактов украшения / А. В. Костюкевич // Друцк: Друцк и Друцкая волость (княжество) в IX – XIII вв. Летопись древних слоев. Князья Друцкие и их владения в XIII–XVIII вв. Ремесло, промыслы, торговля (по данным археологии, нумизматики, письменных источников). Памятники археологии и объекты туризма / О.Н. Левко [и др.]; науч. ред. О.Н. Левко; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2014. – С. 449–461. – (Древнейшие города Беларуси).

Поступила 19.06.2015

HISTORY STUDY IMPORTS IX - XIII CENTURY AND HOW THEY ARRIVE AT TERRITORY POLOTSK

V. KOSTSIUKEVICH

In the paper is considered the history of researching trade ways and goods imported on the territory of the Polotsk Land at IX–XIII centuries. The revue is divided by three basic periods – pre-revolutionary, Soviet and contemporary ones. In the paper is analyzed the development of researches of imported goods during each mentioned period. Also are pointed out the main researches and books dealing with this question.

УДК 304

**СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НОВОПОЛОЦКА
В СИСТЕМЕ УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В БССР В КОНЦЕ 1950-Х – 1960-Х ГГ.****А.А. ОГОРОДНИКОВ***(Полоцкий государственный университет)*

Рассмотрены содержание, механизмы и процесс социально-культурного развития Новополоцка в системе урбанизационных процессов в БССР в конце 1950-х – 1960-х гг. Подробно исследованы материалы, находящиеся на хранении в Зональном государственном архиве города Полоцка и Музее истории и культуры города Новополоцка. Из проанализированных материалов получены сведения о предпосылках создания новой социопространственной единицы в БССР и регионе, формирования нового городского образа жизни для мигрантов из деревень. На основе анализа документов подчеркивается, что стратегия социально-экономического и социально-культурного развития, реализованная в Новополоцке в конце 1950-х – 1960-х гг., позволила сформировать эффективную урбанизированную среду, реализовать идею города как такового и заложить предпосылки для дальнейшего его развития как в социально-культурном, так и в экономическом плане.

Введение. БССР, переживавшая со второй половины 1950-х годов процесс ускоренной урбанизации, вступила в сложный период социально-культурного развития. Этот процесс означал формирование новой социопространственной организации общества. Его основными признаками выступали как концентрация экономической и социальной жизни в крупных городах, так и гетерогенность среды – сосуществование различных этнических, религиозных, статусных групп.

Главным содержанием социально-культурного развития Новополоцка в конце 1950-х – 1960-х годов являлось формирование нового городского образа жизни: изменение мышления, действия, способов коммуникации, которые позволили реализовать идею города как такового.

Новополоцк – город мигрантов, горожан в первом поколении. Это явилось результатом процессов урбанизации, набравших силу в БССР в конце 1950-х – 1960-х гг.

Основная часть. Возможность миграции крестьянства вместе с ростом производительности и эффективности труда в сельском хозяйстве привели к неожиданному для политической элиты БССР конкурентному преимуществу республики перед другими регионами. Оказалось, что при отсутствии ценившихся в те времена полезных ископаемых основное богатство начала составлять дисциплинированная рабочая сила, которая, будучи освобожденной от колхозной зависимости, при отсутствии ГУЛага и плановых депортаций была готова к миграции из села в город в пределах БССР. Потенциал этой рабочей силы был очень велик [1].

Партийно-хозяйственные руководители БССР сумели обеспечить условия для использования этого потенциала.

Во-первых, путем лоббирования в союзных органах размещения на территории БССР новых, человекоемких производств, не требовавших сырьевых ресурсов и особых навыков. К таким производствам относились химическая, радиоэлектронная и легкая промышленности.

Во-вторых, партийное руководство приняло меры, связанные с повышением качества дисциплинированной рабочей силы. Речь идет о профессионально-техническом образовании. Именно с середины 1960-х годов БССР стала лидировать в СССР по темпам, уровню и качеству развития системы профтехобразования [1].

Таким образом, были созданы условия для ускоренной урбанизации в БССР. Начиная с середины 1950-х годов, городское население возрастало в среднем на 150 тыс. человек ежегодно, при этом основным источником была внутренняя миграция из сельской местности в города [1].

Сотни тысяч людей, оставивших совсем недавно деревню с ее образом жизни, стали в одночасье горожанами. В силу этого в социально-психологическом плане они были типичными маргиналами – людьми, рожденными и выросшими в деревне, тогда как делали карьеру и создавали семью уже в городе. Их дети являлись первым собственно городским массовым поколением. Это означало, что ни у старшего, ни у младшего поколения полноценно не было устойчивых культурных традиций и городских корней. А поскольку они составляли подавляющее большинство городского населения, то потомственные горожане и носители городских традиций растворились среди них.

Быстрый рост городов, как правило, приводит к пролетаризации его населения. В таких поселениях общественная мораль и нравственность перестают выполнять регулирующие функции, поэтому асоциальные формы поведения в них начинают доминировать.

Однако в БССР практически удалось избежать подобных последствий урбанизации, что было обусловлено такими факторами:

1) значительной степенью социальной защищенности мигрантов – высокие темпы урбанизации в БССР сопровождались не менее высокими темпами индустриального жилищного строительства;

2) в БССР достигнуто наивысшего уровня (по меркам СССР) профессионально-техническое образование, что открывало дорогу к продолжению образования [1].

Таким образом, мигранты из деревни в город были обеспечены как работой и жильем, так образованием и возможностями для повышения его уровня.

Стоит отметить, что на новостройке тысячи и тысячи людей обрели рабочие профессии, достойное положение в обществе и хорошую перспективу в жизни [2, с. 2].

Урбанизация в БССР осуществлялась на фоне относительно высокого развития инфраструктуры, транспорта и связи. Это позволило на первых порах сохранять устойчивые и тесные связи между семьями, созданными молодыми мигрантами в городах, и их родителями, оставшимися в селе. Что тормозило процессы эрозии и разрушения традиционной морали и нравственности, позволяло поддерживать социальное здоровье нации.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что равномерность и гармоничность в период ускоренной урбанизации не стимулировали в общественном сознании коренных перемен. Так, БССР фактически превратилось в индустриально-аграрное общество с преобладанием городского населения, которое по-прежнему продолжало воспринимать себя сельским и активно поддерживало связи с деревней.

Стоит отметить еще одно важное обстоятельство. В условиях ускоренной индустриализации ощущалась острая потребность в квалифицированных кадрах с высшим образованием. Эта проблема решалась за счет всесоюзного распределения из других регионов, что создавало диспропорцию в уровне образования местных жителей и мигрантов.

Мигранты из других регионов имели относительно более высокий уровень образования и занимали место управленческой и культурной элиты. Элиты в смысле потребления культурных ценностей, но не производства их. Это определяло высокий спрос на русскоязычную культурную продукцию на фоне низкого спроса на белорусскоязычную. Белорусская культура и белорусские традиции не были востребованы, и упадок культуры резко контрастировал с относительным социально-экономическим прогрессом [1].

Таким образом, Новополоцк формировался как типичный в культурно-ментальном плане советский город.

Необходимо подчеркнуть, что независимо от того, осознавали руководители города и строительства всю сложность урбанистических процессов или нет, они приняли верную стратегию в социально-культурном развитии: промышленное строительство сопровождалось активным строительством объектов социальной инфраструктуры – детских садов, школ, жилья, учреждений культуры, медицины и отдыха.

Один из первостроителей города вспоминал, что рабочие, возводившие город, хотели, чтобы он был красивым и комфортным, имел свои особенности и свою душу [3, с. 2]. Тогда как первостроителям Новополоцка приходилось довольствоваться минимумом, работая по максимуму [4, с. 2].

Новополоцк создавался как город молодых. Так, 12 августа 1958 г. у Владимира и Федосии Богуш родился сын Игорь, которого назвали «первенцем Ново-Полоцка» [5, с. 63], в январе 1960 г. в Пионерном поселке состоялась первая регистрация брака [6].

В марте 1960 г. в поселке «Полоцкий» жило более 3 тыс. человек, из них 620 детей [7, с. 205].

Для Новополоцка периода конца 1950-х – 1960-х годов была характерна высокая рождаемость. Так, в IV квартале 1967 г. в Новополоцке был зарегистрирован 141 новорожденный [8].

Первостроители работали с неподдельным энтузиазмом, молодым задором, огромным желанием поскорее построить новый и современный город, такие желания и эмоции были присущи большинству людей. Однако эйфория и романтика пионеров строительства Новополоцка могла иссякнуть, натолкнувшись в первоначальный период строительства на фактическое отсутствие в рабочем поселке социально-бытовой и культурно-досуговой инфраструктуры.

Так, в поселке не было столовых, магазинов и ларьков, отделения связи, пункта милиции, школы, детского сада, клуба, танцплощадки, библиотеки, медицинских и спортивных сооружений и т.д.

Создание в рабочем поселке объектов социально-бытовой и культурно-досуговой инфраструктуры стало первейшей задачей руководства строительством, полоцких городских, областных и республиканских органов власти. При этом администрация исходила из установки, что быт влияет на производственные успехи, что общие итоги обеспечиваются не только на производстве, но и в рабочих общежитиях, клубах, кинотеатрах, стадионах, спортивных площадках, предприятиях общественного питания, коммунального хозяйства и магазинах [9, с. 184].

Формирование какой-либо инфраструктуры рабочего поселка и будущего НПЗ, требовало хотя бы самых элементарных подъездных путей, поэтому одной из важнейших задач стало строительство мощных дорог [10].

Наличие первых автодорог повлекло за собой необходимость создания автостанции, которая была построена к 1959 г. [11].

Попутно со строительством первых дорог и автостанции формировалась начальная социально-бытовая инфраструктура – к концу 1958 г. построена первая временная столовая [12]; к августу 1960 г. в поселке Пионерном и в районе нефтестроя работало 4 столовых и 3 закусочных [13].

Быстрыми темпами шло строительство жилищного фонда. Так, 16 ноября 1958 г. введено в эксплуатацию 8 молодежных общежитий. Появились первые улицы – 1-я Линия и 2-я Линия. В начале 1959 г. открыт клуб строителей. В 1960 г. первые улицы поселка Пионерный имели фактически законченный вид [14] (рис. 1).

Рис. 1. Микрорайон №1, Первая улица, 1960 г.

Источник: Новополоцкий городской музей истории и культуры города. – Ф. КП. Оп. 2204-82.

В июле 1959 г. в поселке появился свой почтальон; в сентябре – открылась городская баня, рассчитанная на обслуживание 47 чел. в час [15]; в ноябре 1959 г. – филиал Полоцкой центральной библиотеки. В том же году начали работать прачечная (пропускная способность – 200 кг белья в смену) и рынок [16].

В сентябре 1959 г. был подписан указ о создании вечернего филиала Минского политехникума. В связи с этим был объявлен набор студентов по специальностям: техник по оборудованию нефтеперерабатывающих заводов, техник по технологии нефти и газа, техник промышленного и гражданского строительства [17]. Политехникум планировался как своеобразная кузница кадров для Полоцкого НПЗ. Уже в 1960 г. шло его активное строительство [18].

7 сентября 1959 г. начала свою работу общеобразовательная школа № 1 [19]. Директором школы был назначен Л.И. Бронский. В школе приступили к работе 18 учителей. В первый год обучения за парты сели 220 учеников, среди которых были жители рабочего поселка Полоцкий и деревень Слобода, Охотница, Плаксы, Середома, Подкастельцы, Ропно, Коптево.

Для борьбы с правонарушителями в октябре 1959 г. в Пионерном поселке было организовано местное отделение милиции. В выходные и предпраздничные дни им помогали комсомольские отряды охраны порядка [17].

Организацией правопорядка в городке, особенно в темное время суток, помимо милиции и комсомольских отрядов охраны порядка, занимался дежурный патруль во главе с офицером из гарнизона Боровуха-1 [7, с. 202].

Власти поселка понимали, что одной лишь милицией проблемы не решить: необходимо развивать просвещение, быт, досуг, спорт, художественную самодеятельность и т.п. Для этого были построены временные спортивные площадки, начали работу спортивные товарищества по волейболу, баскетболу, футболу, боксу, классической борьбе [7, с. 204].

15 июня 1959 г. в рабочем поселке был открыт кинотеатр на 250 зрителей и летняя эстрада («Зеленый театр») [20].

«Зеленый театр» вместе с танцевальной площадкой, построенной практически одновременно, становится на многие годы летним досуговым центром молодежи.

В июле 1959 г., был организован товарищеский матч по волейболу между рабочими Нефтестроя и рабочими завода Стекловолокно (г. Полоцк) [21] (рис. 2).

Рис. 2. Нефтестроевцы встречаются со спортсменами завода Стекловолокно (г. Полоцк).
Временная спортплощадка, июль 1959 г.

Источник: Новополоцкий городской музей истории и культуры города. – Ф. КП. Оп. 2203-137.

Помимо спортивных, организовывались культурно-массовые мероприятия – в мае 1960 г. в поселке строителей была организована первая выставка художников из БССР [22].

В растущем рабочем городке шло активное формирование улиц, которым необходимо было давать название. Так, Полоцкий поселковый Совет 4 марта 1960 г. вынес решение о наименовании улицы, идущей в направлении с востока на запад, – Зеленая. Через некоторое время выяснилось, что в городе Полоцке уже есть улица с таким названием. Тогда поселковый Совет 31 марта 1960 г. принял решение о переименовании улицы Зеленая в улицу Молодежная [5, с. 67].

В ноябре 1958 г. в рабочем поселке был организован здравпункт, началась история развития здравоохранения города Новополоцка. Уже к концу 1959 г. возведены первые корпуса больницы [23].

В 1960 г. открыт первый промтоварный магазин [24] (рис. 3), а уже к 1968 г. в Новополоцке работали 27 магазинов, 40 предприятий общественного питания на 2750 посадочных мест, среди них 2 ресторана, 2 кафе [9, с. 188].

Поселок Полоцкий продолжал развиваться и расти. В начале ноября 1962 г. первого читателя приняла городская библиотека имени В. Маяковского. В январе 1963 г. одним из долгожданных событий стало открытие кинотеатра «Космос». В июне 1963 было закончено строительство еще одного долго строя – первого в городе двухэтажного магазина «Елочка» [5, с. 104].

Рис. 3. Открыт первый промтоварный магазин, 1960 г.

Источник: Новополоцкий городской музей истории и культуры города. – Ф. КП. Оп. 2204-74.

1 сентября 1963 г. была открыта средняя школа № 2, которая могла вместить 964 учащихся, а также музыкальная и спортивная школы.

5 июля 1963 г. на базе филиала Минского политехникума был открыт Полоцкий нефтяной техникум. Первыми учащимися дневного и вечернего отделений были строители, механики и технологи. В июне 1967 г. первые 175 дипломов были вручены молодым специалистам, получившим квалификацию техников-механиков, технологов, киповцев, строителей [5, с. 104].

Очевидно, что взятый руководством строительства и города курс на профессиональный всеобщий помог сразу решить очень важную задачу: дать юношам и девушкам рабочую специальность и закрепить молодых квалифицированных рабочих на строительстве [9, с. 175].

Дальнейшему развитию поселка Полоцкий посодействовал Указ Президиума Верховного Совета БССР «О преобразовании рабочего поселка в город и присвоение ему наименования Новополоцк». Новополоцк был отнесен к категории городов областного подчинения [5, с. 108].

Таким образом, по состоянию на 7 мая 1967 г. в городе Новополоцке было: 5 учреждений народного образования, 2 учреждения культуры, 31 предприятие торговли и общественного питания, 1 учреждение здравоохранения, 5 промышленных предприятий [25].

14 июля 1968 г. был открыт Новополоцкий филиал Белорусского политехнического института. На дневное отделение было принято 50 человек по специальности «Технология машиностроения» и 50 человек по специальности «Промышленное и гражданское строительство», 125 человек зачислено на вечернее отделение. 1 сентября 1968 г. первую лекцию для студентов прочитал кандидат химических наук Э.М. Бабенко [26, с. 2].

В сентябре 1968 г. открыто Новополоцкое музыкальное училище.

Курс на развитие образования имел стратегическое значение для Новополоцка и новополочан: образование расширяло жизненные горизонты молодых людей, формировало новые ценностные и культурные приоритеты, способствовало самореализации в творчестве, самостоятельности, спорте.

Стоит подчеркнуть, что руководству города, развертывая масштабное строительство жилья и объектов культурно-бытового назначения, зачастую приходилось преодолевать господствовавший в СССР подход, сущность которого выражается в минимизации расходов на человека, включая жилищно-бытовые, культурные и иные социальные условия.

Однако, если в 1961 г. сумма бытовых услуг, приходящаяся на душу населения в поселке Полоцком и Полоцке, составляла 12,9 руб., то в 1965 г. – 17,6 руб. За 1961–1965 гг. в Новополоцке были построены 5 зданий для цехов комбината бытового обслуживания [9, с. 187].

Масштабы строительства в Новополоцке жилья и объектов культурно-бытового назначения были весьма значительными. Сведения об объемах строительства за 1959–1965 гг. предоставлены в таблице.

Таблица

**Справка о выполнении плана строительства жилкультурных объектов
за 1959–1965 гг. по тресту № 16**

	Объем работ (тыс. руб.)	Ввод жилой площади (кв. м)
План	15409,5	133210
Факт	16420,3	143608
%	106,5	107,8

Источник: составлено на основании [27, л. 23].

Новополоцк формировался как город молодых и энергичных людей, жаждавший и спортивных завоеваний. Первым организатором физкультуры и спорта в Новополоцке был Д. Мильман. К 10-летию города трест № 16 закончил возведение спортивного комплекса «Изумруд», в те же сроки НППЗ построил городской стадион «Атлант».

В 1964 г. создается хоккейный клуб «Нефтяник», который был включен для участия в чемпионате БССР. В 1966 г. тренер-любитель Николай Генов с группой энтузиастов начал заниматься развитием воднолыжного спорта, создав знаменитый на весь СССР воднолыжный клуб имени Ю. Гагарина.

К 1968 г. для отдыха и занятий физкультурой и спортом имелось 8 спортивных залов, 2 плавательных бассейна, 6 кортов, 7 комплексов спортивных сооружений, 12 баскетбольных, 30 волейбольных и 5 городошных площадок, 3 стрелковых тира, 5 загородных туристических баз. Физкультурные организации города объединяли около 10000 членов. В городе насчитывалось 12 взрослых футбольных команд и 10 детских [9, с. 200].

1 января 1967 г. вышел первый номер городской газеты «Химик»; ее главным редактором стал В.Т. Симуров [5, с. 131]. В ноябре 1967 г. в Новополоцке открылся Дворец культуры нефтяников.

В феврале 1967 г. в Новополоцке состоялся городской фестиваль художественной самодеятельности в честь празднования 50-летия Советской власти. Это было очень серьезное культурно-массовое мероприятие, к которому готовились заранее. В нем приняло участие 1100 самодеятельных артистов, 11 хоровых коллективов, 17 вокальных групп, 9 танцевальных коллективов, 6 музыкальных ансамблей, 31 солист [28].

Стоит подчеркнуть, что первых жителей Новополоцка отличало не показательное, а настоящее трудолюбие и искренняя вера в то, что они делают очень важное дело – строят современный и перспективный город. При этом шло формирование особого городского пространства на основе синтеза различных традиций, менталитетов и культур.

Заключение. Таким образом, главным содержанием социально-культурного развития Новополоцка в конце 1950-х – 1960-х годов являлось формирование нового для большинства его жителей городского образа жизни. Создание в Новополоцке объектов социально-бытовой и культурно-досуговой инфраструктуры в этот период стало первейшей задачей руководства строительством, полоцких городских, областных и республиканских органов власти. В свою очередь, количественное и качественное накопление факторов социально-культурного развития (строительство школ, ССУЗов, спортивных комплексов, кинотеатра, больницы, бассейна, формирования высшего образования и т.д.) в короткий промежуток времени привело Новополоцк к прорыву в области развития образования, здравоохранения, культуры и спорта.

Таким образом, анализ социально-культурного развития Новополоцка в конце 1950-х – 1960-х годов позволяет говорить о том, что городская среда в Новополоцке за первое десятилетие его существования (1958–1968) была полностью сформирована, также были заложены стратегические предпосылки к дальнейшему развитию города как в социально-культурном, так и в экономическом плане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водолажская, Т. Качество и образ жизни в Беларуси: эволюция и возможности трансформации [Электронный ресурс] / Т. Водолажская, В. Мацкевич // АГТ-ЦСИ. – Режим доступа: http://www.eurobelarus.info/files/22/86/Book_Life_Quality_rus.pdf.
2. Осипенков, П. Город моложе людей ... / Петр Осипенков // Новая газета. – 2008. – № 69 (2 верасня). – С. 2.

3. Кожапенько, М. Берегите наш Новополоцк / М. Кожапенько // Новая газета. – 2008. – 8 жніўня. – С. 2.
4. Конышева, Н. Добровольцы / Наталья Конышева // Новая газета. – 2008. – 12 верасня. – С. 2.
5. Шлеймович, М.М. Новополоцк: год за годом: история, архитектура, строительство / М.М. Шлеймович. – Минск : Беларусь, 2008. – 439 с.
6. Новополоцкий городской музей истории и культуры города. – Ф. КП. Оп. 2204-45.
7. Сумко, А.В. “Прыдзвінскія калумбы”. Старонкі штодзённага жыцця ранняга Наваполацка (1958-1959) / Алена Сумко // АРСНЕ. Пачатак. – 2011. – №10. – С. 182-205.
8. Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 1220. Оп. 1. Д. 45. Л. 5.
9. Безлюдов, А.И. Слагаемые эффективности : соц.-экон. очерк / А.И. Безлюдов. – Минск : Беларусь, 1982. – 207 с.
10. Новополоцкий городской музей истории и культуры города. – Ф. КП. Оп. 2203-170.
11. Новополоцкий городской музей истории и культуры города. – Ф. КП. Оп. 2204-54.
12. Новополоцкий городской музей истории и культуры города. – Ф. КП. Оп. 2203-7.
13. Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 1932. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.
14. Новополоцкий городской музей истории и культуры города. – Ф. КП. Оп. 2204-82.
15. Новополоцкий городской музей истории и культуры города. – Ф. КП. Оп. 2203-194.
16. Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 1932. Оп. 1. Д. 17. Л. 9.
17. Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 1932. Оп. 1. Д. 3. Л. 108.
18. Новополоцкий городской музей истории и культуры города. – Ф. КП. Оп. 2204-92.
19. Новополоцкий городской музей истории и культуры города. – Ф. КП. Оп. 2203-50.
20. Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 1932. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.
21. Новополоцкий городской музей истории и культуры города. – Ф. КП. Оп. 2203-137.
22. Новополоцкий городской музей истории и культуры города. – Ф. КП. Оп. 2204-85.
23. Новополоцкий городской музей истории и культуры города. – Ф. КП. Оп. 2203-191.
24. Новополоцкий городской музей истории и культуры города. – Ф. КП. Оп. 2204-74.
25. Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 1648. Оп. 1. Д. 58. Л. 25.
26. Вахрамеева, И. У истоков ПГУ / Ирина Вахрамеева // Химик. – 2003. – 2 сент. – С. 2.
27. Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 1648. Оп. 1. Д. 20. Л. 23.
28. Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 1222. Оп. 1. Д. 20. Л. 9.

Поступила 02.06.2015

SOCIAL-CULTURAL DEVELOPMENT OF NOVOPOLOTSK IN THE SYSTEM OF URBANIZATION PROCESSES IN BSSR IN THE END OF 1950-1960

A. OGORODNIKOV

Here is considered contents, mechanisms and process of social-cultural development of Novopolotsk in the system of urbanization processes in BSSR in the end of years 1950-1960. Here is details researched materials, which are on archiving in the Zonal State Archives of town Polotsk and Museum of History and Cultural of town Novopolotsk. Analyzed materials provide data about prerequisites of creation of a new social space unit in BSSR and the region, forming of a new urban style of life for migrants from villages. It is underlined on the basis of documents analysis, that the strategy of social-economic and social-cultural development, realized in Novopolotsk in the end of years 1950-1960, permitted to form here an effective urban environment, to realize the idea of the town itself and to lay by that background for further development of the town as in social-cultural, as well in economic aspect.

УДК 94(47+57)«19»

**ОБЩНОСТЬ И ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ БОЛЬШЕВИКОВ И ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ***магистр ист. наук А.С. СМОЛОВСКИЙ**(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)*

Рассмотрена проблема общности и противоречивости идеологических и теоретических взглядов большевиков и левых эсеров по различным аспектам внутренней и внешней политике. Проанализированы совместная деятельность РКП(б) и ПЛСР по вопросам формирования нового правительства, закон о социализации земли, вопрос войны и мира, проблема введения продовольственной диктатуры и организации комитетов бедноты, национальный вопрос, а также создание проекта первой Конституции Советского государства.

Введение. Среди острых проблем политической жизни в 1917-1918 гг. отдельное место занимают отношения большевиков и левых эсеров. Существование единственного за всю советскую историю правительственного блока не могло остаться вне внимания историков. Несмотря на то, что союз левых эсеров и большевиков был кратковременным и противоречивым, он явился одним из решающих факторов становления и упрочения Советской власти в начальной фазе нового этапа русской революции. Историческая традиция на протяжении многих десятилетий формировала образ левых эсеров как давних политических противников большевиков. Открытие в последние годы ранее недоступных фондов, публикация некогда секретных документов и работ западных исследователей позволяют по-новому взглянуть на роль левых эсеров в формировании советской государственности. Именно поэтому в современной российской, зарубежной и белорусской историографии большое внимание уделяется изучению общих теоретических и идеологических взглядов и разногласий между большевиками и левыми эсерами.

Основная часть. Сближение взглядов левых эсеров и большевиков наметилось еще в предоктябрьский период, что было обусловлено совпадением тактических лозунгов: «Власть – Советам, землю – крестьянам, мир – народам!». Во многом были сходны и программные требования. По признанию одного из лидеров партии левых эсеров А.М. Устинова: «В программе у нас разногласий нет» [1, с. 125]. Он считал сотрудничество с большевиками залогом успешного решения задач революции, прекращения войны, передачи земли крестьянам, созыва Учредительного собрания, защиты республики и демократических свобод.

В начале октября, когда большевики приняли решение покинуть Временный Совет Российской Республики (Предпарламент), они попытались склонить к этому шагу левых эсеров. 6 октября состоялись переговоры Л.Б. Каменева и Л.Д. Троцкого с Б.Д. Камковым, М.А. Натансоном и А.А. Шрейдером. Большевики информировали о намерении уйти из Предпарламента и предложили левым эсерам присоединиться к ним. Хотя левые эсеры остались в Предпарламенте, М.А. Натансон обещал «полную поддержку большевикам в случае революционного выступления вне его стен» [2, с. 115].

Прогнозируя новую ситуацию в сентябре 1917 г., В.И. Ленин полагал, что сторонники М.А. Спиридоновой поддержат восстание. 12 октября в Петрограде был создан Военно-революционный комитет (ВРК). В него вошли, наряду с большевиками, левые эсеры В.А. Алгасов, Г.Д. Закс, М.А. Левин, Г.Н. Сухарьков, А.М. Устинов и В.И. Юдзентович. Первым председателем ВРК стал левый эсер П.Е. Лазимир (руководитель солдатской секции Петросовета) [3, с. 663–664]. Левые эсеры участвовали и в деятельности ряда местных ВРК, в том числе и на территории Беларуси. По данным Г.А. Трукана, из 41 ВРК, созданных в Центральном районе страны, в 37 большевики и левые эсеры действовали совместно [4, с. 319].

Вместе с тем подготовка вооруженного восстания выявила серьезные тактические расхождения между левыми эсерами и большевиками. Лидеры левых эсеров выступили против захвата власти до II съезда Советов. Б.Д. Камков заявил, что этот шаг разведет советские партии по разные стороны баррикад и ввергнет страну в гражданскую войну. Его поддержали В.А. Карелин, П.П. Прошьян и др. Однако М.А. Натансон, используя свой авторитет, настоял на том, чтобы левые эсеры остались в Петроградском ВРК и продолжали сотрудничество с большевиками.

Другим пунктом разногласий стал вопрос о принципах формирования нового правительства. На II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов левые эсеры настаивали на формировании правительства из всех социалистических партий, т.е. «однородного социалистического правительства» [5, с. 43–44]. В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий категорически отвергли это предложение. Вместе с тем реально оценивая ситуацию и сознавая, что силами одной партии едва ли удастся удержать власть, они предложили левым эсерам войти в состав правительства.

Последнюю попытку сформировать однородное социалистическое правительство левые эсеры предприняли во время переговоров с Викжелем (Всероссийским исполнительным комитетом профсоюза железнодорожников). Жесткая позиция на переговорах меньшевиков и эсеров, настаивающих на формировании правительства без участия В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, не нашла сторонников среди левых эсеров [6, с. 14].

Чем сложнее шли переговоры, тем сильнее ощущалось стремление левых эсеров войти в Совет Народных Комиссаров (СНК, Совнарком). Этому способствовало еще одно немаловажное обстоятельство. В начале ноября Центральный комитет партии социалистов-революционеров (ЦК ПСР) исключил из партии левых эсеров. Участие в Октябрьском перевороте и позиция, занятая левыми эсерами на переговорах с Викжелем, окончательно развели оба крыла эсеровской партии по разные стороны баррикад.

19 ноября 1917 г. состоялся I съезд партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР). Несколько дней раньше большевики и левые эсеры официально оформили свой послеоктябрьский союз. Произошло это 15 ноября 1917 г. на совместном заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) Совета рабочих и солдатских депутатов, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского чрезвычайного крестьянского съезда, провозгласивших создание коалиции. Был образован единый Всероссийский центральный исполнительный комитет [7, с. 65]. 17 ноября левые эсеры дали принципиальное согласие на вхождение в Совнарком и ввод своих представителей во все коллегии при СНК.

С первых дней революции партия левых эсеров стремилась реально участвовать в законотворческой деятельности нового государства. В начале ноября между партией левых эсеров и Российской социал-демократической рабочей партией большевиков (РСДРП(б)) возникли разногласия, сложившейся в СНК. Левые эсеры подняли вопрос о том, что большевистский Совнарком издает декреты без санкции ВЦИКа [7, с. 26–27]. СНК был исполнительным органом при ВЦИКе, следовательно, ни один декрет или законодательный акт, как считали левые эсеры, не мог быть издан без его ведома.

Большевики вынуждены были, хотя бы на словах, уступить. В итоге левые эсеры добились разграничения власти законодательной (для ВЦИК) и исполнительной (для СНК). Они разработали «Наказ о взаимоотношениях ВЦИК и СНК» и «Решение об изменении состава СНК», которые были приняты на XII заседании ВЦИК 17 ноября [8, с. 102–103].

Влияние левых эсеров росло, особенно во ВЦИКе. Обладая третью мандатов в законодательном органе, левые эсеры получили пропорциональное количество мест в Президиуме ВЦИК, в его постоянных комиссиях. Руководство отделами – важнейшими рабочими органами ВЦИК – разделили представители РСДРП(б) и ПЛСР. Так, Иногородний отдел возглавили Я.М. Свердлов и В.А. Алгасов, Агитационный – В. Володарский и Каховская, по национальному вопросу – Урицкий и П.П. Прошьян [9, с. 68].

До вхождения в состав правительства деятельность левых эсеров в законодательной области, кроме двух вышеназванных документов, выражалась в форме поправок. В начале декабря 1917 г. была достигнута договоренность между СНК и ЦК партии левых эсеров о вхождении ее семи представителей в правительство: А.Л. Колегаев, утвержденный ВЦИК 24 ноября, остался наркомом земледелия; И.З. Штейнберг стал наркомом юстиции; П.П. Прошьян занял пост наркома почт и телеграфов; В.Е. Трутовский и В.А. Карелин возглавили два новых комиссариата – по местному самоуправлению и имуществ Российской республики; В.А. Алгасов и А.И. Бриллиантов в качестве наркомов без портфелей были введены с правом решающего голоса в коллегию наркомата внутренних дел и наркомфин [10, с. 107–108]. С вхождением в состав правительства левые эсеры получили реальную возможность непосредственно участвовать в издании декретов.

Сотрудничество существовало не только на центральном уровне, но и в регионах, в частности, в белорусских губерниях. В Областной исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (Облискомзап), который был создан 26 ноября 1918 г., вошли 24 представителя ПЛСР. В первый состав Совета Народных Комиссаров Западной области, который возглавил большевик К.И. Ландер, были приобщены левые эсеры П. Козлов (сначала товарищ председателя, потом комиссар народного хозяйства), М.М. Дайнеко (комиссар земледелия). Некоторое время должность комиссара «призрения» (социального обеспечения) занимал В.Л. Муха, затем этот отдел возглавил К. Смирнов, а его заместителем на правах комиссара был назначен левый эсер Л. Котляревский [11, с. 15].

Одним из самых острых вопросов, стоявших перед новой властью, был вопрос о земле. На протяжении почти всей своей многовековой истории Россия была страной крестьянской. В начале XX в. крестьянство составляло 4/5 населения страны.

В первые дни Октябрьского переворота левые эсеры с тревогой отмечали, что опасность реставрации не устранена, поскольку большевики не имеют влияния в деревне. Учитывая этот бесспорный факт,

большевики пошли на компромисс и на II съезде Советов достигли договоренности с левыми эсерами по аграрному вопросу. Декрет о земле во многом повторял эсеровскую аграрную программу и включал 242 крестьянских наказа. Декрет предусматривал безвозмездное изъятие земли у помещиков, ликвидацию частной собственности на землю и ее уравнильный раздел между крестьянами по трудовой и потребительской норме [5, с. 75]. Этот успех был первой крупной победой левых эсеров.

Теперь предстояло выработать аграрное законодательство и добиться правового регулирования земельных отношений. В партии левых эсеров было два течения. Первое стремилось «принизить» закон о социализации земли и поэтому отстаивало индивидуальные формы хозяйства. Это течение представляли А.Л. Колегаев и И.А. Майоров. Второе течение «считалось с процессом развития революции и стояло за развитие коллективных форм хозяйства». Эту линию отстаивали В.Е. Трутовский, А.М. Устинов, М.А. Натансон. В практическом отношении левые эсеры уделяли очень мало внимания коллективным формам хозяйства [12, с. 289]. В отношении устанавливаемой собственности на землю оставалась неясность, касающаяся ее характера. Левые эсеры в «Положении» и «Инструкции» трактовали собственность на землю как общенародное достояние. Большевики же отстаивали закрепление права на землю за государством. Данное различие являлось центральным в споре левых эсеров и большевиков при обсуждении проекта «Основного закона о социализации земли». 19 пунктов проекта А.Л. Колегаева были приняты без обсуждения. Спор шел по поводу статьи 13, где большевикам хотелось увеличить меры вмешательства государства в хозяйственную жизнь деревни путем насаждения «культурных хозяйств». По настоянию большевиков, в законе были сняты все упоминания о земствах и земельных комитетах (статьи 6, 8–11 и др.). Земельные комитеты как самостоятельные учреждения были распущены и заменены земельными отделами Советов. Большевики добились обеспечения за государством беспрепятственного пользования землей [13, с. 86].

19 февраля 1918 г. «Основной закон о социализации земли» был опубликован за подписями большевиков и левых эсеров (Я.М. Свердлова, Г.Е. Зиновьева, В. Володарского, А.Л. Колегаева, М.А. Спиридоновой, Б.Д. Камкова и др.). В.И. Ленин признал: «Мы победили потому, что приняли не нашу аграрную программу, а эсеровскую... Вот почему эта победа была так легка» [14, с. 346, 436].

Принципиальные разногласия между левыми эсерами и большевиками возникли в разрешении проблемы войны и мира. Вопрос о Брестском мире стал одним из самых сложных, поскольку он вызвал не только серьезный политический кризис в РСДРП(б), но и привел к глубокому расколу правительственную коалицию. В российской и белорусской историографии сложилась устойчивая оценка позиций левых эсеров как принципиальных противников мира с Германией. На деле все обстояло значительно сложнее. Так, первоначально позиции большевиков и левых эсеров в вопросе мира совпадали. Обе партии выдвинули лозунг «общего перемирия на фронтах» и «начали вести переговоры с представителями всех воюющих стран о перемирии» [15, с. 11]. М.А. Спиридонова, лидер ПЛСР, первоначально поддерживала В.И. Ленина и выступала за подписание соглашения [15, с. 12]. «Мужик не хочет войны, – говорила она, – примет какой угодно мир» [16, с. 84].

Аналогичной позиции придерживались и другие лидеры левых эсеров. На I съезде ПЛСР, состоявшемся 27 ноября 1917 г., Б.Д. Камков потребовал «немедленного ликвидации войны» [6, с. 90]. Линию на подписание мирного договора левые эсеры проводили на III Всероссийском съезде Советов. Б.Д. Камков, выступивший от имени фракции в прениях по докладу о переговорах в Брест-Литовске, осудил позицию сторонников продолжения войны [13, с. 65–66].

В это время ПЛСР все более упрочивает свои позиции. В составе 306 членов ВЦИК, избранного III съездом Советов, было 160 большевиков и 125 левых эсеров. При исполнительном комитете была создана крестьянская секция, ее председателем стала М.А. Спиридонова. По данным К.В. Гусева, левые эсеры занимали сильные позиции в Советах северо-западных губерний, Центрально-Промышленной области, центрально-черноземных губерний [17, с. 433–435]. В то же время растет влияние областной организации левых эсеров в Западной области. Согласно данным белорусских историков, если в марте большевики в Советах Беларуси составляли 77,7%, а левые эсеры – 12,2%, то в июне большевиков насчитывалось только 45,2%, а левых эсеров – 37,5% от общего количества депутатов. В Могилевском губернском исполкоме левых эсеров было 43,2%, а в Витебском – 36% [18, с. 139]. Этот период Л.Д. Троцкий назвал «медовыми неделями коалиции», а Ю. Фельштинский – «зенитом большевистско-левоэсеровского союза» [19, с. 223, 210]. В руководстве ПЛСР возникла идея об объединении с большевиками.

В марте 1918 г. в Москве состоялся IV Чрезвычайный съезд Советов. ЦК левых эсеров большинством голосов выступил на съезде против ратификации Брестского договора. Несмотря на протесты левых эсеров и других партий, Брест-Литовский мирный договор был ратифицирован большинством. В знак протеста левые эсеры вышли из правительства [20, с. 64, 67]. Это был первый серьезный разрыв между левыми эсерами и большевиками, который предопределил последующую тактику ПЛСР.

Выход из сложившейся ситуации левые эсеры видели в общенародном восстании против оккупационных войск. Б.Д. Камков еще на IV Чрезвычайном съезде Советов заявил, что ЦК ПЛСР «сделает все от него зависящее, чтобы оказать вооруженное сопротивление на всех фронтах». Расчет был такой: при возобновлении войны с Германией развернуть партизанскую борьбу, революционизировать немецкую армию и через нее перебросить пожар революции в Европу. Тогда надежды на мировую революцию питали и большевики, но все же они проявляли рационализм, стремились прежде всего сохранить советское государство как опору для революций в других странах. Левые же эсеры судьбу Советской России связывали только с мировой революцией [21, с. 228].

Вместе с тем расхождения между левыми эсерами и большевиками, вызванные Брестским миром, носили тактический характер. А.Л. Колегаев писал в апреле 1918 г., что левые эсеры могут расходиться с большевиками «лишь тактически», идя вместе «во всех вопросах социальной революции, хотя бы и подчиняясь их большинству». Поэтому не случайно многие члены ЦК ПЛСР считали ошибкой выход левых эсеров из Совнаркома.

Состоявшийся во второй половине апреля II съезд левозсеровской партии должен был окончательно разрешить внутрипартийные разногласия. Несмотря на столь резкие выступления лидеров партии, съезд ПЛСР проголосовал за выход из правительства. В знак протеста ряд левых эсеров, сторонников правительственной коалиции с большевиками, вышли из партии.

Следует признать, что резолюция II съезда оставляла поле для совместной деятельности левых эсеров и большевиков. Левые эсеры, согласно постановлению, остались в составе ВЦИК, наркоматов, Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), местных Советов и их исполкомов. Так, 11 апреля 1918 г. на II съезде Советов Западной области фракция ПЛСР (69 человек) заявила, что окончательно отзывает своих представителей из состава СНК и остается только в областном исполнительном комитете. Однако и после этого левые эсеры на территории Беларуси оставались по-прежнему советской партией, ведь они не отвергали власть Советов [11, с. 18].

В начале мая 1918 г. М.А. Спиридонова и В.А. Карелин от имени ЦК ПЛСР обратились к большевикам с предложением передать левым эсерам комиссариат земледелия. В.И. Ленин после недолгого совещания с членами коллегии наркомзема дал отрицательный ответ [22, с. 263]. Такой ответ большевиков на предложение левых эсеров, еще недавно возглавлявших наркомат земледелия и добровольно оставивших его, свидетельствовал о кардинальной смене большевиками аграрного курса и начале «крестового похода» против деревни. Ярким подтверждением тому стала серия законодательств о введении продовольственной диктатуры и организации комитетов бедноты (комбеды) [8, с. 264–266, 300–301, 416–419].

Нехватка продовольствия, голод проявлялись в городах и в ряде регионов еще до Февральской революции. Временное правительство приняло 25 марта 1917 г. закон о государственной хлебной монополии, по которому государство брало на себя заготовку и распределение хлеба среди населения. Советское правительство вынуждено было продолжать эту политику. Но в зиму с 1917 на 1918 г. старый госаппарат разрушался, новый только создавался, государственная монополия на хлеб фактически не действовала. Крестьяне разграбили запасы хлеба помещиков, но сдавать хлеб государству по твердым ценам не желали, предпочитая продавать его на черном рынке. В городах, в потребляющих хлеб губерниях усилился голод. ВЦИК 13 мая принял декрет о чрезвычайных полномочиях наркомата продовольствия (продовольственной диктатуре), по которому крестьяне должны были сдавать государству излишки хлеба сверх установленной нормы личного потребления по твердым ценам. Кулаки, естественно, сопротивлялись реализации декрета, беднота во всех регионах и середняки в нечерноземных губерниях, где хлеба не хватало, поддерживали хлебную монополию государства, которая обеспечивала их дешевым хлебом. Средняки, имевшие излишки хлеба, хлеб сдавать государству отказывались. Поэтому государство пошло на создание продовольственных отрядов (продотрядов) для изъятия хлеба, а 11 июня ВЦИК принял декрет об организации деревенской бедноты – комбедов, главной задачей которых была помощь продовольственным органам в заготовке хлеба [23, с. 112].

Левые эсеры решительно осудили политику СНК. Они считали, что продотряды «только губят продовольственное дело..., поднимают трудовое крестьянство против Советов, а комбеды (по образному выражению Б.Д. Камкова, «комитет деревенских лодырей») – «лучшее средство в корне подорвать Советскую власть». При этом Б.Д. Камков откровенно заявил большевикам, «что не только ваши отряды, но и ваши комитеты бедноты мы выбросим вон» [24].

Продовольственную диктатуру левые эсеры тесно увязывали с последствиями Брестской политики. Вот почему в мае-июне они предприняли решительные шаги по срыву мирного договора. В первой половине мая ЦК ПЛСР, руководимый Б.Д. Камковым, формирует Центральный отдел боевых дружин и партизанских отрядов, созывает совещание левых эсеров-военных специалистов и комплектует группу для проведения террористических актов против руководителей германской армии.

Левые эсеры, оставаясь вне правительства, продолжали взаимодействовать с большевиками. Что касается Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)), то она не могла не считаться с такой влиятельной силой, особенно среди крестьянства. Такое признание предопределило участие левых эсеров в создании Конституции Советского государства. Конституция призвана была не только создать правовую базу для последующего законодательства, но и закрепить новую систему общественных отношений, зафиксировать реальные механизмы власти и государственные структуры, которые стихийно складывались в ходе первых месяцев революционного созидания [24, с. 190].

III Всероссийский съезд Советов поручил ВЦИКу составить проект «основных положений конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (РСФСР)». Комиссия по выработке первой советской Конституции была избрана на заседании ВЦИК 1 апреля 1918 г. В нее вошли представители от коммунистической фракции ВЦИК (Я.М. Свердлов – председатель, М.Н. Покровский, И.В. Сталин), от фракции левых эсеров (Д.А. Магеровский, А.А. Шрейдер), от максималистов (А.И. Бердников, с правом совещательного голоса), а также от наркоматов (В.А. Аванесов, Д.П. Боголепов, Н.И. Бухарин, М.Я. Лацис, М.А. Рейснер, Э.М. Скланский) [25, с. 72–73].

Работа над проектом Конституции шла в острой борьбе. Левые эсеры предполагали ввести административно-территориальный принцип государственного устройства, рассматривая национально-государственное разделение как анахронизм и «буржуазный пережиток». Предлагалось предоставлять каждому субъекту федерации самые широкие права по самоопределению и управлению своей территорией. А.А. Шрейдер считал, что другие губернии, уезды, волости могут стать возможными членами федерации [26, с. 292]. Так, левые эсеры поддерживали идею белорусской государственности, предлагали создать Белорусскую автономную республику либо Белорусскую область, которая должна быть связана с Советской Россией федеративным договором [27, с. 16]. Основу объединения должны составить крестьяне (90%). Учителя, студенты, общественные деятели, духовенство – должны организоваться на местах [28, л. 22]. Однако руководители Облисполкомзапа и СНК Западной области и фронта отрицали наличие национального вопроса в Беларуси. Именно в начале июля разгорается борьба областного центра за ликвидацию губерний и прямое подчинение уездов Смоленску.

В ходе работы над проектом Конституции левые эсеры отстаивали идею рассредоточения власти и развития инициативы местных органов. На III съезде Советов левые эсеры добились того, чтобы этот принцип был заложен в постановление «Об основных положениях конституции РСФСР». Они предложили внести пункт, который гласил: «Все местные дела решаются исключительно местными Советами. За местными советами признается регулирование отношений между низшими Советами и решение возникающих между ними разногласий». За центральными властями был оставлен контроль над соблюдением «основ федерации», а также проведение «мероприятий, осуществляемых лишь в общегосударственном масштабе» [8, с. 351].

В период составления проекта Конституции левые эсеры вновь подвергли критике законодательную деятельность СНК. Пока левые эсеры входили в правительство, они оказывали заметное влияние на принимаемые декреты и постановления. Ситуация резко изменилась в связи с выходом левых эсеров из правительства. М.А. Спиридонова, выступая на V съезде Советов с отчетным докладом о работе Крестьянской секции, отметила, что «сначала мы работали рука об руку с большевиками, часто делая уступки в партийных вопросах..., чтобы не было разногласий», но после расхождений по Брестскому договору «начинаются совершенно другие условия работы... Нашей секции не давали проводить ее проектов. Ей старались устроить всяческие препятствия...» [24, с. 53–54].

Фактически Конституция ничего не изменила в сложившейся практике отношений между ВЦИКом и СНК. Как видно из текста, оба органа являлись и законодательными и исполнительными. Назревание кризиса в стране и усиление централизации способствовали выдвижению на первый план Совнаркома.

Что касается итогов работы ПЛСР в Конституционной комиссии, то с сожалением надо признать, что предложения, выработанные левыми эсерами по подготовке первой советской Конституции, были отвергнуты и не вошли в окончательный вариант. Был утвержден большевистский проект «основных начал» Конституции РСФСР. Решающую роль в этом сыграла созданная менее чем за две недели до принятия, т.е. 28 июня, комиссия ЦК РКП(б) во главе с В.И. Лениным. Она разработала, дополнила и исправила ряд основных глав и статей Конституции (о ВЦИК и СНК, о выборах, об основных правах и обязанностях граждан и др.). По предложению В.И. Ленина первый раздел Конституции составила Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. 10 июля 1918 г. V Всероссийский съезд Советов принял Конституцию РСФСР [26, с. 90–91; 24, с. 183–195].

Заключение. Конституция РСФСР стала последней вехой в созидательной деятельности левых эсеров. В ней как в зеркале отразились сложные политические, социально-экономические процессы, которые сопровождали рождение нового государства. Пройдя короткий, но сложный и противоречивый

путь с большевиками, левые эсеры от поддержки и согласия перешли к отрицанию и жесткому противостоянию. Достаточно напомнить, что левые эсеры помогли большевикам захватить и удержать власть, уничтожить непримиримую оппозицию и нейтрализовать умеренную, разогнать Учредительное собрание, содействовали проникновению большевиков в Советы.

Сближение взглядов левоэсеровских организаций и большевиков наметилось еще в предоктябрьский период, было обусловлено совпадением тактических лозунгов и программных требований, что позволило левым эсерам получить согласие на вхождение в СНК, ВЦИК, ВРК и другие органы. К тому же из семи левых эсеров, входивших в Совнарком, шесть являлись членами ЦК ПЛСР.

С первых дней революции ПЛСР стремилась реально участвовать в законотворческой деятельности нового государства. В декретах, входящих в первый том «Декреты Советской власти», за небольшим исключением, подписи левых эсеров стоят рядом с большевистскими и «уравновешивают» их. Левые эсеры приняли активное участие в создании Конституции РСФСР, именно они поддержали идею белорусской государственности, предлагали создать Белорусскую автономную республику. Одним из самых острых вопросов, стоявших перед новой властью, был вопрос о земле, который во многом повторял эсеровскую аграрную программу. Принципиальные разногласия между левыми эсерами и большевиками возникли в разрешении проблемы войны и мира. Вопрос о Брестском мире стал одним из самых сложных, поскольку он привел к глубокому расколу правительственную коалицию. Вместе с тем расхождения между левыми эсерами и большевиками носили тактический характер. Более того, продовольственную диктатуру и организацию комитетов бедноты левые эсеры тесно увязывали с последствиями Брестской политики.

Последней точкой в этой истории стал левоэсеровский мятеж 6 июля 1918 г., после которого ПЛСР была изгнана из Советов и объявлена вне закона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова, О.Г. Левые эсеры и формирование советской государственности / О.Г. Попова, М.И. Люхузаев // Проблемы истории России. – Екатеринбург : Волот, 1998. – Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв. – С. 124–146.
2. Штейнберг, И.З. От Февраля по Октябрь 1917 г. // И.З. Штейнберг. – Берлин-Милан : Революционный социализм, 1919. – 115 с.
3. Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы : в 3-х т. / отв. ред.: Д.А. Чугаев. – М. : Наука, 1966–1967. – Т. 3. – 1967. – 772 с.
4. Трукан, Г.А. Октябрь в Центральной России : ист. лит. / Г.А. Трукан ; ред. И.И. Макаров. – М. : Мысль, 1967. – 364 с.
5. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов трудящихся : сб. документов / под ред. А.Ф. Бутенко и Д.А. Чугаева. – М. : Политиздат, 1957. – 628 с.
6. Протоколы I съезда Партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) // Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 гг. : в 3-х т. – М. : РОССПЭН, 2000. – Т.1 : Июль 1917 г. – май 1918 г. – 864с.
7. Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. – М. : ВЦИК Советов Р., С., К. и К. депутатов, 1918. – 48 с.
8. Декреты Советской власти : сб. : в 19 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР, Акад. наук СССР. – М. : Политиздат, 1957–1989. – Т. 1 : 25 окт. 1917 г. – 16 марта 1918 г. – 1957. – XII, 626 с.
9. Овруцкий, Л. Пасынки революции / Л. Овруцкий, А. Разгон // Родина. – 1990. – № 3. – С. 67–74.
10. Гусев, К.В. Крах партии левых эсеров / К.В. Гусев. – М. : Соцэкгиз, 1963. – 260 с.
11. Гігін, В.Ф. Узаемаадносіны бальшавікоў і левых эсэраў у Заходняй вобласці / В.Ф. Гігін // Беларускі гіст. часопіс. – 2001. – № 5. – С. 14–21.
12. Первое советское правительство (октябрь 1917 г. – июль 1918 г.) : сб. / ред. А.П. Ненароков. – М. : Политиздат, 1991. – 468 с.
13. Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – Петроград : Б.и., 1918. – 99 с.
14. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918гг. Систематический сборник важнейших декретов 1917–1920 годов. – М. : Управление делами СовНарКома СССР, 1942. – № 7. – 238 с.
15. Измаилович, А.А. Послеоктябрьские ошибки / А.А. Измаилович. – М. : Революционный социализм, 1918. – 110 с.
16. Луначарский, А.В. Силуэты: политические портреты / А.В. Луначарский, К. Райдек, Л.Д. Троцкий. – М. : Политиздат, 1991. – 463 с.
17. Гусев, К.В. От соглашательства к контрреволюции: очерки политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров / К.В. Гусев, Х.А. Ерицян. – М. : Мысль, 1968. – 448 с.
18. Нестеренко, Е.И. Советы Белоруссии (октябрь 1917 – январь 1919) / Е.И. Нестеренко, В.П. Осмоловский ; под ред. И.М. Игнатенко. – Минск.: Наука и техника, 1989. – 230 с.

19. Фельштинский, Ю.А. Крушение мировой революции. Брестский мир: октябрь 1917 – ноябрь 1918 / Ю.А. Фельштинский. – М. : ТЕРРА, 1992. – 656 с.
20. Четвертый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Стенографический отчет. – М. : Госиздат, 1919. – 442 с.
21. Медведев, А.В. Мятёж левых эсеров 6 июля 1918 г. и его оценки в исторической литературе / А.В. Медведев // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 1. – С. 225–232.
22. Аникеев, В.В. Деятельность ЦК РСДРП(б)-РКП(б) в 1918-1919 годах (Хроника событий) / В.В. Аникеев. – М. : Мысль, 1976. – 582 с.
23. Спирин, Л.М. Крах одной авантюры (мятеж левых эсеров в Москве 6-7 июля 1918 года) / Л.М. Спирин. – М. : Политиздат, 1971. – 112 с.
24. Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов : стеногр. отчет. – М. : ВЦИК, 1918. – 254 с.
25. Протоколы заседаний ВЦИК IV -го созыва 1918 г. (Стенографический отчет). – Москва: Госиздат, 1920. – 446 с.
26. Гурвич, Г.С. История советской Конституции / Г.С. Гурвич Москва: Изд. Соц. Академии, 1923. – 216 с.
27. Козляков, В.Е. Национальный вопрос в программных документах и тактике левых эсеров (октябрь 1917–1918 гг.) / В.Е. Козляков // Труды БГТУ. – 1996. – Сер. 5. – Вып. 3. – С. 16.
28. Издание Петроградского областного комитета партии социалистов-революционеров за 23 апреля 1917 г. // Нац. архив Респ. Беларусь (НАРБ). – Ф. 60-п. Оп. 3. Д. 175.

Поступила 09.02.2015

COMMUNITY AND CONTRADICTION OF THEORETICAL AND IDEOLOGICAL VIEWS BETWEEN THE BOLSHEVIKS AND LEFT SOCIALIST-REVOLUTIONARIES

A. SMOLOWSKI

The article deals with the problem of community and contradictory of ideological and theoretical views of the Bolsheviks and the Left socialist-revolutionaries on various aspects of domestic and foreign policy. It analyzes the common activity of the RCP (b) and the PLSR concerning the formation of a new government, the law about land socialization, the question of war and peace, the problem of food dictatorship introduction and creation of the poor committee. The article also concerns the RCP (b) and the PLSR's activity regarding the national question, as well as the project of the first Constitution of the Soviet state.

УДК 726.82+351.853/04/4/(476)«15/17»

АРХЕАЛАГІЧНАЕ ВЫВУЧЭННЕ ГРУНТОВЫХ ПАХАВАННЯЎ XVI–XVIII СТАГОДДЗЯЎ НА МОГІЛЬНІКУ КАЛЯ В. КЛЕШЧЫНО БЕШАНКОВІЦКАГА РАЁНА Ў 2013 ГОДЗЕ¹

В.У. ЧАРАЎКО

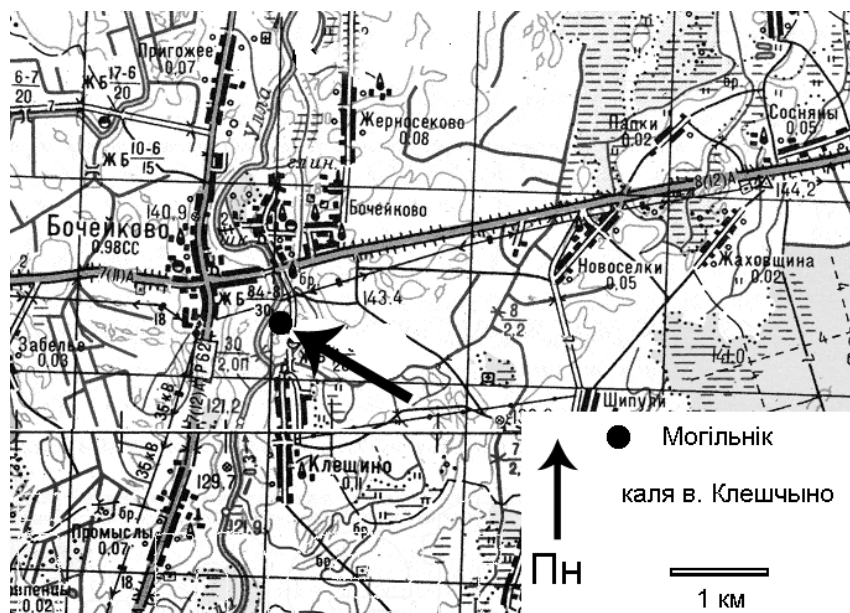
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)

Прыведзена апісанне археалагічных раскопак на грунтовым могільніку каля в. Клешчыно Бешанковіцкага раёна Віцебскай вобласці ў 2013 г. Мэтай раскопак было вывучэнне пахавальных помнікаў XIV–XVIII стст. Плошча шурфа склала 21 м². Было даследавана 5 пахавальных комплексаў. Адзін пахавальны комплекс быў абазначаны каменнай абкладкай магілы па перыметры з вялікімі камянямі ў галавах/нагах пахавання, тры маркіраваліся валунамі ў галавах/нагах пахавання, адно пахаванне не мела каменных канструкцый. Касцякі арыентаваны галавой на захад з невялікімі адхіленнямі да поўначы і поўдня.

Вывулены інвентар (фрагменты керамікі) дае магчымасць датаваць пахаванні XVI–XVIII стст.

Уводзіны. У ліпені – жніўні 2013 г. археалагічны атрад Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта ажыццяўляў даследаванні на могільніку каля в. Клешчыно Бачэйкаўскага сельсавета Бешанковіцкага раёна Віцебскай вобласці. Мэтай даследаванняў было вывучэнне пахавальных помнікаў XIV–XVIII стст. У якасці візуальных прыкмет пахаванняў разглядаліся характэрныя для гэтага перыяду разнастайныя каменныя надмагільныя канструкцыі: валунныя вымасткі, каменныя абкладкі па перыметры надмагільнага насыпу, вялікія камяні ў галавах і/або нагах магілы, каменныя крыжы [1, с. 126, 136].

Даследаваны могільнік знаходзіцца на адлегласці 0,5 км на поўнач ад в. Клешчыно, паміж вёскай Клешчыно і аграгарадком Бачэйкава. Ён размешчаны на правым беразе ракі Ула, на поўдзень ад трасы Віцебск – Лепель (мал. 1). Могільнік быў выяўлены, абследаваны і апісаны ў 1995 г. кіраўніком археалагічна-этнаграфічнай экспедыцыі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдатам гістарычных навук, дацэнтам У.А. Лобачам [2, с. 45, 48].

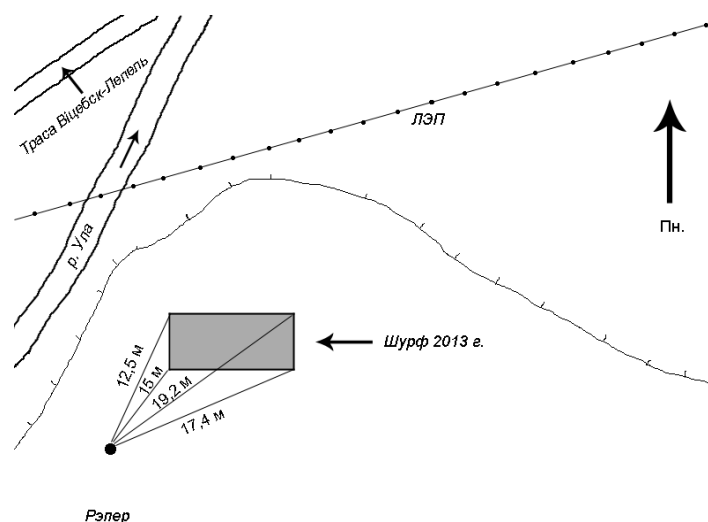

Мал. 1. Карта з пазначэннем месцазнаходжання могільніка каля в. Клешчыно Бешанковіцкага р-на

Асноўная частка. Старыя, закінутыя пахаванні, маркіраваныя каменнымі надмагіллямі, размяшчаюцца на паўночна-заходняй ускраіне могільніка. Гэтая яго частка ўяўляе сабой схіл пагорка, што паніжаецца з захаду на ўсход. На поўдзень і ўсход ад старых пахаванняў знаходзяцца дзеючыя могілкі. Асобныя сучасныя магілы размешчаны таксама на поўнач і захад ад старых. Старая частка могільніка зарасла хмызняком. Каб склаці ўяўленне аб характары каменных канструкцый, што былі схаваныя

¹ Работа выканана ў межах тэмы Беларускага рэспубліканскага фонда фундаментальных даследаванняў «Сельскія пахавальныя помнікі Беларускага Падзвіння XIV–XVIII стст.: лакальныя асаблівасці і развіццё пахавальнай абраднасці», дзяржаўная рэгістрацыя № 20142989 ад 14.11.2014.

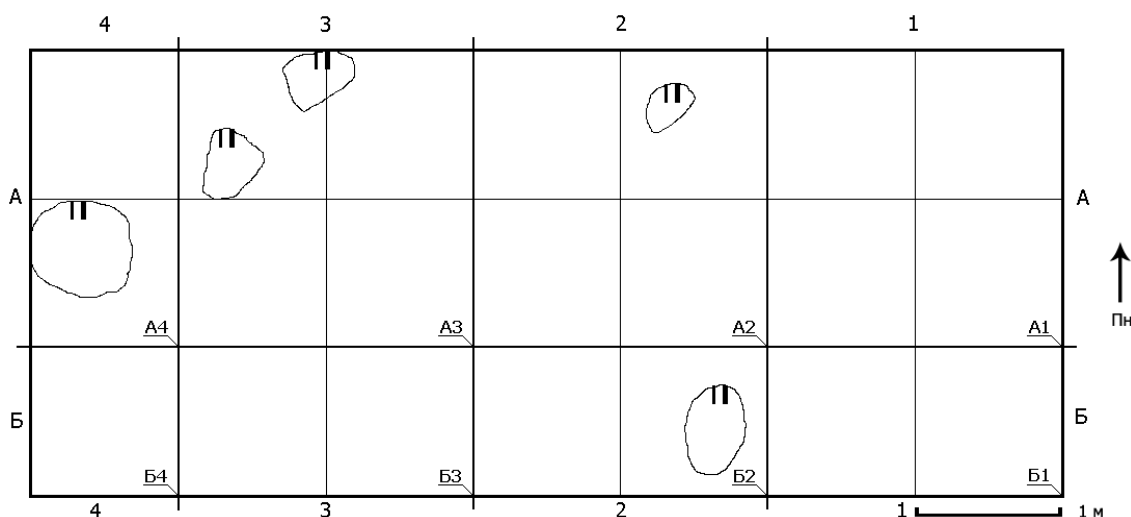
ны хмызняком і прасочваліся толькі фрагментарна, на паўночна-заходняй ускраіне могільніка была расчышчана пляцоўка. На ўзроўні дзённай паверхні фіксаваліся камяні памерамі 0,3–0,6 м, якія пазначалі галаву або ногі пахаваных. Намі быў закладзены шурф 3×7 м, арыентаваны па баках свету. Памеры 3×7 м (а не 4×8 м) тлумачацца імкненнем пазбегнуць сітуацыі, калі ў шурф патрапіць частка пахавання, якое ў такім выпадку застанецца недаследаваным (рабіць прырэзку было немагчыма зыходзячы з абмежаванага часу экспедыцыі). Адлегласць ад рэпера да паўночна-заходняга, паўночна-ўсходняга, паўднёва-заходняга і паўднёва-ўсходняга куткоў шурфа складае 12,5, 19,2, 15 і 17,4 м адпаведна (мал. 2). Нівеліровачная адзнака – 220. Пасля заканчэння раскопак шурф быў засыпаны, каменныя абкладкі адноўлены.

Мал. 2. Могільнік каля в. Клешчыно Бешанковіцкага р-на. 2013 г. Сітуацыйны план

Шурф быў разбіты на квадраты 2×2 м. З поўначы на поўдзень яны абазначаны літарамі кірылічнага алфавіту, з усходу на захад пранумараваны арабскімі лічбамі. У межах шурфа цалкам апынуліся квадраты А1, А2, А3, часткова А4, Б1, Б2, Б3, Б4.

Апісанне шурфа. У межах шурфа на ўзроўні дзённай паверхні фіксавалася 5 камянёў (мал. 3).

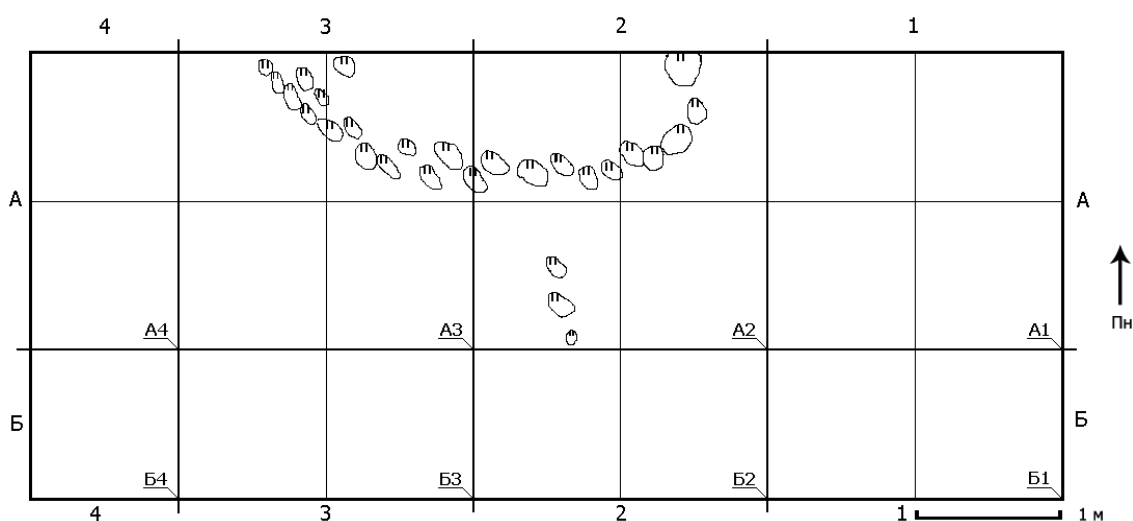

Мал. 3. Могільнік каля в. Клешчыно Бешанковіцкага р-на. Шурф 2013 г.
Каменныя канструкцыі на ўзроўні дзённай паверхні

У заходняй частцы шурфа ў квадраце А4 быў размешчаны камень памерам 0,8 м. У паўночна-заходняй чвэрці квадрата А3 мелася два камяні памерамі 0,4 – 0,6 м. На тым з іх, што знаходзіўся каля заходняга краю квадрата А3, з заходняга боку быў высечаны крыж. У паўночна-ўсходняй чвэрці квадрата А2 размяшчаўся камень памерам 0,4 м. У паўднёва-ўсходняй чвэрці квадрата Б2 ляжаў камень паве-

рам 0,7 м. У паўднёва-ўсходняй частцы шурфа ў квадраце Б1 фіксаваўся надмагільны насып, які быў арыентаваны па лініі «захад – усход». Яшчэ адзін насып, квадратны па форме, фіксаваўся на мяжы квадратаў А2, А3, Б2, Б3.

Частка каменных канструкцый была схавана пад слоём дзёрану. У пласце 1 (глыбіня 0,2 м ад узроўня дзённай паверхні) ў паўночнай частцы квадрата А3 было выяўлена 7 камянёў памерамі 0,1–0,2 м. Камяні размяшчаліся ўздоўж лініі «паўночны захад – паўднёвы ўсход». У пласце 2 (глыбіня 0,4 м ад узроўня дзённай паверхні) дэталёва выявілася каменная канструкцыя ў паўночнай частцы квадратаў А3 і А2, да якой адносіліся і папярэднія камяні (мал. 4). Канструкцыя ўяўляла сабой авальную абкладку магілы па перыметры, выкананую з невялікіх камянёў памерамі 0,1–0,2 м. У шурф патрапіла толькі паўднёвая частка абкладкі. Акрамя таго, у пласце 2 было выяўлена 3 невялікія камяні памерамі да 0,2 м у паўднёва-заходняй чвэрці квадрата А2, якія размяшчаліся па лініі «поўнач – поўдзень». У пласце 3 (глыбіня 0,6 м ад узроўня дзённай паверхні) было выяўлена 2 камяні, адзін з якіх размяшчаўся ў заходняй частцы квадрата Б3 і меў памеры 0,2 м, другі, памерамі 0,2–0,3 м, фіксаваўся на мяжы квадратаў Б2 і Б3.

Мал. 4. Могільнік каля в. Кleshчыно Бешанковіцкага р-на. Шурф 2013 г.
Каменныя канструкцыі (пласт 2, глыбіня 0,4 м ад узроўня дзённай паверхні)

Стратыграфія шурфа мела наступны выгляд. Пад дзёранам знаходзіўся слой шэрага попеларадобнага пяску, падзолу, магутнасцю 0,1–0,2 м. Пад ім ляжаў слой жоўтага пяску магутнасцю 0,6–0,8 м. На глыбіні 0,7–1,0 м ад узроўня дзённай паверхні размяшчаўся светла-жоўты мацерыковы пясок.

Пахаванні. Пры даследаванні шурфа было выяўлена 5 пахаванняў. Антрапалагічная экспертыза астэалагічных і краніялагічных матэрыялаў праводзілася кандыдатам біялагічных навук, дацэнтам В.А. Емяльянчык.²

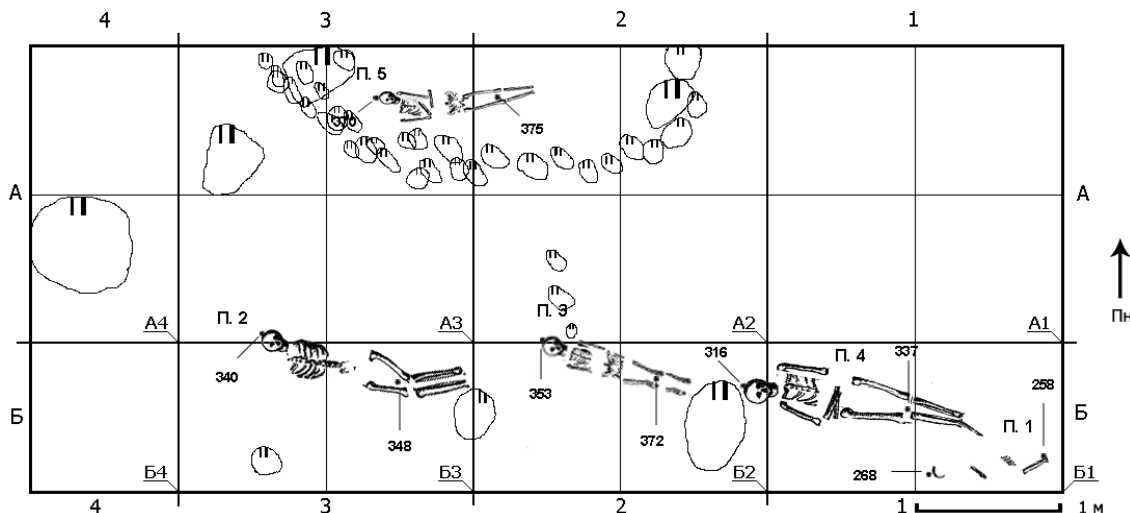
Пахаванне 1 знаходзілася ў паўднёва-ўсходняй частцы шурфа ў квадраце Б1 на глыбіні 0,9 м ад узроўня дзённай паверхні (мал. 5). На ўзроўні дзённай паверхні пахаванне было пазначана насыпам, прамавугольнай формы, арыентаваным па лініі «захад – усход». Каменных канструкцый ні на ўзроўні дзённай паверхні, ні пад слоём дзёрану не мелася.

Касцяк арыентаваны галавой на захад, верагодна, з адхіленнем да поўдня. Дакладна вызначыць арыентыроўку пахаванага немагчыма, паколькі шкілет захаваўся дрэнна. Выяўлены толькі асобныя косткі, анатамічны парадак якіх парушаны. Палажэнне рук устаноўчы не ўдалося. У магільнай яме знойдзена 10 жалезных цвікоў ад труны, у т.л. з валокнамі драўніны, а таксама скаба. Акрамя таго, у пахаванні 1 знойдзена кераміка: фрагменты венца, донца і сценак начыння.

Згодна з высновамі антрапалагічнай экспертызы, фрагменты выяўленых у пахаванні 1 костак належаць двум індывідам. Пол і ўзрост аднаго з іх устаноўчы немагчыма з прычыны фрагментарнасці і пашкоджанасці костных рэшткаў, другі касцяк належыць дзіцяці ва ўзросце 1–1,5 гады. Наяўнасць двух касцякоў у пахаванні візуальна не прасочвалася.

² Аўтар выказвае падзяку В.А. Емяльянчык за праведзеную экспертызу костных парэшткаў.

Пахаванне 2 размяшчалася ў паўднёвай частцы шурфа ў квадратах Б3 і А3 на глыбіні 1,12 м ад узроўня дзённай паверхні. На мяжы квадратаў А2, А3, Б2, Б3 меўся надмагільны насып квадратнай формы памерамі каля 1×1 м, які мог адносіцца як да пахавання 2, так і да пахавання 3. Пахаванне 2 не было маркіравана камянямі на ўзроўні дзённай паверхні, аднак у пласце 3 (глыбіня 0,6 м ад узроўня дзённай паверхні) справа ад ног пахавання быў знойдзены камень памерам 0,2–0,3 м.

Мал. 5. Могільнік каля в. Клешчыно Бешанковіцкага р-на. Шурф 2013 г. Сумяшчэнне планаў пахаванняў і каменных канструкцый на ўзроўні дзённай паверхні і ў пластах 1–3 (глыбіня да 0,6 м ад узроўня дзённай паверхні)

Касцяк арыентаваны галавой на захад з адхіленнем да поўначы. Палажэнне костак ног не характэрнае: ногі сагнуты ў каленях, нібыта касцяк ляжаў на правым баку. Астатнія косткі шкілета сведчаць аб тым, што касцяк ляжаў на спіне. Палажэнне рук прасачыць не ўдалося з прычыны незахаванасці костак. На чэрапе захаваліся валасы і 3 фрагменты тканіны памерамі да 1 см². У магільнай яме было знойдзена 12 цвікоў ад труны. Паводле вынікаў антрапалагічнай экспертызы, выяўленыя ў пахаванні 2 косткі належалі двум індывідам, у т.л. жанчыне 30–50 гадоў і дзіцяці. Наяўнасць двух касцякоў у пахаванні візуальна не прасочвалася.

Пахаванне 3 размяшчалася ў паўднёвай частцы шурфа ў квадратах Б2 і А2 на глыбіні 1,6 м ад узроўня дзённай паверхні. На ўзроўні дзённай паверхні, каля галавы пахавання, пачынаўся згаданы ў апісанні пахавання 2 насып квадратнай формы. На ўзроўні дзённай паверхні у нагах пахавання 3 меўся валун памерам 0,7 м, які мог адносіцца і да пахавання 4. У пласце 2 (глыбіня 0,4 м ад узроўня дзённай паверхні) злева ад галавы пахавання знаходзіліся 3 камяні, размешчаныя па лініі «поўнач – поўдзень». Яны маглі быць рэшткамі парушанага надмагілля пахавання 3.

Шкілет арыентаваны галавой на захад з адхіленнем да поўначы. Левая рука ляжала на жываце, палажэнне правай устанавіць не ўдалося з прычыны незахаванасці адпаведных костак. У магільнай яме знойдзена 14 цвікоў ад труны. Па выніках антрапалагічнай экспертызы, выяўленыя ў пахаванні 3 косткі належалі двум індывідам: жанчыне ва ўзросце 50 гадоў або старэй і дзіцяці. Наяўнасць двух касцякоў у пахаванні візуальна не прасочвалася.

Пахаванне 4 размяшчалася ў паўднёвай частцы шурфа ў квадратах Б1 і Б2 на глыбіні 1,36 м ад узроўня дзённай паверхні. На ўзроўні дзённай паверхні ў галавах пахавання знаходзіўся валун памерам 0,7 м, які мог адносіцца і да надмагілля пахавання 3.

Касцяк арыентаваны галавой на захад з адхіленнем да поўначы. Левая рука знаходзілася на тазавых костках, правая – на грудзях. У магільнай яме быў знойдзены 31 цвік ад труны. Паводле антрапалагічнай экспертызы, выяўленыя ў пахаванні 4 косткі належалі двум індывідам: жанчыне ва ўзросце ад 50 гадоў і дзіцяці ва ўзросце да 3–4 гадоў. Наяўнасць двух касцякоў у пахаванні візуальна не прасочвалася.

Пахаванне 5 размяшчалася ў паўночнай частцы шурфа ў квадратах А2 і А3 на глыбіні 1,17 м ад узроўня дзённай паверхні. На ўзроўні дзённай паверхні у галавах і нагах пахавання знаходзіліся камяні памерамі 0,6 і 0,4 м адпаведна. Акрамя таго, на адлегласці 1 м на паўднёвы захад ад галавы пахавання знаходзіўся яшчэ адзін валунны камень памерам 0,6 м, на якім з заходняга боку быў высечаны крыж. Каменная канструкцыя працягвалася ў пласце 1 (глыбіня 0,2 м ад узроўня дзённай паверхні), дзе на паўднёвы захад ад галавы пахавання было зафіксавана 7 камянёў памерамі 0,1–0,2 м, размешчаных па лініі

«паўночны захад – паўднёвы ўсход». У пласце 2 (глыбіня 0,4 м ад узроўня дзённай паверхні) была абкладка з 26 камянёў памерамі 0,1–0,2 м, якая мела форму авальнай абкладкі магілы па перыметры.

Шкілет арыентаваны галавой на захад з адхіленнем да поўдня. Рукі складзены на жываце, правая на левай. Рэшткі труны адсутнічалі. Па высновах антрапалагічнай экспертызы, пахаванне належала жанчыне ва ўзросце 30–40 гадоў.

Знаходкі. Індывідуальныя знаходкі прадстаўлены:

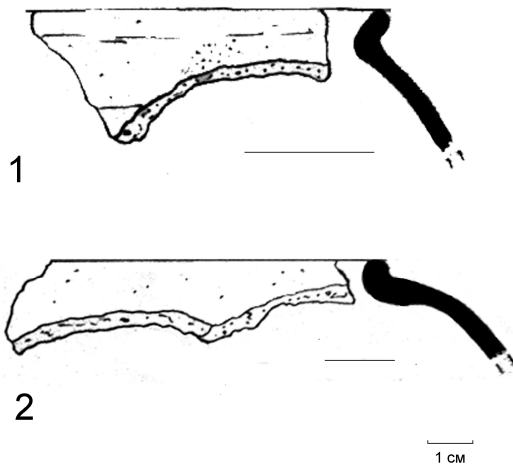
- фрагментамі крэменя, выяўленымі ў пл. 2 кв. А2;
- фрагментам рога, выяўленым у кв. Б1, пл. 2;
- жалезным нявызначаным прадметам, выяўленым у кв. Б1, пл. 2;
- жалезнымі цвікамі ад трун пахаванняў 1–4. Цвікі ў большасці каваныя, з масіўнай шляпкай.

У пахаванні 4 разам з масіўнымі каванымі цвікамі выяўлены цвікі, блізкія да сучасных, што тлумачыцца наяўнасцю падпахаванага ў больш позні час касцяка;

- фрагментамі тканіны з пахавання 2.

Названыя знаходкі не даюць магчымасці датаваць даследаваныя пахаванні.

Масавыя знаходкі прадстаўлены фрагментамі сценак, донцаў, венцаў керамічных гаршкоў (158 пазіцый). Выяўленая кераміка падзяляецца на дзве групы. Кераміка першай групы мае шурпату, дрэнна загладжаную паверхню. Цеста неаднароднае, з дамешкамі буйной жарствы. Асаблівую каштоўнасць для датавання ўяўляюць фрагменты венцаў керамічнага начыння, адно з якіх выяўлена ў пахаванні 1 і можа быць датавана XVII–XVIII стст. (мал. 6, вэнца 1), а другое знойдзена ў кв. А1, пл. 2 і датуецца XVI–XVII стст. (мал. 6, вэнца 2).

Мал. 6. Могільнік каля в. Кleshчыно Бешанковіцкага р-на. Шурф 2013 г.
Венцы керамічнага начыння. Прамалёўка А.Л. Коца

Кераміка другой групы выразна адрозніваецца меншай таўшчынёй сценак, добрым абпалам, шчыльным, аднародным на зломе чарапком, гладкай, добра загладжанай паверхняй, а таксама наяўнасцю палівы (не заўсёды), што дазваляе датаваць яе XVIII – пачаткам XX ст. Сярод керамічнага начыння гэтай групы вылучаюцца фрагменты донца керамічнай талеркі, выяўленыя ў кв. Б3, пл. 2. Унутраная паверхня талеркі глазураваная, колеры палівы – цёмна-карычневы і жоўты. У кв. А2, пл. 1 выяўлены фрагменты керамічнага начыння, на якіх з унутранага і вонкавага бакоў маюцца сляды пакрыцця белага колеру (ангоб), з вонкавага – сляды ўзору з палівы зялёнага колеру.

Нязначная глыбіня залягання керамікі дазваляе інтэрпрэтаваць яе ў якасці памінальнага інвентару. Вялікая колькасць фрагментаў і шырокі храналагічны дыяпазон сведчыць аб працяглым перыядзе функцыянавання даследаванай часткі могільніка.

Заклучэнне. Такім чынам, у працэсе археалагічнага вывучэння могільніка каля в. Кleshчыно Бешанковіцкага раёна быў закладзены шурф плошчай 21 м². У межах шурфа знаходзілася 5 пахавальных комплексаў, якія ўтрымлівалі шкілеты 9 пахаваных. Пахаванні 1–4 утрымліваюць косткі дарослых (выключна жанчын сталага ўзросту, старэй за 50 гадоў, – у пахаваннях 3–4, 30–50 гадоў – у пахаванні 1) і дзяцей. Гэта ўказвае на ажыццяўленне падпахаванняў дзяцей у існуючыя магілы, дзе былі пахаваны сталыя жанчыны. Падобная з’ява выяўлена таксама ў пахаваннях на могільніку Жарнасекава Бешанковіцкага раёна. Можна выказаць меркаванне аб наяўнасці лакальнай традыцыі ажыццяўлення падпахавання памерлых дзяцей у магілы продкаў.

Пахаванні дзяцей не траплялі ў свабодную прастору паміж існуючымі магіламі, а ажыццяўляліся менавіта як падпахаванні. Гэта сведчыць аб тым, што магілы пазначаліся на ўзроўні дзённай паверхні. У ролі маркераў выступалі каменныя надмагіллі, земляныя насыпы і, магчыма, драўляныя крыжы. Каменныя канструкцыі нескладаныя, уяўляюць сабой абкладку магілы па перыметры невялікімі камянямі з валуннымі камянямі ў галавах/нагах (пахаванне 5), валуны ў галавах/нагах пахавання (пахаванні 4, і, магчыма, 3), земляны надмагільны насып (пахаваннем 1).

Значная колькасць фрагментаў керамічнага начыння, якія інтэрпрэтуюцца як памінальны інвентар, сведчыць аб працяглым ажыццяўленні памінальнага рытуалу. Гэта ўказвае на тое, што ўшаноўванне памяці пахаваных тут адбывалася працяглы час. Выяўленая практыка падпахаванняў можа вытлумачыць гэта неаднаразовай актуалізацыяй ужо існуючых пахаванняў пры падпахаванні дзяцей.

ЛІТАРАТУРА

1. Археалогія Беларусі. У 4 т. – Мінск : Беларуская навука, 1998–2001. – Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. / В. М. Ляўко [і інш.] ; пад рэд. В. М. Ляўко [і інш.]. – 2001. – 597 с. ; іл.
2. Лобач, У. Да вынікаў археалагічна-этнаграфічнай экспедыцыі ў мястэчку Бачэйкава і яго ваколіцах / У. Лобач // Матэрыялы II Міжнар. канф. па праблемах музефікацыі ўнік. гістар. тэр-рый. – Полацк, 1996. – С. 45–48.

Паступіў 13.03.2015

THE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH AT THE GROUND BURIALS OF XVI–XVIII CENTURIES OF CEMETERY NEAR KLESCHINO VILLAGE OF BESHENKOVICHY DISTRICT IN 2013

V. CHARAUKO

The article describes the archaeological excavations at the burial ground near the village Kleshchyno Beshenkovichi District of Vitebsk region in 2013. The aim of excavations was to study the excavation of burial sites of the XIV–XVIII centuries. The Pit area is 21 m². 5 funerary complexes were investigated. One funeral complex was marked with a stone grave lining along the perimeter of a grave with large stones in the head / legs of a burial, three funeral complexes were marked by boulders in the head / legs of a burial, and one burial did not have any stone structures. Skeletons are oriented to the west with minor deviations to the north and south. Discovered inventory (ceramic fragments) makes it possible to date the burial as XVI–XVIII centuries.

УДК [94(476)-058.224:821]«18»=161.3

КРИЗИС ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРАКТИК И ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ ВИТАЛИТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА БЕЛАРУСИ В ОТРАЖЕНИИ РОМАНА Э.Т. МАССАЛЬСКОГО «ПАН ПОДСТОЛИЧ»

*канд. ист. наук, доц. С.О. ШИДЛОВСКИЙ
(Полоцкий государственный университет)*

Анализируются хозяйственные практики и традиционные формы виталитивной культуры поместного дворянства Беларуси на материале социального романа Эдуарда Томаша Массальского (1799–1879) «Пан Подстолич» («Pan Podstolic, albo czym jesteśmy, czym być możemy») (1831–1833). Рассматриваются причины истощения производительных ресурсов в помещичьем хозяйстве Беларуси в предреформенный период. Формулируются паттерны экстенсивного хозяйствования на примерах ведения в дворянских поместьях края полевого и лесного хозяйства, а также винокурения. Выявляются сословные стереотипы в среде поместного дворянства на белорусских землях, влиявшие на хозяйственные практики. Демонстрируется зависимость местных помещичьих хозяйств от внешнеэкономической конъюнктуры и одновременно неподготовленность большинства помещиков к использованию рыночных механизмов хозяйствования.

Введение. Использование понятия «виталитивная культура» в ряде публикаций белорусских и российских авторов последних лет можно расценивать как попытку переосмысления и применения концепта «культура жизнеобеспечения», сформулированного в русле этноэкологии, на материале традиционных архивно-исторических и археологических штудий [1, 2, 3, 4]. В развитие данной тенденции расширения источниковой базы междисциплинарного анализа отечественных практик жизнеобеспечения видится продуктивным привлечение в качестве исторического источника литературный текст первой половины XIX века – «хозяйственный роман» Э.Т. Массальского «Пан Подстолич».

Основная часть. В 30-е годы XIX века, когда был опубликован роман Э.Т. Массальского, преимущественную часть доходов помещики получали от продажи леса, зерновых и от винокурения [5]. Именно в данных сферах хозяйственной деятельности отечественных землевладельцев писатель предвидел назревание ряда проблем. В частности, он указал на признаки истощения производительных ресурсов в помещичьем хозяйстве Беларуси: «Поля наши истощены чрезмерными посевами; крестьяне приведены до разорения нашим корыстолюбием и притеснениями; леса, сокровищницы предков наших, оставленные не нам одним, но целым поколениям наследников, нашим небрежением, худо рассчитанным стяжанием, мы совершенно истребили» [6, с. 6]. Лес являлся зачастую единственным ликвидным активом местных помещичьих хозяйств, которые балансировали на грани банкротства. Причину столь удручающего состояния дворянских поместий Э.Т. Массальский усматривал в отсутствии бережливости и неразвитости предпринимательства [6, с. 10]. Стремление получить максимальную сиюминутную прибыль являлось главным движущим фактором в деятельности большинства частных владельцев лесных угодий в Северо-Западных губерниях. Расточительность – обратная сторона шляхетского молодечества и гостеприимства, которые превозносились как позитивные черты «сарматского» национального характера рядом историков и литераторов [6, с. 11]. «Потребить все в один день, разорить состояние и лишить потомство или будущих владельцев земли всех даров природы, произведенных веками: вот общая система нашего хозяйства» – так характеризуется в романе Э. Массальского подобная практика [6, с. 6]. Данный подход был типичным, стремление к наиболее быстрому получению прибыли от лесных угодий привело к затовариванию рынка необработанным лесом и снижению цены на лес-кругляк [6, с. 9]. По мнению Э. Массальского, существовала широко распространенная поведенческая схема, приводящая к этому результату. В ее основе лежала расточительность, влекущая за собой разорение, за которым следовала продажа леса на корню, массовые вырубki, сбивавшие цену на необработанную древесину, что в свою очередь подталкивало нерачительных хозяев к еще большему увеличению вырубok с целью компенсации денежных потерь вследствие удешевления леса. Последствием удешевления сырья стали также потери в заработках крестьян и мелкой шляхты, которые работали на рубке и сплаве леса [6, с. 10–11].

Сплав леса осуществлялся в балтийские порты – Ригу и Кенигсберг. Молодой некондиционный лес, который не находил спроса на западных рынках, вывозился в Киев и Кременчуг по бросовой цене [6, с. 12]. Истребление лесов приобрело настолько масштабный и стремительный характер, что в некоторых местностях традиционно богатой лесными ресурсами Беларуси, в частности, автор упоминает окрестности реки Березины на Минщине, возник дефицит строевого леса. Что касается мачтового леса, он, по утверждению Э.Т. Массальского, сохранялся на территории северо-западных губерний исключительно в казенных имениях [6, с. 12]. «Хищничество» лесных хозяев не находило сдерживающих факторов ни

в общественном мнении, ни в традициях местных хозяйственных практик. Лес традиционно рассматривался как бесплатный природный ресурс, запас на черный день. Какой-либо долговременной стратегии лесопользования не существовало, дополнительные средства на развитие лесных угодий не вкладывались. Фаталистическое равнодушие – своеобразное кредо подобного рода лесопользования – выражает польская поговорка «Nie było nas, był las; nie będzie nas, będzie las» (Не было нас, был лес; не будет нас, будет лес).

Шляхетский этос и помещичий быт были чужды идеи экономии вообще и экономии леса в частности. Шляхта не ограничивала себя в топливе. Станислав Моравский ссылается на шляхетский стереотип, согласно которому у рачительной хозяйки поместья всегда должен был поддерживаться огонь в «пекарне» – на кухне на людской половине дома [7]. Дым, который курится над крышей шляхетского дома и зимой и летом, и утром и вечером, воспринимался как символ уюта и достатка. Это было в логике шляхетской гостеприимности – предусмотреть на случай неожиданных гостей возможность быстрого разогрева пищи и приготовления новых блюд. Еще один символ шляхетского гнезда, средоточие семейных вечеров – камин – также не способствовал распространению идеи экономного подхода к топливу. Критерием респектабельности был размер камина, с уважением соседская молва отзывалась об экземплярах, позволяющих сжигать целиком пни и бревна. При постройке крестьянских хат помещики экономили на камне для фундамента, но не на лесе, – сруб, поставленный на землю, быстро подвергался порче.

Герои романа Э.Т. Массальского в свое оправдание отмечали, что страны Западной Европы, которые обычно демонстрируют пример рационального ведения хозяйства, давно лишились своих лесных ресурсов и только после этого начали вводить особые меры по их защите [6, s. 7–8]. Данные наблюдения литературных героев вполне совпадают с выводами современных историков, которые видят причину перехода к новому более рациональному и технологичному этапу экономического развития в истощении природных ресурсов и невозможности их эксплуатации в прежних объемах. В этом отношении помещики Северо-Западного края шли в привычном русле современной истории – по пути наименьшего сопротивления и экстенсивного уничтожения доступных актуальному уровню развития технологий ресурсов [8, с. 80].

Э.Т. Массальский указывает на экстенсивный подход и при ведении полевого земледелия. По обычаю, озимая рожь в помещичьем хозяйстве высевалась с расчетом две четверти на крестьянскую семью («бочка на хату»). Этим количеством засеивалось около трех десятин или четыре морга земли. Однако наличествующее в хозяйстве поголовье скота, как правило, не обеспечивало в необходимых объемах органическими удобрениями засеваемые площади. Из расчетов, основанных на теоретических выкладках Э. Массальского, от одного животного (крупный рогатый скот), если оно не содержалось постоянно в стойле, можно было за год получить органического удобрения, достаточного лишь для внесения на 0,14 десятины (0,2 морга) земли. Увеличение же поголовья скота сдерживалось дефицитом лугов. Из этой ситуации был выход в расширении травосеяния, однако в «традиционных хозяйствах», где господствовало трехполье, травосеяние практиковалось редко. По мысли Э.Т. Массальского, помещичьи хозяйства, в которых не практиковалось травосеяние, экстенсивно увеличивая объемы запашки, приходили в скором времени к истощению плодородия почвы [6, s. 19].

Описывая типичное винокуренное предприятие, расположенное в поместье, автор в первую очередь обращает внимание на вопросы производственной санитарии, трудовой дисциплины и безопасности труда. Э.Т. Массальский указывает на типичные недостатки: неправильный выбор места для размещения производства (отсутствие удобных коммуникаций, близость грунтовых вод), ветхость, непригодность для производственных нужд и высокая пожарная опасность производственных строений (земляной пол, отсутствие канализации, задымленность помещения), неряшливый вид работников, присутствие на производстве посторонних лиц [6, s. 22–24].

Недостатки производства, по мнению Э.Т. Массальского, являлись следствием низкой профессиональной подготовленности винокуров, которые без специального обучения брались за управление винокурней. Специалистов, которые бы следили за надлежащим выполнением технологии, на винокуренные заводы из соображений превратно понимаемой экономии не нанимали. По наблюдению Э. Массальского, в данной среде не доверяли новшества, так как вложения, связанные с модернизацией, зачастую не давали сиюминутной отдачи. Презиралась также идея механизации труда по причине низкой стоимости услуг рабочих [6, s. 25]. Даже если помещик покупал новое оборудование, без специально обученного персонала оно не давало ожидаемого эффекта, дискредитируя саму идею технического перевооружения [6, s. 26].

Отсутствовал также должный контроль над работой винокурен со стороны владельцев-помещиков [6, s. 24]. Прямо в арендованных винокурнях происходила нелегальная продажа спиртного. Его покупателями становились преимущественно крепостные, которые в форме натурального обмена на продукты питания, иногда, как замечает Э.Т. Массальский, ворованного с панского двора, получали спиртное, которое также фактически воровалось у пана. Таким образом, владелец винокурни, самоустранившийся от контроля над производством, получал многочисленные убытки: крепостные и арендаторы за счет панского добра производили свои гешефты; доступность спиртного провоцировала алкоголизацию работников фольварка [6, s. 25].

Огородное хозяйство было сферой компетенции хозяек поместья. Минимальный традиционный ассортимент помещичьих огородов состоял из посевов свеклы, капусты, моркови, картофеля и лука. Если помещица принципиально не устранилась от хозяйственных забот, то, как правило, выполняла свои обязанности с примерным усердием, в отличие от хозяев-мужчин, которые традиционно курировали полевое земледелие [6, s. 29]. Если же помещица считала для себя недостойным заниматься сельским хозяйством («имела возвышенную душу и нежный вкус», «была модной дамой»), в таком случае огородом заведовала экономка. Модная дама, как правило, снисходила лишь до оранжереи и парка. Основной же ее заботой являлся прием гостей и обновление собственного гардероба.

Наличие оранжереи в поместье рассматривалось как символ высокого статуса помещичьей семьи. Денежные вложения в содержание оранжерей были несообразны с их практической пользой. За исключением цитрусовых и ананасов ассортимент оранжерейных растений включал преимущественно экзотические декоративные растения. Редкость и цена растения составляли предмет гордости хозяйки поместья. Э.Т. Массальский не отрицает эстетическую и познавательную ценность подобных коллекций, однако ставит под сомнение этичность подобного дорогого увлечения в хозяйствах, где крепостные умирали от голода [6, s. 40–41].

При описании усадьбы «среднего» помещика писатель отмечает в первую очередь ветхий вид хозяйственных построек и экономию на материалах при их возведении [6, s. 13]. Критике подвергается и сам принцип застройки: при наличии свободной земли хозяйские постройки стоят скучено, подвергаясь опасности пожара [6, s. 13]. Располагался хозяйственный двор как можно дальше от глаз владельцев усадьбы, в самом глухом невыгодном и непригодном для хозяйственных целей участке. Он утопал, как правило, в грязи и нечистотах, которые смывались в открытые водоемы. Следствием непродуманного размещения хозяйственного двора являлась антисанитария, эпидемические заболевания животных, загрязнение водоемов, потеря значительной части органического удобрения, которого обычно не доставало в хозяйстве [6, s. 13–14]. Другой крайностью Э.Т. Массальский считал застройку, при которой хозяйственный двор поднимался на высокий фундамент и обносился рвом, – в последнем случае, по мнению писателя, помещик также терял жидкое удобрение. Как пример нерационального отношения к содержанию животных Э.Т. Массальский приводит традиционную практику, при которой навоз из хлебов вывозился лишь раз в полгода. Считалось, что для улучшения его качества необходим был «замес», который производили своими ногами животные. Эта традиция, по мнению писателя, приводила к ослаблению и болезни животных [6, s. 27–28].

Ряд публицистов середины XIX века солидарно с Э.Т. Массальским акцентировали внимание на распространенном в помещичьих усадьбах Северо-Западного края явлении – наличии «долгостроя» [9, с. 45; 10, с. 173–321]. Местные помещики, перестраивая вполне пригодные и добротные дома своих отцов согласно новым веяниям моды, стремились сделать свои резиденции более респектабельными и просторными. Зачастую, начиная масштабные строительные работы, помещики не обладали достаточными средствами для их завершения, действуя по принципу «начнем, а там посмотрим». Примером подобной гигантомании и жизни не по средствам становились многочисленные «палацы», которые еще не будучи достроенными, приходили в негодность, ветшали. Многие здания носили явные следы недоделок, использовались частично, в то время как значительная часть недостроенного здания консервировалась «до лучших времен». Даже когда подобное сооружение удавалось достроить, не хватало средств для его эксплуатации, ремонта. Э. Массальский приводит пример одного из таких «дворцов»: гонтовую позеленевшую от мха крышу дома претенциозно венчали два шара, обшитые жестью и три трубы, одна из которых обвалилась, крыша в некоторых местах требовала ремонта; стены были перекошены; рамы были разнокалиберные, не во всех окнах стекло оставалось целым, помытыми из них были только те, которые относились к гостиной [6, s. 42–43].

В подобных домах интерьер был соответствующим: на всем лежал отпечаток претенциозности, недостатка средств и запустения. Э. Массальский дает следующее описание: выцветшие обои, пыльные кисейные занавесы на окнах, немые хлипкие полы, некогда побеленные потолки, покрытые паутиной, кресла, крашенные под красное дерево и покрытые грязными чехлами [6, s. 43].

Э.Т. Массальский отмечает распространение критических взглядов в отношении старошляхетских традиций в среде поместного дворянства. Однако, по мнению писателя, критически настроенные помещики на практике кардинально не меняли подходов в организации хозяйственной деятельности. Они перестраивали по новой моде «палацы» своих предков, но по-прежнему не доверяли специалистам – в данном случае, архитекторам [6, s. 16–17]. Порицая традицию, отступая от «дедовской» системы хозяйствования, которая по-своему была эффективна, они не приобрели системных научных знаний, необходимых для успешной организации рационального сельского хозяйства по западноевропейским современным образцам.

По мнению Э.Т. Массальского, большинство местного дворянства, имеющего стабильный достаток, стремилось жить в поместье по городским столичным критериям. Неотъемлемой же частью городского образа жизни являлось постоянное движение людей, отдающих визиты и принимающих гостей. На

ведение хозяйства не хватало времени, и функции управления перепоручались доверенным лицам, контроль над деятельностью которых не всегда был строг и компетентен [6, с. 33–30]¹.

Заключение. Кризис хозяйственных практик и традиционных форм виталитивной культуры помещичьего дворянства Беларуси в предреформенный период являлся следствием экономических и социальных трансформаций развивающейся в Западной Европе индустриальной экономики. Э.Т. Массальский продемонстрировал зависимость местных помещичьих хозяйств от внешнеэкономической конъюнктуры и одновременно неподготовленность преимущественной массы помещиков к использованию рыночных механизмов хозяйствования. Значимыми препонами на пути модернизации помещичьего хозяйства являлись сословные предрассудки, невежество и привычка к использованию дарового труда крепостных. Некомпетентность хозяев помещичьих усадеб проявлялась в экстенсивном использовании ресурсов – трудовых и природных, что приводило к физическому вырождению крепостного крестьянства, истощению почвы, уменьшению урожайности, потерям медленновосполняемого лесного богатства. Периодически в годы с неблагоприятными климатическими условиями подобная хозяйственная практика приводила к неурожаю с угрозой массового голода среди крепостного крестьянства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисенко, Ю. Белорусский крестьянин в вихре модернизации: виталитивная культура первых десятилетий XX века на фоне социальных перемен / Ю. Борисенко // Родина. – 2014. – № 6. – С. 120–122.
2. Борисенко, Ю. От колтуна до граммофона. Динамика виталитивной культуры населения белорусских земель / Ю. Борисенко // Родина. – 2014. – № 12. – С. 122–125.
3. Дук, Д.У. Археалагічныя комплексы пасадаў Полацка – XVIII стст. (па выніках раскопак 2004–2012 гг.) / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2014. – 248 с.
4. Колединский, Л.В. Виталитивная культура Витебска в конце XIII – середине XV в. (по материалам раскопок Верхнего замка) / Л.В. Колединский // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, Полацк, 22–23 мая 2012 г. – Мінск : Беларуская навука, 2012. – С. 437–455.
5. Шидловский, С.О. Эдуард Томаш Массальский о стратегиях эксплуатации белорусского крепостного крестьянства / С.О. Шидловский // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Серия А, Гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – С. 57–60.
6. Massalski, E.T. Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy : romans administracyjny : w 5 częściach. / E.T. Massalski. – Wilno : W Drukarni A. Marcinkowskiego, 1831. – Część 2 – 268 s.
7. Morawski, S. Szlachta bracia: wspomnienia, gawędy, dialogi (1802–1850) / S. Morawski. – Poznań : Wydawnictwo Polskie R. Wegnera, 1929. – 259 s.
8. Шидловский, С.О. Из проектов И.С. Аксакова по социокультурному обустройству Северо-Западного края Российской империи / С.О. Шидловский // Славяноведение. – № 5. – 2013. – С. 78–85.
9. Шыдлоўскі, С.А. Культура прывілеяванага саслоўя Беларусі: 1795–1864 гг. / С.А. Шыдлоўскі. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – 168 с.
10. Сыракомля, У. Вандроўкі па маіх былых ваколцах / У. Сыракомля // Добрыя весці : паэзія, проза, крытыка / уклад. і камент. У. Мархеля, К. Цвіркi ; пер. з пол. – Мінск : Маст. літ., 1993. – С. 173–321.

Поступила 11.06.2015

THE CRISIS OF THE BUSINESS PRACTICES AND TRADITIONAL FORMS OF LIFE-SUPPORT CULTURE OF THE LANDED GENTRY OF BELARUS IN THE REFLECTION OF THE NOVEL BY E.T. MASSALSKY «PAN PODSTOLIC»

S. SHYDLOUSKI

In the article business practices and traditional forms of life-support culture of the landed gentry of Belarus on the material social novel by Edward Tomas Massalsky (1799-1879) «Пан Подстолич» («Pan Podstolic, albo czym jesteśmy, czym być możemy») (1831-1833) are analyzed. The causes of the depletion of the productive resources in the manorial economy of Belarus in the pre-reform period are examined. Patterns of extensive economy, examples of reference in the noble estates of the edge of the field and forestry, as well as distilling are formulated. A class stereotypes in the environment of the landed gentry in the Belarusian lands, influencing farming practices is identified. The dependence of local landowners farms on external economic conditions and a lack of a majority of the landowners to the use of market-based economic mechanisms are demonstrated.

¹ Публикация осуществлена при финансовой поддержке БРФФИ, проект Г14Р-013 «Образ жизни и бытовой уклад населения белорусских земель: динамика трансформации (XVI–первая половина XX в.)».

УДК 94(476)«ХХ»

**ДЗЯРЖАЎНА-ПАЛІТЫЧНАЯ ТРАДЫЦЫЯ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА
Ў НАЦЫЯНАЛЬНЫХ РУХАХ ЯГО ПРАВАПЕРАЕМНІКАЎ У ПАЧАТКУ ХХ СТАГОДДЗЯ****С.П. МАРОЗАЎ***(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы)*

Разгледжаны пошукі беларускай, літоўскай і польскай палітычнай думкі пачатку ХХ ст. форм нацыянальна-дзяржаўнага ўладкавання народаў былога ВКЛ на аснове яго дзяржаўна-палітычнай традыцыі. Усталяваны абставіны звароту да гістарычнай традыцыі. Ахарактарызаваны месца і роля традыцый ВКЛ у “краёвай” ідэалогіі, ідэалогіі літоўскіх аўтанамістаў, польскіх федэралістаў, беларускага нацыянальнага руху. Выяўлена тэндэнцыя да дыферэнцыяцыі інтарэсаў нацый краю і прыстасавання імі спадчыны ВКЛ да сваіх інтарэсаў, канкурэнцыі з-за гэтай спадчыны.

Навуковая навізна месціцца ў метадалагічным падыходзе, што грунтуецца на сучасных канцэпцыях (сацыякультурнай траўмы; палітычнай нацыі; нацыяўтварэння ва Усходняй Еўропе, разгледжанага праз феномен спадчыны Рэчы Паспалітай і ВКЛ); правядзенні параўнаўчага аналізу практыкі выкарыстання спадчыны ВКЛ беларускімі, літоўскімі і польскімі нацыянальнымі рухамі і выкрыцці спецыфікі ідэалогіі беларускага руху; прыцягненні новых архіўных крыніц.

Уводзіны. Паўстанне 1863 г. было апошняй адчайнай спробай літвінскай (літоўскай і беларускай) шляхты ўзброеным шляхам адрадіць інстытуты і традыцыі Вялікага Княства Літоўскага. Ідэалогія беларускага і літоўскага грамадскага-палітычнага руху, які пасля эпохі пасляпаўстанцкіх рэпрэсій і стагнацыі адрадіўся ў новых пакаленнях змагароў, вуснамі сваіх нацыянальных лідараў заявіла аб новым дзяржаўна-палітычным ідэале – аўтаноміі для Беларусі і для Літвы ў складзе дэмакратычнай Расіі. Нацыі пачыналі ўсведамляць сябе і свае ўласныя інтарэсы. Здавалася, ідэя адбудовы ВКЛ, аб чым марыла некалькі папярэдніх пакаленняў, назаўсёды адышла ў нябыт. Але грунтаваная на гістарычным праве яго народаў-правапераемнікаў, яна вяртаецца ў пачатку ХХ ст., каб яшчэ два дзесяцігоддзі бударажыць думкі мысляроў і палітыкаў.

Гісторыя змагання за працяг дзяржаўна-палітычнай традыцыі ВКЛ нашмат цяжэй звязана з беларускай сучаснасцю, чым большасць людзей гэта ўсведамляе. Як свядаржае сучасны амерыканскі гісторык Т. Снайдар, даследчык нацыянальных мадэляў развіцця народаў Усходняй Еўропы, і ў ХХ ст. ВКЛ заставалася “універсальным пунктам адліку” для беларускіх дзеячаў, якія азіраліся на гісторыю ў пачатку стагоддзя, у 1939 г. і нават у пачатку 1990-х гг. [1, с. 364].

Сёння з’яўляецца відавочным, што рэалізацыі ідэй літоўскай і беларускай дзяржаўнасцей папярэднічалі намеры і спробы працягнуць ранейшую гістарычную традыцыю – аднавіць Вялікае Княства Літоўскае, зразумела, на новай аснове і ў новых формах. Ад заснаванага на гістарычнай памяці аб тэрытарыяльнай непадзельнасці “гістарычнай Літвы” намеру аб’яднаць Беларусь і Літву ў адной дзяржаве з агульнымі межамі, сталіцай, урадам, канстытуцыяй канчаткова адмовіліся толькі ў сярэдзіне 1920-х гг.

Гісторыя змагання ў першыя дзесяцігоддзі ХХ ст. народаў былога ВКЛ, пазбаўленых уласнай дзяржаўнасці, за яго аднаўленне навукова актуалізавалася са зменай у гэтым рэгіёне геапалітычнай сітуацыі, выкліканай распадам СССР. На змену ранейшаму падыходу, які ігнараваў альтэрнатыўныя шляхі нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва, акрамя савецкага, прыйшло новае бачанне праблемы. Прыярытэтная ўвага сучаснай гістарыяграфіі да нацыянальных рухаў, распаду імперый і ўтварэння на іх руінах новых дзяржаў у першай чвэрці ХХ ст. не абмянае цікавасці да пытання аб месцы і ролі ў гэтых працэсах дзяржаўна-палітычнай традыцыі ВКЛ.

Складаемыя часткі спадчыны ВКЛ у разуменні яго правапераемнікаў наступныя: самастойная, незалежная ад суседзяў дзяржава з уласнай назвай; Статут ВКЛ; Віленскі ўніверсітэт (з музеем і архівам); Народны архіў (Літоўская Метрыка); уласныя войска, грошы, сойм; народныя традыцыі. Такі “камплект” спадчыны пералічыў, у прыватнасці, у сваім мемарыяле ад 22 лютага 1906 г. з’езд літоўцаў Амерыкі [2, арк. 1]. Да дзяржаўна-палітычнай спадчыны ВКЛ мы адносім самую знішчаную дзяржаву і яе забраныя атрыбуты: тэрыторыя, сталіца Вільня, органы ўлады (сойм), заканадаўства (Статут ВКЛ), грошы, войска, традыцыя змагання за якія складалася на працягу канца XVIII–XIX стст.

Мэта артыкула – характарыстыка досведу выкарыстання дзяржаўна-палітычнай спадчыны ВКЛ нацыянальнымі рухамі яго правапераемнікаў у пачатку ХХ ст. Прадмет даследавання – ідэалогія беларускага, літоўскага і польскага нацыянальных рухаў гэтага перыяду.

Уласцівую беларускаму грамадска-палітычнаму руху пачатку ХХ ст. тэндэнцыю змагання за адраджэнне ВКЛ разглядалі ў кантэксце сваіх праблемных палёў беларускія гісторыкі М.С. Сташкевіч [3], А.Ф. Смалянчук [4–7], С.М. Хоміч [8], З.В. Шыбека [9] і інш. Ідэалогія беларускага нацыянальнага руху з яго настальгіяй па ВКЛ знайшла адлюстраванне ў абагульняючай працы па гісторыі беларускай дзяржаўнасці [10].

У вялізнай польскай літаратуры па гісторыі барацьбы за адбудову Рэчы Паспалітай шэраг аўтараў удзяляюць значную ўвагу месцу ў гэтым працэсе беларускага і літоўскага фактараў. Польскі погляд на ідэю рэстытуцыі ВКЛ, якая ўсплыла ў канцы новага часу, рэпрэзентуюць працы сучаснікаў і першых даследчыкаў тых падзей Л. Васілеўскага [11–13], В. Вельгорскага [14; 15] і інш., а таксама гісторыкаў другой паловы XX – пачатку XXI ст. – К. Грунберга [16], С. Ланеца [17], Ю. Паеўскага [18] і інш.

Пытанне аб досведзе выкарыстання правапераемнікамі ВКЛ яго дзяржаўна-палітычнай спадчыны разглядаецца ў працах сучаснага літоўскага гісторыка Р. Мікныса [19] і амерыканскага даследчака Т. Снайдэра [1].

Нягледзячы на існуючыя навуковыя напрацоўкі па праблеме пошуку ў першай чвэрці XX ст. шляхоў дзяржаўнага самавызначэння Беларусі ў гістарычнай форме ВКЛ, параўнальнае вывучэнне досведу выкарыстання спадчыны ВКЛ яго правапераемнікамі ў працэсе дзяржаваўтварэння і спроб яе прыстасавання да сваіх нацыянальных патрэб яшчэ далёкае ад завяршэння. Артыкул прыводзіць даследаванасць праблемы ў адпаведнасць з сучасным станам ведаў, паглыбляючы разуменне эпохі нацыяўтварэння, асаблівасцяў трансфармацыі нацыянальных ідэалогій і фарміравання нацыянальных дзяржаў у беларуска-літоўскім рэгіёне.

Тэарэтыка-метадалагічную аснову артыкула складаюць сучасныя тэорыі: сацыякультурнай траўмы П. Штомпке, палітычнай нацыі, а таксама канцэпцыя нацыяўтварэння ва Усходняй Еўропе Т. Снайдэра, разглядаемая ім праз феномен спадчыны Рэчы Паспалітай і ВКЛ.

Калі разглядаць знішчэнне ВКЛ у канцы XVIII ст. як сацыякультурную траўму [20; 21], тэорыя польскага сацыёлага П. Штомпке дапамагае зразумець прычыны звароту да ідэі яго рэстытуцыі ў тым пакаленні палітыкаў і мысліцеляў, якія ў ВКЛ ужо не нарадзіліся і паўстанні за яго не ўздымалі. Працы А. Смалянчука [4–7] важныя для разумення сутнасці краёвай ідэі, яе беларускай “версіі” і фарміравання на яе аснове канцэпцыі адбудовы ВКЛ, а таксама для прымянення тэорыі палітычнай нацыі адносна краёўцаў, грамадзян Беларуска-літоўскага Краю. Канцэпцыя Т. Снайдэра [1] тлумачыць месца дзяржаўна-палітычнай традыцыі ВКЛ у фарміраванні і двухсотгадовай гісторыі (канец XVIII – канец XX ст.) польскай, літоўскай і беларускай нацый; прасочвае фарміраванне і праводзіць параўнанне іх нацыянальных ідэнтычнасцей; паказвае змену інтэрпрэтацыі паняцця “Літва” ад шматнацыянальнай дзяржавы да “вотчыны” аднаго этнасу.

Артыкул падрыхтаваны на аснове дакументальных і апавядальных, апублікаваных і архіўных крыніц. Дакументальныя крыніцы прадстаўлены матэрыяламі справаводства (пратаколы канферэнцый, сходаў, нарад, з’ездаў, стэнаграмы дакладаў, справаздачы, рэзальцыі, мемарандумы, афіцыйная перапіска і інш.).

Вялікі інфармацыйны патэнцыял мае палітычная публіцыстыка даследуемай эпохі: праграмы партый, лістоўкі, праекты геапалітычнага ўладкавання беларуска-літоўскага рэгіёна, запіскі, адозвы, універсалы, заявы, рэфераты, а таксама творы лідараў і ідэолагаў нацыянальных рухаў краю: А. Луцкевіча [22–24], Р. Дмоўскага [25] і інш. Апеляцыя дзяржаватворчых сіл краю да гісторыі адбілася на старонках тагачаснай перыёдыкі.

Выкарыстанне палітычнай традыцыі ВКЛ у пошуках яго спадчыннікамі шляхоў дзяржаўнага будаўніцтва дапамагаюць раскрыць работы навукова-папулярнага характару, якія выйшлі з-пад пяра ўдзельнікаў нацыянальных рухаў і дзяржаўнага будаўніцтва Беларусі, Літвы, Польшчы (Л. Кульчыцкага [26], Т. Грыба [27] і інш.), а таксама прадстаўнікоў іх эміграцыі (Й. Бельскіса [28], Й. Ліхтэнштула [29], С. Сапіцкага [30] і інш.). Інфармацыя аб звароце беларускага руху да палітычнай спадчыны ВКЛ утрымліваецца ў прызначанай для службовага карыстання хроніцы “Кароткі нарыс беларускага пытання”, падрыхтаванай у 1928 г. польскімі спецслужбамі на аснове назапашаных у іх аналітычных матэрыялаў [31].

Крыніцы даследуемай эпохі дастаткова добра захаваныя, хоць і раскіданыя па архівах розных краін. Яны выяўлены аўтарам у Беларускім дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва ў Мінску (фонд 3 “Калекцыя дакументаў аддзела рукапісаў Беларускага музея імя Івана Луцкевіча ў г. Вільня”) [27], Бібліятэцы Акадэміі навук Літвы ў Вільнюсе (фонд 21 “Беларускі фонд” з дакументамі віленскіх беларускіх палітычных структур) [32], Дзяржаўным архіве Расійскай Федэрацыі (фонд 102 “Дэпартамент паліцыі. Агляды” [33; 34], фонд 579 “Мілюкоў П.Н.” [2; 35], фонд 586 “Плеве В.К.” [36]).

На падставе азначаных крыніц, можна ўстанавіць ход палітычнага мыслення, ідэі, праекты, жаданні партый, арганізацый і іх правадыроў, хоць вывучаць пакінутыя на пісьме нешматлікім словам думкі і погляды цяжэй, чым дзеянні людзей.

Асноўная частка. Абставіны звароту да гістарычнай традыцыі. Мінulé выкліканыя падаўленнем паўстання 1863–1864 гг. часы грамадскай апатыі і ментальнай стагнацыі народаў-спадкаемцаў ВКЛ і Рэчы Паспалітай. На мяжы XIX–XX стст. на арэне барацьбы з’явіліся новыя сілы і палітычныя настроі.

Падзеі 1890-х гг. – перанос праху Адама Міцкевіча з Парыжа ў Кракаў (1890 г.), стагоддзе Канстытуцыі 3 мая, Таргавіцкай канфедэрацыі, паўстання пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі – абуджалі ўспаміны палякаў і літвінаў пра барацьбу за сваю самастойнасць у канцы XVIII ст. У 1893 г., 100-ю гадавіну Таргавіцкай канфедэрацыі, “уся краіна ад вясёлай Варшавы да аддаленых куткоў Літвы” апанулася ў жалобу. Як гаварылася ў аглядзе рэвалюцыйнага руху на гэтых землях, зробленым у 1899 г. для члена расійскага ўрада П.А. Шувалава, не пазначаныя ў календары, гэтыя дні і гадавіны былі захаваныя ў сэр-

цах палякаў і літвінаў [36, л. 4, 9 адв., 25 адв.]. Абуджаныя ўспаміны “аб славытым гістарычным мінулым Літвы” нараджалі памкненні да адраджэння яе палітычнай самастойнасці [36, л. 47 адв.].

Грамадскую думку ўзбударажыла ўстаноўка ў Вільні, агульнай святыні народаў беларуска-літоўскага краю, помнікаў М. Мураўёву (1897 г.), які 40 гадоў таму “агнём і крывёю заліў усю нашу краіну”, і Кацярыне II (1903 г.), “якая 100 гадоў таму наклала на нас сваю ўладу” [34, л. 299 адв. – 300; 36, л. 41].

У згаданым аналітычным аглядзе для графа Шувалава гаварылася, што ідэя аднаўлення страчанай дзяржаўнасці не згасла сярод народаў былога ВКЛ і Рэчы Паспалітай, а знаходзіла ўсё больш прыхільнікаў па меры знікнення слядоў апошняга паўстання і ўзрастання новых пакаленняў. Аглядальнік перасцерагаў графа: гістарычны прыклад пераможаных народаў вучыць, што яны дамагаюцца самастойнасці толькі шляхам дзейснага супраціўлення, бо пасіўнасць вядзе да страты даверу да палітычнай сілы народа [36, л. 2–2 адв.].

Культурная работа інтэлектуалаў – навуковыя даследаванні, кнігі, калекцыі старажытных артэфактаў, газеты (літоўская “Aušra” з 1883 г., беларуская “Наша ніва” з 1905 г.) – будзілі ў народаў нацыянальны дух. Моладзю, інтэлігенцыяй усё больш авалодвалі патрыятычна-рэвалюцыйныя настроі, якія ішлі і ў народныя масы. На гістарычную арэну ўпершыню выходзіў народ. У новай атмасферы пачало абуджацца палітычнае жыццё. Гэта вылівалася ў стварэнне тайных гурткоў і партый на радзіме і за мяжой. З’явіліся прыхільнікі падрыхтоўкі новага паўстання. У Варшаве і Вільні вялася “дзейная агітацыя на глебе тэрора”. Не выключалася царазбойства [36, л. 3, 12]. У 1905 г. задавалі пытанне: “Чацвёртае паўстанне ці першая рэвалюцыя?” [18, с. 21]. Прадпрымаюцца спробы аб’яднання палітычных сіл народаў краю. Іх нацыянальныя рухі пачынаюць выпрацоўваць свае палітычныя ідэалы.

Моцная апазіцыя існуючаму дзяржаўнаму ўладкаванню, якая з 1903 г. праявілася ў рускім грамадстве, не замарудзіла аказаць уплыў на эвалюцыйнае поглядаў палітычных сіл на ўскраінах імперыі. Востры крызіс царскай улады пасля выбуху ў 1904 г. Руска-японскай вайны, падзенне прэстыжу манархіі, расстройства фінансаў імперыі разам з накалёнай грамадска-палітычнай атмасферай у “турме народаў” прадвешчалі вялікія і беспаваротныя змены. У цэнтры і на перыферыі для ўсіх стала зразумелым, што падзеі, якія разыгрываліся на Далёкім Усходзе, незалежна ад зыходу вайны, штурхнуць Расію на новы шлях, прымусяць змяніць адносіны да прыгнечаных нацый, лічыцца з імі.

Да народаў Паўночна-Заходняга краю вярталася страчаная вера ва ўласныя сілы. Вайна абудзіла іх ад “палітычнай спячкі”. Новае пакаленне іх інтэлігенцыі набывала практыку палітычнага жыцця. Пачалі адкрыта гаварыць аб праве нацый на самавызначэнне. У Беларусі, Літве, Польшчы з’яўляліся радыкальныя і рэвалюцыйныя жаданні. “Адноўім Айчыну «ў межах, якія Бог вызначыў і гістарычныя традыцыі перадалі»”, – галоўнае з іх. [37, с. 52] З’явіліся новыя палітычныя і сацыяльныя лозунгі.

Моцны імпульс для палітычнай дзейнасці на абшарах былога ВКЛ і Рэчы Паспалітай далі канферэнцыя рэвалюцыйных і ліберальных партый Расіі ў Парыжы 30 верасня – 2 кастрычніка 1904 г. і першы з’езд дзеячаў земстваў Расіі 6–9 лістапада 1904 г. Канферэнцыя асудзіла царскую палітыку нацыянальнага прыгнёту і выказалася за права самавызначэння народаў. З’езд выступіў за пашырэнне на ўсю тэрыторыю імперыі мясцовага самакіравання, якога ў паўночна-заходніх губернях да гэтага часу не было. [11, с. 198; 19, с. 100]

Адукаванае грамадства заходніх губерняў адчула, што ўрад вагаецца і гатовы пайсці на нейкія рэформы. У Варшаве і Вільні, цэнтрах літоўскага і беларускага нацыянальных рухаў, адбываюцца шматлікія сходзі інтэлігенцыі, на якіх абмяркоўваюцца патрэбы народаў краю, выпрацоўваюцца праграмы дзеянняў.

Побач з праблемамі Фінляндыі (парушэнне яе канстытуцыйных правоў) і Польшчы (пошук новых шляхоў атрымання палітычнай незалежнасці, ідэя палітычнай аўтаноміі Каралеўства Польскага), востра ўзнятымі ў 1904–1905 гг., выходзіла пытанне будучыні Беларусі і Літвы. Праўда, як слухна заважыў Р. Мікныс, зрабіць пытанне іх палітычнай аўтаноміі прадметам афіцыйных палітычных дэбатаў было вельмі цяжка, непараўнальна цяжэй, чым праблем Польшчы і Фінляндыі. Катэгарычную настроенасць супраць пастаноўкі пытання аб самастойнай Беларусі-Літве мелі кіруючыя колы Расіі, якія прызнавалі былую тэрыторыю ВКЛ “спрадвечна рускай зямлёй”. Справу ўскладнялі галасы польскіх палітычных сіл, якія таксама прэтэндавалі на спадчыну ВКЛ, сваім рытарычным пытаннем, “што такое Літва, якой павінна быць, а дакладней з кім і супраць каго?” [19, с. 100–101]. Справа ў тым, што сярод беларускай і літоўскай інтэлігенцыі традыцыйна існаваў пэўны палітычны сепаратызм адносна Кароны. Ён, аднак, не перакрочваў межаў таго, што называюць “рэгіяналізмам” у адносінах да агульнай польска-літоўскай айчыны [14, с. 143–144].

У палітычных дыскусіях, распачатых у 1904–1905 гг., аб праве народаў ВКЛ на самавызначэнне прэтэндэнты на яго спадчыну апелавалі да гістарычнай традыцыі, якую паступова ўсё больш прыстасоўвалі да інтарэсаў сваіх нацый і патрэб бягучай палітыкі. Выпрацоўвалі розныя варыянты ідэі рэінкарнацыі ВКЛ у розных палітычных камбінацыях.

Гэтай інтэлігенцкай ідэяй былі апантаны прадстаўнікі розных грамадска-палітычных і нацыянальных рухаў. Некаторыя іх лідары і ідэолагі мелі “дзяржаўнае пачуццё” і палітычную свядомасць – перакананне ў тым, што час адбудовы наступіць. Гэта было дастаткова вузкае кола людзей з ліку магнатаў, шляхты і сялян (літоўскі рух быў прадстаўлены галоўным чынам інтэлігенцыяй у першым пакаленні, з сялян), гатовых актыўна дзейнічаць, легальна і нелегальна, у імя абароны нацыянальных правоў сваіх

народаў і атрымання імі незалежнасці. Мысліцелі і палітыкі, яны разумелі, што для адраджэння ВКЛ патрэбны два фактары: знешні і ўнутраны. Знешні фактар – змена міжнароднай сітуацыі і падзенне царызму ў Расіі. Унутраны – працяг стогадовай традыцыі змагання. Эпоха войнаў і рэвалюцый, якая пачалася ў 1904–1905 гг., упершыню пасля 1795 г. стварыла перадумовы для рэалізацыі мараў некалькіх пакаленняў змагароў і спрычынілася да вывятлення пазіцый народаў-нашчадкаў ВКЛ.

Традыцыя гістарычнай Літвы ў краёвай ідэалогіі. У пачатку XX ст. сярод беларускай і літоўскай інтэлігенцыі польскай культуры карысталася падтрымкай краёвая ідэалогія, якая будавалася на гістарычнай свядомасці і памяці, і апелывала да дзяржаўнай традыцыі ВКЛ [4, с. 106; 6, с. 67–68, 75–77].

Краёўцы трактавалі беларуска-літоўскія землі як адзіны арганізм – край, што гістарычна сфарміраваўся ў межах ВКЛ, меў свае традыцыі і да гэтага часу ўяўляў сабой тэрытарыяльнае, эканамічнае і культурнае цэлае. Падзел гэтага адзінства здаваўся краёўцам ненатуральным і шкодным. Большасць мясцовай шляхты не ўспрымала Літву і Беларусь самадастатковымі культурна-гістарычнымі, а тым больш палітычнымі адзінкамі [38, с. 230].

Да краёўцаў адносілі карэнных жыхароў краю: беларусаў, літоўцаў, палякаў, часам яўрэяў, якія лічылі сваёй радзімай гістарычную Літву, усведамлялі сябе грамадзянамі Краю, і чыя самасвядомасць укладвалася ў формулу “па паходжанні – літвін, па нацыі – паляк”. Усе яны, незалежна ад культурнай, моўнай і канфесійнай прыналежнасці, на думку краёўцаў, належалі да адной палітычнай нацыі, галоўнымі рысамі якой з’яўляліся патрыятызм і любоў да Літвы. Тэрмін “Літва” ўжываўся з пункту гледжання гісторыі і абазначаў літоўскія і беларускія землі [10, с. 227–228]. Частка шляхты і інтэлігенцыі гэтых зямель і ў пачатку XX ст. захоўвала свядомасць грамадзян ВКЛ. Краёвая ідэя несла на сабе адбітак колішняй шляхецкай “нацыі” часоў Рэчы Паспалітай абодвух народаў [7].

Будучыню Літвы краёўцы бачылі ў самастойнасці, непадзельнасці і новай уніі з Польшчай, а унію лічылі сродкам дасягнення самастойнасці і трактавалі як саюз роўных партнёраў [10, с. 232].

Краёвы рух – з’ява выключна мясцовага паходжання. Гэты феномен грамадска-палітычнага жыцця Беларусі і Літвы праявіўся менавіта ў час рэвалюцыі 1905–1907 гг. Канцэпцыя краёвасці, сфармуляваная на старонках “Кур’ера Літоўскага (восень 1905 г.)” [39, с. 2], “Газеты Віленскай” (15 лютага 1906 г.), прадугледжвала раўнапраўе польскага, літоўскага і беларускага народаў. Краёвая палітыка “згоды народаў” супрацьстаяла этнічнаму нацыяналізму і спрыяла захаванню ў краі традыцыйных добрасуседскіх адносін [10, с. 232, 234], але адначасова не абмяжоўвала прадстаўнікоў розных нацыянальнасцей у магчымасці быць актыўнымі ўдзельнікамі сваіх этнічных рухаў [3, с. 154]. Адметнасць палітычнай дактрыны краёўцаў трымалася на жыццяздольнасці гістарычнай традыцыі, спалучанай з ідэяй талерантнасці і перакананнем у патрэбе добрасуседскага суіснавання і міжнацыянальнай згоды [5, с. 126; 6, с. 76].

Адзінства ў разуменні краёвай ідэі не было нават сярод яе ідэолагаў. Сфарміраваліся кансерватыўная (К. і Р. Скірмунты, Б. Ялавецкі і інш.) і дэмакратычная (М. Ромер і інш.) плыні. Пры ўсіх разнагалоссях краёўцы ўспрымалі беларуска-літоўскі край як суб’ект гісторыі, пастаянна апелывалі да гістарычнай памяці і працавалі над яго ператварэннем у суб’ект палітыкі [10, с. 228, 232–233].

Краёўцы мелі выразнае пачуццё адметнасці Беларусі і Літвы ад Польшчы. Краёвы рух, як яго трактуе З.В. Шыбека, быў адказам беларускай і літоўскай інтэлігенцыі польскай культуры на рускі шавінізм з аднаго боку і польскі нацыяналізм – з другога, і абумоўліваўся захаваннем агульных польска-беларуска-літоўскіх традыцый на Віленшчыне. Так, М. Ромер прапанаваў лозунг незалежнасці ВКЛ ад Польшчы, якое функцыянавала бы па ўзоры ЗША [9, с. 158]. Паводле А. Смалянчука, у пэўным сэнсе краёвасць была ідэалагічным адказам і на праграму аўтаноміі этнічнай Літвы “з прылеглымі тэрыторыямі”, зацверджаную на Вялікім віленскім сейме 1905 г. На лозунг “Літва для літоўцаў” краёўцы адказвалі лозунгам “Літва для Літвы” [5, с. 130].

Асновай краёвай згоды лічылася паразуменне і супрацоўніцтва дэмакратычных сіл усіх нацыянальных рухаў, якое пачалося яшчэ напярэдадні рэвалюцыі 1905–1907 гг. Яго яркай праявай сталі міжнацыянальныя кансультацыйныя з’езды прадстаўнікоў дэмакратычнай інтэлігенцыі літоўскіх і беларускіх зямель у Вільні ў перыяд паміж снежнем 1904 г. і чэрвенем 1905 г., дзе ўпершыню адбылася адкрытая дыскусія вакол канцэпцыі дзяржаўнасці краю. Сярод ініцыятараў гэтых сходаў быў Міхаіл Ромер, адзін з лідараў краёвага руху Беларусі і Літвы.

Усе ўдзельнікі сходаў прымалі ідэю палітычнай і адміністрацыйнай аўтаноміі краю ў межах Расійскай імперыі, але разумелі яе па-рознаму. Прадстаўнікі палякаў, беларусаў, яўрэяў, грунтуючыся на гістарычнай, культурнай і эканамічнай цэласнасці тэрыторыі, звязвалі будучыню краю з аўтаноміяй гістарычнай Літвы ў той час, як літоўцы настойвалі на аўтаноміі этнічнай Літвы “з прылеглымі тэрыторыямі”.

Дыялог паміж прыхільнікамі дзвюх канцэпцый дазволіў пагадзіцца з неабходнасцю гарантаваць раўнапраўе нацый у будучай аўтаномнай Літве.

У маі 1905 г. гэты сваеасаблівы клуб аўтанамістаў перастаў існаваць, галоўным чынам, у сувязі з абвастрэннем польска-літоўскіх адносін, хоць кантакты паміж дэмакратамі нацыянальных рухаў краю не былі цалкам перарваныя [5, с. 142; 19]. Аднак, ва ўмовах узмацнення беларускага і літоўскага рухаў, краёўцы не здолелі дасягнуць адзінства, а іх палітыка народнай згоды не знайшла дастатковай падтрымкі ў шматэтнічным і шматканфесійным краі [10, с. 234].

Восенню 1905 г. адзін з ідэолагаў краёвага руху, Раман Скірмунт, агучыў ў “Літоўскім кур’еры” ідэю стварэння Краёвай партыі Літвы і Беларусі “дзеля ўзгаднення і гарманізацыі трох нацыянальных патрыятызмаў – літвіна, паляка і беларуса” і спрыяння эканамічнаму, культурнаму, нацыянальнаму развіццю гэтых народаў. Перад партыяй ставілася задача дамагацца “палітычнай канцэнтрацыі <...> Літвы і Белай Русі з Палессем як самаўпраўляемай адзінкі з агульным палітычным цэнтрам у Вільні і культурна-самакіруемымі цэнтрамі ў Коўне і Мінску”; праз сваіх дэпутатаў несці гэта пытанне ў Дзяржаўную Думу і рыхтаваць глебу ў краі да самакіравання, “якое хутка нам стане даступна”. [39, с. 2, 3–4, 11]

Прыхільнікамі ідэі непадзельнасці гістарычнай Літвы, як цэласнасці са сваімі палітычнымі інтарэсамі, з’яўляліся кіраўнікі беларускага нацыянальнага руху браты Іван і Антон Луцкевічы, Вацлаў Ластоўскі. Гэту ідэю віленскае беларускае кола несла ў народ праз перыёдыку і з яе дапамогай умацоўвала пазіцыі беларускага руху, пашырала кола яго прыхільнікаў, прывучала польскую і рускую грамадскасць да думкі пра заканамернасць беларускага адраджэння.

Аналізуючы “беларускі ўхіл” краёвай ідэалогіі, А. Смелянчук задае пытанне, якое яшчэ чакае навуковага адказу: “Чым была краёвасць у беларускай гісторыі пачатку ХХ ст.? Прагматычным разлікам этнічных рухаў, якія адчувалі ўласную слабасць? Спробай выкарыстаць палітычны варыянт нацыянальнай мабілізацыі насельніцтва? Пострамантычнымі і трохі наіўнымі спадзяваннямі некалькіх палітыкаў, далёкіх ад рэчаіснасці Беларусі і Літвы пачатку ХХ ст.? Ці напauсвядомай праявай глыбінных падставаў беларускай гісторыі і тагачаснай беларускай ментальнасці?”. [7]

Прыкметную ролю ў пашырэнні краёвай ідэалогіі адыгралі масонскія ложы, якія аб’ядналі частку дэмакратычных сіл усіх нацыянальных рухаў Беларусі і Літвы [7]. У пачатку Першай сусветнай вайны масоны краю стварылі ложу «Вялікі Усход Літвы», якая адмовілася падпарадкоўвацца кіруючаму цэнтру расійскіх масонаў, і стала самастойнай. Яны разышліся ў поглядах на будучыню Беларусі і Літвы. Расійскае масонскае кіраўніцтва не прызнавала правоў беларускага і літоўскага народаў на самавызначэнне і стварэнне сваіх форм дзяржаўнага жыцця. У палітычным плане члены ложы «Вялікі Усход Літвы» адстойвалі поўную незалежнасць гістарычнай Літвы (Вялікага Княства Літоўскага) як дзяржаўнага ўтварэння беларусаў і літоўцаў [3, с. 31, 153–154; 10, с. 256–257].

Ідэя адбудовы ВКЛ у беларускім нацыянальным руху. З пачатку ХХ ст. моцныя акцэнтны нацыянальна-вызвалення, ўмовы, што спрыялі барацьбе за нацыянальную і палітычную тоеснасць, з’явіліся ў Беларусі, якая ў паслялюблінскі перыяд ахоплівала 80 % тэрыторыі гістарычнай Літвы (ВКЛ). Праўда, даследчыкі адзначаюць, што ў канцы ХІХ ст. украінцы, літоўцы, латышы апырэжвалі іх на 20–30 гадоў у сваіх патрабаваннях і барацьбе за ідэнтычнасць [17, с. 9].

Аднак у бурлівых 1904–1905 гг. беларускі рух узмацніўся, пачаў пранікаць у масы, хоць развіваўся ў выключна неспрыяльных умовах і быў вельмі сціплым. А падчас Першай сусветнай вайны беларусы прайшлі шлях, які іншыя нацыі ў працэсе самаўсведамлення праходзілі за дзесяцігоддзі [40, с. 164].

Разам з іншымі народамі Усходняй Еўропы беларусы шукалі сябе ў новай палітычнай сістэме. З пачатку ХХ ст. актывізавалася дзейнасць інтэлігенцыі, спачатку нешматлікай, але дынамічнай у рэалізацыі важнейшай нацыянальнай мэты – барацьбы за вызваленне. За пошукі шляхоў дзяржаўнага і нацыянальнага самавызначэння Беларусі ўзяліся інтэлектуалы. Пачала фарміравацца беларуская палітычная думка, абaperтая на новых задачах.

Па словах Т. Грыба, выхаваная на ідэях Я. Чачота, К. Каліноўскага і Ф. Багушэвіча беларуская рэвалюцыйная дэмакратыя восенню 1902 г. заклала “Беларускі гурток народнай асветы” (заснавальнік І. Луцкевіч), які ў 1903 г. “прымае зусім выразную палітычную праграму і ставіць сваім заданнем аб’яднанне ўсіх дэмакратычных элементаў Беларусі і Літвы на грунце адбудовы страчанай дзяржаўнасці Вялікага Княства Літоўскага” [27, арк. 57].

З першымі праявамі нацыянальнага руху, як пісаў А. Луцкевіч, у мясцовым грамадстве “будзіліся яркія ўспаміны незалежнага бытавання і расло жаданне вызвалення <...> выдзяленнем краю з агульнарасійскага арганізму, здабыццём утрачанай незалежнасці”. Ужо ў 1904–1905 гг. на шматлікіх з’ездах, нарадах і мітынгхавысоўваліся думкі практычнага характару адносна эканамічных і дзяржаўна-прававых асноў будучай Беларусі. У дыскусіях акрэслілася думка, што Беларусь, адрэзаная ад мора, з перарэзанымі адвечнымі гандлёвымі дарогамі да яго – рэкамі Нёманам, Дзвіной і Дняпром – не зможа незалежна развівацца эканамічна і палітычна. Таму да ранейшай формулы “вызваленне з-пад прыгнёту Расіі” дадаецца новая: “вольная Беларусь, як дэмакратычная рэспубліка, сфедэраваная з суседзямі”. Гэта формула знайшла месца ў новай праграме БСГ (Беларуская сацыялістычная грамада) і прыхільнасць у беларускім грамадстве. З канца 1905 г. на гэтай платформе паўсталі новыя палітычныя партыі і арганізацыі: Сацыялістычная партыя Белай Русі, Беларускі сялянскі саюз, Саюз беларускіх народаў настаўнікаў, Саюз настаўніцкіх семінарыяў, арганізацыі рабочых, студэнцкай моладзі і інш. Гэтая ідэя праводзілася ў беларускай прэсе, здабытай пасля 1905 г. З ёю беларусы ўдзельнічалі ў саюзе і з’ездах аўтанамістаў-федэралістаў [32, л. 5–5 адв.].

Але, паводле А. Луцкевіча, “вайна, адкрытая аб’яўленая беларусам пасля 1905 г.” большасцю расійскага грамадства і краёвых палякаў. “Рост нацыяналізму і агрэсіўнасці” з захаду і ўсходу адбіўся “на

аб'ёме формулы федэрацыі". На першы план выйшла думка аб збліжэнні з тымі краямі і народамі, з якімі беларусаў звязваюць больш моцныя сувязі, чым "выпадковая" прыналежнасць да адной дзяржавы, і ад якіх не трэба чакаць агрэсіўнасці. "Тут на першым плане стаялі літвіны". [32, л. 5 адв.]

З літоўцамі, па словах А. Луцкевіча, беларусы былі заўсёды звязаны вельмі блізка. У аснове гэтай блізкасці ляжыць колішняя сумесная праца над стварэннем сваёй агульнай незалежнай дзяржавы, у якой беларусы дасягнулі найвышэйшага культурнага росквіту. Беларусы збліжались з літоўцамі доўгае сумеснае жыццё, змаганне за незалежнасць сваёй дзяржавы, агульнае права, а да таго ж іх і цяпер злучаюць агульныя гандлёвая арганізацыя, водны шлях па Нёману да мора, умовы эканамічнага жыцця. Выхад да Балтыйскага мора, на думку А. Луцкевіча, – гэта галоўная ўмова паспяховага эканамічнага развіцця Беларусі. І пасля заняпаду ВКЛ беларусы разам з літоўцамі бараніліся ад апетытаў заходніх і ўсходніх суседзяў. І, ўрэшце, – агульная гістарычная сталіца Вільня, якая была і застаецца цэнтрам культурнага, грамадскага, эканамічнага жыцця абодвух народаў [32, л. 5 адв.].

Акрамя таго, працягваў А. Луцкевіч, эканамічныя інтарэсы Беларусі, арыентаваныя на Чорнае мора, з якім яе звязвае Дняпр, а таксама "адвечныя супольныя гістарычныя традыцыі і ўспаміны, блізкасць культур і моў", працяглая агульная мяжа – ад Бранска да Польшчы – прымушалі шукаць апоры і саюза з украінцамі. [32, л. 6–6 адв.]

Так, канстатуючы А. Луцкевіч, ідэя федэрацыі з суседнімі народамі, "пры больш цесным збліжэнні з Літвой", "зрабілася самай папулярнай <...> для беларускага грамадзянства", стала нібыта аддаленым нацыянальным палітычным ідэалам, на якім зышліся беларусы ўсіх партый і палітычных кірункаў. Спаўненне гэтага ідэала магло б у найбольш поўнай меры забяспечыць беларускаму народу магчымасці ўсебаковага развіцця і сапраўдную волю. Выразнік ідэі адбудовы ВКЛ і аўтар праекта Балтыйска-Чарнаморскага саюза, краёвец і сацыяліст, А. Луцкевіч разумеў: нельга ашукваць сябе надзеяй на лёгкае дасягненне гэтага палітычнага ідэалу. Нават калі выкажуць згоду суседзі, ён меў бы шансы толькі пры адной умове – поўным развале расійскай дзяржаўнай сістэмы. [32, л. 6 адв. – 7]

На думку І. Ліхтэншула, аўтара артыкула "Беларуская праблема ва Усходняй Еўропе" (1944 г.), тэндэнцыя кааперацыі і суіснавання, пошук падтрымкі з'яўляецца базавай рысай нацыянальнай псіхалогіі беларусаў, якія на працягу апошніх васьмі стагоддзяў не жылі нацыянальна асобна, але суіснавалі з іншымі народамі. Пры гэтым ён адзначыў, што "праз усю гісторыю беларусы былі нацэлены на супрацоўніцтва, заўсёды праз мірныя альянсы, а не заваёву" [29, с. 2]. Аўтар артыкула звярнуў увагу таксама на тое, што мінулае Беларусі "зацёмнена чужым імем Літвы", хоць, на яго думку, яно "намнога больш старажытнае і блізкае, чым Малой і Вялікай Расіі" [29, с. 5].

У 1924 г. адзін з артыкулаў нямецкага часопіса "Litauische Rundschau", які выдаваўся ў Коўне на нямецкіх грошы, разважаў на тэму, як Літве атрымаць Вільню, бо Ліга Нацый гэтае пытанне на яе карысць вырашыць не можа. Аўтар артыкула прааналізаваў варыянты будучыні Літвы ў цалкам магчымых камбінацыях дзяржаў: Германія-Літва-Расія або Германія-Літва (такія саюзы цяпер "не па часе", несвоечасовыя) і Літва-Польшча (гэты саюз наогул "бессэнсоўны") – і высунуў "трэцюю камбінацыю": аб'яднанне Літвы з Беларуссю і Украінай, "якое і магло б даць Літве Вільню".

На такі паварот аўтарскіх разважанняў па віленскім пытанні А. Луцкевіч адказаў артыкулам пад назвай "Уваскросшы праект (аб беларуска-ўкраінска-літоўскім саюзе)" [23]. У ім ён пісаў, што яшчэ задоўга да сусветнай вайны ў беларускім, украінскім і частцы літоўскага грамадства лунала думка аб "трайным саюзе" гэтых народаў. Ідэя мела пад сабой не толькі "ідэйныя пабуджэнні" – супольнасць нацыянальных ідэалаў, "але і вельмі рэальныя падставы": патрэбу змагання з агульнымі ворагамі (Масква і Варшава) і эканамічныя інтарэсы трох краін. Ідэалагі "трайнага саюзу", паводле А. Луцкевіча, лічылі, што тыя ж самыя прычыны, якія некалі прывялі да стварэння вялізнай дзяржавы ад Балтыйскага да Чорнага мора, не перасталі існаваць і пасля развалу Вялікага Княства Літоўскага. На першым плане тут стаіць геаграфічнае становішча Беларусі, Украіны і Літвы, супольнасць водных артэрыяў (сістэма рэк і каналаў), а таксама ўзаемнае дапаўненне гэтых краін прыроднымі багаццямі.

З пачаткам сусветнай вайны, як пісаў А. Луцкевіч, калі затрашчалі сцены "ўсерасійскай турмы народаў", "у якой пад замком сядзелі і мы", а вялізны абшар на захадзе быў пакінуты расійскай арміяй і акупаваны немцамі, у беларускім, украінскім і літоўскім грамадстве абудзіліся іх незалежніцкія імкненні і зноў выплыла ідэя "трайнага саюзу". Але тагачасныя "гаспадары палажэння" берлінскія палітыкі паставіліся да гэтай ідэі варожа. Германія баялася стварэння магутнай сілы аб'яднаных народаў і пайшла на іх абасабленне. Яна прызнала незалежнасць Літвы і Украіны, паміж якімі, быццам клін, павінна была ўрэзацца "расійская" Беларусь. [23]

Такім чынам, у пачатку XX ст. беларуская думка мела два асноўныя варыянты бачання палітычнай будучыні сваіх зямель, і да Першай сусветнай вайны ў ёй не было адназначнай арыентаванасці на этнанацыянальную мадэль дзяржаўнасці. Першы падыход быў прадстаўлены краёвай ідэяй, якая прадугледжвала дзяржаўную незалежнасць і непадзельнасць гістарычнай Літвы (былога ВКЛ). Другі – пастулат нацыянальна-культурнай аўтаноміі Беларусі ў складзе дэмакратычнай Расіі.

Пастулат аўтаноміі быў сфармуляваны прадстаўнікамі пасляпаўстанцкага пакалення, якое змірылася з тым, што ВКЛ ужо не вярнуць. Яны першымі ў адрозненне ад пакаленняў 1831 г. і 1863 г., якія імкнуліся да ўласнай дзяржаўнасці ў межах 1771 г., прызналі сябе грамадзянамі Расійскай імперыі і выступілі за расійскую дзяржаўнасць і аўтаномію ў ёй. Гэты факт прыналежнасці гістарычнай Літвы да Расіі ўпершыню ў гісторыі быў шырока прызнаны беларускай і літоўскай грамадскай думкай як аснова ўласнай палітычнай ідэалогіі. Тэорыя адбудовы Літвы ў гістарычных межах пераўтварылася ў праект аўтаноміі – “ўтопію” змяніў палітычны рэалізм. Не выпадкова існуе меркаванне, што пастулат аўтаноміі належыць разглядаць як паражэнне ў змаганні за адбудову сваёй дзяржавы і кампраміс з пераможцам.

Літоўскія канцэпцыі гістарычнай і этнаграфічнай Літвы. Пасля 1795 г. літоўскія патрыётаў ВКЛ ніколі не пакідала надзея рэстаўраваць сваю дзяржаву і яе незалежнасць, і яны выкарыстоўвалі дзеля гэтага любую магчымасць.

У літоўскім грамадска-палітычным руху пачатку XX ст. у поглядзе на будучыню сваіх зямель сфарміраваліся дзве плыні: незалежнікі і аўтанамісты. Пры гэтым нацыянальная палітычная думка сфармулявала дзве канцэпцыі будучай дзяржавы: Літвы гістарычнай і Літвы этнаграфічнай. Згодна першай канцэпцыі, літоўцы згаджаліся з беларусамі жыць у адной дзяржаве, аднак прэтэндавалі на манапольнае распадаржэнне спадчынай ВКЛ. Прыхільнікі другой канцэпцыі атаясамлівалі сучасную ім Літву з Літвой гістарычнай і ў адрозненне ад беларускага руху, які захоўваў традыцыі шматнацыянальнага ВКЛ, змагаліся за стварэнне на аснове ВКЛ сваёй манацыянальнай дзяржавы.

Літоўскія палітыкі пачатку XX ст. лічылі Літву адзінай правапераемніцай ВКЛ, хоць у свой час яе тэрыторыя складала невялікую частку гэтай вялізнай дзяржавы, і адмаўлялі беларусам у праве на палітычную спадчыну ВКЛ, г. зн. у праве апекаваць да гістарычнага мінулага і гістарычнай дзяржаўна-палітычнай традыцыі. Такі падыход канчаткова аформіўся і замацаваўся ва ўмовах Першай сусветнай вайны. Згодна з ім атрымлівалася, што Літва аднаўляла сваю нацыянальную дзяржаву, страчаную са знікненнем ВКЛ. Беларусам жа даводзілася ствараць уласную дзяржаўнасць з самага пачатку, што было непараўнальна больш складана, паколькі ў вачах вядучых еўрапейскіх краін пазбаўляла беларускую нацыю гістарычнага фундаменту [10, с. 309]. Больш таго, літоўскія палітыкі, спасылаючыся на гістарычнае права, уключалі ў склад Літоўскай дзяржавы землі, якія на той час знаходзіліся ў Віленскай, Ковенскай, Гродзенскай, Сувальскай, Курляндскай губернях, а таксама ў Навагрудскім павеце Мінскай губерні і паўночнай частцы Ломжынскай губерні [33, л. 221 адв.; 10, с. 310].

Рух адраджэння праводзіла літоўская інтэлігенцыя ў першым пакаленні [15, с. 52], якая паходзіла з сялян, і таму непрыхільна ставілася да шляхты і польскага нацыянальнага руху, прадстаўленага, галоўным чынам, шляхтай. Р. Мікныс канстатуе, што па меры таго, як узмацняліся праявы польскага і расійскага шавінізму, расла і нацыяналістычная плынь у літоўскім нацыянальным руху. Калі ў 1896 г. літоўскія сацыял-дэмакраты выступілі за федэрацыю Літвы з Польшчай [15, с. 61], то ў пачатку XX ст. літоўская інтэлігенцыя ўсведамляла, што палітычная будучыня дзяржаў павінна быць асобнай. Нарастаючая польска-літоўская канфрантацыя з’яўлялася істотнай перашкодай у дамаганнях палітычнай аўтаноміі Літвы [19, с. 102].

Свае палітычныя пастулаты літоўцы адстойвалі, стварыўшы ўласныя партыі, праз агульнарасійскія партыі; ва ўрадзе Расіі; а таксама з дапамогай эміграцыі, арганізаванай і свядомай, якой беларусы не мелі.

Сфера дзейнасці Літоўскай дэмакратычнай партыі, створанай у 1902 г., распаўсюджвалася таксама і на “ўсю Рускую Літву” (Беларусь). Палітычным ідэалам партыі з’яўляліся свабода і самастойнасць Літвы, літоўская дэмакратычная рэспубліка, злучаная з суседнімі землямі на федэратыўных пачатках. ЛДП (літоўская дэмакратычная партыя) патрабавала аўтаномію для этнаграфічнай Літвы з сеймам у Вільні. Да аўтаномнага этнаграфічнага ядра Літвы, як дэкларавалася ў праграме партыі, “могучь далучыцца і суседнія іншародныя часткі па ўзаемнай згодзе, на аснове плебісцыту, правы меншасці гарантуюцца агульнадзяржаўнымі законамі. Іншапляменная меншасць дзеля яе культурных патрэб прадстаўляецца спецыяльным бюджэтам, прапарцыйна колькасці дадзенай меншасці”. Афіцыйнай мовай у аўтаномнай Літве з’яўляецца літоўская, дапускаюцца і мясцовыя мовы. Кампетэнцыі цэнтральнага ўраду імперыі пакідаліся міжнародныя зносіны, мытнае ведамства, манетная справа, абарона дзяржавы. [33, л. 202 адв. – 204]

Літоўскамоўная брашура “Хто такія сацыялісты і чаго яны жадаюць” патрабавала прадаставіць Літве права самой клапаціцца пра свае справы, выпрацоўваць законы. Ведучы свае справы самастойна, яна злучыцца з суседнімі народамі (латышамі, палякамі, беларусамі, маларусамі, рускімі) на ўмовах, якія выпрацуе сейм у Вільні. [33, л. 58 адв.]

З пачаткам рэвалюцыі ў Расіі літоўскі грамадска-палітычны і нацыянальны рух актывізаваўся. Літоўка Літоўскай сацыял-дэмакратычнай партыі “За Віленскі сейм!” (1 сакавіка 1905 г.) абвешчала: “...нам не патрэбен толькі адзін сейм усіх нацый у Расіі. Нам патрэбна, каб Літва мела асобны сейм” [33, л. 43 адв.]. “Не пакладзём зброі, пакуль не будзе магчымасці літоўскім дэпутатам сабрацца не ў Пецярбургу, а ў Вільні, і тут разшыць, якая ўлада будзе ў Літве, ці павінна Літва па старому заставацца пад уладай Расіі або ад яе аддзяліцца”, – заклікала літоўка ЛСДП “Мужчыны да зброі” (6 лістапада 1905 г.) [33, л. 40 адв.].

У канцы 1904 г. на палітычную арэну выйшла група аўтанамістаў (аўтанамістаў-федэралістаў) – прадстаўнікоў дэмакратычных колаў Літвы і Беларусі, якія ў снежні 1904 г. – чэрвені 1905 г. арганізавалі

ў Вільні міжнацыянальныя кансультацыйныя з'езды і на іх абмяркоўвалі праблемы палітычнай і адміністрацыйнай аўтаноміі Літвы ў межах Расійскай імперыі. На гэтых з'ездах палякі, беларусы, яўрэі выступілі за гістарычную і геаграфічную аўтаномію Літвы, а літоўцы – за этнаграфічную. Першыя ў сваіх праектах апелявалі да прынцыпа грамадзянства, другія – да прынцыпа нацыянальнасці [19, с. 108].

Пазіцыя літоўцаў, як сцвярджае Р. Мікныс, стала падставай усіх далейшых непаразуменняў, хоць спачатку іх адстойванне этнаграфічнай Літвы не перакрэслівала магчымасці рэалізацыі канцэпцыі гістарычнай Літвы, тым больш, што этнаграфічная Літва павінна была ахапіць частку Гродзенскай губерні і Навагрудскі павет Мінскай губерні, а мяжа з Беларуссю праводзілася ўздоўж Вілейскага і Дзісенскага паведаў, з Польшай – па Сувалкаўскай губерні на нацыянальнай аснове. Але на нарадах літоўскай інтэлігенцыі, арганізаваных ЛДП у канцы сакавіка – пачатку красавіка 1905 г., пытанне аб палітычнай аўтаноміі Літвы ў этнаграфічных межах было пастаўлена па-новаму – гаварылася аб федэрацыйнай сувязі Літвы з усімі народамі імперыі. Беларусы трактаваліся як адзін з такіх народаў, гэта значыць, іх выразна адмежавалі ад Літвы [19, с. 108–110].

Абгрунтоўваючы аддзяленне этнаграфічнай Літвы ад Беларусі, літоўцы заявілі, што не маюць нічога супраць аўтаноміі Беларусі. Але паколькі беларускі нацыянальны рух яшчэ не выказаў імкнення да аўтаноміі Беларусі, то праграма яе аўтаноміі – гэта ідэалізм і фантазія. А горстка беларускай інтэлігенцыі не прэзентуе беларускага народа, паколькі ён яшчэ “не прачнуўся”. Беларусы, на думку літоўскіх дэмакратаў, яшчэ не прайшлі працэс фарміравання на сваёй этнічнай тэрыторыі. У адрозненне ад беларусаў, у літоўцаў дасягненне палітычнай аўтаноміі павінна ўвянчаць канечны этап адраджэння літоўскага народа і працэс фарміравання літоўскай нацыі. Гэтану найбольш адпавядала канцэпцыя Літвы этнаграфічнай. [19, с. 111]

Р. Мікныс выказвае агульную думку літоўскіх і беларускіх даследчыкаў, што калі б літоўцы выбралі канцэпцыю дзяржаўнасці Літвы гістарычнай, тым самым згадзіліся б на ролю нацыянальнай меншасці. Мела падставы і іх перасцярога, ці зможа яшчэ не ўмацаваная літоўская культура абараніць сваю індывідуальнасць перад уплывам польскай культуры, якая мела ў краі даўнія традыцыі і патэнцыял для развіцця. Небеспадасна ў канцэпцыі дзяржаўнасці гістарычнай Літвы літоўцы бачылі пагрозу для свайго нацыянальнага існавання. Таму падчас абмеркаванняў яны апелявалі да права народаў на самавызначэнне і, кіруючыся нацыянальным інтарэсам, стаялі на пастулаце нацыянальнай дзяржавы, якая таксама дазваляе прывязаць да традыцыі даўняй дзяржаўнасці. [19, с. 111]

З пункту погляду літоўскага даследчыка, на тых з'ездах нешматлікія прадстаўнікі беларускай інтэлігенцыі, абспіраючыся на канцэпцыю гістарычнай Літвы, жадалі супольнай аўтаноміі Літвы і Беларусі ў надзеі на адрыв ад расійскага культурнага ўплыву і абуджэнне, з дапамогай Літвы, нацыянальнай свядомасці ў шырэньшых колах беларускага народа. Мясцовыя палякі і яўрэі таксама бачылі лепшыя для сябе перспектывы ў палітычнай аўтаноміі Літвы ў гістарычных межах. [19, с. 111]

Дасягнуць паразумення прадстаўнікам народаў тады не ўдалося, але першыя афіцыйныя кантакты распачалі дыялог паміж прыхільнікамі дзвюх канцэпцый Літвы.

Пад канец 1905 г. літоўскі рух выступіў ужо як значная сіла ў палітычнай сферы [12, с. 81]. Важным фактам тагачаснага палітычнага жыцця стаў з'езд прадстаўнікоў літоўскага народа 21–22 лістапада 1905 г. у Вільні, які сабраў больш за 2000 удзельнікаў, што прадстаўлялі ўсе партыі Літвы, і атрымаў назву “Вялікага віленскага сейма”, “нацыянальнага кангрэса”. З'езд выступіў за аўтаномію Літвы з урадам у Вільні і федэрацый з суседнімі народамі [15, с. 61]. “Патрабавалі аўтаноміі, – піша І. Бельскіс, – на большае ад аўтакратычнай Расіі не разлічвалі” [28, с. 40]. Меркавалася, што ядром аўтаноміі стане этнаграфічная Літва, але будучы далучаны прылеглыя тэрыторыі, што да яе цягаецюць з пункту погляду эканамічнага, культурнага, нацыянальнага, або іх насельніцтва вырашыць гэта на аснове плебісцыту. Пасля з'езда інтэлігенцыя раз'язджала па гарадах і мястэчках, заклікаючы ўстанавіць самастойную літоўскую аўтаномію з сеймам у Вільні [33, л. 206–207].

Прадстаўнікі ЛСДП у Дзяржаўнай думе патрабавалі для свайго краю палітычнай аўтаноміі з мясцовым сеймам, пры якой “усе літоўскія народнасці і мовы маюць роўныя правы” [33, л. 129].

15 снежня 1905 г. група літоўскіх дзеячаў звярнулася ў Бюро канстытуцыйна-дэмакратычнай партыі з заявай аб сваёй згодзе далучыцца да партыі пры ўмове, што яна вызначыцца адносна пытання аўтаноміі Літвы і зафіксуе гэта ў сваёй праграме [35, л. 1–1 адв.].

З'езд літоўцаў, якія пражывалі ў Амерыцы, у сваім мемарыяле ад 22 лютага 1906 г. аб прадастаўленні аўтаноміі Літве выказаў гатоўнасць адрадзіць сваю знішчаную дзяржаву і рашучасць вярнуць яе забраныя атрыбуты і скарбы: “Літоўцы яшчэ не запамтавалі сваіх народных традыцый і часы незалежнасці, калі яны мелі сваё войска і грошы, свой сейм, Універсітэт і свае вучылішчы”. Літоўскаму народу павінны быць вернуты канфіскаваныя маёмасці манастыроў і памесцяў, лясы, Універсітэт з музеем і архівам [2, л. 1, 4]. Першая сусветная вайна наблізіла ажыццяўленне літоўскай мары.

Такім чынам, канцэпцыі дзяржаўнасці Літвы, якія сфарміраваліся ў літоўскім руху, апелявалі да ВКЛ-аўскай традыцыі, хоць і вызначалі адменную тэрыторыю, этнічны склад насельніцтва, палітыку. Канцэпцыя гістарычнай Літвы стаяла за працяг дзяржаўнай традыцыі шматэтнічнага ВКЛ. Другая – этна-

графічнай Літвы – мела мэтай стварэнне монанацыянальнай дзяржавы на аснове ВКЛ. З пачатку XX ст. літоўская палітычная думка ўсё больш эвалюцыяніравала ад свядомасці грамадзян ВКЛ да свядомасці літоўскай нацыянальнай дзяржавы [19, с. 99].

Цікава, адзначае Р. Мікныс, што дыскусіі паміж прыхільнікамі канцэпцый працягваліся нават тады, калі другая з іх была ўжо рэалізавана ў выглядзе Літоўскай Рэспублікі. Дыскусія, на яго думку, жыўла разуменне таго, што канчатковая рэалізацыя гэтай канцэпцыі адбудзецца не хутка, – трэба было вырашыць шэраг складаных праблем і пераадолець шмат перашкод. Сярод іх – пытанні аб Вільні, Клайпедзе, вяртанні культурнай спадчыны ВКЛ і інш.

Літоўская Рэспубліка, хоць і лічыла сябе прадаўжальніцай даўняй дзяржаўнасці ВКЛ, не магла ў поўнай меры выступаць у гэтай ролі, у той час, як першая канцэпцыя, якая апелывала да непасрэднай сувязі з традыцыйнай гістарычнай Літвы, мела спосабы рашэння гэтых праблем. Таму яна захоўвала актуальнасць, асабліва ва ўмовах Першай сусветнай вайны [19, с. 98–99].

Дзяржаўна-палітычная традыцыя ВКЛ у польскім руху. На працягу XIX ст. палякі зрабілі шмат спроб атрымаць незалежнасць. Адраджэнне Польшчы мыслілася імі разам з рэстытуцыяй межаў 1771 г. Кожны раз усе палітычныя кірункі бачылі гістарычную Польшчу – супольнасць народаў Рэчы Паспалітай. Пра Польшчу этнаграфічную тады не думалі [18, с. 15]. Таму кожны раз пры пастаноўцы пытання аб рэстаўрацыі Рэчы Паспалітай паўставала пытанне аб будучыні Літвы, Беларусі, Украіны – зямель і народаў былога Вялікага Княства Літоўскага. Іх будучыня звычайна трактавалася ў аспекце рэанімацыі міждзяржаўнай уніі, якую палякі лічылі галоўнай рысай сваёй гісторыі. Зацікаўленасць справамі Літвы і Беларусі выплывала з непасрэднага суседства і традыцыі даўняй дзяржаўнай сувязі, у якой дамінуючую ролю адыгрывала Польшча.

На мяжы XIX–XX стст. на арэну барацьбы ў польскім грамадска-палітычным руху выйшлі новыя сілы. Важную ролю ў аб’яднанні польскіх рэвалюцыйных сіл у краінах-“заборцах” (Расіі, Прусіі і Аўстрыі) адыграў з’езд груп сацыялістычнай арыентацыі, які адбыўся ў лістападзе 1892 г. у Парыжы. Заснаваная на з’ездзе ППС (Польская сацыялістычная партыя) адразу праявіла цікавасць да пытання “палітычнага вызвалення Літвы і Русі” і аб’яднання з іх палітычнымі сіламі ў барацьбе за свае ідэалы. З’езд прыняў дакумент “Kwestija Litwy i Rusi” (“Пытанне Літвы і Русі”). У яго праекце гаварылася: “Адносна літвінаў і русінаў стаім <...> на пазіцыі вольнай федэрацыі”. Канчаткова прынятая партыйная фармулёўка дэкларавала “поўную роўнасць народаў, якія ўваходзяць у склад Рэчы Папалітай на аснове добраахвотнай федэрацыі”. [13, с. 33, 40, 47]

Так, упершыню ў польскай палітычнай думцы была сфармулявана федэралісцкая ідэя адбудовы Рэчы Паспалітай у гістарычных межах, якая прадугледжвала стварэнне на гэтай тэрыторыі дэмакратычнай шматнацыянальнай дзяржавы на федэрацыйнай аснове. На думку Т. Снайдэра, ідэя федэралізму аформілася ў пачатку XX ст. на аснове палітычных поглядаў краёўцаў [1, с. 65–66]. У польскім руху тады атрымала пашырэнне думка аб тым, што палякі разам з літоўцамі, беларусамі і ўкраінцамі павінны ўтварыць “братнюю Рэч Паспалітую”, “саюз вольных народаў” [18, с. 29].

Найбольш яркім прадстаўніком федэралісцкай ідэі быў нашчадак літвінскай шляхецкай фаміліі, польскі рэвалюцыянер, палітык і дзяржаўны дзеяч Ю. Пілсудскі. Сваю праграму лідар ППС сфармуляваў у ліпені 1904 г. у Токіа, у мемарыяле для японскага ўрада [41, с. 29–30]. Ю. Пілсудскі засведчыў, што сярод паняволеных Расіяй народаў падставы для стварэння ўласных дзяржаў маюць толькі “народы гістарычныя”, да якіх залічыў палякаў. Перспектывы будучыні літоўцаў, беларусаў, латышоў і часткова ўкраінцаў ён бачыў у суіснаванні з адроджанай Польшчай. [19, с. 101]

Рэвалюцыянер стварыў сваю канцэпцыю будучыні Рэчы Паспалітай у выглядзе федэрацыйнага саюза вольных і раўнапраўных народаў Усходняй Еўропы [41, с. 29]. Ураджэнец Літвы, у ментальнасці якога зліваўся ў адзінае патрыятызм Рэчпаспалітаўскі і ВКЛаўскі, Ю. Пілсудскі добра ведаў гістарычную традыцыю. Даследчыкі мяркуюць, што да федэрацыйнай ідэі яго схілілі літвінская традыцыя, палітычны рэалізм і добрае веданне Расіі [41, с. 31].

Федэралісцкая праграма Пілсудскага, як трактуе яе польскі даследчык З. Краёўскі, адносілася найперш да літоўскіх і беларускіх зямель і меркавалася як першы этап дасягнення палітычнай стабільнасці ва Усходняй Еўропе. Ён надаваў вялікае значэнне супольнай польска-літоўскай (ВКЛаўскай) гістарычнай традыцыі. ВКЛ у яго канцэпцыі было ключом для ажыццяўлення федэрацыйных намераў. [41, с. 30]

Лідар ППС быў перакананы, што форму будучага дзяржаўнага ладу адноўленага ВКЛ абяруць яго жыхары. На літоўска-беларускіх землях цяжка было правесці нацыянальны падзел – федэрацыя магла вырашыць гэту праблему. Важная роля адводзілася Вільні і Віленшчыне, роднай зямлі. На іх прэтэндавалі літоўцы, беларусы, палякі. Федэрацыя вырашала і гэту праблему. Віленшчына становіліся сувязным звяном, а не прадметам спрэчак [41, с. 31].

Але літоўскі і беларускі нацыянальныя рухі, якія ў той час хутка развіваліся, ужо мыслілі сваю дзяржаўную будучыню без унійнай сувязі з Польшчай. Нежаданне літоўцаў да ўніі з Польшчай усё больш узмацнялася. Ідэя федэрацыі з ёй не мела шырокай грамадскай падтрымкі і ў Беларусі.

Мясцовыя палякі падзяліліся ў бачанні будучыні “гістарычнай тэрыторыі Літвы” (былога ВКЛ). У адрозненне ад большасці літвінаў, якія лічылі, што падзелы Рэчы Паспалітай паставілі кропку на польска-літоўскай уніі, краёўцы, якія захоўвалі свядомасць грамадзян ВКЛ, з’яўляліся прыхільнікамі федэрацыі. Яны былі перакананы, што унію народаў нельга разарваць [16, с. 251]. У Беларусі і Літве федэрацыйную праграму падтрымлівалі сацыялісты і буйныя землеўласнікі. Польская дэмакратычная інтэлігенцыя Вільні ў пачатку XX ст. усведамляла, што палітычная будучыня гістарычнай Літвы павінна быць асобнай ад палітычнай эвалюцыі этнічнай Польшчы, і была варожа настроена да нацыяналістычных тэндэнцый, як польскіх, так і літоўскіх [19, с. 104]. Але сярод палякаў Вільні было нямала такіх, што хацелі простага ўключэння краю ў склад Польшчы [40, с. 32].

Спачатку Ю. Пілсудскі спадзяваўся, што яму ўдасца схіліць да сваіх планаў літоўцаў і беларусаў, але хутка зразумеў, што ніхто не збіраецца падтрымліваць федэрацыю. Палякі прапанавалі стварыць яе са зброяй у руках, але гэта супярэчыла прынцыпам федэрацыі. У час гвалтоўнага выбуху нацыяналізмаў у Еўропе ідэя Пілсудскага не магла быць рэлізавана [41, с. 34].

Польская сацыялістычная партыя – адзіная польская партыя, якая выступала за федэрацыю з Літвой-Беларуссю і адбудову на іх землях ВКЛ. На канферэнцыі сацыялістычных рэвалюцыйных партый Расіі, якая праходзіла ў пачатку 1905 г. у Фінляндыі, у супольнай дэкларацыі ППС і БСГ абвешчалася неабходнасць “выдзялення тэрыторыі гістарычнай Літвы (Літвы і Беларусі) разам з усімі нацыянальнасцямі, што яе насяляюць, у асобны палітычны арганізм” [31, с. 40].

Але пазіцыя польскіх палітычных сіл ў справе будучыні гістарычнай Літвы не была аднолькавай. Раздаваліся галасы, што Літва і Беларусь з’яўляюцца “натуральным дапаўненнем Польшчы” і іх інкарапацыя павінна стаць кампенсацыяй за заходнія польскія землі (прускага і аўстрыйскага “забору”). Ідэалагі эндэкаў (народных дэмакратаў) Р. Дмоўскі, Й. Паплаўскі і інш., у адрозненне ад ППС, катэгарычна выступілі супраць федэрацыйных дзяржаўных сувязяў паміж Польшчай і Літвой-Беларуссю, і бачылі гэты край як частку будучай нацыянальнай польскай дзяржавы [19, с. 101]. Польскія і літоўскія нацыяналісты, як сцвярджае Т. Снайдэр, пахавалі ідэю Пілсудскага пра адраджэнне ВКЛ [1, с. 95, 99].

Такім чынам, у польскай палітычнай думцы пачатку XX ст. існавалі дзве праграмы аднаўлення Рэчы Паспалітай: федэралісцкая і нацыянал-дэмакратычная. Першая прадугледжвала аб’яднанне Кароны з адбудаваным ВКЛ у межах свабоднай федэрацыі пры культурным лідарстве Польшчы. Другая стаяла за адраджэннем Польшчы як нацыянальнай дзяржавы палякаў і інкарапацыю ў яе склад гістарычнай Літвы. Польскія планы тэрытарыяльнай інтэграцыі ўсходніх крэсаў у іх абодвух варыянтах не ўлічвалі нарастаючыя нацыянальныя рухі беларусаў і літоўцаў і іх незалежніцкія памкненні.

Пасля Лютаўскай рэвалюцыі ў Расіі адбыўся “рэнесанс федэралістычных канцэпцый” польскіх дэмакратычных сіл. У маі 1917 г. у сумеснай “Польскай дэкларацыі ў справе Літвы” яны заявілі, што “ад імя грамадства адраджанай польскай дзяржавы жадаюць незалежнага дзяржаўнага існавання зямель былога Вялікага Княства Літоўскага” і “ўзнаўлення традыцыйнай сувязі” з ім [16, с. 258, 259].

Заклучэнне. У пятым-шостым пакаленнях спадкаёмцаў ВКЛ (лічыцца, што новыя пакаленні ўступаюць у жыццё праз 20–25 гадоў) з новай сілай абуджаецца гістарычная памяць і абстрааецца настальгія па сваёй дзяржаве, страчанай больш за стагоддзе таму. А новая гістарычная сітуацыя – крызіс “турмы народаў” (Руска-японская вайна, Першая руская рэвалюцыя), лозунг права народаў на самавызначэнне, што набываў папулярнасць у Еўропе, – стварыла ўмовы для пастаноўкі і эвентуальнага вырашэння пытання аб адраджэнні страчанай дзяржавы.

Дзяржаўна-палітычная традыцыя ВКЛ была актуалізавана ў пачатку XX ст. краёўцамі і масонамі беларуска-літоўскіх зямель, а таксама шэрагам створаных на мяжы XIX–XX стст. палітычных партый сацыял-дэмакратычнай арыентацыі (ППС, БСГ, СДПЛ), якія ўнеслі ў свае праграмы пастулат адраджэння ВКЛ.

Палітычная спадчына ВКЛ (дзяржава, яе тэрыторыя, сталіца, органы ўлады, заканадаўства і інш.) заняла важнае месца ў ідэалогіі нацыянальных рухаў народаў, якія лічылі сябе яе правапераемнікамі: беларускага, літоўскага, польскага – і выкарыстоўвалі яе ў сваіх нацыянальных інтарэсах. Цікавасць беларускіх і літоўскіх палітыкаў да ідэі рэінкарнацыі ВКЛ абумоўлена аб’ектыўнымі прычынамі: гістарычны, географічны і эканамічны фактары, агульная сталіца, слабасць уласных сіл для дзяржавастваральнай працы, імкненне да трывалага саюза з суседзямі і інш.

Аднак разыходжанне інтарэсаў нашчадкаў ВКЛ па меры фарміравання нацый і нацыянальнага самаўсведамлення, рознае бачанне будучыні народамі гістарычнай Літвы прывяло да канкурэнцыі з-за супольнай палітычнай спадчыны: прэтэнзіі на тэрыторыю ВКЛ, пазней – спрэчкі за Вільню. Адышла ў нябыт сумесная барацьба народаў за адраджэнне Рэчы Паспалітай. Тым не менш, нацыі краю прадпрымалі спробы дыялогу. Яго найбольш яркай праявай былі з’езды прадстаўнікоў дэмакратычнай інтэлігенцыі літоўска-беларускага краю ў Вільні ў канцы 1904 – першай палове 1905 гг.

У ідэалогіі кожнага з нацыянальных рухаў сфарміраваліся розныя падыходы да выкарыстання палітычнай спадчыны ВКЛ. Канцэпцыя гістарычнай Літвы ў літоўскай палітычнай думцы стаяла за працяг дзяржаўнай традыцыі шматэтнічнага ВКЛ, у той час, як канцэпцыя этнаграфічнай Літвы трактавала

яго як “вотчыну” літоўскага этнасу. Польская федэралісцкая праграма прадугледжвала адбудову ВКЛ і яго аб’яднанне праз новую унію з Каронай на ўмовах федэрацыі; а праграма нацыянал-дэмакратаў – інкарапарацыю гістарычнай Літвы ў склад Польшчы. Асабліва трывала ідэя вяртання ВКЛ на карту Еўропы прапісалася ў беларускай палітычнай думцы.

Пастулат аўтаноміі Беларусі і Літвы на аснове расійскай дзяржаўнасці, які ў пачатку XX ст. замацаваўся ў палітычнай ідэалогіі нацыянальных рухаў краю, можна разглядаць як прызнанне імі свайго паражэння ў змаганні за адбудову ўласнай дзяржаўнасці і кампраміс з пераможцам.

ЛІТАРАТУРА

1. Снайдэр, Т. Рэканструкцыя нацый: Польшча, Украіна, Літва, Беларусь, 1569–1999 гг. / Т. Снайдэр ; пер. з англ. ; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск : Медысонт, 2010. – 424 с.
2. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі. – Ф. 579 Мілюкоў П.Н. – Воп. 1. – Спр. 1843.
3. Проблемы формирования белорусской государственности в XX – начале XXI века: избранные труды Н. С. Сташкевича / под науч. ред. А. Н. Данилова, В. С. Кошелева. – Минск : РИВШ, 2012. – 242 с.
4. Смалянчук, А. Беларускі нацыянальны рух і краёвая ідэя / А. Смалянчук // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – Białystok, 2000. – № 14. – С. 105–114.
5. Смалянчук, А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А. Ф. Смалянчук. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2004. – 406 с.
6. Смалянчук, А. Краёвасць стасоўна беларускага і літоўскага нацыянальных рухаў на пачатку XX ст. / А. Смалянчук // *Беларусь і беларусы сярод суседзяў: гістарычныя стэрэатыпы і палітычныя канструкты: матэрыялы міжнар. канф.* – Варшава : Oficyna Wydawnicza Uczelni Łazarskiego, 2013. – С. 66–77.
7. Смалянчук, А. Краёвец Антон Луцкевіч [Электронны рэсурс] / А. Смалянчук // Рэжм доступу: http://bk.baj.by/lekcyji/historija/smalanczuk_04-05.htm. – Дата доступу: 27.04.2014.
8. Хомич, С. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке. От незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo / С. Хомич. – Минск : Экономпресс, 2011. – 416 с.
9. Шыбека, З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002) / З. Шыбека. – Мінск : Энцклапедыкс, 2003. – 490 с.
10. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. – Кн. 1 / А. А. Каваленя [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Бел. навука, 2011. – 584 с.
11. Василевский (Плохоцкий), Л. Современная Польша и ее политические стремления / Л. Василевский. – СПб. : Тип. общ-ва «Общественная польза», 1906. – 220 с.
12. Wasilewski, L. Kresy wschodnie. Litwa i Białoruś – Podlasie i Chełmszczyzna. Galicya wschodnia – Ukraina / L. Wasilewski. – Warszawa–Kraków : Towarzystwo Wydawnicze w Warszawie, 1917. – VII, 109 s.
13. Wasilewski, L. Dzieje zjazdu paryskiego 1892 roku. Przyczynek do historii polskiego ruchu socjalistycznego / L. Wasilewski. – Warszawa : Wydawnictwo Instytutu Badania Najnowszej Historji Polski, 1934. – 48 s.
14. Wielhorski, W. Litwa etnograficzna. Przyroda, jako podstawa gospodarcza. Rozwój stosunków narodowościowych / W. Wielhorski. – Wilno : Wydawnictwo Wileńskiego Biura Informacyjnego, 1928. – 218 s.
15. Wielhorski, W. Litwa współczesna / W. Wielhorski. – Warszawa : Wojskowy Instytut Geograficzny, 1938. – 254 s.
16. Grunberg, K. Polskie koncepcje federalistyczne 1864–1918 / K. Grunberg. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1971. – 358 s.
17. Laniec, S. Białoruś w dobie kryzysu społeczno-politycznego (1900–1914) / S. Laniec. – Olsztyn : Druk : Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Olsztynie, 1993. – 135 s.
18. Pajewski, J. Odbudowa Państwa Polskiego. 1914–1918 / J. Pajewski. – Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2005. – 354 s.
19. Miknys, R. Wileńscy autonomiści i ich projekty autonomii politycznej Litwy w latach 1904–1905 / R. Miknys // *Lithuano-Slavica Poznaniensia Studia Historica*. – 2001. – T. VIII. – S. 97–112.
20. Marozau, S. Знішчэнне Вялікага княства Літоўскага як сацыякультурная траўма / S. Marozau // *Per aspera ad astra : Materiały z XVI Ogólnopolskiego Zjazdu Historyków Studentów*. – T. XII: Metodologia historii, historiografia i historia gender / Red. A. Świętek. – Kraków : Uniwersytet Jagielloński, 2008. – S. 101–113.
21. Марозаў С. П. Тэорыя сацыякультурнай траўмы П. Штомпка як тэарэтыка-метадалагічная аснова вывучэння ідэй і праектаў адраджэння Вялікага Княства Літоўскага / Шлях у навуку : зб. арт. да 55-годдзя студ. навук.-даслед. гіст.-краязн. гутрка “HiKa” / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: Н. А. Івашчанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 281 с. – С. 186–193.
22. Луцкевіч, А. Рэфэрат Беларускае дэлегацыі на Лязанскай канфэрэнцыі народаў Расеі / А. Луцкевіч // *Барацьба за вызваленне* / Уклад., навук. рэд., пер., камент. і прадм. А. Сідарэвіча. – Вільня : Ін-т беларусістыкі ; Беласток : Бел. гіст. тав-ва, 2009. – С. 121–124.
23. Луцкевіч, А. Уваскросшы праект (аб беларуска-ўкраінска-літоўскім саюзе) // А. Луцкевіч. *Барацьба за вызваленне* / Уклад., навук. рэд., пер., камент. і прадмова А. Сідарэвіча. – Вільня : Ін-т беларусістыкі ; Беласток : Бел. гіст. тав-ва, 2009. – С. 318–320.
24. Kalinowski, W. Kwestja Wschodnia a Białoruś / W. Kalinowski. – Warszawa : Drukarnia Literacka, 1920. – 14 s.
25. Dmowski, R. Polityka polska i odbudowanie państwa / R. Dmowski. – Warszawa : Instytut Wydawniczy Pax, 1989. – T. 2. – 346 s.
26. Kulczycki, L. Państwa centralne, Rosya a Polska / L. Kulczycki. – Kraków : Drukarnia Narodowa, 1916. – 68 s.
27. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. – Ф. 3. – Воп. 1. – Спр. 145. Т. Грыб. “Нашы мэты і заданні”. Артыкул без канца. Машынапіс.

28. Bielskis, J. J. Lithuania. Facts Supporting Her Claim for Reestablishment as an Independent Nation / J. J. Bielskis. – Washington : The Lithuanian National Council. – [Б.г.]. – 48 p.
29. Lichtensztul, J. The White Ruthenian Problem in Eastern Europe / J. Lichtensztul. – Reprinted from the Quarterly Bulletin of the Polish Institute of Arts and Sciences in America. – 1944. – July. – 28 p.
30. Sopycki, S. Eastern Poland / S. Sopycki. – London : “Verytas” Foundation Press, 1965. – 35 s.
31. Кароткі нарыс беларускага пытання. – Мінск : Выдавец І. П. Логвінаў, 2009. – 396 с.
32. Бібліятэка Акадэміі навук Літвы, аддзел рукапісаў. – Ф. 21-276. Пратаколы беларускіх арганізацый. 1916 г. – 36 л.
33. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі. – Ф. 102 Дэпартамент паліцыі. Агляды. – Воп. 253. – Спр. 120.
34. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі. – Ф. 102 Дэпартамент паліцыі. Агляды. – Воп. 253. – Спр. 142.
35. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі. – Ф. 579 Мілюкоў П. Н. – Воп. 1. – Спр. 1842.
36. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі. – Ф. 586 Плеве В. К. – Воп. 1. – Спр. 194.
37. Z Rosja czy przeciw Rosji? – Warszawa : Spółka Wydawnicza „Odrodzenie“, 1916. – 119 s.
38. Рудовіч, С.С. Вайна, палітыка, штодзённасць вачыма мастака-краёўца (“Дзённік” Фердынанда Рушчыца як крыніца па гісторыі Першай сусветнай вайны) / С.С. Рудовіч // Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Сморгоншчына: трагедыя, гераізм, памяць : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Сморгонь, 18–19 мая 2007 г. / навук. рэд. А. М. Літвін, У. В. Ляхоўскі; рэдкал.: М. У. Мясніковіч [і інш.]. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2000. – С. 220–242.
39. Skirmuntowna, K. Stronnictwo Krajowe Litwy i Białejrusi / K. Skirmuntowna // Kurier Litewski. – 1907. – 3 (16) maja. – 18 s. [Асобны адбітак].
40. Щавлинский, Н. Б. Государственно-политическое и национально-культурное самоопределение Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918) / Н. Б. Щавлинский. – Минск : ООО «Мэджик Бук», 2009. – 192 с.
41. Krajewski, Z. Geneza i dzieje wewnętrzne Litwy Środkowej (1920–1922) / Z. Krajewski. – Lublin : Ośrodek Studiów Polonijnych i Społecznych PZKS w Lublinie, 1996. – 172 s.

Пасмyniў 01.04.2015

STATE-POLITICAL TRADITION OF GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN NATIONAL MOVEMENTS OF ITS SUCCESSORS IN EARLY XX CENTURY

S. MAROZAU

It is reviewed the search in early XX century by Belarusian, Lithuanian and Polish political thought of the forms of national-state structure of the peoples of former Grand Duchy of Lithuania (GDL) on the basis of its state-political tradition. It is established the circumstances of appeal to historical tradition. Article describes the role and place GDL tradition in «krajovaya» ideology, in ideology of Lithuanian autonomists, Polish federalists, Belarusian national movement. It is shown how the divergence of nation interests lead to adapt GDL heritage to them and to the competition because of this heritage.

Scientific novelty lies in methodological approach, based on modern concepts (sociocultural trauma; political nation; creation of nations in Eastern Europe, discussed on the phenomenon of Rzeczpospolita and GDL heritage); in comparative analysis of use of GDL heritage by Belarusian, Lithuanian and Polish national movements and show the specificity of ideology of Belarusian movement; attract new archival sources.

УДК 233-46 (476)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНСКИХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУСИ В 60-90-е ГОДЫ XIX ВЕКА****М.Г. КОЖЕНЕВСКАЯ***(Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)*

В представленном материале рассмотрены развитие и основные направления деятельности женских благотворительных организаций на территории белорусских губерний Российской империи во второй половине XIX в., которые активно стали создаваться после социально-экономических реформ 60-70-х гг. На основе архивных источников показаны основные методы работы благотворительных обществ и формы их организации. Рассмотрена система принципов типологии женских благотворительных обществ в конце XIX – начале XX вв. Приведенные примеры позволяют говорить о широкой области деятельности женских благотворительных организаций: они оказывали помощь бедным больным, ученикам из неимущих семей и сиротам, представительницам отдельных профессий, пострадавшим от мятежей и т.п. Кроме того, уделяется внимание благотворительной деятельности представительниц дворянского, мещанского и купеческого сословий в белорусских губерниях.

Вторая половина XIX – начало XX вв. на территории Российской империи характеризуется изменениями в социально-экономической сфере, которые повлекли за собой и развитие благотворительности. В это время стали активно создаваться благотворительные организации, во главе которых все чаще становились женщины. Нередко они же и стояли у истоков создания благотворительного общества или дамского комитета помощи нуждающимся.

В отечественной историографии проблема женской благотворительности малоизученна. Многие известные историки затрагивают данную проблематику, но лишь в общем исследовательском контексте.

Особое внимание заслуживают работы таких белорусских историков как А. Григорьев [1], Ю. Функ [2], С. Шимукович [3], которые одними из первых в республике провели исследование и проследили историю развития благотворительности на белорусских территориях как на протяжении всей истории развития земель, так и в отдельные периоды. Работы А. Григорьева и С. Шимуковича рассматривают различные аспекты благотворительной деятельности на белорусских землях Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., деятельность благотворительных организаций, обществ и комитетов, а также освещают благотворительную деятельность отдельных представителей и представительниц богатых сословий. Несмотря на то, что авторы частично рассматривают деятельность женских благотворительных организаций, они не выделяют его из общей тенденции развития благотворительности в белорусских губерниях. Исследование Ю. Функа рассматривает благотворительность в еврейском обществе Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв., при этом освещает и участие еврейских женщин в организации помощи единоверцам.

Вопросы развития благотворительности в Российской империи освещались в дореволюционных изданиях, таких как «Трудовая помощь» [4–6], «Вестник благотворительности» [7, 8], на страницах которых рассматривалось законодательство в сфере благотворительности, благотворительная деятельность купцов, деятельность благотворительных обществ, существующих в Российской империи и т.п. Однако в данных изданиях крайне слабо показана женская благотворительность, а также деятельность благотворительных обществ на белорусской территории.

Одним из немногих исследований конца XIX – начала XX вв., где рассматривается женская благотворительная деятельность, является работа председательницы Российской лиги равноправия женщин А.Н. Шабановой «Очерк женского движения в России» [9]. Автор рассматривает положение женщин в России в разные исторические периоды, деятельность выдающихся женщин во благо государства и общества, а также основные направления благотворительной деятельности женщин.

Богатый фактический материал, раскрывающий деятельность женских благотворительных организаций, хранится в фондах Национальных исторических архивов Беларуси в городах Минске и Гродно. Документы делопроизводства, которые представлены уставами, отчетами о деятельности общества, отчетами о проведении благотворительных мероприятий и т.п., являются основополагающими для раскрытия данной темы [10–15].

Женщины оказывали помощь нуждающимся с давних времен. Для них во многом это была единственная сфера, где были открыты все пути, где она могла отдать все силы и средства, а взамен получить нравственное удовольствие [9, с. 17]. До первой половины XIX в. заниматься благотворительной деятельностью могли позволить себе в первую очередь представительницы знатных фамилий, приближен-

ных к императорской семье. Однако со второй половины XIX в. социальная инициатива получила распространение и среди представительниц мещанского и купеческого сословий.

Основными направлениями деятельности женских благотворительных организаций на белорусской территории, как и в других регионах Российской империи, были:

- здравоохранение,
- воспитание и образование,
- социальное обеспечение.

При этом часто деятельность общества могла осуществляться одновременно в нескольких направлениях (например, образование и здравоохранение). Для реализации поставленных целей женскими обществами нередко открывались приюты, столовые, оказывалась материальная и денежная помощь, организовывались концерты, спектакли и литературные вечера.

По направлениям оказания помощи деятельность женских благотворительных организаций во второй половине XIX – начале XX вв. можно разделить на:

- организации, состоящие только из женщин, чья деятельность была направлена на помощь женской части населения;
- организации, в состав которых входили только представительницы прекрасного пола, стремящиеся помочь всем слоям населения.

По составу членов правления благотворительные общества в изучаемый период могли подразделяться на:

- женские организации, в состав которых могло входить только женщины;
- женские организации, в состав которых могли входить представители обоих полов.

Помощь неимущему населению могла оказываться благотворительными обществами и комитетами, меценатами и филантропами, а также комитетами помощи, которые создавались при церквях, костелах и т.д. Поэтому по объектам оказания помощи действовавшую во второй половине XIX в. женскую благотворительность можно поделить на:

- общественную;
- религиозную;
- частную.

Одним из первых женских благотворительных обществ на территории белорусских губерний Российской империи было создано в 1860 г. в Могилеве. Общество оказывало помощь бедным жителям города, семьям неимущих офицеров и чиновников, у которых не было прав на пенсию, предоставляло средства для возвращения на родину семействам, приехавшим по причине трагических обстоятельств в Могилев из других мест.

Общество состояло из председательницы, действительных и почетных членов. Председательницей назначалась супруга губернатора или одна из почетных дам города. В действительные члены принимались лица без различия пола и звания, которые обязались вносить в пользу общества не менее 12 рублей серебром в год. Звание почетных членов предоставлялось таким лицам, которые могли не вносить ежегодных денежных взносов, но были полезны для деятельности благотворительного общества своим личным участием и покровительством.

Делами женского благотворительного общества заведовал комитет, состоящий из председательницы и пяти дам, избираемых председательницей из числа почетных членов с присвоением им звания членов-распорядительниц.

Пособия бедным могли быть постоянные или временные. В зависимости от потребностей нуждающихся помощь оказывалась деньгами, вещами или продуктами. Чтобы не поощрять тунеядство и праздность, каждое пособие назначалось после личного удостоверения членами комитета в том, что лицо, которому предполагается назначить пособие, действительно того заслуживает. Председательница и члены-распорядительницы распределяли между собой шесть кварталов Могилева, принимая при этом обязательства посещения бедных и заботы о них в пределах своего квартала [16, с. 173].

Средства Общества составляли ежегодные денежные взносы членов, добровольные пожертвования и средства, вырученные от проведения спектаклей, концертов и т.д.

Расширяя свою деятельность, женские благотворительные общества могли открывать приюты для детей из бедных семей, где давали им элементарное образование и обучали какой-либо профессии. Так, в 1898 г. Могилевским женским благотворительным обществом был открыт детский приют, где содержалось 26 мальчиков в возрасте 5–10 лет. В данном заведении их обучали грамоте и кузнечно-слесарному ремеслу [1, с. 21].

Во второй половине XIX в. женская благотворительная инициатива не всегда приводила к образованию самостоятельного общества, это мог быть и создание дамского комитета при действовавшем бла-

готворительном обществе в том или ином городе. Так, в 1875 г. при Гродненском благотворительном обществе был организован дамский комитет. Члены комитета в течение нескольких лет оказывали помощь лицам, находящимся в крайней бедности и лишенным возможности найти себе пропитание собственным трудом, а также испытывавшие нужду по непредвиденным обстоятельствам. В конце 70-х годов деятельность Комитета ослабла и его пришлось закрыть [13, л. 9].

В российском государстве церковь продолжала принимать участие в благотворительной деятельности. С середины 60-х гг. XIX в. активизировали свою деятельность православные братства, которые помогали бедным, выдавая деньги, одежду, оказывая необходимую медицинскую помощь. При братствах стали создаваться и дамские кружки. Так, в мае 1888 г. при гродненском Софийском братстве был образован дамский благотворительный кружок, который оказывал помощь бедному местному христианскому населению. Братство, которое занималось распределением религиозно-нравственного просвещения в приходе, приняло на себя такое обязательство только по необходимости. Подобная деятельность дамского кружка при Софийском православном братстве встречала много препятствий к ее более широкому развитию, что послужило причиной его недолгого существования [13, л. 10].

После проведения образовательных реформ в 60-е гг. XIX в. на белорусских территориях стали открываться учебные заведения, куда был открыт доступ представителям всех сословий и вероисповеданий. Не всегда в местном бюджете были средства, которые можно было направить на улучшение финансового положения учебного заведения и учеников, поэтому в обществе всегда были женщины, готовые оказать помощь нуждающимся. Иногда влиятельные дамы создавали бесплатные школы для детей из бедных семей.

В январе 1861 г. в Полоцке была открыта бесплатная школа для девочек под непосредственным управлением жены надворного советника Екимовой, Госпожой Вернер и Брунст. Учредить подобную школу вынудило безвыходное положение русских православных детей бедного населения города. При создании данного учебного заведения ставилась цель воспитать и подготовить девочек, чтобы они стали сильными учительницами, а когда некоторые из них станут матерями, смогли воспитать своих детей в правилах православной веры и дать им первоначальное образование. В школу принимались девочки бедных родителей, большей частью сироты всех сословий, с 6 летнего возраста.

Здесь преподавались такие предметы как Закон Божий православного исповедания, церковнославянское чтение и пение, русское чтение и письмо, четыре правила арифметики и счетов, некоторые понятия об отечественной истории и географии. Девочек учили также рукоделию, шитью белья, вязанию и вышиванию. Учебное заведение существовало на добровольные пожертвования частных лиц и на вырученные суммы от продажи рукодельных работ своих учениц.

Несмотря на то, что работа школы была ориентирована на детей из православных семей, в ней обучались представительницы римско-католического и иудейского вероисповедания. В 1867 г. учебное заведение посещали 70 девочек, из них православных – 50, католичек – 19, иудеек – 10 [10, л. 5–8].

В 1892 г. почетной гражданкой Полоцка Шейной Нахимовной Баркан был открыт приют для сирот мужского пола еврейского вероисповедания. Учреждение ставило целью дать элементарное и первоначальное воспитание круглым сиротам. Согласно программе обучения воспитанники изучали такие предметы, как русский язык (6 уроков в неделю), арифметика (6 уроков в неделю), чистописание (6 уроков в неделю), еврейские предметы (8 уроков в неделю).

Пребывание в приюте не должно было превышать 8 лет, из них 3 года отводилось на приготовление для поступления в Полоцке в начальное еврейское училище или другую элементарную школу, 4 года – на прохождение курса в училище или школе, 1 год – пока по окончании курса училища или школы удастся пристроить воспитанника к какому-нибудь делу.

Если же после восьми лет пребывания в приюте не удавалось пристроить воспитанника к какому-либо ремеслу, то таковой выбывал из учреждения, и его дальнейшая судьба предоставлялась ему самому. Считалось, что восьми лет пребывания в приюте с законченным элементарным образованием должно было быть достаточным для того, чтобы данный воспитанник мог найти себе работу [12, л. 67–70].

Во второй половине XIX в. под влиянием женского движения, которое постепенно проникало и в Российскую империю, представительницы прекрасного пола постепенно выходили в свет. Они учились, осваивали новые профессии, поэтому неспроста стали создаваться дамские комитеты и кружки, которые оказывали помощь представительницам той или иной профессии. В 70-е годы гродненские дамы обратили внимание на крайне бедственное положение класса мелких торговцев и ремесленников, которые находились в полном порабощении у ростовщиков. Гродненки решили создать дамский кружок и прийти к ним на помощь, избавив их от необходимости платить за займы большие проценты. Для многих базарных торговцев, лавочниц и мелких ремесленников возможность получить ссуду без процентов являлась истинным благодеянием. С каждым годом своей деятельности популярность кружка возрастала,

что впоследствии привело к образованию в 1899 г. еврейского женского общества «Сеймейх Нейфлим», которое возглавила жена купца 1-й гильдии Мина Фрумкина [14, л. 5].

Неравнодушно было женское население и к экономическим трудностям, которые периодически возникали в стране. Повышение цен на продукты первой необходимости и ухудшавшееся положение бедного населения нередко вызывало стремление оказать финансовую помощь нуждающимся.

В начале 80-х годов XIX в. уездный исправник Себежа Витебской губернии хлопотал об открытии дамского комитета по пособию нуждающимся в хлебе, в связи с повышением цен на хлеб и бедностью населения города. Члены комитета должны были получать книжки для записи пожертвований деньгами и хлебом. Пожертвованный и приобретенный на собранные деньги хлеб – для евреев мукой и для христиан в печеном виде – продавался со скидкой 10% с действительной его стоимостью комитету [11, л. 1].

Позже отмечалось, что необходимости в продаже хлеба нет и имеющиеся в наличии деньги, около 150 руб., были отданы в пользу бедного населения на усмотрение дамского комитета, поскольку в Себеже много таких лиц, которые, приобретая своим трудом кусок хлеба, не в состоянии обеспечить себя отоплением, одеждой и зимней обувью [11, л. 4–5].

Во второй половине XIX в. началось активное развитие промышленности и накопление капитала, что привело к образованию благотворительных обществ частными лицами. Первые частные благотворительные общества на белорусской территории открывались в губернских городах. Членами их являлись крупные помещики, аристократы. К примеру, среди учредителей Витебского благотворительного общества выделялись князь Петр Багратион с супругой, князь и княгиня Шаховские, баронесса Боде, княгиня Терезия Сапега, графиня Изабелла Орловская, баронесса фон-Розен и многие другие [10, с. 98].

На частные средства открывались и содержались многие больницы, богадельни и приюты как для взрослых, так и для детей. Филантропами устраивались с благотворительной целью балы, вечера, разыгрывались лотереи, давались спектакли. Денежный сбор с этих мероприятий шел в пользу благотворительных обществ, богаделен, приютов и воспитательных домов.

Хорошо известна благотворительными делами княгиня И.И. Паскевич. Одним из первых ее актов благотворения стало обязательство жертвовать с ноября 1867 г. женскому училищу на Спасовой Слободе ежемесячно по 10 рублей серебром. На приют малолетних девочек она ежегодно выделяла 2800 рублей. Она оказывала помощь православным братствам, приюту попечительства о бедных, богадельне для пожилых женщин. Княгиня материально поддерживала как способных приютских детей, так и учеников гомельских гимназий, стараясь обеспечить им достойное, на европейском уровне образование и множество других добрых дел [17, с. 52–57]. В 1879 г. при участии И.И. Паскевич открылось общество вспомоществования учащимся, которое материально поддерживало бедных учеников, прежде всего средних учебных заведений [1, с. 145].

Частными лицами оказывалась единовременная помощь и бедным больным, и ученикам, и людям, пострадавшим во время восстания 1863 г. Госпожа Дрелинс, жена Представителя Мирового суда, и госпожа Васильковская, жена полковника 102-го Пехотного Вятского полка, просили разрешения у Гродненского губернатора устроить в г. Бельске 18 января 1868 г. концерт в пользу бедных, преимущественно пострадавших от бывшего мятежа начала 1860-х гг. По результатам мероприятия было собрано 80 рублей серебром, которые были отданы пострадавшим семьям. Помощь была оказана солдатке Лис Енте-Лейбовне, мещанке Кац Марьяне, мещанке Немыской Маргарите, солдатке Радзинской Марии, крестьянке Феодоруковой Елене, крестьянке Григоруковой Пелагее, крестьянке Фальковской Елене, жене бывшего секретаря Белостокского земского суда Колодко Екатерине. По причине крайней бедности помощь была оказана жене пономаря Котовичевой Антонине [15, л. 1–5].

Таким образом, вторая половина XIX в. в белорусских губерниях характеризуется изменениями в социально-экономической сфере, а также набирающим силу движением за права женщин в обществе. Все это повлекло за собой развитие женской благотворительности. Она выражалась как в частной форме, так и в форме женских благотворительных организаций и дамских комитетов, которые оказывали помощь различным категориям нуждающихся. Новым явлением периода стало и то, что социальную помощь стали оказывать не только представительницы дворянского сословия, но и купеческого, и мещанского, что было вызвано развитием промышленности и накоплением капиталов. Область деятельности женских благотворительных организаций была широкой, они оказывали помощь бедным больным, ученикам из неимущих семей и сиротам, представительницам отдельных профессий, нуждающимся женщинам и др. С целью сбора средств для оказания помощи нуждающимся как благотворительными обществами, так и отдельными филантропами, организовывались благотворительные концерты, спектакли, лотереи и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев, А.Д. Становление и развитие социальной работы на Беларуси (X–XX вв.) / А.Д. Григорьев. – Минск : БГПУ, 2000. – 218 с.
2. Функ, Ю.В. Еврейская благотворительность в Беларуси в XIX – начале XX в. и источники ее исследования : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09: 05.11.1999: 09.02.2000 / Бел. НИИ документоведения и архив. дела. – Минск, 1999.
3. Шимукович, С.Ф. Благотворительность в Беларуси в конце XIX – начале XX вв. / С. Шимукович. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. – 188 с.
4. Максимов, Е. Очерки частной благотворительности в России / Е. Максимов // Трудовая помощь. – 1898. – № 4. – С. 346–357.
5. Максимов, Е. Очерки частной благотворительности в России / Е. Максимов // Трудовая помощь. – 1898. – № 6. – С. 511–515.
6. Максимов, Е. Очерки частной благотворительности в России / Е. Максимов // Трудовая помощь. – 1898. – № 8. – С. 159–176.
7. Ариян, П. Женщины в истории благотворительности в России / П. Ариян // Вестн. благотворительности. – 1901. – № 9. – С. 40–47.
8. Максимов, Е. Происхождение нищенства и меры борьбы с ним / Е. Максимов // Вестн. благотворительности. – 1901. – № 5–6. – С. 18–39.
9. Шабанова, А.Н. Очерк женского движения в России / А. Шабанова. – СПб., 1912. – 32 с.
10. Дело об оказании пособия Полоцкой бесплатной школы для бедных девочек (1867 г.) // Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ) в г. Минске. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 33344.
11. Дело об открытии в г. Себеж Дамского Комитета для сбора пожертвований, для оказания пособия нуждающимся. Витебская губерния (1880–1881 гг.) // НИАБ в г. Минске. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 36673.
12. Дело об учреждении женского еврейского благотворительного общества в г. Полоцке // НИАБ в г. Минске. – Ф. 2649. Оп. 1. Д. 166.
13. Дело по ходатайству Совета гродненского благотворительного общества об утверждении проекта устава Дамского комитета Гродненского благотворительного общества. (1891 г.) // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 18. Д. 105.
14. Отчет о деятельности Гродненского Еврейского Женского Общества «Сеймейх-Нейфлим» за 1899–1900 гг. // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 18. Д. 731.
15. Переписка с Бельским уездным исправниками о благотворительном концерте в г. Бельске в пользу семей, пострадавших во время восстания // НИАБ в Гродно. – Ф. 1. Оп. 6. Д. 1466.
16. Полное собрание Законов Российской империи. Собрание второе Т. XXXV. Отделение 1. 1860 г. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1862. – 961 с.
17. Григорьев, А. Частная благотворительность в белорусских губерниях Российской империи в конце XIX века / А. Григорьев // Гісторыя: праблемы выкладання. Серыя “У дапамогу педагогу”. – 2010. – № 2. – С. 52–57.

Поступила 07.05.2015

ACTIVITIES OF WOMEN'S CHARITABLE ORGANIZATION IN BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY (60-90-s)

M. KAZHANEUSKAYA

It is considered the basic directions of the activity of the female charitable organizations on the territory of the Belarusian provinces of the Russian empire in the second half of the XIX century, which became created actively after social and economic reforms in the 60-70-es years. On the base of the archival sources it is represented the main methods of charitable societies and forms of its organization. It is considered the system of principles of the typology of the women's charitable societies in the end of XIX-XX centuries. The given examples let us to talk about a wide sphere of the activity of the women's charitable organizations: they rendered assistance to poor patients, pupils from indigent families and orphans, female members of the certain professions, sufferers from riots and etc. Furthermore, it is paid attention to the charitable activity in Belarusian provinces of the nobiliary, burgher, merchant estates.

УДК 902/903(476.4)«04/14»

**«СИДЯЧИЕ» ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАННЫХ НЕКРОПОЛЕЙ МОГИЛЕВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ
В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ****магистр ист. наук А.М. АВЛАСОВИЧ
(Институт истории НАН Беларуси)**

Рассматривается феномен сидячего положения костяков в курганных насыпях Могилевского течения Днепра. Изучается проблема происхождения данной обрядности на указанной территории, а также ее социокультурный контекст. Археологические исследования показывают, что такое положение тела умерших неразрывно связано с внутрикурганными деревянными конструкциями. Анализ двух указанных аспектов в данной обрядности позволяет предполагать скандинаво-славянский синтез культурных традиций. На основании археологического изучения кургана № 58 у д. Студенка Быховского р-на автором реконструируется погребальная обрядность обнаруженного женского захоронения в сидячем положении. Сравнительный анализ комплексов с «сидячими» костяками в некрополях X – XII стст. Скандинавии, Восточной Европы позволяет делать выводы о социальном статусе умерших. Другим аспектом настоящего исследования является дреговичско-радимичское пограничье в пределах региона. Археологические данные подтверждают территориальное взаимопроникновение представителей двух восточнославянских племенных союзов на несколько десятков километров.

Введение. Первые раскопки курганных древностей на территории Могилевского Поднепровья были проведены в начале XIX ст. капитаном русской армии Т.Е. Нарбутом [1, с. 3]. В последующем исследование курганных древностей проводили Н.П. Нечаев, Н.М. Турбин, А.С. Уваров, Н.П. Авенариус, С.Ю. Чоловский и М.В. Фурсов, П.М. Еременко, Е.Р. Романов [1, с. 4; 21; 2, с. 18 – 19, 122 – 123, 147; 3; 4, с. 45 – 50; 5; 22; 6, с. 5 – 9].

В 1920-е годы обследования и раскопки насыпей осуществлял И.А. Сербов [7, с. 17 – 18; 8, с. 276, 278 – 279]. В 1960-е годы активную исследовательскую работу проводили Л.Д. Поболь, Т.Д. Елисеева, Г.Ф. Соловьева [2, с. 122, 133, 142, 146; 9; 10].

С 1969 г. археологические раскопки курганных некрополей Могилевского Поднепровья начал проводить Я.Г. Рьер. Ученый внес неоценимый вклад в изучение данного вида памятников. Многолетняя плодотворная работа исследователя значительно расширила круг научных знаний о сельском обществе Восточной Европы в X – XIII вв. [11 – 16]. Следует отметить огромный вклад могилевского археолога В.Ф. Копытина. В 1993 г. ученый провел сплошное обследование Быховского района. Результатом его исполненной работы стала монография «Археологические памятники Быховского района Могилевской области», которая содержит реестр всех известных курганных могильников района, а также составленные автором их подробные описание и планы [2].

В настоящее время активное исследование древнерусских погребальных памятников проводит И.А. Марзалюк. Археологические раскопки могильника Восход позволили ученому установить принадлежность данного некрополя представителям сельского дружинного сословия [17, с. 47 – 50]. С 2013 г. самостоятельное археологическое изучение курганных древностей осуществляет автор настоящей статьи.

Основная часть. Летом 2014 г. археологической экспедицией Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова под руководством автора настоящей статьи были осуществлены раскопки в курганной группе у деревни Студенка Быховского района. В настоящее время указанный некрополь насчитывает 107 насыпей. Могильник ранее не исследовался. Курганы имеют полусферическую форму, округлые в плане. Их высота варьируется от 0,4 до 2,8 м, диаметр оснований – 5 – 16 м. У большинства насыпей прослеживаются ровики с перемычками.

Для исследования мною был выбран курган № 58 (согласно нумерации В.Ф. Копытина). Насыпь располагалась в северо-восточной части могильника, имела оплывшие западную и южную стороны. Высота кургана составляла 2,12 м и имела размеры основания 10,38 м по линии С-Ю и 11,09 м по линии В-З. Методика раскопок заключалась в снятии грунта условными пластами (0,2 м) в четырех секторах, образованных двумя перпендикулярными бровками, ориентированными по сторонам света. Разметкой периметра раскопок было включено прилегающее к кургану пространство. Данный прием позволил зафиксировать и исследовать прилегающие ровики. Указанным образом раскопки проводились на снос с последующим восстановлением кургана.

Насыпь состояла из песка светло- и темно-желтого цветов. При снятии первого пласта и разработке второго во всех секторах начали встречаться вкрапления угля, который продолжал фиксироваться до выхода на нижний зольник. В юго-восточном и юго-западном секторах при разработке восьмого и четвертого пластов были обнаружены фрагменты обгоревшего дерева и значительное количество углей. При снятии

бровок в центре насыпи на глубине 0,7 м от дневной поверхности находился череп и лучевые кости скелета. Лицевая часть была обращена на юг с некоторым отклонением к западу. Южнее и ниже черепа находились реберные кости и позвонки. При дальнейшей расчистке погребения были обнаружены кости таза, которые находились на 0,7 м ниже черепа. Кости ног зафиксированы на нижнем зольнике. Они располагались южнее таза и не сохранили полного анатомического порядка. Описанное положение костей скелета позволяет заключить, что погребение было произведено в сидячем положении (рис. 1).

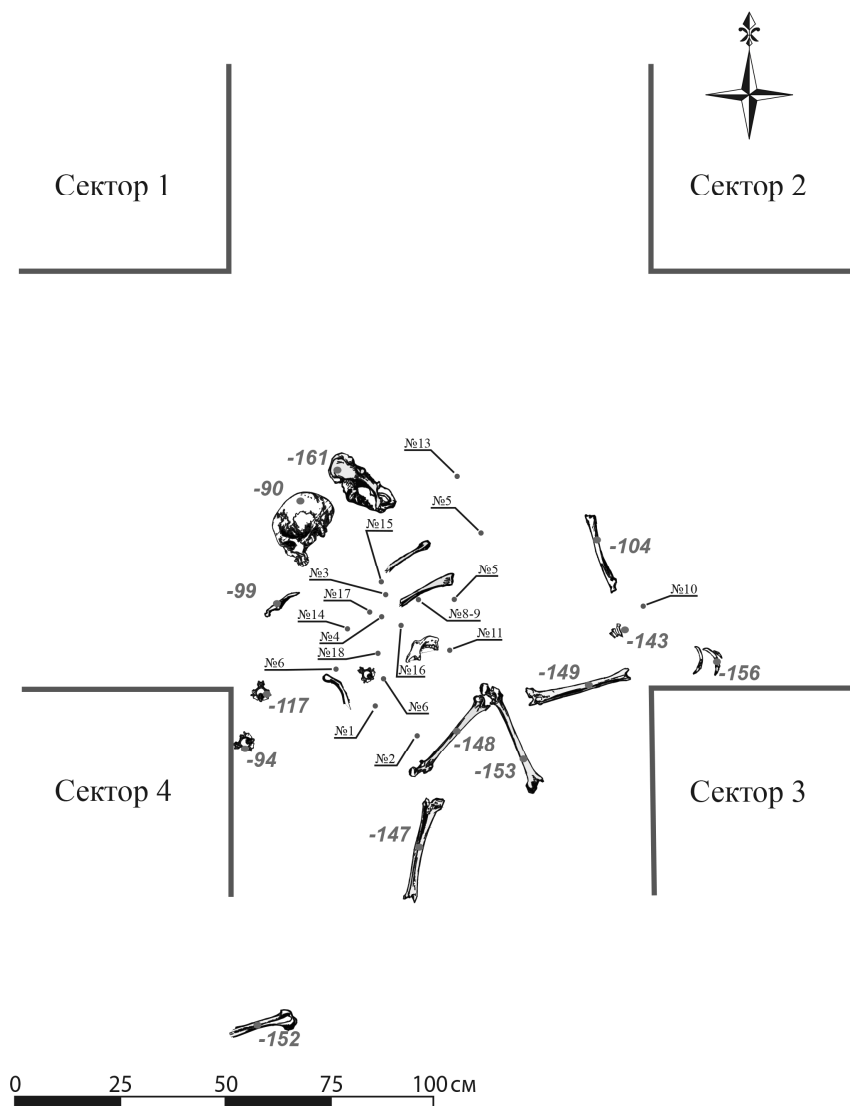

Рис. 1. План погребения кургана № 58 могильника Студенка:
1 – височное кольцо; 2 – 11 – рыбовидные подвески; 12 – перстень; 13 – нож;
14 – 17 – сердоликовые бусины; 18 – золоченая бочковидная бусина

Ориентировка черепа указывает на расположение тела спиной к северу. Этот же вывод подтверждают положение костей ног относительно таза. Нарушенное анатомическое положение бедренных и берцовых костей может являться следствием согнутого положения ног при погребении. Следует думать, что в процессе разложения тела и оседания насыпи произошло смещение костей нижних конечностей.

При костяке были обнаружены 10 рыбовидных подвесок с прикипевшим рубленным бисером желтого цвета, две подвески отличались нестандартной формой – имели фигурные бока (рис. 2:1), 1 простой пластинчатый перстень с сомкнутыми концами (рис. 2:2), 4 плитчатые со срезанными углами сердоликовые бусины (рис. 2:3), 1 золоченая бочковидная бусина (рис. 2:4), 1 браслетообразное с заходящими концами височное кольцо (рис. 2:5) и 1 железный нож в ножнах (рис. 2:7), располагавшийся на уровне таза. При исследовании песчаной подсыпки в западной стороне от погребения был обнаружен профиль гончарного горшка (рис. 2:6).

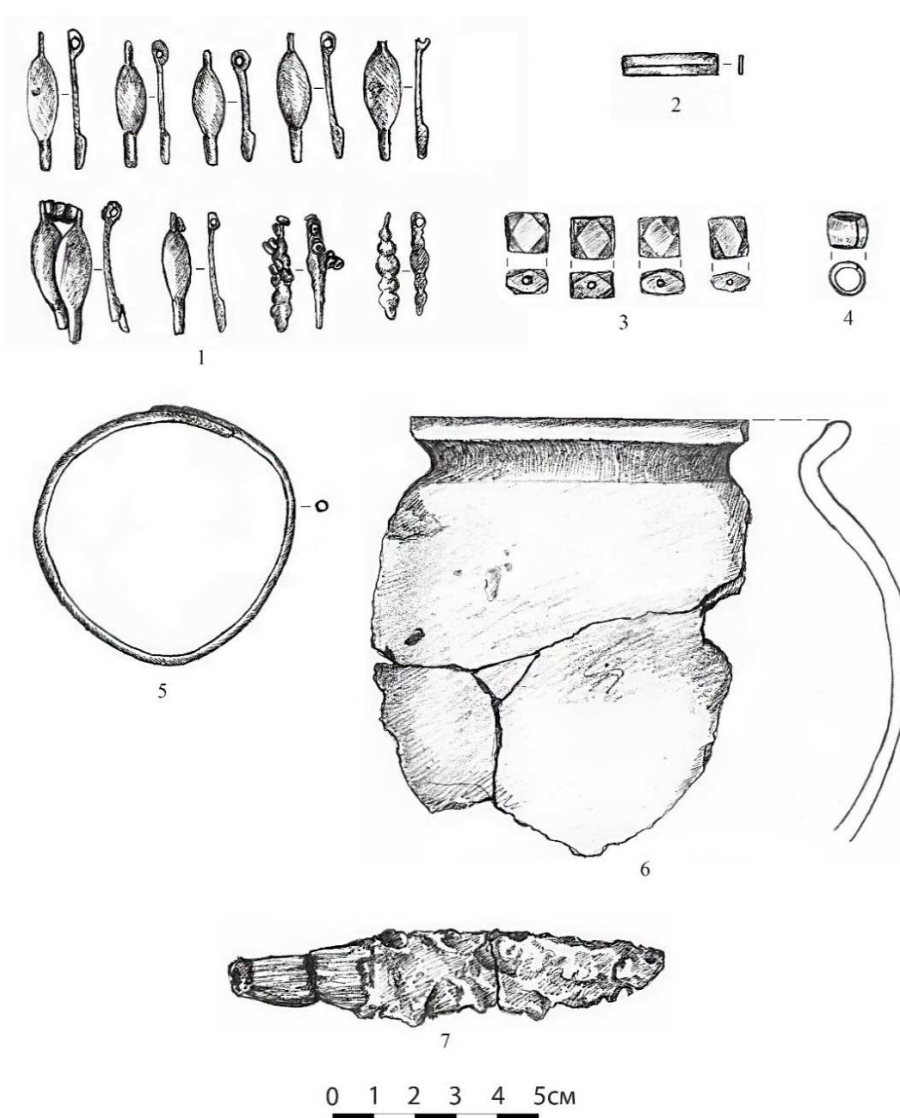

Рис. 2. Погребальный инвентарь кургана № 58 могильника Студенка:
 1 – рыбовидные подвески; 2 – перстень; 3 – сердоликовые бусины; 4 – золоченая бочковидная бусина;
 5 – височное кольцо; 6 – профиль горшка; 7 – нож (рис. Е.В. Кузиной)

Большое количество углей и фрагментов обгоревшего дерева указывают на наличие деревянной конструкции. Более надежным тому подтверждением служит стратиграфическая характеристика самой насыпи. На профилях кургана четко прослеживается нижний зольник, проходящий ровной линией от центра насыпи к ее окраинам. Далее он упирается в горизонтальные зольные прослойки шириной до 0,3 м, которые поднимаются вверх на высоту 0,7 – 0,8 м. Зафиксированные зольные прослойки являются остатками сгоревших стен деревянного сооружения. Расстояние между северной и южной, а также западной и восточной стенами составило 4,3 м. Исходя из размеров зольных очертаний следует, что деревянная конструкция сооружалась из плах толщиной 0,07 – 0,09 м и шириной 0,28 – 0,3 м. При расчистке костяка непосредственно у нижнего зольника находились обгоревшие фрагменты дерева, которые указывают на наличие дощатого пола или настила. Строение также имело крышу. Стратиграфические ее очертания (нисходящая от центра насыпи линия зольного слоя до очертания стен) особенно четко зафиксированы на профиле по линии С-Ю. Под нижним зольником находилась песчаная подсыпка мощностью 0,5 м (рис. 3).

Также следует отметить, что за пределами и в рамках указанных прослоек отмечен песок светлого желтого цвета, что контрастно выделяет все зольные прослойки, которые находились на песке темного цвета.

Такая характеристика профилей и нахождение костных останков позволяют следующим образом реконструировать погребальный обряд кургана № 58¹. На выбранном месте будущего захоронения была произведена песчаная подсыпка высотой 0,5 м. Далее из плах указанных размеров на подсыпке была сооружена погребальная конструкция – теремок, с дощатым полом (настилом). Размеры постройки составили 4,3 x 4,3 м при высоте 1,2 – 1,25 м. В данном теремке было помещено тело женщины в сидячем положении спиной к северу. Предположительно после этого над постройкой возвели крышу. Находка профиля горшка у западной стены постройки может указывать на совершение ритуального разрушения сосуда в качестве элемента погребальной обрядности [18, 70]. Далее «домик мертвых» предали огню. Обгоревшие фрагменты дерева свидетельствуют о сгорании теремка не полностью, но в значительной степени с последующей его засыпкой. С северной и южной сторон кургана выявлены ровики глубиной более 1 м. Следует предположить, что песок для подсыпки брался именно отсюда. После этого в ровиках были разведены ритуальные костры как часть погребального ритуала. На это указывает нахождение углей в их заполнении (рис. 4). Изучение краниологических останков позволило установить, что погребение принадлежало женщине в возрасте более 50 лет².

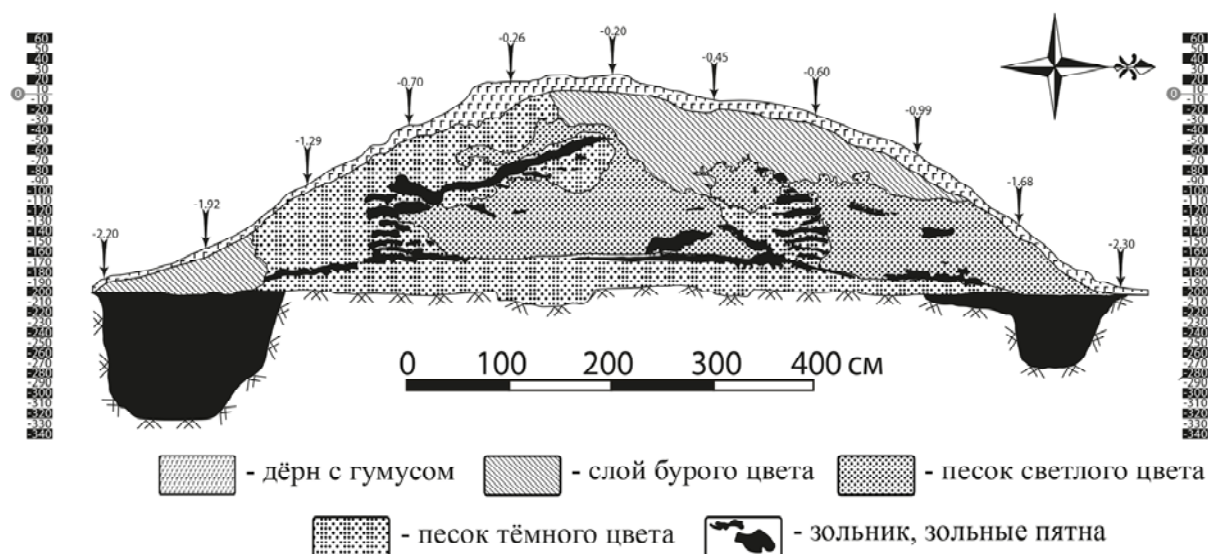

Рис. 3. Профиль кургана № 58 по линии север-юг

Рис. 4. Предполагаемая реконструкция погребального обряда кургана № 58 могильника Студенка (рис. Е.В. Кузиной)

¹ Я благодарен своему научному руководителю д-ру ист. наук, проф. И.А. Мразалюку за ряд ценных и профессиональных консультаций по вопросам настоящего исследования.

² Определение антрополога, аспиранта отдела антропологии и экологии ИИ НАН Беларуси В. Шипилло.

При сгорании и обрушении теремка тело сместилось вперед, в южную сторону, о чем свидетельствует расположение нагрудных и головных украшений юго-западнее черепа, на уровне груди и живота.

Инвентарь кургана типичен для погребений радимичей. Весьма характерными с этнической точки зрения являются рыбовидные или язычковые подвески, датируемые преимущественно XI ст., к этому же времени относится простой пластинчатый перстень с сомкнутыми концами [15, с. 23]. Сердоликовые плитчатые со срезанными углами бусины бытовали на территории Верхнего течения Днепра с конца X и весь XI в. [15, с. 20]. Золоченные бочковидные бусины были распространены в Могилевском Поднепровье в конце X – начале XII в. [15, с. 20]. Браслетообразные с заходящими концами височные кольца, как замечено Я.Г. Риером, на территории Могилевского течения Днепра преимущественно распространены в погребениях радимичей в пограничных с кривичами могильниках. Датируются концом X – началом XII стст. [15, с. 18]. Основная масса желтого пастового рубленного бисера приходится на конец X – первую половину XI ст. [19, с. 173]. Профилировка венца горшка характерна для сосудов XI ст. Этим же временем следует датировать находку ножа.

Исходя из указанных хронологических рамок бытования сопровождающего инвентаря, погребение радимичанки в кургане № 58 могильника Студенка могло быть совершено в конце X – XI ст. С устных замечаний канд. ист. наук А.В. Войтеховича, сочетание украшений в погребальном инвентаре позволяет сузить датировку погребения серединой XI в.³

На территории современной Могилевской области погребения в теремках известны в 13 курганных могильниках. Их картографирование показывает использование данного элемента в погребальной обрядности преимущественно на правобережье Днепра и в бассейне Березины. Захоронения в сидячем положении на территории указанного региона обнаружены не менее чем в пяти некрополях и в трех из них умершие находились в теремках (Новый Быхов, Эсьмоны, Студенка). В курганной группе Лудчицы сидячее погребение женщины 25 – 30 лет располагалось на доске⁴. Тело умершей было ориентировано спиной на запад, ноги скрещены, руки опущены вниз вперед [15, с. 186 – 187]. Общее количество «сидячих» костяков в курганах исследуемого региона – 9 (Лудчицы – 1, Дымово – 1, Новый Быхов – 3, Эсьмоны – 3 (4?), Студенка – 1). Из них пять достоверно являются женскими, при этом в двух погребениях обнаружены «этнические маркеры» (Студенка и Эсьмоны). Четыре могильника расположены в течении Днепра, один в бассейне р. Березины.

Относительно такого явления, как сидячее положение в погребальной обрядности восточных славян, существует несколько точек зрения. Прежде всего следует отметить, что наибольшее их число встречено при исследовании курганных погребений Ижорского плато (запад Ленинградской области), однако доминирующим способом погребения в данной местности все же являлось труположение в вытянутом на спине положении. По моему мнению, наиболее обоснованной относительно генезиса исследуемой обрядности является точка зрения Ю.М. Лесмана. Исследователь в своих ранних работах указывал на распространенность камерных сидячих погребений в Скандинавии, но при этом отрицал их связь с подобными захоронениями в Северной Руси [20, с. 55]. Однако спустя почти два десятилетия с накоплением новых археологических источников, Ю.М. Лесман существенно скорректировал свою гипотезу. Согласно ей, в X в. традиция погребения умерших сидя проникает на территорию Руси вместе с выходцами из Скандинавии [21, с. 80]. При стремлении к подражанию элитарной воинской культуре на Руси происходит рецепция данного типа погребального обряда со стороны местной социальной верхушки. В XI ст. воспринявшие погребения сидя в качестве одного из показателей своего доминирования в обществе представители власти приносят данную традицию в сельскую среду [22, с. 180 – 183]. Следует подчеркнуть, что для населения Скандинавии той эпохи сидячее положение умершего было характерно именно для камерных погребений.

В погребальных памятниках X – XI вв. Южной Руси камерные захоронения представлены значительной серией. Среди них также встречены сидячие погребения, которые имеют особое значение для настоящего исследования. Грунтовое парное погребение № 111 из Киева, в котором скелет женщины находился в сидячем положении, по мнению киевского археолога А.П. Моци, могло являться скандинавским, как и камерные сидячие погребения в курганах № 42 и 110 Шестовицкого некрополя [23, с. 115, 119].

Среди курганных захоронений в Гнездово известно несколько десятков камерных захоронений. В пяти женских погребениях костяки располагались в сидячем положении, что является характерной чертой камерных погребений Бирки [24, с. 208]. Подобные погребения также хорошо известны в Дании и Норвегии. Принадлежность умерших к социальным верхам скандинавского общества подтверждается

³ Благодарю заведующего отделом сохранения и использования археологического наследия ИИ НАН Беларуси канд. ист. наук А.В. Войтеховича за любезные консультации и помощь в поиске литературы.

⁴ Выражаю слова глубокой признательности д-ру ист. наук, проф. Я.Г. Риеру за предоставленную возможность работы с отчетами археологических раскопок.

исследованиями камерных погребений в Хеннинкире, Еллингге и Маммен, в которых были похоронены представители королевской семьи и члены знатных датских фамилий [25, с. 151].

Особое внимание элитарным погребениям уделено в работах Санкт-Петербургского исследователя К.А. Михайлова. Рассматривая детские погребения эпохи Киевской Руси, автор приводит несколько любопытных примеров. Во-первых, это камерное погребение № 110 в Киеве. В нем мальчик располагался в сидячем положении в деревянном срубе с перекрытием. При умершем находился невероятно богатый сопровождающий инвентарь, не характерный для детского захоронения. Среди артефактов следует отметить серебряные украшения, 157 бараньих астрагалов для игры в «бабки», остатки двух ведер, железный топор, часть бронзовых весов, бусы из раковин *unio*, костяной гребень [25, с. 154]. Второе погребение принадлежало девочке 11 – 12 лет. Оно также было обнаружено в Киеве под развалинами Михайловской церкви Златоверхого монастыря. Умершая находилась в сидячем положении в срубе с дощатым полом и крышей. Девочку украшали ожерелье, четыре серебряных перстня, сканные подвески. В камере находились деревянный сундук с железными оковками, костяной наборный гребень в футляре, железный ключ, ведро, остатки заупокойной пищи. Комплекс датирован последней четвертью X ст. [25, с. 154].

Аналогичное детское погребение К.А. Михайлов нашел в погребении № 977 могильника Бирка. Здесь мальчик 9 лет также находился в сидячем положении в погребальной камере. Его сопровождали верховой конь, щит, меч, стрелы, «шумящая» плетень, ведро и сундук. Одежда погребенного была расшита золотой нитью [25, с. 156]. Приведенные примеры и аналогии красноречиво доказывают скандинавское происхождение сидячих погребений и указывают на их высокое положение в обществе.

Нет никаких оснований для причисления сидячих погребений Могилевского Поднепровья к числу древностей скандинавского круга. Однако в конце XIX ст. в некрополе у д. Лудчицы, еще до открытия здесь Я.Г. Риером женского захоронения в сидячем положении, была обнаружена фигурка «скифа»⁵ с кольцом в правой руке и мечом у пояса [5, с. LXXVI]. Согласно исследованиям Санкт-Петербургского археолога А.Е. Мусина, фигурка «скифа» становится в один ряд со скандинавскими «кольцами клятвы», отражавшими обязательства общины перед тингом [26, с. 568]. Минский археолог Ю.А. Заяц отмечал характерное для скандинава одеяние фигурки человечка. Исследователь высказал вероятность отождествления данного изображения с конунгом Олафом – «дарителем колец» [27, с. 31]. Таким образом, указанный артефакт может свидетельствовать о связи населения быховского микрорегиона с носителями культурных традиций Скандинавии, и, возможно, связи не только сугубо экономической.

При рассмотрении «элитарности» того или иного погребения внимание исследователей часто заостряется на представительности сопровождающего инвентаря. Находки из некоторых сидячих погребений на территории исследуемого региона действительно не отличаются богатством.

Однако, как показывают последние исследования, многочисленный погребальный инвентарь в ряде случаев может, напротив, отражать низкое или даже подчиненное положение в обществе. К таким выводам пришла А.А. Тодорова на основании изучения бусин из дружинных некрополей Гнездово, Шестовица, Тимерево и Киева. Анализ бусин в погребениях позволил заключить исследовательнице, что женщины, имевшие высокое положение в обществе, не носили ожерелий из большого количества недорогих однотипных бус. Они предпочитали комбинированные ожерелья из каменных и стеклянных экземпляров [28]. Следует отметить, что в состав ожерелья изученного мною женского погребения входили 4 бусины из сердолика (каменная порода), одна стеклянная золоченая бусина и желтый пастовый бисер.

Также отдельно следует выделить сидячее погребение кургана № 2 у Нового Быхова. При женском костяке находились фрагменты шелковой материи с зелеными окислами бронзового изделия, 2 неспянных бронзовых перстня и колечко, а также различного рода бусы (коралловые, сердоликовые, стеклянные, золото- и серебростеклянные, фрагменты стеклянного браслета) [6, с. 7]. Следует заметить, что стеклянные браслеты являлись элементом женского городского костюма в древнерусский период [29, с. 86]. Шелковые ткани могли быть исключительно привезены из Византии или Ирана [30, с. 21], также как украшения из коралла, вероятнее всего, происходят из Западного Средиземноморья [31, с. 381]. Указанные предметы импорта могли быть доступны преимущественно представителям элиты общества и являются маркером высокого статуса погребений с подобными артефактами.

Ответ на вопрос о соотношении камерных погребений и бедного сопровождающего инвентаря в них был предложен К.А. Михайловым. Согласно исследователю, к элите в обществе относилась вся группа носителей данной обрядности, однако достаток отдельных ее членов мог разительно отличаться [30, с. 22]. Таким образом, если предложенная гипотеза верна, то камерные погребения прежде всего являются показателем высокого социального положения умершего, в то время как сопровождающий инвентарь отражает лишь его благосостояние.

⁵ Под указанным названием данный артефакт фигурирует в публикациях автора раскопок – С.Ю. Чоловского.

Не противоречит высказанной точке зрения и замечание Ю.М. Лесмана, согласно которому в большинстве регионов Руси данная традиция принимает маргинальный характер. Примером этого, по мнению ученого, служат сидячие погребения могильника у д. Эсьмоны [22, с. 183].

Кроме сопровождающего инвентаря важным показателем социального статуса являются размеры погребальной конструкции. В научной литературе отмечается, что срубы больших размеров относятся к категории наземных погребальных камер. В частности сруб с кремацией, обнаруженный в могильнике у п. Озерцо (Минский район), имел размеры 5,0 x 4,8 м при высоте 1 м. По мнению А.В. Войтеховича и С.Д. Дерновича такие размеры следует считать признаком элитарности погребения, на это указывает и обнаруженная в погребении накладка от наборного пояса [32, с. 304]. На территории изучаемого региона в дореволюционное время размеры погребальных сооружений зафиксированы Е.Р. Романовым в Новом Быхове. В кургане № 1 постройка имела размеры около 2,84 x 6,39 м, в кургане № 2 около 4,97 x 4,26 м, в кургане № 4 около 6,39 x 4,97 м [6, с. 6 – 9]. Следует заметить, что сооружение «домика мертвых» требовало определенных трудозатрат и материальной обеспеченности, которые значительно превышали усилия и затраты при совершении трупоположения без постройки в кургане. Данное обстоятельство служит дополнительным аргументом в пользу определения погребенных в теремках как представителей верхней страты общества.

Необходимо отметить, что сооружение деревянных внутрикурганных конструкций для восточных славян не является новшеством. В языческом погребальном обряде Райковецкой культуры (VIII – X вв.) трупосожжения также в ряде случаев помещались в деревянных срубах или корытах. По мнению украинских археологов, данное обстоятельство может являться свидетельством погребения личности с особым статусом в обществе [33, с. 22].

Из этого наблюдения следует, что отличительной чертой славянских и скандинавских элитарных погребений является наличие деревянных сооружений.

В научной среде вопросы семантики, как правило, являются предметом особенно жарких дискуссий. Однако точка зрения о значении внутри курганных деревянных сооружений в качестве дома для умершего является общепринятой [23, с. 15; 34, с. 43]. На это указывает множество деталей: срубная или столбовая конструкция сооружений, в некоторых случаях зафиксированы остатки крыши и пола. Новейшие исследования курганных погребений лишь подтверждают заложенную идею дома в курганах. Ценный материал получен при раскопках могильника у д. Прилуки (Минский р-н). В одном из погребений была обнаружена деревянная конструкция 4 x 3 м при высоте 0,7 м. Примечательным является нахождение в северо-западном углу постройки имитации печи-каменки [32, с. 304].

Как уже было отмечено, теремки в погребальном обряде и сидячее положение покойников в курганных некрополях Могилевского Поднепровья и Посожья встречаются в основном на правом берегу Днепра. В научной литературе отмечается, что данная территория была заселена племенами дреговичей.

В первом восточнославянском письменном источнике – «Повести временных лет», содержатся указания относительно расселения племенных объединений славян в восточной Европе. С конца XIX ст. свидетельства Нестера-летописца стали основой в составлении этнической карты изучаемого региона. Текст летописи, подкрепленный археологическим материалом («этническими маркерами»), позволил утверждать, что на территории Быховского Поднепровья были расселены два восточнославянских племенных союза – дреговичи и радимичи.

Согласно Ипатьевскому списку Повести временных лет, племена дреговичей расселились между реками Припять и Западная Двина, а племена радимичей заняли бассейн реки Сож [35, с. 5].

Одним из первых составителей этнической границы дреговичей и радимичей был Б.А. Рыбаков. В своем труде «Радзімічы» исследователь в рамках быховского микрорегиона проводил ее с юга по Днепру до Старого Быхова и далее на северо-восток [36] определено по реке Днепр. Северную границу расселения дреговичей исследователь определил от Ново-Быхова на северо-запад по водоразделу рек Друть и Березина к Борисову [37, с. 29]. Северо-западная и западная граница расселения радимичей, по мнению ученого проходила южнее Старого Быхова – севернее Славгорода и далее на восток [37, с. 39].

Согласно исследованиям В.В. Седова, границей, разделяющей земли дреговичей и радимичей, являлось крупное водное препятствие – река Днепр. Однако на территории современных Быховского и Рогачевского районов отмечены курганные группы, материалы которых указывает на «вклинивание» представителей двух различных восточнославянских союзов племен на территорию соседей [38, с. 116]. П.Ф. Лысенко, исследуя дреговичские древности, определял дреговичско-радимичское пограничье в тех же границах, что и В.В. Седов [39, с. 100, рис. 16].

В курганном некрополе у деревни Вотня Н.П. Нечаевым при раскопках двух насыпей был получен богатый погребальный инвентарь из женских захоронений. Среди украшений найдены два семилучевых височных кольца, которые являются отличительным элементом радимичского женского костюма

[40, с. 212]. В курганной группе южнее г. Быхова Г.Ф. Соловьевой в двух женских погребениях были обнаружены по одному трехбусинному височному кольцу [9, с. 20 – 21]. Как известно, указанные височные кольца являются отличительным элементом дреговичского женского костюма. П.Ф. Лысенко в своем труде «Дреговичи» в приведенном каталоге отмечает, что Е.Р. Романовым в 1905 г. при раскопках курганного могильника у Нового Быхова были обнаружены дреговичские крупнозерненные бусы [39, с. 228]. Ученый ссылается на публикацию Е.Р. Романова в Записках Северо-Западного отдела Русского географического общества [41, с. 37 – 41]. Однако в указанном источнике подобные сведения отсутствуют, как и отсутствуют они в отдельной брошюре Е.Р. Романова, посвященной исследованиям в Могилевской губернии [6, с. 5 – 9]. В отчетах Императорской археологической комиссии за 1905 г. о находках крупнозерненных бус в могильнике Новый Быхов также нет никаких указаний [42, с. 78 – 80].

Также известно о раскопках Г.И. Ионе в 1964 г. пяти насыпей у деревни Веть, результаты раскопок не были опубликованы. Известно, что исследователем были обнаружены радимичские женские украшения (бронзовые височные кольца и браслеты) [2, с. 142].

Заключение. Таким образом, анализ представленного материала позволил сделать следующие выводы:

1. Исследование курганных древностей Могилевского Поднепровья и Посожья имеет более чем двухсотлетний опыт накопления археологических знаний о погребальных памятниках эпохи Киевской Руси. Открытые материалы позволяют, в частности, делать выводы о этнокультурных процессах и социально-политических изменениях в рассматриваемом регионе.

2. В ходе летних раскопок 2014 г. автором настоящей работы был исследован курган № 58 могильника у деревни Студенка Быховского района. В насыпи обнаружен достаточно редкий погребальный обряд – ингумация в сидячем положении. Женщина была помещена в деревянную конструкцию-теремок, который был сожжен, а над ним возведена насыпь. Сопровождающий материал позволяет датировать погребение концом X – XI ст.

3. Практика погребений в сидячем положении наиболее широко была распространена на севере Руси. Она связывается с выходцами из Скандинавии и представителями социальных верхов, подражавших варягам. Традиция сооружения внутрикурганных деревянных конструкций была известна славянам в еще VIII – X стст. и, по мнению ряда ученых, могла отражать высокое социальное положение в обществе. Исходя из этого автором данной статьи высказано в качестве рабочей версии предположение о возможном сочетании в погребальной обрядности сидячих захоронений Могилевского Поднепровья как скандинавских традиций, так и собственно славянских. Основным скандинавским элементом, заимствованным из их обрядности, является сидячее положение костяка. В славянской среде такое положение сохраняется, однако привносится своя традиция – сооружение камеры происходит не в материковой поверхности, а на горизонте или подсыпке. В ряде случаев камеру подменяют теремки, сохраняющие те же размеры.

4. Отражением статуса умершего в местной среде может выступать сам погребальный обряд, чему на первый взгляд противоречит отсутствие «элитарных» находок. Таким образом, существует вероятность соотношения погребенной в Студенке радимичанки с представителями местной социальной элиты.

5. Погребения в сидячем положении на территории Могилевского Поднепровья и Посожья достоверно зафиксированы в пяти могильниках. В пределах исследуемого региона все памятники расположены на правобережье Днепра, на территории расселения племен дреговичей и в одном случае (могильник Дымово) кривичей. Лишь в двух женских погребениях обнаружены этноопределяющие артефакты. В одном из сидячих погребений у деревни Эсьмоны была обнаружена дреговичская зерненная бусина, в исследованной мною насыпи курганной группы у деревни Студенка погребенную украшали радимичские рыбовидные подвески. Данное обстоятельство свидетельствует о проникновении представителей радимичского племенного союза до 20 км на правобережье Днепра, территорию, заселенную дреговичским племенным союзом. Такое проникновение могло произойти вследствие локального переселения или же по причине брачно-семейных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копытин, В.Ф. К истории археологического изучения Могилевщины в дореволюционное время // Могилёўшчына. Вып. VI. – Могилев, 1995. – С. 3 – 11.
2. Копытин, В.Ф. Археологические памятники Быховского района Могилевской области / В.Ф. Копытин. – Могилев : Изд-во МГУ им. А.А. Кулешова, 1995. – 177 с.
3. Фурсов, М.В. Дневник курганных раскопок, проведенных по поручению летом 1892 года в 5 уездах губернии / М.В. Фурсов, С.Ю. Чоловский // Памятная книжка Могилевской губернии на 1893 год. – Могилев. – С. XXV – LIII.
4. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1889 г. – СПб., 1892. – 120 с.

5. Чоловский, С.Ю. Дневник раскопок, проведенных старшим чиновником особых поручений при Могилевском Губернаторе Сем. Юл. Чоловским / С.Ю. Чоловский // Памятная книжка Могилевской губернии на 1893 год. – Могилев. – С. LIV – LXXXIII.
6. Романов, Е.Р. Археологические разведки в Могилевской губернии / Е.Р. Романов. – Вильна, 1912. – 31 с.
7. Сербай, І.А. Аб выніках архэалёгічных дасьледваньняў каля Нова-Быхаву і на сярэднім Сожы / І.А. Сербай // Працы Першага Зьезду Дасьледчыкаў Беларускае Архэалёгіі і Архэаграфіі. – Мінск, 1926. – С. 17 – 19.
8. Дубінскі, С.А. Доследы культур жалезнага перыяду па Віцебшчыне, Магілёўшчыне і Меншчыне / С.А. Дубінскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 5. Працы катэдры архэалёгіі. Т. 1. – Мінск, 1928. – С. 275 – 284.
9. Соловьёва, Г.Ф. Отчет о работе Радимичского отряда Приднепровской экспедиции Института археологии АН СССР за 1965 год / ФАНД ЦНА НАН Беларусі. – Арх. № 254.
10. Соловьёва, Г.Ф. Раскопки курганов в Белоруссии / Г.Ф. Соловьёва // Археолог. открытия 1965 г. – М., 1966. – С. 152 – 154.
11. Риер, Я.Г. Исследования в Могилевской области / Я.Г. Риер // Археолог. открытия 1975 года. – М., 1976. – С. 424 – 245.
12. Риер, Я.Г. Исследования у г. Чаусы / Я.Г. Риер // Археолог. открытия 1977 года. – М., 1978. – С. 423 – 424.
13. Риер, Я.Г. Курганы у г. Чаусы / Я.Г. Риер // Магілёўшчына. – Вып. 3. – Магілёў, 1992. – С. 33 – 34.
14. Риер, Я.Г. Некоторые вопросы развития феодальной деревни Могилевского Поднепровья в X – XIV веках / Я.Г. Риер // Древности Белоруссии и Литвы. – Минск, 1982. – С. 137 – 144.
15. Риер, Я.Г. Сельское общество Могилевского Поднепровья X – XIII вв. По археологическим данным : моногр. / Я.Г. Риер. – Могилев : УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010 – 176 с.
16. Риер, Я.Г. Изучение курганов в Могилевском Поднепровье / Я.Г. Риер // Сов. археология, 1976. – № 2. – С. 179 – 191.
17. Марзалюк, І.А. Археалагічныя даследванні курганага могільніка Усход у 2008 г. / І.А. Марзалюк // Романовские чтения – 6 (к 75-летию истор. фак-та УО «МГУ им. А.А.Кулешова») : сб. статей междунар. науч. конф. – Могилев : УО «МГУ им. А.А.Кулешова», 2010. – С. 47 – 50.
18. Валодзіна, Т.В. Семантыка рэчаў у духоўнай спадчыне беларусаў / Т.В. Валодзіна. – Минск, 1999. – 167 с.
19. Щапова, Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода / Ю.Л. Щапова // Тр. Новгород. археолог. экспедиции // МИА. – М., 1956. – Вып. 55. – С. 164 – 179.
20. Лесман, Ю.М. О сидячих погребениях в древнерусских могильниках / Ю.М. Лесман // КСИА. Вып. 164. – 1981. – С. 52 – 58.
21. Лесман, Ю.М. Скандинавский компонент древнерусской культуры / Ю.М. Лесман // Stratum plus. – Кишинев, 2014. – № 5. – С. 43 – 93.
22. Лесман, Ю.М. Квазикамерное погребение в могильнике Струйское на Верхней Волге и проблема происхождения древнерусских сидячих погребений / Ю.М. Лесман // XIII конф. по изучению истории, экономики, лит-ры и языка сканд. стран и Финляндии. – М. – Петрозаводск, 1997. – С. 180 – 183.
23. Моця, А.П. Население Среднего Поднепровья IX – XIII вв. (по данным погребальных памятников) / А.П. Моця. – Киев, 1987. – 168 с.
24. Жарнов, Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнездове / Ю.Э. Жарнов // Смоленск и Гнездово. – М., 1991. – С. 200 – 225.
25. Михайлов, К.А. Детские погребения в некрополе первых древнерусских городов // К.А. Михайлов / Археологические вести. – СПб., 2010. – № 16. – С. 151 – 159.
26. Мусин, А.Е. Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // А.Е. Мусин / Рос. археологический ежегодник. – СПб., 2012. – № 2. – С. 555 – 602.
27. Заяц, Ю.А. Завершение восточно-европейской эпопеи принца Эймунда, или Варяги на юго-восточной окраине Полоцкой земли в первой половине XI в. / Ю.А. Заяц // Матэрыялы па архэалёгіі Беларусі. – Мінск, 2013. – Вып. 24. – С. 28 – 33.
28. Тодорова, А.А. Бусы как элемент женского костюма эпохи формирования Древнерусского государства (предварительное исследование) [Электронный ресурс] / А.А. Тодорова. – Режим доступа : <http://www.ladogamuseum.ru/litera/pub171/> – Дата доступа : 24.11.2014.
29. Щапова, Ю.Л. Украшения из стекла / Ю.Л. Щапова // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. – М., 1997. – С. 89 – 93.
30. Михайлов, К.А. Древнерусские элитарные погребения X – начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах) : автореф. дис. ...канд. ист. наук : 07.00.06 / К.А. Михайлов; ИИМКА РАН. – СПб., 2005. – 26 с.
31. Мусин, А.Е. Кораллы в христианской культуре Восточной Европы и Средиземноморья / А.Е. Мусин // Рос. археолог. ежегодник. – СПб., 2012. – № 4. – С. 366 – 387.
32. Войтехович, А. Курганные могильники в районе поселенческого комплекса на р. Менке / А. Войтехович, С. Дернович // Гістар.-археалагічны зб. – Мінск, 2014. – Вып. 29. – С. 300 – 306.
33. Михайлина, Л.П. Словяни VIII – X ст. між Дніпром і Карпатамі (райковецька культура) : автореф. дис. ...док. истор. наук : 07.00.04 / Л.П. Михайлина ; ИА НАН України. – Київ, 2008. – 31 с.
34. Рыбаков, Б.А. Нестор о славянских обычаях / Б.А. Рыбаков // Древние славяне и их соседи. – М., 1970. – С. 40 – 45.
35. Повесть временных лет по Ипатскому списку. Издание Археологической комиссии. – СПб., 1871. – 195 с.

36. Рыбакоў, Б.А. Радзімічы / Б.А. Рыбакоў // Працы секцыі археалёгіі. Т.ІІІ. – Менск : Ін-т гісторыі, Бел. акад. навук. 1932. – С. 80 – 151.
37. Очерки по археологии Белоруссии. Ч. II / под ред. Г.В. Штыхова, Л.Д. Поболя. – Минск : Наука и техника, 1972. – 248 с.
38. Седов, В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. / В.В. Седов. – М., 1982. – 328 с.
39. Лысенко, П.Ф. Дреговичи / П.Ф. Лысенко. – Минск : Наука и техника, 1991. – 244 с.
40. Богомольников, В.В. О находках из Вотни на Днепре / В.В. Богомольников, Т.В. Равдина // Сов. археология. – 1979. – № 2. – С. 207 – 213.
41. Романов, Е.Р. Археологические разведки в Могилевской губернии / Е.Р. Романов // Записки Сев.-Зап. отдела Рус. географ. общ-ва. Кн. 3. – Вильно, 1912. – С. 33 – 63.
42. Отчет Императорской археологической комиссии за 1905 год. – СПб., 1908. – 151 с.

Поступила 26.05.2015

THE "SITTING" BURIALS OF THE MOUND NECROPOLIS OF MOGILEV IN EASTERN EUROPEAN CONTEXT

A. AVLASOVICH

In the article the phenomenon of the sitting burials in Mogilev is touched upon. We study the problem of the origin of the ritual in this territory, as well as its social and cultural context. The archaeological researches show that this position is inseparably connected with inner wooden constructions. The analysis of these two aspects in this ritual suggests the synthesis of Slavic-Scandinavian cultural traditions. On the basis of the archaeological studies of the mound number 58 in the village Studenka, Bykhovskiy district, the author reconstructs the burial tradition for female in a sitting position. The comparative analysis of complexes with the "sitting" bone in the necropolis of the X - XII centuries in Scandinavian Eastern Europe allows us to make conclusions about the social status of the deceased. Another aspect of the study is dregovichy and radimichy border within the region. Archaeological data acknowledge the territorial interpenetration of two representatives of the East Slavic tribal unions for a few dozens of kilometers.

УДК 271.2«1945–1949»

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В ЗАЩИТУ МИРА В 1945 – 1949 ГГ.****В.Л. КОРОЛЬ***(Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)*

Рассматривается деятельность Русской Православной Церкви в защиту мира на протяжении второй половины 1940-х гг. Освещены проблемы сохранения мира в государственно-церковных отношениях, показывается процесс вступления Церкви в международное антивоенное движение и движение сторонников мира в СССР, характеризуется роль и место миротворческой деятельности во взаимоотношениях Церкви и государства внутри страны и на международной арене. Сделан вывод о том, что патриотические и антивоенные позиции Церкви, ее активная международная деятельность стали основой, на которой развивалось церковное миротворчество, результатом чего было вступление Русской Православной Церкви в международное антивоенное движение и движение сторонников мира в СССР.

Введение. Период 1945 – 1949 гг. был отмечен восстановлением позиций Церкви внутри страны, возрождением религиозной жизни, налаживанием государственно-церковных отношений и выходом Русская Православная Церковь (РПЦ) на международную арену. Именно в это время РПЦ начала активно участвовать в решении проблемы сохранения мира, были заложены основы ее миротворческой деятельности, которые заняли одно из важнейших мест в ее деятельности во второй половине XX в.

Актуальность темы исследования заключается в том, что изучение деятельности Православной церкви в защиту мира имеет исключительное значение для объективной оценки истории Церкви, т.к. данная деятельность была одной из немногих сфер, в которой Церкви и государству удалось найти точки соприкосновения. Православная церковь не осталась в стороне от участия в решении наиболее острых глобальных проблем, прикладывая огромные усилия для сохранения мира на Земле. С научной точки зрения деятельность Русской Православной Церкви в защиту мира интересна тем, что эта сфера церковной деятельности не получила должного изучения и оценки. Несмотря на широкое освещение различных аспектов церковного миротворчества в трудах отечественных и зарубежных исследователей, до настоящего времени в отечественной исторической науке нет специального исследования, посвященного проблеме миротворческой деятельности Русской Православной Церкви в XX веке.

Цель статьи состоит в проведении исторического анализа деятельности Русской Православной Церкви в защиту мира в 1945 – 1949 гг. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: выявить факторы, оказавшие влияние на активизацию деятельности РПЦ в защиту мира; осветить вопросы участия РПЦ в международном антивоенном движении и движении сторонников мира в СССР.

Основная часть. Изменению отношения государства к религии и Церкви во многом способствовали патриотические позиции Русской Православной Церкви во время Великой Отечественной войны. Уже в первые дни Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей разослал по всем приходам страны «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором призвал священнослужителей и верующих встать на защиту Родины и сделать все для изгнания врагов [1, с. 145]. 26 июня 1941 г. в Богоявленском соборе в Москве он отслужил молебен «О даровании победы». Всего за годы войны Патриарший Местоблюститель 24 раза обращался к верующим с патриотическими посланиями, посвященными различным событиям войны [1, с. 146].

Патриотическая и антифашистская деятельность духовенства приняла во время войны массовый характер и осуществлялась в различных формах. Среди основных из них: молебны о даровании победы русскому оружию; патриотические проповеди митрополитов, епископов и священников; сбор средств в Фонд обороны; шефство над детскими домами, госпиталями; сбор теплых вещей; сбор металлического лома и т.д. [2, с. 30]. Обращения иерархов Московской патриархии передавались священникам, зачитывались в храмах и распространялись среди прихожан.

Патриотические выступления священнослужителей были подкреплены и конкретными действиями. В годы войны проявился патриотизм духовенства и верующих. Немалая часть православного духовенства оказывала моральную и материальную помощь партизанскому и подпольному движению, вносило взносы в Фонд обороны. На деньги от пожертвований верующих была создана танковая колонна «Дмитрий Донской», это свыше 8 млн рублей и большое количество золотых и серебряных изделий [2, с. 30]. Также за церковные деньги финансировалось создание авиационной эскадрильи имени Александра Невского. Священнослужители и верующие Беларуси также приняли активное участие в сборе пожертвований на нужды фронта. С августа по декабрь 1944 г. Православной Церковью в Беларуси было собрано в Фонд обороны страны, семьям и сиротам бойцов Красной Армии 4 872 000 рублей [3, с. 81].

Кроме того, лично архиепископом Василием (Ратмировым), епископом Минской епархии, было внесено в фонд обороны 33 000 рублей, в фонд семьям и сиротам бойцов Красной Армии – 75 000 рублей [3, с. 82]. Значительная часть православного духовенства поддерживала партизанское и подпольное движения. Священнослужители снабжали партизан продуктами, медикаментами, предоставляли кров для отдыха и лечения раненых, доставали документы для партизан и подпольщиков и т.д.

Некоторые священники участвовали в партизанском и подпольном движении, многие из них после войны были отмечены советскими наградами. Более пятидесяти представителей духовенства были удостоены медалей «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», несколько десятков – медалей «Партизану Великой Отечественной войны». Среди них и священнослужители Беларуси. Священник Виктор Бекаревич был награжден орденом Великой Отечественной войны II степени, протоиерей Василий Копычко – медалями «За победу над Германией» и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», священник Евгений Мисеюк – медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и орденом Преподобного Сергия Радонежского [4]. Архиепископ Питирим, возглавивший Минскую и Белорусскую епархий, был награжден медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.» за свою патриотическую деятельность во время войны во главе Куйбышевской, Калужской, Курской и Белгородской епархий. Всего участниками войны были 43 священнослужителя Беларуси [3, с. 94].

В 1943 г. советское руководство пришло к выводу о необходимости нормализации государственно-церковных отношений. После встречи И.В. Сталина с представителями Московской патриархии – митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем), с 4 на 5 сентября 1943 г. начался «новый курс» в политике советского государства по отношению к Церкви. Были восстановлены церковные органы управления. 8 сентября 1943 года состоялся Архиерейский собор, на котором митрополит Московский и Коломенский Сергей был избран патриархом Московским и всея Руси, а также был вновь образован Священный Синод Русской Православной Церкви [1, с. 215]. СНК разрешил открытие в Москве Богословского института и пастырских курсов, определил процедуру возобновления деятельности храмов и приходов. С сентября 1943 г. вновь начал издаваться «Журнал Московской патриархии». Многие священнослужители были освобождены из мест заключения и ссылки и вернулись в свои приходы [5, с. 79].

Причины названных изменений получили в историографии различную трактовку. Однако большинство авторов в качестве основных называют массовую патриотическую деятельность РПЦ во время войны, возрождение национально-патриотического курса в Советском Союзе, в которой Церкви отводилось одно из центральных мест, необходимость стабилизации религиозной жизни на освобожденных территориях с помощью РПЦ, стремление советского правительства использовать «союз» с Православной церковью для усиления международного влияния СССР, нейтрализации фашистской пропаганды и создания позитивного имиджа Советского Союза среди союзников по Антигитлеровской коалиции [1, с. 212 – 213; 5, с. 87 – 88].

Важное значение для укрепления позиций Русской Православной Церкви как внутри страны, так и за ее пределами имел Поместный собор (Москва, 31 января – 4 февраля 1945 г.). Патриархом Московским и всея Руси вместо умершего 15 мая 1944 г. Сергия (Страгородского) был избран Алексий (Симанский), принявший имя Алексий I [1, с. 220]. Поместный собор принял новое «Положения об управлении Русской Православной церковью» (31 января 1945 г.), которое значительно расширило права Церкви, определило ее организационную структуру. Православная церковь получила право заключать сделки, покупать строения, создавать предприятия, осуществлять наем работников и т.д. В Положении были определены функции Патриарха и Священного Синода, порядок управления епархиями, структура и функции приходской общины верующих и настоятелей храмов и т.д. Важное значение документа состояло в том, что он поставил деятельность Церкви в советском государстве на правовую основу и стал первым сводным документом, регулирующим религиозную жизнь в СССР [6].

Что касается Беларуси, то после освобождения республики от немецко-фашистских захватчиков в июле-августе 1944 г. здесь была восстановлена юрисдикция Русской Православной Церкви. Начались аресты священнослужителей, сотрудничавших с оккупационными властями. Иерархи Православной Церкви, сотрудничавшие с немцами, выехали из Беларуси, опасаясь репрессий. Оставшееся православное духовенство вновь оказалось в юрисдикции Московской патриархии. Сохранились епископские кафедры в Минске, Бресте, Гродно и Пинске. Первым послевоенным минским епископом стал архиепископ Василий (Ратмиров), занимавший данную должность с 1944 по 1946 гг. При нем с согласия советских властей были открыты пастырско-богословские курсы в Жировицах для подготовки священнослужителей [7, с. 123].

Первые послевоенные годы характеризовались высокой степенью религиозности населения, о чем свидетельствовало увеличение количества религиозных обрядов, посещений храмов верующими. Этому способствовали ослабление антирелигиозной политики государства, а также влияние сложностей повседневной жизни военного и послевоенного времени [8, с. 19]. Сразу после войны наблюдался рост количества право-

славных церквей, отнятых советской властью до войны. Так, если в 1947 г. в Беларуси насчитывалось 906 действующих православных церквей, в 1948 г. – 941, то к 1949 г. – уже 1060 [8, с. 17 – 18].

Одной из наиболее острых проблем Церкви в послевоенные годы была нехватка кадров. Многие приходы не имели своих постоянных священников. К июню 1945 г. по всей республике был один архиепископ, 556 священников, 97 дьяконов, 378 псаломщиков. Около 480 мест священнослужителей, включая низшее и среднее духовенство, в Беларуси оставались вакантными. Часть представителей православного клира либо покинули свои приходы, боясь репрессий, либо вовсе прекратили свою деятельность [3, с. 41]. Поэтому важное значение имело открытие Духовной Семинарии в Жировичах в 1946 – 1947 гг. на базе двухгодичных богословско-пастырских курсов [9, с. 239]. Постепенно количество священников увеличивалось: в 1947 г. – 748 священников; 1948 г. – 774. Всего за период 1945 – 1953 гг. в иерейский сан было рукоположено 255 человек. Этому в немалой степени содействовало существование епископских кафедр в Гродно, Бресте и Пинске и пастырские курсы, действовавшие в Жировичах, Гродно и Пинске [7, с. 123].

В то же время, к 1948 году все более отчетливо стали проявляться тенденции к изменениям в государственно-церковных отношениях. В августе 1948 г. были запрещены крестные ходы из села в село, молебны на полях и т.д. В 1949 г. были запрещены все крестные ходы, кроме пасхальных, запрещалось обслуживание одним священником нескольких приходов. В 1950 г. начали призывать на службу в армию учащихся духовных школ, не имевших священного сана. Сократилось число учащихся духовных школ, абитуриенты строго отсеивались Советом по делам РПЦ по политическим мотивам [10].

В таких условиях Православная Церковь Беларуси в целях самосохранения в условиях атеистического государства вынуждена была отвечать лояльностью к советскому строю и политике государства. Наряду с Русской Православной церковью лояльные позиции в отношении государства занимали лютеранская, армянская, иудейская, реформаторская церкви, буддисты и др. Все они отстаивали патриотические позиции, содействовали налаживанию международных религиозных контактов, поддерживали внешнеполитические усилия советского государства [11, с. 80]. Однако именно РПЦ как крупнейшая религиозная организация Советского Союза играла в данной политике ключевую роль. Как отмечал российский историк М.В. Шкаровский, РПЦ должна была олицетворять собой образ «Церкви в советском государстве» и, кроме того, играть роль представителя всех вероисповеданий в их делах с государством, в т.ч. и вопросах организации и координации борьбы за мир всех вероисповеданий в СССР [1, с. 321].

Значительные изменения произошли во внешних связях Церкви. Для их осуществления 4 апреля 1946 г. был создан специальный орган – Отдел внешних церковных сношений Московской патриархии (ОВЦС МП). Отдел осуществлял связь высшей церковной власти с зарубежными учреждениями РПЦ, различными церквями и религиозными организациями и движениями. Однако его деятельность во многом находилась под контролем Совета по делам Русской Православной Церкви. Рекомендации Совета были обязательными для Московской патриархии не только во внутрицерковных, но и во внешних делах [12, с. 36]. Функции руководства международной деятельностью Церкви и взаимоотношениями с другими конфессиями и Церквями исполнял председатель ОВЦС. Эту должность в изучаемый период занимал митрополит Крутицкий и Коломенский Николай.

К 1945 г. РПЦ удалось возобновить многие международные связи, которые были прерваны в 1930-е гг. При этом внешние связи Церкви на протяжении 1940-х гг. развивались достаточно интенсивно. Только за период 1945 – 1946 гг. представители РПЦ побывали с визитами в 17 странах. Московская патриархия приняла 13 заграничных делегаций, главным образом представителей православных церквей [5, с. 87]. Внешняя деятельность Православной Церкви в данный период развивалась по следующим основным направлениям: активное участие в решении международных проблем и поддержка внешней политики Советского Союза; установление контактов с Православными церквями, утверждение ведущей роли РПЦ в православном мире и расширение ее влияния в странах Восточной Европы; идейная борьба с Ватиканом и возвращение в юрисдикцию РПЦ зарубежных приходов Церкви.

Таким образом, Русской Православной Церкви была предоставлена возможность установления и развития международных контактов, которые направлялись и контролировались советским государством. По словам российского исследователя С.В. Болотова, все дальнейшие международные мероприятия с участием РПЦ проводились в двух целях: восстановления и развития обширных межцерковных связей Церкви и содействия советской внешней политике. «И если первая цель лежала более в плоскости собственно церковных интересов, то работа иерархов над достижением второй цели была той ценой, которую Русская Церковь платила за улучшение церковно-государственных отношений и прекращение открытых гонений. Вскоре работа духовенства в русле государственных интересов в области внешних церковных контактов стала доминировать над работой в интересах самой Церкви», – отмечал он [13, с. 99].

Однако, уже к концу 1940-х гг. интерес государства к Русской Православной Церкви как к инструменту советской внешней политики значительно ослабевает. Вызвано это было рядом причин. В первую очередь, изменилась международная обстановка. Оказались нереализованными планы Кремля по уста-

новлению своего влияния в Средиземноморье (Греции, Турции, Италии). Во-вторых, был успешно сформирован блок просоветских государств в Восточной Европе и влияние Русской Православной Церкви уже было не столь необходимым. В-третьих, постепенно изменились государственно-церковные отношения. К концу 1940-х гг. все более нарастали тенденции к ужесточению государственного курса по отношению к религии и Церкви.

Как отмечал российский историк М.В. Шкаровский, в сложившейся ситуации, «существовавшее военное неравновесие была призвана частично компенсировать активно развернувшаяся «борьба за мир». В этих обстоятельствах появился новый фактор заинтересованности советского руководства в международных акциях Московской Патриархии – ее миротворческая деятельность» [1, с. 297]. Американский историк У. Флетчер (W. Fletcher), в свою очередь, отмечал, что «проблема мира как таковая во многих аспектах представляла собой идеальную сферу для сотрудничества между Церковью и государством, потому что здесь существовала большая возможность оправдать христианскую заинтересованность и христианское участие в деятельности, инициатива в осуществлении которой исходит от нехристианского государства» [14, р. 67].

В послевоенные годы выход Русской Православной Церкви на международную арену и ее включение в международную миротворческую деятельность также были обусловлены сложной международной обстановкой. На мировой арене сформировались две сверхдержавы, военно-экономическая мощь которых давала им существенное превосходство над другими. Началось формирование двухполюсного мира, характеризовавшегося военно-политическим, экономическим и идеологическим противостоянием двух систем – социалистической и капиталистической, получившее название «холодная война». Значительная часть Европы оказалась в советской зоне влияния, что способствовало возникновению просоветских режимов. Усиление позиций СССР вызвало тревогу на Западе, особенно в США. Это привело к формированию «доктрины Трумэна» и принятии «плана Маршалла». К резкому росту международной напряженности привели события второй половины 1940-х гг. (Берлинский кризис 1948 г., создание НАТО (4 апреля 1949 г.), создание Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) (25 января 1949 г.), раскол Германии и создание Федеративной Республика Германия (ФРГ) (май 1949 г.) и Германской Демократической Республики (ГДР) (октябрь 1949 г.) Все это усиливало международную напряженность, создавало реальную угрозу миру на земле.

В этой ситуации Советский Союз поддерживал международное антивоенное движение и антивоенные силы внутри страны с целью использования его для поддержки своей внешней политики. В значительной мере это обусловило активное участие к концу 1940-х гг. Русской Православной Церкви в международном антивоенном движении, которое было во многом связано с интересами советского государства и имело важное значение для укрепления международного авторитета РПЦ.

Международное антивоенное движение получило оформление в 1949 г. В феврале 1949 г. в связи с предложением Международного Комитета деятелей культуры в защиту мира о созыве Всемирного конгресса сторонников мира в «Журнале Московской Патриархии» был опубликован призыв Патриарха Московского и всея Руси Алексия в защиту мира. «От лица Русской Православной Церкви обращаюсь ко всем братским Автокефальным Православным Церквам с призывом возвысить свой голос против всех покушений и действий, направленных к нарушению мира, против надвинувшихся новых проявлений человеческой ненависти и призываю всех поборников мира присоединить свой голос к огласившему весь мир благородному призыву к защите мира» - отмечалось в документе [15, с. 3]. Решение о созыве в Париже Всемирного конгресса побудило РПЦ 17 марта 1949 г. обратиться в Совет по делам Русской Православной Церкви с предложением присоединить свой голос к требованию созыва Конгресса сторонников мира.

В I Всемирном конгрессе сторонников мира (20 – 25 апреля 1949 г. в Париже и Праге) приняли участие более 2 тыс. делегатов из 72 стран. Конгресс принял манифест, в котором призвал народы всех стран к активности и единению в борьбе за мир. Был избран руководящий орган Движения сторонников мира – Постоянный комитет Всемирного конгресса сторонников мира. С ноября 1950 г. он получил название Всемирный совет мира (ВСМ) [16, с. 15].

Делегация РПЦ во главе с митрополитом Николаем (Ярушевичем) участвовала в работе Конгресса. Митрополит был избран в состав Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. В своей речи на Конгрессе он заявил от имени всех православных верующих СССР: «И сейчас, когда сотни миллионов людей открыто сказали в своих странах и в лице своих представителей здесь, на нашем Конгрессе, «нет» войне и ее зачинщикам, Русская Православная церковь от всей души присоединяет свой голос к этой демонстрации воли к миру и молится об успехе настоящего нашего начинания» [17, с. 19].

В то же время под влиянием международной обстановки и развития международного антивоенного движения активизировалась деятельность Церкви в защиту мира внутри страны. Начало данному процессу было положено 2 октября 1949 г., когда в Международный день мира по распоряжению Патриарха Алексия в церквях Русской Православной Церкви после литургии был совершен молебен «о мире всего мира», на котором было зачитано послание Патриарха. «От лица Святой Церкви я призываю всех верных чад ея усугубить

молитвы свои к Спасителю мира о дарствовании мира всему миру и прошу каждого отдать все силы на дело борьбы за мир, на дело упрочнения общей безопасности путем самоотверженной работы каждого в соей области труда, во благо Родины на дело сохранения мира», – говорилось в послании [18, с. 3]. Важную роль в распространении миротворческих идей сыграло создание в 1949 г. в «Журнале Московской Патриархии» специальной рубрики «В защиту мира». В ней печатались материалы о миротворческой деятельности Русской Православной Церкви – как внутри страны, так и за ее пределами: материалы о визитах, приемах, встречах, поездках представителей православия и других религий, проповеди, доклады, выступления, статьи, посвященные проблемам международного мира.

К концу 1940-х гг. сформировалось одно из основных направлений миротворческого служения Церкви – участие ее представителей в деятельности советских общественных антивоенных организаций. Начало этому процессу было положено в 1949 году после вступления РПЦ во Всемирный совет мира. После этого встал вопрос о создании движения сторонников мира в Советском Союзе. Наиболее массовой антивоенной организацией был Советский комитет защиты мира (СКЗМ), созданный на I Всесоюзной конференции сторонников мира (Москва, 25 – 27 августа 1949 г.) В ее работе приняли участие более 1200 человек. Конференция положила начало организованному антивоенному движению в СССР [19, с. 38].

В конференции приняла участие делегация РПЦ во главе с митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем. В своем выступлении он отметил поддержку Церковью стремления народов к миру, отметил вклад Советского Союза и стран народной демократии в дело сохранения мира, а также подверг резкой критике политику западных стран и прежде всего США. «Жадные щупальцы заоканского спрута пытаются опутать весь земной шар. Капиталистическая Америка, эта неистовая блудница воскрешенного Вавилона, устроив мировое торжище, пытается соблазнять народы, толкая их к войне. <...> Мы, церковные русские люди, не можем сейчас молчать. Движимые не только чувством нашего гражданского долга, как свободные граждане и патриоты нашей великой и родной страны, но и исходя из глубины нашей религиозной совести, как верующие православные христиане, мы должны осудить перед лицом всего мира преступные замыслы мрачных сил мировой реакции» – заявил митрополит [20, с. 17].

Делегаты первой Всесоюзной конференции мира избрали Советский комитет защиты мира в составе 79 человек, среди которых были представители различных профессий и социального статуса: общественные деятели, рабочие, ученые, писатели, артисты, художники и т.д. От РПЦ в него вошел Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай. Комитет защиты мира занимался координацией деятельности советских сторонников мира, развитием и укреплением связей с зарубежными организациями и общественными деятелями в борьбе за мир, а также проведением разнообразных антивоенных мероприятий [19, с. 40]. Создание данной организации открыло широкие возможности для участия Русской Православной Церкви в миротворческой деятельности. Активная поддержка и участие представителей Церкви в различных мероприятиях Комитета защиты мира показывало поддержку Церковью движения сторонников мира в СССР и предоставило ей возможность показать отношение православия к проблемам войны и мира.

Заключение. Период 1945 – 1949 гг. характеризовался развитием новых направлений в деятельности Русской Православной Церкви, одним из которых стала деятельность в защиту мира. Коренные изменения, произошедшие в государственно-церковных отношениях во время войны, оказали определяющее влияние на положение Русской Православной Церкви в послевоенный период. Все это позволило ей постепенно восстановить и укрепить свои позиции внутри страны, расширить свое влияние на паству, выработать модель взаимоотношений с государством, которая стала основой для последующего развития государственно-церковных отношений второй половины XX века. В условиях коренного изменения международных отношений, характеризовавшихся началом холодной войны и формированием двух общественно-политических систем – социалистической и капиталистической, Русская Православная церковь вышла на международную арену, расширила свои внешние связи и значительно укрепила свой международный авторитет. Вместе с тем, Православная церковь попала в полную зависимость от государства и была вынуждена проявлять лояльность и безоговорочно поддерживать внутреннюю и внешнюю политику советского государства. Патриотические и антивоенные позиции Церкви, а также ее активная международная деятельность стали той основой, на которой развивалась миротворческая деятельность Церкви. Именно на протяжении 1945 – 1949 гг. были сформированы предпосылки для активной деятельности РПЦ в защиту мира. Результатом этого стало вступление Русской Православной Церкви в международное антивоенное движение и движение сторонников мира в СССР и начало активной деятельности в защиту мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М. : Вече, 2010. – 478 с.
2. Николай, митр. Танковая колонна имени Димитрия Донского / митрополит Николай // Журнал Моск. Патриархии. – 1943. – № 2. – С. 30 – 32.
3. Силова, С.В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) : моногр. / С.В. Силова. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 105 с.

4. Суховерхий, А. Ветераны-священнослужители внесли свой вклад в Великую Победу – протоиерей Сергей Кузьменков [Электронный ресурс] / А. Суховерхий // Bymedia.net. Информационно-образовательный портал. – Режим доступа : http://dossier.bymedia.net/index.php?option=com_apressdb&view=publications&layout=entry&id=40598. – Дата доступа : 10.09.2014.
5. Москва и Восточная Европа: власть и церковь в период общественных трансформаций 40 – 50-х годов XX века / под ред. Т.В. Волокитиной [и др.]. – М. : РОССПЭН, 2008. – 806 с.
6. Битбунов, Г. О положении об управлении Русской Православной церковью 1945 года [Электронный ресурс] / Г. Битбунов // Pravoslavie.ru. – Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/46967.htm>. – Дата доступа : 14.05.2014.
7. Кривонос, Ф. Белорусская Православная церковь в XX столетии : спецкурс лекций для Минск. духов. семинарии / Ф. Кривонос. – Минск : Врата, 2008. – 255 с.
8. Верашчагіна, А.У. Гісторыя канфесій на Беларусі ў другой палове XX стагоддзя / А.У. Верашчагіна, А.В. Гурко. – Мінск : ІСПД, 1999. – 136 с.
9. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор'ева [і інш.] ; пад рэд. У.І. Навіцкага. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 337 с.
10. Бубнов, П. Религиозная политика советского правительства в 1943 – 1948 гг. как исторический контекст первого возрождения Минской Духовной Семинарии [Электронный ресурс] / П. Бубнов // Бел Православ. Церковь. Минск. Акад. и Семинария. – Режим доступа : <http://minds.by/articles/religioznaya-politika-sovetskogo-pravitelstva-v-1943-1948-gg-kak-istoricheskij-kontekst-pervogo-vozrozhdeniya-minskoj-duhovnoj-seminarii#.VNnTCtSsX4Z>. – Дата доступа : 14.05.2014.
11. Ярмусик, Э.С. Католический костел в Беларуси в 1945 – 1990 годах : моногр. / Э.С. Ярмусик ; Мин-во образования Респ. Беларусь, Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы. – Гродно : ГрГУ, 2006. – 567 с.
12. Горшкова, А.И. Государство и Русская Православная Церковь в 1940 – 1990-х гг. (по материалам «Журнала Московской Патриархии») / А.И. Горшкова // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. – Вып. 1. – Екатеринбург, 2001. – С. 32 – 51.
13. Болотов, С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы / С.В. Болотов. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2011. – 315 с.
14. Fletcher, W. Nikolai: portrait of a dilemma / W. Fletcher. – New York : Macmillan, 1968. – 230 p.
15. Призыв Патриарха Московского и всея Руси Алексия в защиту мира // Журнал Моск. Патриархии. – 1949. – № 2. – С. 3.
16. В едином строю борцов за мир: Общество БССР в движении сторонников мира / АН БССР, Ин-т истории ; редкол.: М.П. Костюк (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1989. – 206 с.
17. Николай, митрополит. Речь на Всемирном конгрессе сторонников мира / митрополит Николай // Журнал Моск. Патриархии. – 1949. – № 5. – С. 14 – 16.
18. Послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия // Журнал Моск. Патриархии. – 1949. – № 10. – С. 2 – 3.
19. Тарле, Г.Я. Движение сторонников мира в СССР / Г.Я. Тарле ; отв. ред. А.О. Чубарьян ; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М. : Наука, 1988. – 235 с.
20. Николай, митрополит. Речь на Всесоюзной конференции / митрополит Николай // Журнал Моск. Патриархии. – 1949. – № 9. – С. 12 – 17.

Поступила 23.02.2015

THE PEACEMAKING EFFORTS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE 1945 – 1949

V. KAROL

The article is dedicated to peace-making efforts of Russian Orthodox Church during the 40th years of the 20th century. The research attacks the problems of retaining peaceful relations between the Government and the Church. It also highlights the process of joining of the Church the international anti-war movement and the peace movement in the Soviet Union, characterizes the role and place of peace-making efforts in the relations between Church and State domestically and internationally. It is concluded that the patriotic and anti-war position of the Church, its active international activities have become the foundation of development of the Church activities in defense of peace, which resulted in the entry of the Russian Orthodox Church into the international anti-war movement and peace movement in the USSR.

УДК [726+902/904](476.5–21Полоцк)«10/11»

О ДАТИРОВКЕ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПОЛОЦКА XI–XII ВЕКОВ

И.З. ЗАЛИЛОВ

Уточняются датировки памятников архитектуры раннесредневекового Полоцка (XI–XII вв.), как сохранившихся до наших дней (Спасо-Преображенская церковь), так и известных только по письменным и археологическим источникам (храм-усыпальница и церковь Пресвятой Богородицы новой). Используются такие источники как: граффити Спасо-Преображенской церкви и неопубликованные результаты дендрохронологического анализа деревянных субструкций этого храма. Выводы автора статьи небесспорны, но они будут интересны специалистам различного профиля, изучающим историю Беларуси, и могут быть поводом для дискуссии по этому вопросу.

Введение. Полоцк в свое время был богат на архитектурные памятники раннего средневековья. На начало XXI века на основании письменных и археологических источников известны, по крайней мере, 10 культовых зданий, построенных из плинфы.

Основная часть. Полоцкая епархия основана в 992 году. Выходит, что строительство этих 10 храмов велось на протяжении двух веков: XI и XII. Лишь только один из них – Софийский собор – отнесен исследователями средневековой архитектуры к XI веку (1044–1066 гг.). Явный перевес в пользу XII века (9 храмов из 10-ти) удивляет. Скорее всего некоторые из этих храмов следует отнести к XI веку. В этом вопросе есть маленький нюанс, который настраивает на определенные размышления. Всех специалистов по раннесредневековой архитектуре Полоцка удивляет следующий факт: кладка стен храмов из плинфы с утопленным, или скрытым рядом, характерная для всех храмов Руси только для X–XI вв., в Полоцке сохраняется и в XII веке. Что это? Упрямый консерватизм полоцких зодчих или результат погрешностей специалистов в датировке этих строений? Скорее всего и то и другое.

В 1967 году археолог М.К. Каргер обнаружил и изучил на территории женского монастыря остатки безымянного храма, который он назвал храмом-усыпальницей на основании того, что в его галереях, окружавших здание с трех сторон, были обнаружены склепы с многочисленными мужскими захоронениями [4, с. 240–247]. Он датировал этот храм началом XII века. Изучением церкви в 1976 году занимался П.А. Раппопорт, который датировал ее первой половиной XII века [13].

Называя обнаруженную им церковь храмом-усыпальницей, М.К. Каргер опирался на сведения из Жития преподобной Евфросинии, в котором о месте Сельцо говорится как о «метохии» (подворье) Святой Софии и о месте, «...иде же братия наша лежат, прежде нас быша епископи». Процитированная из жития фраза, сказана епископом Илией около 1125 года. Слово «братия» во множественном числе предполагает не менее двух епископов, погребенных в склепах храма-усыпальницы до епископа Илии, который, вероятно, пополнил после своей кончины в 1128 году ряды своей «братии». До епископа Илии свое место в храме занял в 1116 году епископ Мина. Епископ Мина был поставлен митрополитом Никифором в 1105 году. В 1104 году сам Никифор был поставлен в митрополиты в Константинополе.

Но митрополит Никифор до 1096 года возглавлял епископскую кафедру в Полоцке. После кончины митрополита Ефрема в 1096 году князь Святополк Изяславич с одобрения епископов избирает епископа Полоцкого Никифора митрополитом. Об этом событии летописи умалчивают. Но о нем сообщает В.Н. Татищев [20, с. 109]. Сведениям В.Н. Татищева о Полоцке можно доверять, так как он пользовался в своей работе Полоцкой летописью (т.н. «Список Еропкина»), которая сгорела во время пожара Москвы в 1812 году. Тем более, что сведение об избрании Никифора русским митрополитом согласуется с погодными летописными записями о нем 1104–1105 гг. Избранный русским митрополитом Полоцкий епископ Никифор не был полноправным до своего поставления в русские митрополиты Константинопольским патриархом, т.е. не имел права поставлять епископов на Руси. Лишь только после своего возвращения из Константинополя 6 декабря 1104 года в качестве поставленного и посаженного, 18 декабря этого же года он ставит епископов на Руси: во Владимире, Переяславле и Полоцке [5, с. 270].

Мина стал полноправным епископом Полоцким только после своего поставления митрополитом русским Никифором 13 декабря 1105 года. До этого дня с 1096 года он, видимо, был только избранным главой Полоцкой епархии, так же как и его предшественник (бывший Полоцкий епископ Никифор) был только избранным главой Русской церкви с 1096 по 1104 гг. [5, с. 270].

В 1121 году он преставился в Киеве, где и был захоронен как митрополит. Таким образом, он не попал в число епископов, которые были погребены в храме-усыпальнице на Сельце, и только епископ Мина был захоронен в нем в промежуток времени от 1096 по 1128 гг.

Но об одном человеке не говорят во множественном числе «братия». Значит, в храме-усыпальнице был захоронен, по крайней мере, еще хотя бы один епископ, предшественник Никифора

на полоцкой епископской кафедре. С 1096 года по 1128 год в г. Полоцке было два епископа: Мина и Илия. Простой подсчет дает в сумме 32 года. К этой сумме необходимо прибавить хотя бы года 4, в которые Никифор был епископом в Полоцке. Итого 36 лет. В среднем получается на каждого епископа 12 лет. От предполагаемого нами года поставления Никифора епископом Полоцким (1092 год) отнимем усредненную сумму службы каждого епископа и получим 1080 год – максимально поздний год постройки храма-усыпальницы на Сельце. Но 1080 год – это XI век, но никак не XII.

При изучении граффити церкви Спаса естественно проводился поиск аналогов начеркам букв по векам. Для этой цели привлекались и надписи на фрагментах фресковой штукатурки храма-усыпальницы¹. Бесспорно точных аналогов начеркам букв самых ранних (XII в.) граффити церкви Спаса не найдено. Буквы дипинти как бы сошли со страниц старейших русских памятников: «Изборника» Святослава и Остромирова евангелия, датированных XI веком.

Погодные записи Повести временных лет (Лаврентьевский список 1377 г.) в сопоставлении со сведениями Жития преподобной Евфросинии позволяют отнести время строительства храма-усыпальницы к XI веку. Об этом же времени говорят и данные архитектурной археологии – кладка плинфы с утопленным рядом и надписи – дипинти церкви-усыпальницы.

XI век в истории Полоцка занимает особое место. В течение всего столетия (1001–1101 гг.) Полоцкое княжество возглавляли два князя – Брячислав и Всеслав. Относительная внутривластная стабильность Полоцкой земли в XI веке способствовала укреплению ее экономического положения, а значит и материальных возможностей для строительства каменных храмов. Можно без преувеличения утверждать, что золотым веком Полоцкой земли во всех отношениях был именно XI век.

Широкие возможности уточнения датировки архитектурных памятников раннесредневекового (XI–XII вв.) Полоцка, вероятно, появятся после проведения архитектурно-археологических исследований на территории Верхнего Замка, которая недавно стала максимально доступной для изучения. Но это в будущем. В настоящее время для этих целей необходимо сосредоточиться на уже имеющихся источниках по этому вопросу. В частности, недавно открылись новые данные для выяснения даты постройки Спасо-Преображенской церкви Спасо-Евфросиниевского женского монастыря.

О том, что этот шедевр средневекового зодчества Полоцка был возведен в XII веке, писали и до сих пор пишут все специалисты. Исследователи сходятся на том, что возможные сроки строительства Спасо-Преображенской церкви в Спасо-Евфросиниевском монастыре в Полоцке находятся в промежутке времени от 1125 года, когда архиепископ Илия дал в дар Евфросинии место на Сельце для устройства женского монастыря, до 1161 – года создания ювелиром Лазарем Богшей креста-реликвария для уже построенного храма Спаса. Причем преобладает мнение о более поздней дате в этом промежутке времени. В.Д. Сарабьянов считал, что храм Преображения был построен в 1161 году [16, с. 16].

Эти тридцать шесть лет (1125–1161 гг.) земной жизни преподобной были насыщены трудами по созданию двух монастырей – женского, с церковью Спаса, и мужского, с храмом Богородицы, в которых она была игуменьей одновременно – случай уникальный в церковной истории. На эти же годы приходится и время княжения на полоцком княжеском столе родного брата Предславы-Евфросинии Василько Святославича. Годы его правления 1132–1143. Некоторые исследователи считают эти годы самыми благоприятными для строительной деятельности игуменьи [17, с. 89–90]. Ведь поддержка родного человека, обладавшего огромной властью и средствами, была существенной для ведения строительных работ.

В начале княжения Василько Святославича преподобной Евфросинии было от 24 лет до 31 года, в конце – от 35 до 42 лет. Это возраст самой высокой жизненной активности любого человека. Здравый смысл подсказывает, что строительство двух храмов – Спасского и Богородицкого – велось Евфросинией в 30-е гг. XII в. Но когда именно?

В круг изучаемой литературы о земной жизни преподобной вошли исследования певческих циклов о Евфросинии Полоцкой. Исследователь этих циклов Н.С. Серегина пришла к выводу, что все поздние списки этих циклов XVI–XVII вв. восходят к оригинальному списку XII в.

Анализируя эти рукописи, она пишет: «Заголовок службы в этих списках везде одинаков: «22 мая в этот день Евфросиния, игуменья Всемилового Спаса, иже монастырь созда в Богом спасаемом граде Полоцке лета 6601» [18, с. 52–53].

Дата основания монастыря 6601(1093) год нереальна. К этому времени еще не появилась на свет будущая игуменья монастыря. Но в этой цифре все же есть данные, которые позволяют восстановить подлинную дату строительства монастыря, а значит и церкви Спаса-Преображения.

Первоначальный список певческого цикла о Евфросинии Полоцкой восходит к XII в. Дата в заголовке службы в этом списке также должна относиться к XII в., а не к XI. Это логично.

¹ Это не граффити, а т.н. дипинти – надписи, прорисованные краской по фресковой поверхности. Они приводятся в прекрасно иллюстрированной книге «Полоцкое радование» [с. 48].

Писец в XVI в., списывая текст с ветхой рукописи XII в., видимо, столкнулся с определенными трудностями в своей работе. Он не совсем успешно справился со сложностями в понимании, а значит и в передаче текста ветхого списка XII в.

О возможных ошибках при переписывании «Ветхого летописца», составленного игуменом Михайловского монастыря в Киеве в 1116 (6624) г. Силивестром для князя Владимира Мономаха, писал, закончив свой тяжкий труд, монах Лаврентий в 1377 (6885) году: «И ныне господа отцы и братья оже-ся где буду описаль, или переписаль, или не дописаль, чтите, исправляя, бога деля, а не кляните. За-неже книги ветшаны, а умь молодь не дошель» [5, с. 274, 463–464].

Д.С. Лихачев, перечисляя ошибки писцов при переписке рукописей, указывал, что характернейшей их ошибкой была передача кириллической цифири [6, с. 65–66]. На пропуски и неверные написания цифровых разрядов переписчиками обращают внимание Л.В. Черепнин, А.А. Турилов [21, с. 35], [23, с. 69–73].

Вероятно, такого рода ошибка и закралась в передачу даты постройки Спасского монастыря в Полоцке. Потеря при переписке цифры, обозначающей десятки, превратила XII в. в XI.

Как это могло произойти? Просто из-за невнимательности переписчика. Даты от сотворения мира в XII в. писались, например, так: *SXMA – 6641. Возможность пропуска цифры увеличивалась многократно, если годовая дата в ветхом списке XII в. была записана с выносом цифры десятков вверх строки под титло, что часто делалось писцами в целях экономии места на дорогом писчем материале – пергамене – *SX^MA. Пропуск цифры в новом списке давал дату не XII, а XI века (*SXA – 6601). Возвращение любой цифры десятков возвратит эту дату в XII в.

Таких букв-цифр девять: I – 10; K – 20; L – 30; M – 40; N – 50; ǰ – 60; O – 70; П – 80; Ч – 90. Оглядывая земную стезю преподобной – 1104 (1108) – 1167 (1173), можно, не рассматривая, исключить из этого ряда три первые цифры как слишком ранние и три последние, которые дают слишком поздние даты. Основанием для исключения служит здравый смысл и опорные даты: 1125 – год дарения епископом Илией Евфросинии места в Сельце для строительства монастыря и 1161 – год изготовления мастером Лазарем Богшей креста для уже построенной церкви Спаса. Остаются три цифры десятичного ряда: M – 40; N – 50; ǰ – 60. Буква ǰ имеет такую форму, что ее невозможно не заметить и пропустить, тем более ее никогда не выносили вверх строки под титло, во всяком случае, таких примеров нет. Ее также следует исключить. Остаются две цифры: M – 40; N – 50. однако предпочтение следует отдать цифре M – 40, и вот почему. В ряду цифр XMA цифра M усугубляет однообразие начертаний букв и как бы подчеркивает, провоцирует свою незаметность. Буква же N не может быть не замечена, так как она своими «мачтами» прерывает однообразие букв в строке – XNA. В итоге остается лишь одна цифра десятичного ряда, которую пропустил переписчик в XVI в. Это цифра M – 40. Вся дата теперь может быть восстановлена – *SXMA – 6641 г. от сотворения мира или 1133 г. от Рождества Христова.

Реальность такой датировки подтверждает дендрохронологический анализ деревянных субструкций из алтаря и столпов церкви. Результаты анализа, который провел в 2015 г. ведущий научный сотрудник Института экспериментальной ботаники кандидат биологических наук М.В. Ермохин, еще не опубликованы, но дата 1133 год входит в ряд годов предварительного исследования, который начинается 1125 и заканчивается 1134 годом. Причем в этом ряду больше ранних, чем 1133 год, дат, что вполне объяснимо – древесина должна была после спила какое-то время сохнуть до ее включения в кирпичную кладку.

Эта дата может быть принята как возможный год строительства Спасо-Преображенской церкви и как отправная точка для определения года постройки церкви Богородицы мужского монастыря. Ведь в житии преподобной прямо написано, что мужской монастырь и церковь во имя Пресвятой Богородицы были построены после полного завершения строительства церкви Спаса. Нет никаких оснований сомневаться в этом.

Определение же 1161 года, как даты постройки в женском монастыре церкви Спаса, после постройки храма Богородицы и основания мужского монастыря, вызывает недоумение. Трудно поверить в то, что Евфросиния, получив в дар в 1125 г. место в Сельце для строительства женского монастыря, ждала целых 36 лет, чтобы решиться, наконец, построить в монастыре каменный храм. Исследователи, предпочитающие отодвинуть дату строительства каменной церкви в женском монастыре к 1161 г., приводят как аргумент в пользу принятия такой даты то обстоятельство, что в монастырь входила каменная церковь-усыпальница, которой было вполне достаточно для проведения служб. В этом вопросе помогает разобраться житие преподобной.

Тщательное прочтение списков жития, собранных и изученных исследователем А.А. Мельниковым [8], позволяет не только предположить, но и утверждать, что епископ Илия передал в дар Евфросинии не все Сельце, а только его часть с деревянной «церковицей» Святого Спаса. Совсем не случайно во всех списках жития так много места уделено передаче участка земли с «церковицей» на Сельце. Этой передаче предшествовали видения Ангела Евфросинии и Илии. Евфросинии: «...поим ю Ангел и

веде ю идеже бе церковица Святаго Спаса метохия и Святой Софии, яже зовящется от людей Селце. И ту показа ей ангел Господень, глаголя: “Еуфросинии! тут ти подобает быти”» [8, с. 227]. Илии: «...явися епископу Илии тѣм же аггел, глаголя: “Введи рабу Божию Ефросинию в церквьцу Святаго Спаса, на рекомое Селце место...”» [8, с. 227].

После этих видений происходит встреча и беседа Илии и Евфросинии на которой владыка говорит: «...То есть ти церковица Святаго Спаса в Селци, идеже братья наша лежат – прежде нас бывшии епископи. Да негли Бог поспешит ти молитвами их и трудом твоим, и возградит место велико» [8, с. 228]. Отдельные слова Илии требуют перевода на современный русский язык, чтобы был понятен их конкретный смысл: ти – ‘тебе’; негли – ‘может быть’; поспешит – ‘поможет, пособит’ [19, с. 371, 1254]. Тогда эта фраза читается так: «Это есть церковица Святаго Спаса в Сельце, где братья наши лежат, прежде нас бывшие епископами. Да может быть Бог поможет тебе молитвами их (бывших епископов) и трудом твоим, и возградит место велико». Смысл этих слов: «Даю тебе малое, но твоими трудами оно будет велико». Только после этого разговора: «...Призвав же епископ князя Бориса, стрья (дядю по отцу – И. 3.) ея, и отца ея Георгия, и преподобную Еуфросинию, и сильныя честныя мужи, и постави я сам на ся послухи, рек: “Се отдаю Еуфросинии место Святаго Спаса при вас, да по моем животе никтоже не посудит моего дания”» [8, с. 229]. Речь епископа как будто бы прочитана с дарственной грамоты, об этом же говорит и присутствие именитых «послухов» (свидетелей). Она и начинается с обычного для духовных и дарственных грамот слова «се». «И се слышавше князи оба и бояре вси от епископа, и поклонистася ему, глаголюще тако: “Ей, владыко святой, се ти есть Бог положил на сердце твоём, еже сице умыслил о отроковице сей, творя попечение о ней”» [8, с. 229]. На что Евфросиния отвечает: «Рада иду, и якоже Бог повелит ми, тако и воля Господня да будет о мне». «Князи и бояре вси слышавше от преподобныя Еуфросинии глагол сей, и възрадовашася вси...» [8, с. 229].

В этом описании чувствуется какая-то недосказанность, как будто был еще какой-то вариант решения вопроса, но епископ решил, что будет именно так.

Илия вынужден был так поступить, выделив для будущего монастыря только малую часть того, что он мог бы дать, но не имел на это права и даже желания. Права владыки на передачу храма-усыпальницы полоцких епископов были ограничены решением 6-го Вселенского собора, в котором записано: «Повелеваем такое бывати, аще когда хоцеть погребати жену в мужском монастыри, мужа же не хоцемъ» [9, с. 423, л. 210]. Иными словами, в женском монастыре было запрещено иметь мужские захоронения. Это правовая сторона вопроса. Однако здесь присутствует и личный интерес епископа Илии – он был следующим, чтобы пополнить ряд лежащей в храме-усыпальнице «братии... преже нас бывшии епископи». Перспектива быть погребенным в любом другом месте его явно не устраивала.

Это решение устроило всех присутствующих, а главное – Евфросинию, которая сказала: «Рада, иду...». И в ту же ночь пошла на подаренное ей место. Здесь она поняла, какие великие труды ей предстоят.

Когда же могло произойти это событие? Опорной, крайней датой в этом определении может служить 1128 год. В начале этого года уходит из жизни князь Борис Всеславич, дядя (стрый) Евфросинии, который присутствовал на совещании у епископа Илии или в качестве полоцкого князя (до 1126 г.) или позже, как старейший в роду Всеславичей. В этом же году преставился и епископ Илия. Здесь необходимо сделать небольшое отступление от этой опорной даты на четверть века назад. Житие рассказывает вехи, по которым можно определить год рождения Предславы. Первая веха – это годы епископства в Полоцке Мины – 1105–1116 гг. В этот промежуток времени (11–12 лет) Предслава стала Евфросинией, т.е. ушла в монастырь к своей тетке, игуменье, вдове князя Романа Всеславича, который умер в 1116 гг. Существенным моментом в этом событии может служить то обстоятельство, что князь Роман умер бездетным и княгиня Романя унаследовала все достояние умершего супруга, которого вполне хватило на устройство первого женского монастыря в полоцком замке, во дворе князя. Вдова Романа Всеславича четко осознавала, что ей некому при своей жизни передать двор и имущество, доставшееся ей после кончины мужа. Косвенным подтверждением того, что на Верхнем замке когда-то располагался женский монастырь, может служить упоминание «двора игуменьи» в городе [10, с. 148 (док. 222)]. Вот в этот, недавно основанный монастырь и направилась Предслава после того как ей исполнилось 12 лет. Досужие домыслы о том, что Предслава родилась в Витебске, а в монастырь ушла в Заславль, должны оставаться ни на чем не основанными домыслами [2, с. 499–508].²

² О невозможности ухода, тем более тайного, из Витебска в Заславль, а потом из Заславля в Полоцк говорит то обстоятельство, что вся территория между этими городами в XII в., да и много позже, была покрыта древними непроходимыми лесными массивами преодолеть которые не смог даже двоюродный брат Евфросинии Брючислав (Давыдович). В 1127 г. он с дружиною не мог пройти «ни семо ни онамо» и «иде шюрину своему в руце», потому что прямой дороги из Заславля в Витебск, а значит и в Полоцк, не было [1, с. 34, с. 17 (схема 3)]. Около 1300 года рижские купцы, например, готовы были заплатить цену коня (10 изроев-гривен), полюбившегося витебскому князю Михаилу Константиновичу, за услуги проводника на пути из Витебска в Смоленск [14, с. 76, 84].

В житии ясно написано, что Предслава-Евфросиния родилась, воспитывалась и проживала в Полоцке и не покидала его вплоть до совершения паломничества в Иерусалим, т.е. до 1167 г. (1173).

В каком же году могло произойти это событие (уход Предславы в монастырь), в корне изменившее жизнь и судьбу княжны? Во всяком случае, не позже 1116 года, года кончины епископа полоцкого Мины, а скорее всего именно в этом году. Отнимая от этой даты 12 лет, которые прожила Предслава до пострижения в монастырь, получим 1104 год – год предполагаемого появления на свет Предславы. Таким образом, можно предположить следующее – 1104 – год рождения княжны Предславы Святославовны и 1116 – год появления Евфросинии, инокини женского монастыря в Полоцке.

Некоторое время юная инокиня провела только в стенах первой своей обители, подчиняясь воле игуменьи и сестер и выполняя все предписания монастырского устава.

Однако со временем она поняла, что такое ее подвижничество должно быть дополнено трудами по собственноручному переписыванию книг для нужд всего Полоцка. Труд писца, каждодневный, изнурительный, тяжкий, был посилен только мужчинам. Взвалить его на свои слабые плечи было для отроковицы сродни подвигу. Но такое занятие требует уединения более полного, чем могла предоставить монастырская келья. Поэтому испросила Евфросиния у епископа Илии разрешения только на занятие этим трудом в «голубце» соборной церкви Софии Премудрости Божией, который располагался в одной из ветвей П-образных хор собора. Она не находилась постоянно в «голубце», а только переписывала в нем книги, оставаясь инокиней родного ей монастыря. Так продолжалось некоторое время, до тех пор пока не ушла из жизни игуменья монастыря, княгиня Романья. Вероятно, в связи с ее смертью первый женский монастырь прекратил свое существование по причине перехода двора князя Романа Всеславича в собственность наследников преставившейся игуменьи. Пока княгиня Романья была жива, она была владелицей двора на правах вдовы князя Романа. После же ее кончины право собственности на двор перешло к кому-то из наследников уже княгини. Косвенным свидетельством того, что Романей уже не было в живых в это время, является то, что ее не было среди участников совещания у епископа Илии, хотя ее присутствие было бы очень уместно.

Фактически для Евфросинии создалась, казалось бы безвыходная ситуация. Монастырь перестал существовать, а постоянно находиться в «голубце» Софийского собора было невозможно. Это прекрасно понимали и Илия и Евфросиния. Выход из создавшейся ситуации нашел епископ – основание нового женского монастыря именно на церковной земле, на которую не сможет уже никто претендовать.

Необходимо отвергнуть как несостоятельные измышления о возможности неприязненного отношения Илии к Евфросинии [2, с. 499–508]. Внимательное, непредвзятое чтение жития убеждает в том, что взаимоотношения Илии и Евфросинии были основаны на христианской любви и дружбе, а не на интригах и кознях. Видя душевные страдания Евфросинии, епископ и решает дать ей возможность для устройства своего монастыря. При этом он предупреждает юную инокиню о великих трудах, которые ей предстоят, и дает ей понять, что он и после своей кончины будет ей помощником своими молитвами, присоединившись вскоре к голосам молящейся за нее братии, бывших епископов.

Эти события могли произойти в промежутке времени от 1120 до 1128 г., когда Илия стал полноправным епископом Полоцкой епархии. Не ранее 1120 г. он позволяет Евфросинии заниматься переписыванием книг в «голубце» Софийского собора.

В ее собственность перешла земля с деревянной «церковицей» и, может быть, несколько таких же жилых и хозяйственных построек. Вся остальная территория Сельца с каменной церковью-усыпальницей продолжала оставаться подворьем Софийского собора.

Если предположение о том, что первый полоцкий женский монастырь перестал существовать в связи с кончиной игуменьи Романей верно, то Евфросинии пришлось в первую очередь заняться вопросами благоустройства монастыря. Надо было принять и где-то разместить своих духовных сестер, которые лишились не только своей игуменьи, но и кровя над головой.

На решение этих вопросов ушли годы, отсчет которых надо вести с лета 1125 года. Благо, что деревянная «церковица» еще исправно служила нуждам обители. Все это происходило в преддверии важных событий, существенно повлиявших на дальнейшую судьбу монастыря.

В 1128 году уходят из жизни князь Борис Всеславич и епископ Илия. В 1129 году отец Евфросинии и все ее братья, кроме Василько, отправляются в десятилетнюю ссылку в Византию. На великокняжеский полоцкий стол восходят киевские ставленники. Не все князья были отправлены в ссылку с семьями, некоторые остались в Полоцке. Семьи отдельных князей и поддерживающих их бояр, видимо, подверглись каким-то притеснениям. В такой обстановке произошло естественное пополнение насельников как мужского, так и женского монастырей. За их стенами жены и отпрыски князей и бояр искали защиты от притеснений. Не все из них приняли в дальнейшем постриг и стали иноками и инокинями, как приняла его Звенислава Борисовна, став Евпраксией. Но, скорее всего, как Звенислава они сделали вклады в монастыри. Житие упоминает только вклад Евпраксии, как очень значимый. Так

появились средства на строительство каменного храма, о котором, видимо, мечтала молодая игуменья, глядя на храм-усыпальницу и вспоминая Софийский собор.

Бесспорно, сразу возник вопрос: где, на каком месте строить? Первоначальная территория монастыря не была большой, тем более на ней только что были построены необходимые для монастыря здания. Лучшего места для постройки каменного храма чем то, на котором в свое время была срублена деревянная церковь Спаса нельзя было и придумать. Тем более что со временем она обветшала.

Вскоре изменилась политическая обстановка в Полоцке, и великокняжеский стол занял родной брат Евфросинии Василько. О более благоприятной обстановке для строительства каменного храма нельзя было и мечтать. И храм был построен, если наши расчеты верны, в 1133 году и освящен во имя Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Такое посвящение было далеко не случайным. Деревянная церковь преобразилась в каменную, как преобразился Иисус, сопровождаемый Авраамом и Илией, перед своими избранными учениками на горе Фавор. Так же духовно преображаются девы после обряда пострижения, становясь невестами Христовыми, принимая новое имя. Тем более в евангельском событии Преображения рядом с Христом пребывает ветхозаветный пророк Илия, небесный покровитель человека, которому Евфросиния была многим обязана.

Вид храма настолько порастил Евфросинию, что она после торжественного освящения церкви решает построить еще один каменный храм и основать мужской монастырь. На первый взгляд это решение кажется нелогичным. Но это только на первый взгляд. Зодчий Иоанн сумел собрать воедино искусных «делателей церковных», которые показали на что они способны. Среди этих «делателей церковных» были монахи-строители и художники. Не все из них были полочанами. Сохранить этих людей, привязать их к Полоцку – практическая цель, которую преследовала игуменья, решив построить еще одну каменную церковь и основать мужской монастырь.

То, что идея воздвигнуть мужской монастырь с церковью Богородицы возникла сразу после осмотра завершенной церкви Спаса, подтверждает житие: «Видевши преподобная Евфросиния монастырь свой украшен и всего блага исполнен, умысли создати вторую каменную церковь Святой Богородицы, и ту свершивше и иконами украси и освятив даст ю мнихам и бысть монастырь велик» [15, с. 13–14].

Где была построена церковь Богородицы и при ней устроен мужской монастырь точно сказать трудно. Существует предположение, что на территории великокняжеского двора на Бельчицах, кроме известного всем исследователям Борисоглебского мужского монастыря, существовал еще один монастырь – Богородицкий. Это предположение подтверждается документально. В начале XVI в. полоцкие бояре Корсаки подтверждают земельный вклад своих отцов Остафия и Зеновея, умерших в 1492 году, в Борисоглебский и Богородицкий монастыри на Бельчицах [12, с. 36–48].

Большой знаток полоцкой истории Л.В. Алексеев на личном экземпляре III тома Полоцких грамот особо, красным цветом, пометил слово «Богородицкий» в этом документе. Этот экземпляр хранится в библиотеке Спасо-Евфросиниевского монастыря.

Если местонахождение церкви Богородицы и одноименного мужского монастыря можно предположительно определить, опираясь на письменный источник, то о дате постройки храма Богородицы ориентировочно упоминает только житие преподобной – после освящения Спасо-Преображенской церкви. Других источников нет. В определении этой даты могут помочь только археологические раскопки и граффити храма Преображения Господня.

Предположительная дата постройки этого храма – 1133 г. – может служить точкой отсчета в определении даты постройки Евфросинией второго каменного храма.

Граффити настолько многозначное и многогранное явление, что даже своим отсутствием в определенном месте они говорят о многом. Но иногда обнаруженные граффити создают такие головоломки, что на их разгадку могут потребоваться годы и усилия многих исследователей. Это касается в первую очередь двух загадочных рисунков (рис. 1, рис. 2), обнаруженных на северной стене центральной части храма [3, с. 104–105. Граффити 101, 102. Табл. XII, 1–4]. Они расположены рядом и образуют пару, дополняя друг друга. Их объединяет и наличие буквосочетаний, которые прочерчены внутри рисунков и рядом с ними. Это сочетания букв МЗ и MS. В нижней части графф. №101 слабо просматриваются буквы МС. Буквы расположены по вертикали на одной линии соответственно: два М и рядом с ними S и Z и создают пары. Учитывая то, что буква S в раннем средневековье употреблялась на письме исключительно в качестве цифры 6, можно предположить, что эти сочетания букв являются цифрами: MS – 46; МЗ – 47. Что могут обозначать эти цифры? Это не размеры частей треугольника – слишком эти части разнятся между собой, во всяком случае, не на одну какую-либо единицу. Можно предположить, что это окончания годовых дат (MS – 46; МЗ – 47). Слева от этих цифр на поверхности треугольника и особенно женской фигуры просматриваются рельефы букв, которые, возможно, составляют начала годовых дат. Однако нет явных признаков указывающих на то, что эти буквы обозначают начальные цифры годов, т.е. нет тысячного знака, нет титл и т.д.

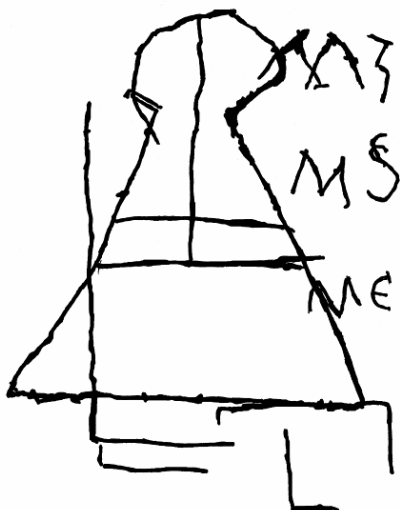

Рис. 1

Рис. 2

На данном этапе исследования имеются следующие данные по определению даты постройки церкви Богородицы. В «Житии...» – после завершения строительства Спасо-Преображенской церкви (по нашим подсчетам, после 1133 г.); в граффити – рисунок-схема и женская фигура; цифры-буквы M3 и MS, процарапанные на этих рисунках.

Особо надо остановиться на рисунке-схеме и определить его назначение. Значения треугольника многообразны, но одно из них – церковь. Это подтверждается наличием на стенах Киевского и Новгородского Софийских соборов, а также Спасо-Преображенской церкви в Полоцке треугольников с крестом на его вершине. Это упрощенное изображение храма вообще. На рисунке-схеме изображен треугольник, разделенный двумя горизонтальными линиями на три неравные части. Каждой части соответствует определенная цифра, начинающаяся с M – 40. Эту цифру дополняют 3 – 7 и S – 6, и, если, включить в этот ряд слабо видимое начертание буквы E – 5.

Полагаем, что рисунок-схема это поэтапный, погодовой упрощенный план строительства храма Богородицы одноименного монастыря в Полоцке. Наличие на стенах церкви погодowego плана не должно удивлять. Мнение о том, что в античные времена и в средние века строительство каменных зданий велось без чертежей опровергается исследованиями немецких ученых, которые изучали недостроенный древнегреческий храм Аполлона в Дидимах. На настенных и даже на полах плитках они обнаружили детальные строительные чертежи. Они сохранились по той простой причине, что храм был не достроен и его внутренние мраморные поверхности не были отшлифованы. Шлифовка внутренних поверхностей стен и полов в завершенных святилищах уничтожала тонкие (до 0,5 мм) линии чертежей.

Заключение. Как считают немецкие ученые, традиция строить по чертежам перешла через Византию и Рим в средневековую Европу [22, с. 86–95].

Если наше предположение о назначении буквенных знаков верно, то присоединяя эти буквы-цифры к цифрам, обозначающим XII в. *SX – 6600 (1092) получаем годовые даты: *SXME (6645), *SXMS (6646) и *SXM3 (6647) от сотворения мира или 1137, 1138, 1139 от Рождества Христова, в которые была, по нашему предположению, построена церковь во имя Пресвятой Богородицы мужского монастыря в Полоцке. Эти даты хорошо согласуются с датой постройки Спасо-Преображенского храма (1133 г.) и сведениями жития преподобной.

Рисунок-схема и изображение монахини на северной стене основного объема храма могли появиться в день его торжественного освящения, после того как Евфросиния, «умыслив» постройку второй каменной церкви, поделилась этой мыслью со строителями и художниками, которые без сомнения, присутствовали на торжестве. Рисунки находятся в таком месте и так низко, что их трудно заметить не согнувшись.

По-видимому, они прочерчивались, как точно выразился автор граффити № 79 и 80 из Новгородского Софийского собора, «...на преклонение колен писал» [7, с. 79 (рис. 63–64), 242]. Хотелось бы чаще читать с коленопреклонением надписи ушедших веков. Но такие случаи, к сожалению, крайне редки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля / Л.В. Алексеев. – Полоцк : Издатель А.И. Судник, 2007. – (Наследие Полоцкой земли. Вып. 5).

2. Гаранин, С.А. Евфрасиния Полацкая и епископ Илья: гісторыя стасункаў і прычыны канфлікту / С.А. Гаранин // Мельнікаў А.А. 3 неапублікаванай спадчыны : Манаграфія, артыкулы, вершы, матэрыялы навуковай канферэнцыі, успаміны сучаснікаў. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2005. – С. 499–508.
3. Залилов, И.З. Граффити Спасо-Преображенской церкви в Полоцке XII–XVII вв. / И.З. Залилов. – Полоцк : Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2014. – 108 с.
4. Каргер, М.К. Храм-усыпальница в Евфросиниевском монастыре в Полоцке / М.К. Каргер // СА. – 1977. – № 1. – С. 240–247.
5. Лаврентьевская летопись // Русские летописи / подгот. к изд. А.И. Цепков – Рязань: Александрия, 2001. – Т. 12. – 586 с.
6. Лихачев, Д.С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. / Д.С. Лихачев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Л.: Наука, 1983. – 640 с.
7. Мединцева, А.А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. – М.: Наука, 1978. – 311 с.
8. Мельнікаў, А.А. 3 неапублікаванай спадчыны : Манаграфія, артыкулы, вершы, матэрыялы навуковай канферэнцыі, успаміны сучаснікаў / А. Мельнікаў. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2005. – 592 с.
9. Мерило Праведное по рукописи XIV века / Издано под наблюдением и со вступ. ст. академика М.Н. Тихомирова. – М.: Изд. АН СССР, 1961.
10. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. : в 6 вып. / сост. А.Л. Хорошкевич. – М.: АН СССР. Ин-т истории СССР, 1978. – Вып. II. – 220 с.
11. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. : в 6 вып. / сост. А.Л. Хорошкевич. М.: АН СССР. Ин-т истории СССР, 1980. – Вып. III. – 212 с.
12. Полоцкое Радование: Свято-Евфросиниевские торжества 1910 года / монахиня Сергия (Бульчик) [и др.]. – Полоцк : Спасо-Евфросиниевский женский монастырь Полоцкой епархии Белорусской Православной Церкви, 2010. – 437 с.
13. Раппопорт, П.А. Полоцкое зодчество XII в. / П.А. Раппопорт // СА. – 1980. – № 3. – С. 142–161.
14. Рябцевич, В.Н. О чем рассказывают монеты / В.Н. Рябцевич. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Народная асвета, 1977. – 399 с.
15. Сапунов, А.П. Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой (по трем редакциям) / А.П. Сапунов. – Витебск : Губ. тип., 1888. – 61 с.
16. Сарабянов, В.Д. Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и ее фрески / В.Д. Сарабянов. – 2-е изд. – М.: Северный паломник, 2009. – 228 с.
17. Селицкий, А.А. Живопись Полоцкой земли XI–XII вв. / А.А. Селицкий. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 173 с.
18. Серегина, Н.С. Певческий цикл о Евфросинье Полоцкой – памятник XII века / Н.С. Серегина // История и археология Полоцка и Полоцкой земли : материалы науч. конф., посвященной 1125-летию Полоцка, Полоцк : Тип. им. Ф. Скорины, 1987. С. 52–53.
19. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. / И.И. Срезневский. – СПб.: Типография императорской Академии наук, 1902. – Т. 2 : Л – П. – 15 с.
20. Татищев, В.Н. История Российская : в 7 т. / В.Н. Татищев. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, Ленингр. отделение, 1963. – Т. 2. – 352 с.
21. Турилов, А.А. О датировке и месте создания календарно-математических текстов «семитысячников» // Естественнонаучные представления Древней Руси: счисление лет, символика чисел, «отреченные книги», астрология, минералогия / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры; отв. ред. Р.А. Симонов. – М.: Наука, 1988. – С. 27–38.
22. Хасельбергер, Л. Строительные чертежи храма Аполлона в Дидимах / Л. Хасельбергер // В мире науки. – 1986. – № 2. – С. 86–95.
23. Черепнин, Л.В. Русская хронология / Л.В. Черепнин. – М.: [б. и.], 1944. – 94 с.

Поступила 01.07.2015

ON THE DATING OF THE ARCHITECTURAL MONUMENTS OF POLOTSK 11–12 CENTURY

I. ZALILOV

In the article datings of early medieval monuments of Polotsk (XI–XII centuries.) both the extant (Transfiguration Church) and known only from written and archaeological sources (the temple-tomb and The Church of the Blessed Virgin) are clarified. Such sources as graffiti of Transfiguration Church and unpublished results of dendrochronological analysis of wood substructure of the temple are used.

УДК 322(476)

**КОМСОМОЛ БЕЛАРУСИ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ
В 70-е ГОДЫ XX ВЕКА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ***канд. ист. наук, доц. В.Д. КРЮКОВСКИЙ**(Белорусский государственный аграрный технический университет)*

Рассмотрены основные направления деятельности комсомола Беларуси по формированию научно-материалистического мировоззрения молодежи. Показано, что эффективность осуществляемых мероприятий достигалась тогда, когда комитеты комсомола вели воспитательную работу на основе комплексного подхода и творческого использования накопленного опыта. Углублявшийся в 1970-е гг. отрыв идейно-воспитательной работы комсомольских комитетов от реальной жизни обрекал ее на абстрактное просветительство, беспредметную словесность. Утвердившиеся в практике работы разрыв между словом и делом, лакировка действительности порождали у юношей и девушек неверие в то, что им говорили. Сделан вывод, что атеистическая работа комсомольских организаций была неэффективной, зачастую превращалась в простую формальность и практически мало способствовала расширению политического и культурного кругозора, укреплению мировоззрения, развитию нравственных качеств у молодежи.

Введение. Деятельность комитетов комсомола в системе отношений государства и церкви, мировоззренческие проблемы молодежи освещаемого периода привлекали к себе внимание многих исследователей. В историческом аспекте, например, большое научное и практическое значение представляют работы Р.П. Платонова. В них на основе архивных документов, данных социологических исследований анализируются вопросы содержания и организации государственными структурами пропагандистской деятельности, ее средства, формы и методы, раскрываются причины просчетов и ошибок в воспитании молодежи и освещении роли религии и церкви в историческом развитии Беларуси. В книгах есть ссылки на специфику идеологической работы комитетов ЛКСМБ. Однако поскольку автор не ставил целью специальное изучение деятельности комсомола Беларуси по формированию научно-материалистического мировоззрения молодежи, в монографиях, естественно, отсутствует системный анализ данного направления воспитательной работы [1].

Формы и методы деятельности партийных и комсомольских организаций в работе с юношами и девушками освещаются в ряде кандидатских диссертаций. Интерес в этой связи вызывают исследования А.А. Горбацкого и Н.М. Демченковой. Они написаны на большом фактическом материале. Авторы раскрывают работу партийных организаций по формированию у трудящихся, а также учащихся общеобразовательных школ материалистических взглядов. Вместе с тем, вследствие того, что в данных исследованиях изучались формы и методы работы партийных организаций, освещение деятельности комитетов комсомола в них ограничивается лишь рядом примеров и фактов [2].

Характерные формы и методы воспитательной практики комсомольских организаций республики 60–70-х гг. освещаются в сборниках республиканских научных конференций [3]. В книге В.Н. Драговца «Политическая культура молодежи: Опыт, проблемы формирования» (Минск, 1987) приводятся примеры организационной работы комитетов ЛКСМБ начала 80-х гг. по формированию научно-материалистического мировоззрения молодежи. Автор предлагает некоторые меры по улучшению ее постановки.

Важные сведения содержит информационный бюллетень Центрального комитета ЛКСМ Беларуси «Из практики работы Волковысского ГК ЛКСМБ по атеистическому воспитанию молодежи». В нем анализируются формы и методы деятельности горкома и первичных организаций района в работе с молодежью [4].

На основании изучения литературы можно сделать вывод, что роль комсомола Беларуси в системе отношений государства и церкви в освещаемый период остается малоисследованной.

Цель данной статьи – проанализировать отношения государства и церкви в контексте основных направлений деятельности комсомола Беларуси в годы изучаемого периода.

Источниковой базой статьи явились сборники документов и материалов КПСС изучаемого периода, работы комсомольских руководителей, информационные бюллетени ЦК ЛКСМБ, фонды Национального архива РБ, национальных государственных архивов областных центров республики. Важным источником явилась республиканская и областная печать, союзные и республиканские журналы. Методология исследования основана на принципах объективности и историзма.

Основная часть. В годы исследуемого периода в комсомольской организации Беларуси вместе с системой атеистического воспитания сложились и основные направления работы по формированию

научно-материалистического мировоззрения юношей и девушек. Они включали в себя: изучение религиозной обстановки, воспитательную деятельность с молодежью в процессе повышения ее трудовой и социальной активности, образования и политического просвещения, пропагандистской и индивидуальной работы, совместных мероприятий с учреждениями культуры, внедрения в жизнь новой обрядности.

На территории Беларуси в исследуемый период действовали религиозные общины христианского, исламского и иудейского вероисповеданий. В начале 80-х годов насчитывалось более 800 религиозных объединений. Количество верующих в это время, по оценочным данным, составляло 10–15% населения. Наиболее многочисленны христианские конфессии: русская православная и римско-католическая церкви, евангельские христиане-баптисты (ЕХБ), христиане веры евангельской (ХВЕ), адвентисты седьмого дня (АСД). География размещения религиозных организаций охватывала всю территорию республики, но наибольшее их число находилось в западных областях. Большинство молодежи не придерживалось религиозных взглядов. В Беларуси выборочные опросы, проведенные в 70-е гг. показали, что неверующими себя считали 94–95% молодых людей в возрасте до 25 лет. В сравнении с серединой 60-х гг. процент крещений в республике снизился вдвое и составил 18, обряд венчания совершали не более 1,5% вступивших в брак [5, с.8, 9].

Установить реальную картину религиозности молодежи в 70-е гг. можно лишь на основе всестороннего изучения отношения юношей и девушек к религии, особенностей их мировоззрения. О степени влияния религии на молодежь можно судить на основании данных конкретно-социологических исследований, религиозности и ее характера, отправления религиозных обрядов, а также анализа динамики роста или уменьшения религиозных общин, числа верующих в них, в том числе молодых.

В 70-е годы комплексное изучение отношения молодежи к атеизму и религии на территории Беларуси не проводилось. Прикладные конкретно-социологические исследования степени религиозности юношей и девушек были проведены в Бресте, Пинске, в Столинском, Ивановском, Кобринском, Ганцевичском, Пинском, Воложинском районах, в ряде районов Гродненской области [6, л. 48; л. 10; л. 104; л. 115]. Однако такие исследования были эпизодическими, часто проходили без участия опытных специалистов и поэтому не всегда полно отражали истинное положение дел. Достоверность статистических данных отправления религиозных обрядов среди молодежи в 1971–1980 гг. также вызывает сомнение.

Атмосфера приукрашивания действительности, замалчивания недостатков заставляла местные партийные, советские, комсомольские органы скрывать подлинное положение дел в идеологической деятельности. Распространение утверждений о массовом атеизме, неуклонном сокращении числа верующих, очевидно, устраивало и проповедников религии, ибо в какой-то степени вело к недооценке значимости атеистической работы, а в ряде мест – к ее сворачиванию. От священнослужителей незаконно требовали сведений о церковной обрядности, которые те сознательно занижали. Этому, видимо, способствовали и имевшие место факты административного преследования родителей и молодоженов за участие в религиозных обрядах. Такие обряды часто не регистрировались. [7, л. 14; л. 49].

Но если даже судить о религиозности молодежи на основании данных социологических исследований, а также статистических сведений об отпращивании религиозных обрядов, имевшихся у уполномоченных Советов по делам религий, то и в этом случае обнаруживается, что во многих районах республики религиозная обстановка была сложной. Социологические опросы, проведенные Брестским обкомом комсомола в 1976 г. в областном центре, выявили, что каждый третий из ответивших на вопрос анкеты относился безразлично к религии, каждый пятый считал себя атеистом. Выявились немало и сторонники религии [8, л. 29].

Выборочные исследования вскрыли значительные упущения в атеистическом воспитании студенческой и учащейся молодежи. Сошлемся на один из опросов об отношении к религии, охвативший 77 десятиклассников 12 СШ г. Барановичи. Анкета включала разделы: «Что вы знаете о религии?», «Какова религиозность в вашей семье?», «Ваши мысли об атеистической работе в школе», «Ваше отношение к религии». Выяснилось, что десятиклассники крайне слабо ориентируются в них и не могут дать сколько-нибудь вразумительных ответов. На вопрос: «Что вы знаете об Иисусе Христе?» 12 человек ответили: «Сын бога», «Бог»; остальные – «Появился, чтобы творить добро и истреблять зло», «Хороший человек». Анализ ответов позволяет заключить, что почти никто из школьников не был знаком с сущностью религиозных догматов о происхождении Земли, жизни на ней, не способен аргументированно их обсуждать. На вопрос «Участвовали ли вы в дискуссии по вопросам религии?» 29 опрошенных ответили: «Пробовали, но не хватает знаний». Только 30 человек иногда читали атеистическую литературу, 17 оказались знакомыми с религиозной. Остальных проблемы атеизма и религии вообще не интересовали. 41 школьник из опрошенных принимал участие в религиозных праздниках и обрядах [9].

На фоне общей тенденции сокращения религиозной обрядности в республике в ряде районов наблюдался ее определенный рост. Так, с 1976 по 1979 год отмечался рост обрядности в Брестской,

с 1976 по 1980 г. – в Витебской, с 1977 по 1980 г. – в Гомельской и Минской областях. Увеличение числа религиозных обрядов в 1971 – 1972 гг. наблюдалось в Новополоцке, Полоцке, в Миорском, Лепельском, Поставском районах, в 1976 – 1980 гг. в Добрушском, в 1977 – 1979 гг. – в Дубровенском, Шарковщинском, Полоцком, Рогачевском районах [10, л.7; л.2; л.93; л.166].

Приведем данные о числе религиозных общин, количестве в них верующих, в том числе лиц до 30 лет. В исследуемый период наблюдался рост сектантских общин. Если в 1971 г. в Брестской области насчитывалось 68 зарегистрированных общин ЕХБ (5493 верующих, в том числе 370 в возрасте до 30 лет), в 1974 – 77 (5662 верующих, в том числе 475 моложе 30 лет), то в 1987 г. их было уже 81 община (более 7000 верующих, в том числе 1227 в возрасте до 30 лет) [11, л. 11, 12, 17].

Значительно помолодели общины сектантов в Минской области. Если в 1971 г. верующие в возрасте до 30 лет в общинах ЕХБ области составляли 3,4%, в 1976 г. – 6,5%, в 1979 г. – 11,6, то в 1987 г. – 15,1% от общей численности. В автономных общинах ХВЕ верующих в возрасте до 30 лет в 1976 г. было 5%, в 1978 г. – 21, в 1979 г. – 24, а в 1987 г. – 32, 4% от общего количества. Доля молодежи в общинах АСД возросла с 1980 по 1987 год с 14,5 до 22,1%. Увеличилось число юношей и девушек в сектантских общинах в Витебской, Гомельской и Могилевской областях [12, л. 52; л. 5, 6].

Если количество верующих в сектантских общинах регистрируется в государственных органах, то установить тенденцию увеличения или уменьшения удельного веса молодежи в общинах русской православной и римско-католической церковью можно лишь на основе специальных исследований и наблюдений. Но как косвенное свидетельство изменений религиозности молодого поколения, на наш взгляд, можно рассматривать динамику религиозной активности молодежи данных конфессий. На основании ее анализа можно сделать вывод об определенной стабилизации религиозности молодежи в общинах русской православной и о ее росте в общинах римско-католической церкви. В изучаемые годы увеличилось число молодежи, посещавшей костелы, росла религиозная обрядность католиков. В населенных пунктах верующие активно добивались возобновления работы костелов, ранее снятых с регистрации, требовали направить в них священнослужителей. В ряде мест продолжали действовать и снятые с регистрации костелы [13, л. 13].

Информация уполномоченных Советов по делам религий показывает, что росло количество школьников, участвовавших в религиозных обрядах. Так, в 1979 г. в костелах Минской области на первой исповеди побывал 171 подросток (в 1978 г. – 108), 18 детей прошли обряд конфирмации (в 1978 г. – 8).

В 1970–1980-е гг. резко возросли доходы церковных организаций. Если в 1970 г. доходы русской православной церкви по Брестской области составили 716,7 тысячи рублей, то в 1986 г. – 1 миллион 795 тысяч рублей (более чем в 2,5 раза). В 1970 г. доходы костелов римско-католической церкви Гродненской области составили 212,9 тысячи рублей, в 1977 – 261,7, а в 1987 г. – 369,3 тысячи рублей. Увеличились доходы религиозных общин и в других областях.

Прямой зависимости доходов религиозных организаций от повышения степени религиозности населения и молодежи, видимо, установить нельзя, так как надо учитывать рост благосостояния жителей республики. Но то, что доходы церковных общин Беларуси с 1976 по 1986 годы возросли в 2,76 раза (с 2 миллионов 834,4 тысячи до 7 миллионов 840 тысяч рублей), а реальные доходы населения за этот же период – в 1,4 раза [14, л. 49], то правомерно рассматривать и рост доходов церкви как косвенное свидетельство в пользу религии.

Следует сказать и о причинах известной активизации религиозных исканий юношей и девушек. Помимо традиционно известных и достаточно хорошо раскрытых в научной литературе следует выделить и специфические, характерные, по мнению автора, для освещаемого периода: все более замедлявшееся решение нарастающих проблем в социальной сфере (жилищные условия, продовольственное снабжение, организация транспорта, медицинское обслуживание населения, материально-техническая база народного образования и т.д.), распространение нетрудовых доходов и слабая борьба с ними, нарушение органической связи между мерой труда и мерой потребления, приведшее к искажению принципа социальной справедливости. К таким причинам относятся и односторонность в понимании духовного и культурно-исторического наследия нашего народа, бездушное, чиновничье отношение к делу и людям, проявлявшееся зачастую со стороны работников партийных, государственных и комсомольских органов, факты нарушения элементарных прав человека работниками органов внутренних дел. В условиях наблюдения подобного в реальной жизни у части юношей и девушек появлялось недоверие к декларируемым идеалам, ценностям, у многих стали формироваться обывательские, потребительские, гедонистические настроения. Часть юношей и девушек, не находя идеалов в советской действительности, стала их искать в религиозной вере. Наблюдавшийся в 70-е годы рост религиозности в молодежной среде являлся закономерным результатом нарастания негативных процессов во всех сферах жизнедеятельности нашего общества.

Формирование научно-материалистического мировоззрения молодежи в практике ЛКСМБ неразрывно связывалось с сознательным трудовым творчеством юношей и девушек, повышением их трудовой и социальной активности. Изучение деятельности комитетов комсомола в мировоззренческой работе показало, что там, где не на словах, а на деле проявлялась забота о человеке, где вовлечение молодых верующих в активную трудовую деятельность и общественную жизнь осуществлялось в тесной связи с другими направлениями воспитания, там были желаемые результаты.

Такой подход реализовывался в работе партийных и комсомольских организаций города Лиды, где молодые активисты достаточно полно использовали в воспитании молодежи мировоззренческий потенциал трудовой и общественно-политической деятельности. Постановлением пленума горкома партии «О работе партийных организаций города по совершенствованию партийного руководства комсомолом» (апрель 1973 г.) действия партийных и комсомольских организаций были нацелены на коренное улучшение постановки воспитания юношей и девушек. Комсомольским организациям рекомендовалось усилить внимание к атеистическому воспитанию молодежи на основе использования всех средств идейного воздействия в органическом единстве с вовлечением ее в созидательный труд и политическую деятельность [15, л. 102]. Выполняя рекомендации горкома партии, ГК ЛКСМБ стал регулярно анализировать влияние трудовой и общественной деятельности на формирование научно-материалистических убеждений юношей и девушек на пленумах горкома и заседаниях бюро. Совместно с советом молодых атеистов провели городские смотры-конкурсы на лучшую организацию комсомольской мировоззренческой работы с молодежью и на лучшую постановку научно-атеистического воспитания рабочей и учащейся молодежи. Предпринимая попытки системного подхода в воспитании молодого поколения, горком комсомола разработал комплексный план мероприятий по атеистическому воспитанию молодежи, ход выполнения которого строго контролировался [16, л. 81; л. 8, 43; л. 51; л. 31–35; л. 29; л. 10,16; л. 67–68]. Это способствовало улучшению координации идеологической деятельности в первичных комсомольских организациях.

На Лидской обувной фабрике имени 60-летия Великого Октября комплексный план атеистического воспитания трудящихся, молодежи обсуждался на партийных собраниях, заседаниях парткома с участием секретаря комитета ЛКСМБ и других комсомольских активистов. Большое внимание уделялось учебе партийного и комсомольского идеологического актива, секретарей комитетов комсомола, комсомольских активистов, в процессе которой анализировалось состояние атеистической работы с молодежью. При этом особое внимание обращалось на повышение роли активной трудовой и общественной деятельности молодежи в формировании их мировоззренческих убеждений [17, л. 9; л. 1; л. 74; л. 31; л. 50, 90; л. 39].

Комитет комсомола для улучшения организации атеистической работы на фабрике создал в 1974 г. совет молодых атеистов. В цехах были выделены агитаторы-атеисты в количестве 30 человек. По инициативе комитета комсомола на предприятии были созданы комсомольско-молодежные школы по обмену передовым опытом, в которых молодые рабочие повышали свой технический уровень. Совместно с парткомом были образованы комиссии по изучению трудовой и общественно-политической активности работавших, поиску путей ее развития. Это не могло не способствовать укреплению авторитета и мобилизующей роли комсомольских организаций в воспитании молодежи, росту сознательности и идейной убежденности юношей и девушек, повышению их трудовой активности. Фабрика неоднократно занимала первые места во Всесоюзном социалистическом соревновании предприятий отрасли. Среди ее комсомольцев и молодежи уменьшалось количество антиобщественных проявлений. Многие люди, попавшие под влияние религии, в рабочей среде вырабатывали научно-материалистическое мировоззрение. Успехи в атеистической работе комсомольской организации фабрики в июне 1976 г. отмечались на пленуме Гродненского обкома комсомола, в сентябре 1979 г. – на пленуме ЦК ЛКСМБ [18, л. 41; л. 15; л. 4–6; л. 87–88; л. 15–16].

В мае 1974 г. бюро Лидского ГК КПБ заслушало вопрос «О работе партийного комитета авторемонтного завода по атеистическому воспитанию трудящихся и внедрению в быт новых обычаев, традиций и обрядов», парткому было указано на серьезные недостатки в работе по атеистическому воспитанию рабочих предприятия. Постановление бюро горкома КПБ рассматривалось затем на заседании парткома с участием секретарей партийных организаций цехов, председателей цехкомов, секретарей комсомольских организаций и совета атеистов. Были намечены меры по дальнейшему улучшению атеистической работы в партийной и комсомольской организациях. Претворяя их в жизнь комсомольские активисты на предприятии создали совет молодых атеистов. Комитет комсомола и совет разработали и осуществили комплекс атеистических мероприятий. В соответствии с ними в организации широкое распространение получили такие формы работы, как ежегодные смотры-конкурсы «Лучший молодой рабочий», «Лучший по профессии», «Мастер – золотые руки», посвящение в рабочие, торжественные проводы в ряды Советской Армии, чествование передовиков производства, стали проводиться торжественные регист-

рации брака и новорожденных. Комитет комсомола добивался того, чтобы на предприятии со всей ответственностью проводились комсомольские собрания, занятия в системе комсомольского политпросвещения, культурно-массовые и спортивные мероприятия, работа по месту жительства.

В итоге укреплялась дисциплина, росла трудовая и общественно-политическая активность комсомольцев и молодежи. Доброжелательная и вместе с тем требовательная атмосфера, сложившаяся в коллективе, в сочетании с внимательным отношением к нуждам юношей и девушек способствовала тому, что они меняли свое отношение к религии. В 1974 г. наметилось и продолжалось до конца исследуемого периода значительное снижение религиозной обрядности. Так, если в 1973 г. на заводе было совершено четыре, в 1974 – одно, то в 1979 г. – ни одного венчания. Значительно сократилось количество крещений [19, л. 1, 3–5; л. 111–112; л. 19; л. 28–29, 67; л. 27–28; л. 22; л. 4, 36 – 37].

Задачи по формированию научно-материалистических взглядов молодого поколения в ходе повышения его трудовой и общественно-политической активности успешно решали комсомольские организации заводов Лидсельмаш, электроизделий, горпищепромторга, музыкального училища, индустриального техникума, СШ № 1, 3, 10. Комсомольцы здесь являлись оперативными пропагандистами трудовых и социальных достижений, здорового образа жизни, обладали широкими знаниями, пользовались авторитетом среди юношей и девушек. Все это снижало интерес к религии. Неуклонно сокращалось количество отправок религиозных обрядов [20, л. 22, 46 – 54, 60 – 63; л. 16, 29, 41; л. 26 – 29; л. 9].

Заслуженно пользовались репутацией умелых воспитателей молодежи в процессе трудовой и общественной активности комсомольские организации Витебска и Полоцка, Заводского района г. Минска, целлюлозно-бумажного комбината Добруша, Блонской СШ и совхоза «Индустрия» Пуховичского района [21, л. 66; л. 116–117; л. 11, 113–120].

В то же время анализ показывает, что командно-бюрократический стиль руководства, чрезмерная регламентация сверху работы комитетов и организаций комсомола, обилие зачастую ненужных постановлений, циркуляров, инициатив и починов вели к заорганизованности работы на местах. Это не могло не сказываться на состоянии всего идейно-воспитательного процесса. Например, в 1977 г. Березинский райком комсомола получил 395 постановлений, решений от вышестоящих органов, из которых 255 потребовали от райкома разработки специальных мероприятий. Из-за подобного потока бумаг работникам РК ЛКСМБ, естественно, не оставалось времени для организации идеологической, в том числе научно-атеистической работы в первичных комсомольских организациях, хотя потребность в этом была острой (рост обрядности, увеличение числа членов общин и т.д.).

Формализм в работе центральных и областных комитетов комсомола, заорганизованность деятельности райкомов, горкомов комсомола вели к апатии и безразличию на местах, способствовали укоренению в ряде комсомольских организаций равнодушия и беспринципности, что, в свою очередь, порождало издержки в мировоззренческом воспитании молодежи. Архивные источники, материалы журналов и газет свидетельствуют о том, что многие комсомольские бюро относились к выполнению своих обязанностей как к простой формальности. Все их рабочее время обычно уходило на составление различных мероприятий, отчетов либо сбор членских взносов.

Характерным в этом отношении являлся план работы комитета комсомола Гродненского ГПТУ-49 на 1976/77 учебный год. В нем намечалось проведение большого количества встреч с интересными людьми, обсуждений новых книг, организация диспутов, походов по местам боевой и трудовой славы, конкурсов профмастерства, общественно-политической аттестации и т.д. Однако все эти мероприятия остались на бумаге. Деятельность комсомольской организации ПМК-28 Ивацевичского района в 1978–1980 гг., как свидетельствуют источники, сводилась лишь к сбору членских взносов. В комсомольских организациях колхоза «Победа», совхоза «Доманово» этого района к разработке личных комплексных планов комсомольцев подходили формально, не контролировали их выполнение и интересовались ими только на общественно-политической аттестации [22, с. 122–123]. Естественно, что все это снижало авторитет комсомола.

Большой ущерб формированию материалистического мировоззрения и морали молодежи наносила формальная организация социалистического соревнования. Исправно подписывая наспех составленные социалистические обязательства, многие молодые люди зачастую не знали, с кем и за что они будут соревноваться. Нередко в погоне за увеличением количества участников соревнования комсомольские комитеты и бюро отодвигали на второй план кропотливую организаторскую работу, не оказывали юношам и девушкам помощи в разработке, экономическом обосновании и выполнении обязательств. Это не могло не ослаблять воспитательное воздействие трудового коллектива.

Подобным образом обстояли дела в комсомольской организации Пинского литейно-механического завода. Комитет комсомола практически самоустранился от руководства соревнованием

молодежи. Вопросы воспитательного воздействия социалистического соревнования ни разу не рассматривались на комсомольских собраниях. Социалистические обязательства комсомольцев составлялись без учета задач, стоящих перед коллективом, дублировали друг друга. Лишь эпизодически в организации проводились воспитательные мероприятия. Такое отношение к делу, видимо, не могло привести к желаемым результатам. И не случайно на заводе в исследуемый период наблюдались нарушения трудовой дисциплины, правонарушения, случаи отправления религиозных обрядов [23, л. 89; л. 66].

Немалый урон постановке мировоззренческого воспитания молодежи наносили неудовлетворительная работа по месту жительства, формальное отношение комитетов комсомола к тем молодым людям, у которых трудно складывалась судьба, к социально-бытовым нуждам молодежи. К примеру, возвратясь в родную деревню Молодечненского района по увольнению из рядов Советской Армии, комсомолец Андрей Деревянчик неожиданно тяжело заболел. Парню была необходима помощь, своевременная моральная поддержка. Но работникам РК ЛКСМБ за чередой дел не нашлось для этого времени. Зато не преминули окружить больного своей заботой члены местной баптистской секты. И в то время, когда Андрея все более и более увлекали религиозные искания, в РК ЛКСМБ на него махнули рукой: не наш мол, не комсомолец [24, л. 25–26].

В 70-е годы комсомольские организации стремились эффективно использовать мировоззренческий потенциал просвещения в атеистическом воспитании молодежи. При этом важное значение отводилось учебному процессу в высших, средних специальных и средних учебных заведениях, обучению в системах партийной и комсомольской политической и экономической учебы.

Значительное внимание уделял мировоззренческой направленности всей системы образования и политического просвещения молодежи в районе Октябрьский РК КПБ г. Витебска. Работники райкома ЛКСМБ приглашались на пленумы, заседания бюро РК КПБ при обсуждении вопросов атеистического воспитания юношей и девушек, научно-материалистической направленности системы просвещения. Низовым организациям оказывалась методическая помощь в определении более действенных форм работы, подготовке массовых атеистических мероприятий. Это способствовало активизации деятельности районной комсомольской организации по атеистическому воспитанию молодого и подрастающего поколения. При райкоме комсомола был создан совет, который координировал и направлял всю систему атеистического воспитания юношей и девушек. Атеистическая секция была выделена в лекторской группе. Проблемы мировоззренческой направленности просвещения комсомольцев и молодежи обсуждались на пленумах, анализировались на заседаниях бюро, совещаниях в отделе пропаганды и культурно-массовой работы РК ЛКСМБ, учитывались при проведении районных смотров работы комсомольских организаций на лучшую постановку атеистической пропаганды. В высших и средних учебных заведениях района лекторами РК ЛКСМБ читались лекции по атеистической тематике, организаторы атеистической работы проводили различные массовые мероприятия [25, л. 109–110; л. 66, 69; л. 11, 54; л. 92; л. 174, 184; л. 178–179; л. 57, 58].

Партийная организация СПТУ-96 на протяжении всего исследуемого периода держала под постоянным вниманием работу комитета комсомола, комсомольских групп по повышению роли учебного процесса в воспитании учащихся, оказывая им необходимую помощь. Эти вопросы обсуждались на собраниях и заседаниях партийного бюро. Одной из важных задач комитета комсомола была забота о повышении успеваемости юношей и девушек. В училище ежемесячно подводились итоги социалистического соревнования за звание «Лучшая группа», регулярно проводились слеты передовиков учебы. Большое внимание уделялось оказанию помощи в подготовке учащихся к занятиям. Учебный процесс дополнялся регулярно проводимыми атеистическими конференциями, вечерами вопросов и ответов, беседами и другими мероприятиями. Многие учащиеся проявляли интерес к идеологической работе, активно участвовали в проведении научно-атеистической пропаганды среди молодежи города [26, л. 129; л. 178; л. 12, 14–15; л. 101; л. 18].

На фабрике «Красный Октябрь» г. Витебска большое влияние на формирование научно-атеистических взглядов оказывала система партийного и комсомольского политического просвещения. В начале 1972 г. на заседании парткома был обсужден вопрос «Об усилении атеистической работы в коллективе». В соответствии с ним комитет комсомола составил перспективный план повышения политических знаний молодежи. В ходе его выполнения на предприятии ежеквартально стали проводиться инструктивные семинары-совещания с секретарями комсомольских организаций, на которых обсуждались вопросы мировоззренческой, научно-атеистической направленности комсомольской политической учебы. Большое внимание уделялось подбору пропагандистов и организации их методической учебы. В результате действенность системы комсомольского политического просвещения повысилась. Составлялись совместные творческие планы пропагандистов и слушателей. В принимаемых обязательствах сочетались производственные и духовные стороны жизни молодежи, текущие задачи и высокие нравствен-

ные идеалы. Серьезное значение придавалось проведению массовых атеистических мероприятий: тематических вечеров, лекций, вечеров вопросов и ответов. В результате на фабрике росла сознательность и активность молодежи. Коллектив неоднократно занимал призовые места в социалистическом соревновании среди предприятий министерства легкой промышленности, награждался Почетной грамотой Верховного Совета БССР [27, л. 76, 77, 100; 157–158; 88].

Работа по атеистическому воспитанию молодежи в процессе ее политического производственного просвещения приносила определенные результаты. Районная комсомольская организация за достигнутые успехи в развитии просвещения и в атеистическом воспитании молодежи отмечалась ЦК ЛКСМБ, Витебским обкомом комсомола.

Потенциал просвещения старались использовать в атеистическом воспитании юношей и девушек в Пинской и Новополоцкой городских, в Ганцевичской, Луниненцкой, Малоритской, Ляховичской районных комсомольских организациях [28, л. 74; л. 178; л. 25, 94; л. 5–6].

В то же время отмеченные XX съездом ВЛКСМ, XXVIII съездом ЛКСМБ серьезные упущения в идеологической, в том числе атеистической, работе с молодежью, во многом определялись именно недостатками ее просвещения. Формированию научно-материалистического, атеистического мировоззрения юношей и девушек препятствовало то, что не вся молодежь была вовлечена в различные формы общеобразовательной и политической учебы. В 1970/71 учебном году в Гродненской области, например, нигде не занималось более 26 тысяч молодых людей, в том числе 3,7 тысячи комсомольцев, в Могилевской области из 16 тысяч комсомольцев, не имевших среднего образования, в вечерних и заочных школах и техникумах занималось только 12 тысяч. На январь 1974 г. в Минской области около 6% (11628 юношей и девушек) нигде не учились. Такое положение было характерно и для других областей. В некоторых районах число молодежи, не имевшей среднего образования и не повышавшей общеобразовательный уровень, составляло до 50 и более процентов. Так, в начале 70-х годов в Круглянском районе из 260 комсомольцев, работавших на производстве и не имевших среднего образования, обучалась лишь половина, в Мстиславском районе из 424 юношей и девушек, не имевших среднего образования, обучалось только 196 человек (46,2%). В эти же годы в Круглянском и Мстиславском районах наблюдался рост количества отправок религиозных обрядов [29, с. 90 – 93; л. л. 27; л. 161; л. 22; л. 162; л. 210].

Имевшие в ряде мест жесткие установки руководящих органов на стопроцентные успеваемость и среднее образование вели к снижению требований к качеству учебного процесса и знаний обучающихся, падению учебной дисциплины. Особенно это было характерно для школ рабочей молодежи. 1972/73 учебный год в школах рабочей молодежи г. Слуцка завершили лишь треть обучающихся. Как свидетельствуют итоги года, уровень их знаний из-за плохой посещаемости, низкого качества обучения был неудовлетворительным. Это прямо связано с наблюдавшимся в то же время ухудшением идеологической и морально-нравственной обстановки в молодежной среде, увеличением религиозных проявлений.

Во многом не способствовала формированию сознания молодого поколения и организация комсомольского политического и экономического образования. Легковесный подход комитетов комсомола к организации учебного процесса в комсомольском политпросе приводил к слабой действенности занятий. Выбор форм учебы в силу навязывания их директивным способом зачастую осуществлялся без учета интересов, желаний, общеобразовательной и профессиональной подготовки слушателей, а комплектование сети политпроса нередко сводилось к простому составлению списков. Архивные документы не содержат каких-либо оценок содержательной стороны учебы и ее проблем. Однако совершенно ясно, что при ориентации на «вал», «полный охват» политическая учеба, вместо того, чтобы быть средством воспитания молодежи, превращалась в самоцель.

Комсомольские комитеты интереса к состоянию учебы не проявляли: более чем в половине кружков политического просвещения республики за 1978/79 учебный год ни разу не побывали работники райкомов комсомола. В Дятловском же районе, как показало изучение, проведенное ЦК ЛКСМ Белоруссии, не велось никакого учета посещения занятий.

Нельзя признать удовлетворительным уровень организации политучебы в Смолевичской районной комсомольской организации. К примеру, в 1977/78 учебном году ни в одном из семи колхозов и пятнадцати совхозов не было ни одного кружка просвещения. В райкоме комсомола не имелось даже списков слушателей. Контроль за состоянием учебы полностью отсутствовал. Неспособным воздействовать на эффективность занятий оказался и районный методический совет [30, л. 23; л. 15].

Формализм в работе по подбору и подготовке комсомольских пропагандистов также препятствовал эффективному использованию нравственно-атеистических возможностей политического и экономического образования в воспитании молодежи. Среди пропагандистов было немало людей со средним образованием, не способных грамотно вести занятия. В Октябрьском (г. Могилева) районе в 1971/72 учеб-

ном году только 64% пропагандистов имели высшее и незаконченное высшее образование. В Осиповичской районной комсомольской организации было немало фактов, когда начинающие пропагандисты в течение учебного года не приглашались ни на один семинар. Работники райкома комсомола и опытные пропагандисты должной помощи не оказывали им на местах. Об идейно-теоретическом уровне занятий говорит уже то обстоятельство, что, как показало изучение, их слушатели не обладали даже элементарными знаниями о природе, об обществе и о законах их развития.

Нередко занятия велись так, что не развивали мыслительную способность слушателей. Так, в комсомольской организации СУ-27 стройтреста №13 г. Бобруйска на итоговых занятиях 1970/71 года пропагандист кружка Л.А. Михтюх требовал зачитывать заранее законспектированные документы XXIV съезда КПСС. Пропагандист комсомольского кружка в Верхнедвинском райпотребсоюзе И.П. Асташев позволил слушателям в качестве ответов зачитывать прямо из газет выдержки из документов XXIV съезда партии [31, л. 25].

Закключение. В 1970-е годы в комсомольских организациях был накоплен определенный положительный опыт научно-атеистического воспитания молодого поколения. Некоторые РК, ГК ЛКСМБ совместно с учеными-обществоведами проводили социологические исследования о состоянии религиозности молодежи, успешно строили мировоззренческую работу среди юношей и девушек в тесной связи с повышением их трудовой и общественной активности, на основе роста общеобразовательного уровня.

Однако вдумчивое изучение всего массива источников позволяет сделать вывод, что в освещаемые годы негативные тенденции, нараставшие в социально-экономической сфере общества, в значительной степени размывали нравственные и мировоззренческие ценности советской молодежи. Часть молодых людей, не находя соответствия своим идеалам в реальной жизни, стала искать гармонию в мире иллюзий. Увлечение многих комитетов комсомола республики распространением навязываемых сверху, нередко надуманных, инициатив и починов, формализм, пронизывавшие все больше их работу, снижали социальную активность молодежи, порождали в ее среде равнодушие и апатию. Формализм в организации учебного процесса в системе комсомольского политического просвещения, директивное предписание «сверху» форм политучебы без учета желаний и интересов слушателей, бедность содержания становились причиной низкой посещаемости занятий, снижения качества знаний обучавшихся. Комсомольское политическое просвещение оказалось не в состоянии противостоять нарастанию индивидуалистических настроений в среде молодежи.

Анализ основных направлений мировоззренческой деятельности комсомола Беларуси в исследуемый период приводит к выводу о том, что их качественное содержание ни в коей мере не отвечало складывающейся ситуации и реальным потребностям, все более настоятельно требовало коренного преобразования. Но господствовавшие командно-бюрократические методы руководства идеологической работой, отрыв ее от действительности, увлечение формой в ущерб содержанию не позволили их воплотить в жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платонов, Р.П. Пропаганда научного атеизма: историко-социологическое исследование на материалах Компартии Белоруссии / Р.П. Платонов. – Минск, 1982; Платонов, Р.П. Ложь буржуазно-клерикальной пропаганды / Р.П. Платонов. – Минск, 1983; Платонов, Р.П. Пропаганда атеизма: Организация, содержание, результаты: из опыта Белорусской ССР / Р.П. Платонов. – М., 1985.
2. Горбачкий, А.А. Работа партийных организаций по формированию научно-атеистического, материалистического мировоззрения учащихся в системе народного образования (1971–1980 гг.). На материалах Белоруссии: дис. ... канд. ист. наук / А.А. Горбачкий. – Минск, 1988; Демченкова, Н.М. Деятельность КПБ по совершенствованию форм и методов атеистического воспитания трудящихся (1971–1980 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Н.М. Демченкова. – Минск, 1987.
3. Атеистическое воспитание молодежи: материалы республиканской межвузовской научн. конф. по проблеме «Атеистическое воспитание молодежи», Гродно, 23–31 окт. 1970 г. / Атеистическое воспитание студентов: Проблемы методики. – Минск, 1978.
4. Из практики работы Волковысского ГК ЛКСМБ по атеистическому воспитанию молодежи: информационный бюллетень ЦК ЛКСМБ. – Минск, 1987.
5. Платонов, Р.П. Пропаганда атеизма: Организация, содержание, результаты: из опыта Белорусской ССР / Р.П. Платонов. – М., 1985.
6. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБр). – Ф. 25. Оп. 28. Д. 18; Оп. 36. Д. 49; Государственный архив Гродненской области (далее – ГАГр). – Ф. 20. Оп. 26. Д. 5; Государственный архив Минской области (далее – ГАМн). – Ф.174. Оп. 18. Д. 212.
7. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4. Оп. 130. Д. 52; Оп. 138. Д. 87.
8. ГАБр. – Ф. 25. Оп. 32. Д. 7.
9. Знамя юности. – 1973. – 7 февр.

10. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 130. Д. 52; Оп. 138. Д. 87; Государственный архив Витебской области (далее – ГАВт). – Ф. 119. Оп. 43. Д. 12; Оп. 50. Д. 14.
11. ГАБр. – Ф. 210. Оп. 1. Д. 13.
12. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 138. Д. 87; ГАМн. – Ф. 812. Оп. 1. Д. 39.
13. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 130. Д. 52.
14. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 138. Д. 87.
15. ГАГр. – Ф. 3. Оп. 43. Д. 5.
16. ГАГр. – Ф. 22. Оп. 1. Д. 196; Оп. 6. Д. 2; Оп. 7. Д. 2; Д. 18; Оп. 8. Д. 19; Оп. 9. Д. 6; – Ф. 3. Оп. 50. Д. 5.
17. ГАГр. – Ф. 240. Оп. 1. Д. 81; Д. 95; Д. 117; Д. 170; Д. 307; Д. 333.
18. ГАГр. – Ф. 240. Оп. 1. Д. 242; – Ф. 22. Оп. 6. Д. 2; Оп. 7. Д. 2; – Ф. 3. Оп. 43. Д. 5; – Ф. 20. Оп. 26; Д. 5; Знамя юности. – 1979. – 26 сент.
19. ГАГр. – Ф. 3. Оп. 44. Д. 8; Оп. 50. Д. 5; – Ф. 22. Оп. 5. Д. 42; Оп. 6. Д. 35; Д. 2; Оп. 10. Д. 45; Оп. 11. Д. 44.
20. ГАГр. – Ф. 3. Оп. 50. Д. 5; – Ф. 22. Оп. 6. Д. 2; Оп. 8. Д. 19; – Ф. 22. Оп. 6. Д. 2.
21. ГАВт. – Ф. 119. Оп. 52а. Д. 19; Государственный архив Гомельской области (далее – ГАГом). – Ф. 264. Оп. 87. Д. 5; ГАМн. – Ф. 1. Оп. 74. – Д. 39; Знамя юности. – 1975. – 11 апр.
22. Маладосць. – 1978. – № 7; Чырвоная змена. – 1980. – 5 студз.
23. ГАБр. – Ф. 2705. Оп. 27. Д. 2; Знамя юности. – 1974. – 28 февр.; Чырвоная змена. – 1979. – 29 сак.
24. ГАМн. – Ф. 174. Оп. 19. Д. 27.
25. ГАВт. – Ф. 113. Оп. 43. Д. 2; – Ф. 115. Оп. 2. Д. 61; Оп. 51. Д. 3; Оп. 57. Д. 1; Д. 3; Д. 2; – Ф. 119. Оп. 52а. Д. 30.
26. ГАВт. – Ф. 113. Оп. 44. Д. 36; – Ф. 115. Оп. 57. Д. 2.
27. ГАВт. – Ф. 113. Оп. 44. Д. 36; Знамя юности. – 1976. – 1 июля.
28. ГАВт. – Ф. 119. Оп. 48. Д. 19; Оп. 50. Д. 2; Оп. 52а. Д. 5; Чырвоная змена. – 1978. – 2 сак.; ГАБр. – Ф. 25. Оп. 32. Д. 7.
29. XX съезд ВЛКСМ : стеногр. отчет. – М., 1987. – Т. 1; Знамя юности. – 1987. – 6 марта; ГАГр. – Ф. 20. Оп. 21. Д. 5; ГА Могилевской области (далее – ГАМг). – Ф. 54. Оп. 19. Д. 1; Оп. 24. Д. 9; ГАМн. – Ф. 174. Оп. 17. Д. 3.
30. ГАМн. – Ф. 174. Оп. 17. Д. 3; Оп. 19. Д. 27; Знамя юности. – 1979. – 7 авг.
31. ГАМг. – Ф. 54. Оп. 20. Д. 1; Знамя юности. – 1971. – 12 июня.

Поступила 18.06.2015

KOMSOMOL OF BELARUS IN THE RELATION SYSTEM BETWEEN A CHURCH AND A STATE IN THE 70-IES OF THE TWENTIETH CENTURY: THE MAIN DIRECTIONS OF OPERATION

U. KRUKOUSKI

The main directions of Komsomol operation of Belarus to form scientific and materialistic youth outlook were created at the studied period. Positive results were achieved in some areas. The efficiency of carried out activities was achieved when Komsomol Committees were performing educational work based on a complex approach and creative use of the gained experience. In the 1970th the separation of ideological-educational work of Komsomol Committees from real life led to its abstract enlightenment objectless literature. The established in a practice gap between a word and an action, gloss of reality originated a disbelief in what was said among the youth. As a result atheistic work of Komsomol bodies wasn't efficient and frequently turned into a simple formality and practically didn't contribute to the development of political and cultural outlook, as well as moral qualities of the youth.

УДК 9.94

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ВЕТХОГО ЗАВЕТА КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

А.В. ВОЛЫНЕЦ*(Белорусский государственный университет)*

Рассмотрены основные тенденции в историографии научного изучения Ветхого Завета. Исследовательские подходы коррелируют с общими тенденциями развития гуманитарной науки. В основу смены исследовательских парадигм положено применение новых методов исследования. В основу научного изучения Ветхого завета Библии в европейской науке положен историко-критический метод, классические труды Ю. Велльгаузена. Исследованы новые направления историко-критической школы: анализ жанров, анализ традиций, анализ «истории редакции», представленные учеными начала-середины XX в. Мощным стимулом к дальнейшему развитию библеистики в XX в. стало сравнение ветхозаветной культуры с египетской и месопотамской, а затем и хеттской, и угаритской. Показано, что в мировой и отечественной историографии интерес к научному изучению Ветхого завета не угасает. Это связано как с общими тенденциями развития гуманитарной науки, так и с активным привлечением новых методов, источников и исследовательских подходов в библеистике.

Введение. Историография научного изучения Ветхого Завета сама по себе может быть предметом исследования. Каждое поколение ученых имело свои особенности изучения этих священных для иудаизма и христианства текстов. Однако, несмотря на уже накопившийся массив научной литературы, каждая новая работа привносит нечто новое.

Основная часть. Целью данной статьи является определение основных тенденций изучения Ветхого Завета. Для этого будут рассмотрены историографические тенденции в западноевропейской, американской и российской библеистике: дореволюционной и современной, тенденции советской историографии и, наконец, ветхозаветные исследования в Республике Беларусь.

Долгое время считалось, что информация, данная в Ветхом Завете полностью достоверна. Этот традиционный подход был основан на представлении о божественном (бог вдохновенном) происхождении библейского текста. Он исходит из того, что священный текст «всегда прав» и является тем, за что себя выдает (или выдает его традиция: предполагалось, например, что весь текст Пятикнижия был дан Богом Моисею на Синае, хотя в самом тексте Пятикнижия об этом ничего не говорится).

В основу научного изучения Ветхого завета Библии в европейской науке лег историко-критический метод. Он зародился в протестантской Германии, что неудивительно. Глубинный импульс Реформации – прорваться сквозь напластования позднейших (а значит «искаженных») традиций к подлинным словам Иисуса, апостолов, пророков и Моисея. Отличительная черта историко-критического метода – взгляд на библейский текст прежде всего как на своего рода «окно» в историю Израиля. Текст являлся свидетельством, а не «миром в себе». Поэтому классические труды Ю. Велльгаузена, которые легли в основу историко-критических исследований Ветхого Завета в XIX в., носили название «Введение в историю Израиля» (1878) [1] и «История Израиля и Иудеи» (1894) [2]. На этом этапе ученые сконцентрировались на критике источников, т.е. восстановлении предыстории текстов Ветхого Завета (в особенности Пятикнижия) [3, с. 12].

Самой известной попыткой такой реконструкции является «гипотеза четырех источников» Ю. Велльгаузена, ставшая классической. Согласно этой гипотезе, Пятикнижие есть результат сведения воедино четырех более ранних источников: Второзаконие (кроме глав 31–34), «Яхвист» (J), «Элохист» (E) и «Священнический кодекс» (P). Три последних переплетены между собой в книгах Бытие, Исход и Числа. Неоднородность Пятикнижия была подмечена давно, Велльгаузен же установил относительную хронологию этих источников: сначала «Яхвист» (ок. 870 г. до н.э.), затем «Элохист» (770 г. до н.э.), Второзаконие (621 г. до н.э.), «Священнический кодекс» (конец VI – начало V вв. до н.э.), и около 450 г. до н.э. эти источники были объединены в известное нам Пятикнижие (до Велльгаузена древнейшим и входящим напрямую к Моисею считался «Священнический кодекс») [3, с. 13].

Работы Велльгаузена давали не только датировки и реконструкцию общей канвы древнеизраильской истории, но также картины религиозной жизни и достаточно эмоциональные и романтические оценки разных этапов духовной истории Израиля. Это была не просто фактологическая, позитивистская история еврейской религии, но также и философия истории еврейской религии [3, с. 14–15].

Были еще попытки разложить предложенные Велльгаузенем источники на «протоисточники», но эти изыскания оказались неубедительными, и к началу XX века мода на поиски «происточников» стала спадать. Тем не менее, гипотеза Велльгаузена еще долгое время оставалась аксиомой историко-критических исследований [3, с. 15].

Мощным стимулом к дальнейшему развитию библеистики в XX в. стало сравнение ветхозаветной культуры с египетской и месопотамской, а затем и хеттской и угаритской. Расшифровка целого ряда систем древневосточных письменностей позволили совершенно по-новому посмотреть на ветхозаветные тексты, которые долгое время были одними из основных источников по истории Древнего Ближнего Востока.

Новым толчком к развитию историко-критических исследований стало предположение, что библейские тексты могли, до их письменной фиксации, столетиями бытовать в устной форме. Но если так, то кем они передавались, как и почему? Из попыток ответить на эти вопросы родилось новое направление историко-критической школы: анализ жанров (Gattungsforschung), основателем которого был Г. Гункель (1862–1932). Ученые начала-середины XX в. пытались выделить в библейских текстах традиции, связанные с определенными святилищами или религиозными школами (такие исследования получили название анализа традиций – Traditionsgeschichte, Ueberlieferungsgeschichte). Это время также отмечено множеством попыток восстановить политические и религиозные учреждения допленной эпохи. Кроме того, придя к выводу, что процесс формирования библейского текста из первоисточников не был чисто механическим, анализ жанров и традиций был дополнен анализом «истории редактуры» (Redactiongeschichte) [3, с. 16].

Исторические и историко-географические исследования периодов объединенного и разделенных царств, а также ранний период эпохи Второго Храма в основном базировались на тексте Ветхого завета. Несмотря на то что исследователи понимали необходимость критического подхода к тексту и разрешения его внутренних противоречий, большинство из них исходило из предположения, что библейский текст – это надежный источник, из которого можно черпать достоверную информацию как об отдельных событиях, так и об исторических процессах. Зачастую исторические исследования представляли парافразу библейского текста. Персидскому же периоду вообще не уделялось значительного внимания, и его история сводилась к пересказу книги Эзры–Нехемьи.

Таким образом, к середине века казалось, что важнейшие вещи прояснены, гипотезы стали общепринятыми фактами.

Однако консенсус распался в 1960–1980 годы. Важнейшие тексты Пятикнижия были передатированы и, как следствие, многие реконструкции истории и религии Древнего Израиля потеряли научную основу. И пусть новые датировки не получили такого признания как документальная гипотеза Велльгаузена, но они напомнили насколько зыбкой является вся реконструкция предыстории библейских текстов, и как многое в результатах исследования зависит от мировоззрения исследователя. Велльгаузен отнес лучшие страницы Еврейской Библии к эпохе политического могущества еврейского царства. Не было ли это отражением тогдашней веры в естественную связь культурного расцвета с политическим могуществом державы. Современные же историки датируют те же страницы годами плена и послевоенного унижения. Не есть ли это результат того, что политические убеждения европейской интеллигенции претерпели за трагический XX век полную метаморфозу [3, с. 19–20]?

«Смена парадигм» в европейской гуманитарной науке. В литературоведении на смену «диахроническому» подходу к литературе (т.е. внимание к автору и окружающей его среде), приходит так называемое «новое литературоведение» (New Literary Criticism). В истории религии это приводит к интересу живыми традициями – позднеантичным, средневековым, современным, вместо навязчивого поиска «подлинных слоев» и презрения к «позднейшим напластованиям». Это привело к появлению новых школ библейской науки, для которых являлось общим их «синхронная» направленность: не важно как текст возник, а как он живет [3, с. 20].

Сейчас исследования ведутся в двух основных руслах. С одной стороны, это как можно более детальный анализ библейского текста, как можно более глубокая его интерпретация и детализация [4; 5; 6; 7]. С другой же стороны, поиск внебиблейских параллелей, активное привлечение археологического материала [8; 9], изучение общеисторического контекста [10; 11] и использование методов и достижений других гуманитарных наук [12]. Кроме того, была проведена фундаментальная работа по составлению различных словарей библейского иврита. Классическими стали неоднократно переизданные словари Стронга [13] и Гезениуса [14]. Но действительно фундаментальным является Еврейский и арамейский словарь к Ветхому Завету (Hebräisches und aramäisches lexikon zum Alten Testament) в 5 томах, который издавался в Лайдене с 1967 по 1995 гг. [15].

Представлено в историографии и направление гиперкритицизма. Вплоть до того, что ставится под сомнение сама целесообразность изучения Библии и Ветхого завета, в частности. Так в 2007 году вышла книга американского исследователя, профессора Университета штата Айова Гектора Авалоса (Hector Avalos) «Конец библейских исследований» [16]. В своей книге профессор Авалос утверждает, что следует прекратить библейские исследования в том виде, в каком они существуют сейчас.

Он приводит два основных аргумента в пользу своей радикальной и парадоксальной позиции. Во-первых, библейской академической науке явно удалось показать, что цивилизация, породившая Библию, имела представления о природе и человеке, которые принципиально отличаются от представлений со-

временного человеческого общества. Библия, таким образом, по большому счету не имеет отношения к потребностям и проблемам современных людей.

Во-вторых, Авалос критикует своих коллег за применение различных некорректных и благовидных методов, направленных на поддержание иллюзии, что Библия по-прежнему актуальна в современном мире. В сущности, он обвиняет свою профессию, в том, что библиисты более обеспокоены самосохранением, чем в предоставлении честного отчета перед широкой общественностью о собственных выводах.

Разделив свое исследование на две части, Авалос сначала рассматривает основные поддисциплины библейских исследований (текстология, археология, историческая критика, литературоведение, библейское богословие и переводы) и показывает, что они по-прежнему находятся под религиозным влиянием, несмотря на то, что всячески подчеркивается независимость и объективность суждений. Во второй части он сосредотачивается на инфраструктуре, которая поддерживает академические библейские исследования. Эта инфраструктура включает академическую часть (государственные и частные университеты и колледжи), церкви, СМИ и издательства, а также профессиональные организации, такие как общества библейской литературы и т.п. Все эти структуры порождают огромное количество научной литературы. Современный исследователь теперь просто физически не в состоянии охватить весь спектр литературы даже по самому частному вопросу библиистики. В том числе потому, что все сферы библейских исследований теснейшим образом связаны.

Все это приводит Авалоса к утверждению, что в наше время лучше оставить Библию как пережиток древней цивилизации, и не использовать ее как «живой» документ, согласно мнению наиболее религиозных ученых. Он призывает своих коллег сосредоточиться на воспитании общества в целом и признать неуместность и даже жестокие последствия Библии в современной жизни.

Дореволюционная российская историография находилась в русле европейской, в основном немецкой школы. Впрочем, российская наука неохотно принимала критику библейского текста не духовными лицами. Так, например, церковно-исторические сочинения Лескова и богословские Хомякова, Достоевского и Толстого не встретили благоприятного приема [17, с. 10].

Впрочем, были достойные исторические научные работы, посвященные истории иудеев в послевоенный период. Прежде всего это труд В.Д. Попова «Возвращение иудеев из плена вавилонского и первые годы их жизни в Палестине до прибытия Ездры в Иерусалим (458 г.)» [18]. Во введении к своей работе В.Д. Попов обозначает задачу и метод исследования следующим образом: «... нашу задачу можно определить как посильное связно восстановление послевоенного периода с момента возвращения иудеев до прихода Ездры в Иерусалим на строго-критическом исследовании частных свидетельств источников...главный метод нашей работы метод историко-критический» [18, с. XX]. Критикуя своих западных коллег, Попов настаивал на цельности и неповрежденности главного источника по истории раннего персидского периода книги Эзры. В то же время он признавал, что главной проблемой является хронология событий и фрагментарность и краткость сведений [18, с. XV-XVI]. Автор предпринимает попытку доказать с научной точки зрения историческую ценность, правдивость и фундаментальную истинность библейского текста. Можно сказать, что в работе В.Д. Попова сочетались два подхода к тексту: традиционный и историко-критический. Он пытался при помощи научного метода обосновать традиционный религиозный взгляд на текст Ветхого Завета как на источник достоверных знаний о прошлом.

Работа М.Э. Поснова «Иудейство: к характеристике жизни иудейского народа в послевоенный период» [19] охватывает более широкое проблемное поле: религиозную историю от возвращения из Вавилона до времени Иисуса Христа. В развитии религиозной жизни иудейского общества он находит предпосылки возникновения христианства. Собственно, это и является главной причиной интереса автора к истории иудейства.

С установлением советской власти библейские исследования стали неуместными, только если это не была атеистическая пропаганда. Изучение Ветхого Завета – одна из тех областей гуманитарного знания, которая была практически искоренена за годы советской власти. Библистика воспринималась как «враждебная идеология», а изучение еврейского языка само по себе в 70–80 гг. преследовалось по закону.

Лишь немногим ученым удалось отстоять право на занятия историей и религией Древнего Израиля. Единственный раздел гебраистики, где в советской науке сложилась научная школа, – это кумрановедение, представленное такими ленинградскими учеными как И.Д. Амусин, К.Б. Старкова, М.М. Елизарова, в том числе, белорусским ученым Г.М. Лившицем (о нем будет речь ниже). (Видимо, огромный интерес к Кумрану на Западе заставил тогдашних руководителей советской науки отнести кумрановедение к разряду «проходных» тем).

Получили мировое признание, но остались практически недоступными для обычного советского читателя статьи И.П. Вейнберга по истории Иерусалима персидского времени и библейским книгам Паралипоменон. Большая их часть выходила в Германии на немецком языке, лишь меньшая часть порусски и преимущественно в ереванских и тбилисских научных сборниках. Его докторская диссертация

называлась «Гражданско-храмовая община в западных провинциях Ахеменидской державы» (Тбилиси, 1973) [3, с. 9]. В этой работе он сформулировал концепцию существования в персидской Иудее гражданско-храмовой общины (данный термин применительно к иудейской общине в Палестине предложил и обосновал именно он). Одним из главных тезисов концепции Вейнберга является утверждение, что гражданско-храмовая община в Палестине не была уникальным явлением для Древнего Ближнего Востока, поэтому недостаток источников по ее истории можно восполнить посредством изучения подобных общин в Малой Азии, Месопотамии и т.д. Эта концепция получила широкое распространение и признание в историографии и, хотя не бесспорна, имеет право на существование. Лишь с началом перестройки вышла книга, посвященная мировоззрению человека древности – «Человек в культуре древнего Ближнего Востока» (М., 1986) и, уже накануне его отъезда в Израиль, – «Рождение истории» (М., 1993) о ближневосточном историописании.

Основателем белорусской школы исследователей античного христианства, истории религии следует назвать Гилера Марковича Лившица (1909–1983). Сферами научных интересов Г.М. Лившица были история Римской республики, история римской Иудеи, раннего христианства, история свободомыслия и научного атеизма, но мировую известность и признание ему принесли работы, посвященные рукописи Мертвого моря. Его книги «Кумранские рукописи» и «Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря» стали классикой. Его выводы о принадлежности кумранитов к ессеистам и связи этой секты с первоначальным христианством впоследствии стали господствующими в кумрановедении. Еще одной из самых известных монографий Г.М. Лившица являлись «Очерки историографии Библии и раннего христианства» [20, с. 4–6]. Гилер Маркович, являясь не только замечательным ученым, но и педагогом, подготовил целую плеяду видных ученых, работы которых стали основой суверенного белорусского антиковедения, медиевистики и в том числе востоковедения и библеистики.

В Республике Беларусь в 2001 году, под руководством ученика Лившица В.А. Федосика [20, с. 177], была защищена кандидатская диссертация Мазарчука Дмитрия Валерьевича по теме «Идеология иудейской общины в Палестине в персидский период», где автор приходит к выводу, что в иудейской общине существовали два идеологических направления: монархическое и теократическое. Последнее впоследствии вышло на первый план. На сегодняшний день это единственная диссертация, посвященная истории Иудеи ветхозаветного периода, которая была защищена в Республике Беларусь с 1991 года. Можно отметить, что интерес к библейской истории у белорусских исследователей растет. Так появляются отдельные работы сотрудников Института теологии БГУ, гуманитарного факультета БГУ. Целая школа новозаветных исследований сложилась на историческом факультете БГУ.

Заключение. Представленный краткий очерк историографических тенденций показывает, что как и в мировой, так и в отечественной историографии интерес к научному изучению Ветхого завета не угасает. Это связано как с общими тенденциями развития гуманитарной науки, так и с активным привлечением новых методов, источников и исследовательских подходов в библеистике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wellhausen, J. Prolegomena zur Geschichte Israels / J. Wellhausen. – Reimer, Berlin, 1878.
2. Wellhausen, J. Israelitische und Jüdische Geschichte / J. Wellhausen. – Reimer, Berlin, 1894.
3. Селезнев, М.Г. Вместо предисловия. / М.Г. Селезнев // Библейские исследования : сб. ст. / сост. Б. Шварц. – М., 1997.
4. Мазарчук, Д.В. Источники книг Эзры и Нехемьи (текстовые блоки и их происхождение) / Д.В. Мазарчук // Вестник БДУ. Сер. 3. Гісторыя, філасофія, паліталогія, сацыялогія, эканоміка, права. – 2001. – №2. – С. 20–25.
5. Grabbe, L.L. Judaic religion in the second Temple period. Belief and practice from the Exile to Yavneh / L.L. Grabbe. – London-New York : Taylor & Francis e-Library, 2000. – 424 p.
6. Halligan, J.M. Nehemiah 5: By Way of a Response to Hoglund and Smith / J. M. Halligan // Second Temple Studies. 1: Persian period / J. for the Study of the Old Testament. Supplement Series 117/ ed. by Philip R. Davies – Sheffield. 1991. – P. 143–153.
7. Grabbe, L.L. Reconstructing History from the Book of Ezra / L.L. Grabbe // Second Temple Studies. 1: Persian period / J. for the Study of the Old Testament. Supplement Series 117 / ed. by Philip R. Davies – Sheffield. 1991. – P. 98–107.
8. Вейнберг, И.П. Город в палестинской гражданско-храмовой общине VI–IV вв. до н.э. / И.П. Вейнберг // Древний Восток. Города и торговля (III–I тыс. до н. э.). – Ер., 1973. – С. 149–161.
9. Blenkinsopp, J. Temple and Society in Achaemenid Judah / J. Blenkinsopp // Second Temple Studies. 1: Persian period / J. for the Study of the Old Testament. Supplement Series 117 / ed. by Philip R. Davies – Sheffield. 1991. – P. 22–53.
10. Cambridge History of Judaism. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – Vol. 1 : Introduction; Persian Period. – 453 P.
11. Hoglund, K. The Achaemenid Context / K. Hoglund // Second Temple Studies. 1: Persian period / J. for the Study of the Old Testament. Supplement Series 117 / ed. by Philip R. Davies – Sheffield. 1991. – P. 54–72.

12. Smith, D.L. The Politic of Ezra: Sociological Indicators of Postexilic Judean Society / D.L. Smith // Second Temple Studies. 1: Persian period / J. for the Study of the Old Testament. Supplement Series 117 / ed. by Philip R. Davies – Sheffild. 1991. – P. 73–97.
13. Strong's Hebrew Dictionary by James Strong. AGES Software Albany, OR USA Version 1.0 © 1999. – 789 p.
14. Genesius, H.W. F. Genesius' Hebrew-Chaldee Lexicon to the Old Testament / H.W. Genesius. – USA, 1996. – 919 p.
15. Hebräisches und aramäisches lexikon zum Alten Testament. – Leiden, New York, Köln, 1967 – 1995. – L. 5.
16. Avalos, H. The End of Biblical Studies / H. Avalos. – Prometheus Books, Publishers, 2007. – 399 p.
17. Алексеев, А.А. Библейские исследования в России в XIX и XX вв. / А.А. Алексеев // Вестн. ПГСТУ. Сер. III. Филология. – 2014. – Вып. 1 (36). – С. 9–28.
18. Попов, В.Д. Возвращение иудеев из плена вавилонского и первые годы их жизни в Палестине до прибытия Ездры в Иерусалим (458 г.) / В.Д. Попов. – Киев : Типография И.И. Горбунова, Крещатик, 38, 1905. – 420 с.
19. Поснов, М.Э. Иудейство: к характеристике жизни иудейского народа в послевоенный период / В.Д. Попов. – Киев, Типография И.И. Горбунова, Крещатик, 38, 1906.
20. Память и слава: Гилер Маркович Лившиц. К 100-летию со дня рождения / редкол. : В.А. Федосик (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2009. – 192 с..

Поступила 17.02.2015

HISTORIOGRAPHICAL TRENDS IN THE STUDY OF THE OLD TESTAMENT AS A HISTORICAL SOURCE

H. VALYNETS

This article discusses the main trends in the historiography of the scientific study of the Old Testament. Research approaches correlate with the general trends of the humanities. At the heart of research paradigms change was the use of new methods of research. The basis of the scientific study of the Old Testament of the Bible in European science went to the historical-critical method, the classic works of J. Wellhausen. Scientists are beginning-middle of XX century presented new directions historical-critical school: analysis of genres, traditions analysis, an analysis of "the history of editing." A powerful incentive for the further development of Biblical Studies in the XX century was to compare the Old Testament culture with Egyptian and Mesopotamian and then Hittite and Ugaritic. In the global and national historiography interest in the scientific study of the Old Testament is not quenched. This is due both to the general trends of the humanities, and with the active involvement of new methods, sources and research approaches in biblical studies.

УДК 940.53:334 (947)

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ****канд. ист. наук, доц. Е.А. ГРЕБЕНЬ****(Белорусский государственный аграрный технический университет)**

Рассмотрена предпринимательская деятельность гражданского населения Беларуси в период нацистской оккупации на основе значительного массива архивных материалов. Отмечено, что, в исключительно сложной социально-экономической ситуации периода нацистской оккупации, предпринимательство стало одной из стратегий выживания для многих граждан. Несмотря на значительные сложности, возникавшие в процессе работы частных ремесленных и торговых предприятий, предпринимательство явилось альтернативой наемному труду и, соответственно, мизерной заработной плате в государственных учреждениях и предприятиях. Показано, что занимавшиеся предпринимательской деятельностью граждане использовали различные тактические приемы (уклонение от налогов, работа без патента), позволявшие функционировать частному предприятию в условиях жесткой регламентации их деятельности со стороны оккупационных властей.

Введение. Экономическая составляющая нацистского оккупационного режима в Беларуси на протяжении продолжительного периода подвергалась детальному исследованию. В то же время, в отечественной историографии стратегии выживания гражданского населения, в частности, предпринимательская деятельность, только обозначены [1]. Учитывая имеющееся в распоряжении исследователей огромное количество архивных материалов, представляется важным детальное изучение данного аспекта нацистского оккупационного режима. Целью статьи является анализ предпринимательства как стратегии выживания в условиях нацистской оккупации.

Основная часть. Существовавшее в 1930-е гг. в теневом виде предпринимательство, в годы оккупации было легализовано [2, с. 9–10]. Тяжелое материальное положение (безработица в первый год оккупации, низкая заработная плата, дефицит продовольствия) вынуждало население Беларуси искать альтернативные наемному труду источники дохода. Оккупационные власти также были заинтересованы в создании множества частных ремесленных и торговых предприятий, которые обеспечивали потребности гражданского населения и оккупационных структур.

На территории тыла группы армий «Центр» ремесленное производство и торговля регулировались изданным 18.02.1942 г. «Временным ремесленным порядком». В нем отмечался дефицит товаров народного потребления как результат ликвидации в период боевых действий большинства предприятий, производивших эту продукцию. Предписывалось зарегистрировать уже существующие и вновь открываемые ремесленные предприятия в промышленных отделах районных управлений, где ремесленников вносили в особый список. Зарегистрированный ремесленник имел право на получение продуктового пайка для работающего населения. Предусматривалась обязанность ремесленников сдавать установленное количество продукции на склад Центрального торгового общества «Восток» по установленным промышленным отделом ценам. В случае не сдачи государству оговоренного объема продукции регистрация ремесленника могла быть аннулирована, а он сам назначен на работу [3, л. 8].

Местная администрация составляла списки ремесленников города (фамилия, имя, адрес мастерской, число работающих членов семьи, учеников). За выдачу патента взималась пошлина в размере 100 руб. в год. Мастерская ремесленника снабжалась табличкой с именем мастера и названием профессии на немецком и русском языке. Внутри помещения на видном месте закреплялась табличка с тарифами; заводилась книга заказов. Квалификация претендентов на получение патента ремесленника проверялась специальной испытательной комиссией или на собрании ремесленников, созываемом ремесленным отделом городской управы, германских учреждений и биржи труда. Фельдкомендатура регулировала численность ремесленников по каждой специальности, устанавливая предельную численность, а также регулировала цены. «Временный ремесленный порядок» разрешал функционирование ремесленных артелей, существовавших до войны. Лицам, политически неблагонадежным или имеющим уголовное прошлое, патент выдавать запрещалось [4, л. 51–52 об.].

После установления полицией политической благонадежности просителя глава местной администрации санкционировал выдачу патента [5, л. 1–2]. Тем не менее, ряд торговцев, имевших в годы советской власти судимости, смогли получить патент. Факт преследования со стороны большевиков даже акцентировался в заявлениях соискателей патента (пусть даже и не по политическим мотивам, а за административные или уголовные дела), оккупационные власти рассматривали данные факты как залог лояльности к новому порядку. Имела место тенденция, что если основную массу ремесленников составляли горожане, не имевшие судимостей, то патенты на исключительно выгодное занятие торговлей продуктами выдавались только лицам, пострадавшим от советской власти [6, л. 1–4; 7, л. 1]. К заявлению могло

прикладываться также свидетельство об окончании курсов, позволявших гражданину заниматься конкретным ремеслом [5, л. 5, 5 об.].

Граждане, занимавшиеся ремеслом в сельской местности, не освобождались от исполнения общественных работ и натуральных повинностей с имеющейся у них земли [8, л. 15]. При необходимости местные власти могли брать под свой контроль какую-либо отрасль ремесленного производства. Начальник Узденского района 30.01.1942 г. запретил выделку овчин и мелких кож на дому. Кожевникам запрещалось принимать заказы частных лиц, предписывалось сдать патенты в финансовый отдел и далее работать в кожевенном цеху портняжной мастерской. С распоряжением было ознакомлено 13 ремесленников [9, л. 61, 61 об.]. В первые месяцы оккупации в генеральном округе Беларусь сохранялись ремесленные предприятия, принадлежавшие евреям, но уже в 1942 г. коллаборационная администрация приступила к их ликвидации. Начальник Новомышского района в феврале 1942 г. приказал немедленно ликвидировать все еврейские промышленные и ремесленные заведения и передать инвентарь в районную артель. Предлагалось также оповестить население, что в районе существует государственная артель, которая оказывает услуги по починке одежды и обуви и осуществляет парикмахерскую деятельность [8, л. 5].

Для стимулирования развития ремесла весной 1943 г. отделом местной промышленности Лепельской городской управы была организована выставка кустарных изделий; лучшим ремесленникам выдавались почетные дипломы [10, л. 11]. В 1943 г. планировалось провести выставку изделий кустарей-ремесленников в Осиповичах. Районные администрации Осиповичского округа получили указания выяснить у ремесленников, кто из них мог бы предоставить экспонаты на выставку. Экспонируемые предметы обещалось возратить ремесленникам или же они могли их продать, владельцем экспонатов, занявших призовые места, обещали премировать [11, л. 44].

Расценки на изделия и услуги ремесленников и размер налогов устанавливались немецкой оккупационной или местной администрацией. В 1942 г. в Витебске были установлены расценки на услуги сапожников, часовщиков, парикмахеров, швей, слесарей, гончаров, фотографов, валяльщиков и шапочников. По распоряжению оккупационных властей организовывались собрания ремесленников конкретных специальностей для выработки общих правил работы и цен [12, л. 3 – 11]. Новгородский гебитскомиссариат разработал шкалу расценок на услуги ремесленников, зарегистрированных и имеющих ремесленную карту, в частности, расценки для кузнецов, портных, столяров, бондарей, колесных мастеров, металлостов, каменщиков, гончаров, слесарей, фрезеровщиков. В обнародованном прейскуранте указывалась только стоимость самой услуги конкретного ремесленника, и при формировании окончательной цены к ней плюсовалась стоимость затраченного материала [13, л. 38]. На рост цен на услуги предпринимателей влияло обеспечение их продуктами. Немецкие оккупационные власти г. Витебска летом 1942 г. признавали, что обеспечение ремесленников носит хаотический характер (ремесленникам полагалось 300 г хлеба в сутки, их иждивенцам – 200 г и детям – 100 г), хлеб мало кто из них получает, в результате чего растут цены на ремесленную продукцию [14, л. 5–6].

Предпринимательская деятельность облагалась налогами. На основании распоряжения генерального комиссара Волыни и Подолии от 7 ноября 1941 г. вводился налог с оборота от продажи товаров в размере 10 % от месячной выручки, вносился до 15 числа каждого месяца. Ремесленники платили промышленный налог, составлявший 50 % подоходного налога, уплачивая оба налога ежемесячно до 5 числа [15, л. 3, 4]. В Витебске размер патентного сбора устанавливался на основании «Расписания разрядов патентов и сумм торгово-промышленного сбора». 1-ый разряд (сумма сбора 50 руб.) устанавливался для торговли вразнос, в развоз, с земли, подряда и поставки на сумму до 10000 руб. 2-й разряд (150 руб.): торговля из ларьков, палаток и киосков, подряд и поставка на сумму от 10000 до 20000 руб., с заезжих (постоялых) дворов; для кустарей и ремесленников, работающих единолично, без найма рабочей силы, и для промышленных предприятий без механического двигателя с количеством наемных рабочих и служащих до 3-х чел.; для лиц свободных профессий (зубных врачей, медицинских и ветеринарных фельдшеров, акушеров, парикмахеров, слесарей, извозчиков, фотографов). 3-ий разряд (250 руб.): для розничной торговли и магазинов, скупки для перепродажи при обороте от 3000 до 6000 руб. в месяц; подряд и поставка от 20000 до 40000 руб.; столовые и закусочные; лица свободных профессий (врачи, юристы, нотариусы, художники); промышленные и кустарные предприятия с количеством наемных работников до 3-х включительно (слесарно-механические, фотографии, парикмахерские, извоз); предприятия без двигателя с числом наемных рабочих 4 – 10 чел.; предприятия с двигателем с числом наемных рабочих 1 – 5 чел. 4-ый разряд: для полуоптовой торговли, скупки и перепродажи при обороте от 6000 до 10000 руб.; подряда и поставки от 40000 до 60000 руб.; гостиниц, ресторанов и кафе, лечебных учреждений, юридических консультаций, нотариальных контор, художественных мастерских и прочих частных организаций до 3-х наемных работников, промышленных и кустарных предприятий без двигателя с числом наемных рабочих от 4 до 10 чел. и предприятий с двигателем с числом рабочих от 5 до 15. 5-ый разряд: для оптовой торговли, скупки и перепродажи свыше 10000 руб. в месяц, подряда и поставки свыше 60000 руб., частных организаций свободных профессий с числом рабочих и служащих свыше 3-х, для

промышленных и кустарных предприятий с количеством рабочих выше предусмотренного 4-ым разрядом. Каждые два ученика в возрасте от 15-ти лет приравнивались к одному рабочему [16, л. 12 – 13].

С осени 1941 г. началась регистрация граждан, желавших заниматься ремеслом и торговлей. На основании приказа бургомистра Добруша от 14.11.1941 г. лицам, занимавшимся каким-либо промыслом, предписывалось в трехдневный срок зарегистрироваться в торговом отделе районно-городского управления и получить патент. Ремесленники должны были также сделать вывески с обозначением рода занятий на немецком и русском языках. Нарушителям приказа грозил достаточно крупный для первых месяцев оккупации штраф от 500 до 1000 руб. или две недели принудительных работ [17, л. 64].

В Тереховском районе в декабре 1942 г. комиссию на право получения патента нового образца прошли 10 портных, часовых дел мастер, парикмахер, мастер по заливке галош, 19 сапожников, 43 кузнеца, 17 бондарей [18, л. 1, 3, 8, 8 об., 19, 19 об.]. В г. Лепеле в 1942 г. было зарегистрировано 66 кустарей, часть из которых работали при германских воинских частях. На территории района имелось 93 кустаря, из которых 3 гончара, 20 мастеров по изготовлению деревянной посуды, 11 колесников, 23 кузнеца, 16 мастеров по изготовлению саней, 10 сапожников, 7 портных, 2 мастера по изготовлению щеток, 1 мастер молотбы со своей ручной молотилкой [19, л. 143–144]. Для стимулирования работы кустарей практиковалась выдача им по 2 кг соли за сданную продукцию.

Согласно приказу начальника Осиповичского района от 4.02.1942 г., отделу труда районного управления предписывалось создать «ремесленную секцию», которая должна была взять на учет всех ремесленников города и района. К 15.03.1942 г. планировалось составить поименные списки ремесленников с указанием персональных данных, национальности, специальности и места, где ей обучался, рода занятий до войны. В примечаниях фиксировались лица, которые, по мнению начальников сельских управлений, являлись политически неблагонадежными или не могли быть допущены к занятию ремеслом по другим причинам. Развитию ремесла должно было способствовать наличие местного сырья: глины, дерева, лозы, овчины. Готовую продукцию планировалось сдавать на склады промышленного отдела. Оплата за сданную продукцию планировалось производиться по довоенным расценкам, превышать которые разрешалось не более чем на 20 % [20, л. 35, 35 об.]. В 1943 г. в районах, входивших в состав Осиповичского округа, насчитывалось следующее количество населения: Осиповичский район и г. Осиповичи – 71000 чел., Стародорожский район – 40495 чел., Марьиногорский район – 45000 чел., Глусский район – 36000 чел., Любанский район – 35000 чел. В Осиповичском районе насчитывалось 97 кустарей и ремесленников, в Стародорожском – 34 ремесленника и 4 ремесленных артели, в Марьиногорском – 95 ремесленников. Точных сведений по другим районам окружное управление не имело [21, л. 14, 15]. Количество ремесленников в крупных городах относительно общей численности населения превосходило аналогичное количество в районах и районных центрах, что можно объяснить тем фактом, что подавляющая часть жителей районов была занята работой в сельском хозяйстве, в то время как жители крупных городов были вынуждены заниматься ремеслом, чтобы выжить.

За период с 1.01.1943 г. по 1.07.1943 г. в Орше ремесленные карточки и патенты получили свыше 200 чел., из них не менее 60 чел. работали в сфере общественного питания и торговли, были представлены парикмахеры, мастер-жестянщик, точильщик, часовщик, гобовщик, мастер по изготовлению детских игрушек и др. [22, л. 1–9]. По данным на 30.01.1944 г. в Орше патенты и ремесленные карточки на право торговли и занятие кустарным промыслом получило 26 чел., из них 5 парикмахеров, 2 слесаря, 8 владельцев кофеен-закусочных, 7 чел., занимавшихся мелкой торговлей, фотограф, мастер по изготовлению бахил, красильщик (род занятия еще одного гражданина не ясен) [23, л. 7]. В мае 1944 г. в Орше были зарегистрированы 12 кофеен-закусочных, 6 парикмахеров, слесарь, 5 мастеров по ремонту резиновой обуви, 10 торговцев печеным хлебом, 22 мелкорозничных торговца, художник, жестянщик, чесальщик шерсти, 8 сапожников, фотограф, точильщик, мельник газогенераторной мельницы, портной, гончар, продавец мороженого. Однако некоторые из зарегистрированных ремесленников и торговцев уже не работали [24, л. 4–10].

В г. Витебске за февраль 1942 г. было выдано 420 патентов по 29 специальностям, за первое полугодие – 693 патента по 44 специальностям, до конца лета того же года – еще 165 патентов [25, л. 6, 10, 14, 25, 49, 57, 57 об.]. Квалификация претендентов проверялась испытательной комиссией при ремесленном подотделе Витебской городской управы [26, л. 12–16 об.]. На общем собрании ремесленников 16.09.1942 г. занимавшиеся ремеслом граждане были ознакомлены с распоряжением немецкого командования о ремесленной деятельности, были выбраны представители в комиссию по определению квалификации ремесленников, а также составлен перечень инструментов для каждой профессии для закупки их в Германии [26, л. 25, 25 об.].

Отдельным образом регламентировалась работа фотографов. Для данного вида деятельности необходимо было получить разрешение комендатуры, под чьей юрисдикцией находилась община, в которой фотограф планировал работать. Выдавалось разрешение только на изготовление фотографий на паспорт для гражданского населения. Каждый заказ фиксировался в специальном списке (ФИО, возраст, адрес заказчика), который при необходимости предоставлялся комендатуре. Строжайше воспрещалось

фотографировать чинов германской армии, полиции и немецких гражданских организаций, а также производить фотосъемку вне дома [27, л. 446, 446 об.]. Подобная регламентация должна была препятствовать оказанию фотографами помощи партизанам и подпольщикам, которые могли использовать фотографии в поддельных удостоверениях личности.

Иногда граждане, желавшие открыть частные предприятия, ходатайствовали перед местной администрацией о получении ссуды. Житель Орши ходатайствовал перед бургомистром о предоставлении ему ссуды на 6 месяцев для открытия чайной. Оршанское отделение государственного банка выделило ему ссуду в размере 2500 руб. [28, л. 360, 361, 361 об.].

Многие предприниматели уклонялись от получения патентов. Работа предпринимателей-нелегалов создавала конкуренцию ремесленникам, получившим патент, чьи цены, соответственно, были выше, а мастера, работавшие без патентов, могли снижать цены на аналогичную продукцию. В Тереховском районе к марту 1942 г. 11 кустарей возвратили патенты, поскольку их соседи работали без патентов [29, л. 5]. В 1942 г. 40 ремесленников-кузнецов Тереховского района не уплатили налог на занятие ремеслом и были оштрафованы [18, л. 9, 9 об.]. В распоряжении Минского гебитскомиссариата от 29.08.1941 г. о проверке лиц, занимающихся ремесленной деятельностью, наряду с требованием получить патенты и угрозами штрафа до 500 руб., содержалось обещание запретить заниматься кустарным промыслом тем, кто не получит патенты [9, л. 11].

Несанкционированная предпринимательская деятельность не оставалась тайной, местные власти регулярно привлекали граждан к административной ответственности. В составленном инспектором Вилейской районной управы протоколе от 13.07.1942 г. сообщалось, что житель Вилейки занимался портняжным ремеслом, однако уклонялся от предоставления сведений о доходности своего промысла и уплаты налогов. В ходе разбирательства было установлено, что гражданин занимался промыслом еще с довоенных времен, является высококвалифицированным специалистом и использует труд наемного работника, но при этом работает без патента. Протокол был составлен для привлечения портного к административной ответственности [30, л. 7]. На основании распоряжения генерального комиссара Беларуси в декабре 1943 г. жительница Радоминского района была оштрафована на 300 марок за сознательное занятие ремеслом без разрешения [31, л. 5]. Полицией Бобруйска 26.03.1944 г. был составлен протокол на двух владельцев производства по выжимке растительного масла. Как было установлено следствием, подпольное производство функционировало с января по март 1944 г., за это время выработка масла проводилась 4 раза, каждый из компаньонов получил по 16 л масла (по их словам, исключительно для личных нужд, а не на продажу). Финансовый отдел городского управления не поверил показаниям граждан и рассматривал производство как коммерческое предприятие, принесшее владельцам за январь – февраль доход в 32000 руб.; был рассчитан подоходный налог в размере 10 %, по 1600 руб. на каждого. Бургомистр Бобруйска постановил взыскать с них эту сумму и оштрафовать на 500 руб. каждого, в случае неуплаты угрожал принудительными работами [32, л. 7–11].

Предпринимательская деятельность для ряда граждан не была постоянным занятием. Уже осенью 1941 г. финансовый отдел Витебской городской управы фиксировал отказ от патентов некоторых предпринимателей (как правило, по причине выезда в деревню). Многие сдавали патенты в финансовый отдел, потом вновь получали их. Часть предпринимателей прекращали работу по причине неудачно складывающейся рыночной конъюнктуры (например перебои с сырьем), невозможности работать по причине боевых действий, перехода на работу на предприятия и учреждения. На сентябрь 1942 г. по 4-му налоговому участку сдало патенты 44 чел., по 3-му – 71 чел., 1-му – 39 чел. и по 2-му – 177 чел., всего 331 предприниматель, то есть почти половина получивших патент в этом году [25, л. 60–63]. Некоторые граждане совмещали предпринимательство с работой в государственных учреждениях. Доходы значительной части предпринимателей были незначительными и вполне сопоставимы с низкой заработной платой лиц наемного труда.

Предприниматели, легально работающие по патенту, подвергались санкциям за нарушение правил работы. Наиболее типичным нарушением была несвоевременная подача (или неподдача вовсе) налоговой декларации и уклонение от уплаты налогов. В г. Витебске за подобные нарушения за 1-е полугодие 1942 г. только по 2-му налоговому участку было оштрафовано 72 ремесленника на сумму от 25 до 50 руб. [25, л. 94–96]. Игнорирование порядка ремесленной деятельности и уплаты налогов могло продолжаться достаточно долго. Крупская районная управа 24.06.1943 г. лишила кузнеца ремесленной карточки, запретив в дальнейшем заниматься ремеслом. Ремесленнику ставилось в вину отсутствие книги заказов, игнорирование плана сдачи продукции, доведенного отделом местной промышленности, и неуплата налогов в течение семи месяцев [33, л. 39].

Вызывали подозрение даже специалисты, работавшие в различных учреждениях. Проводился мониторинг на предмет того, занимаются ли такие специалисты ремесленной деятельностью вне работы на дому. Налоговый инспектор Могилевского городского управления 10.05.1944 г. составил акт по итогам обследования работы мастера-сапожника, работавшего при воинской части. Соседи показали, что гражданин сапожным ремеслом на дому не занимался, за исключением мелкого ремонта обуви для своей семьи, признаков занятия ремеслом, не было обнаружено [34, л. 27].

Властями без энтузиазма встречались просьбы предпринимателей снизить налоги. Начальник Вилейского района в ответ на просьбу гражданки уменьшить промышленный налог отказал на том основании, что владелица предприятия общественного питания не правильно сообщила дату открытия (указана дата 22.01.1942 г., тогда как заведение работало с 6.08.1941 г.), предприятие не является столовой, как указала владелица, а рестораном, поскольку в нем продается водка, закуски и табачные изделия, а указанный ежемесячный оборот средств 300 – 500 руб. (10–15 руб. в день) не выдерживает никакой критики [35, л. 79]. Разногласия между фискальными органами и предпринимателями могли порой носить весьма острый характер. Один из сапожников г. Бреста в декабре 1943 г. вынужден был апеллировать непосредственно к Брестскому гебитскомиссару (обращения перед этим непосредственно в налоговые органы оказались безрезультатными), жалуясь на финансово-налоговый отдел городской управы, определивший ему налог за прошедшие три месяца в сумме 17420 карбованцев. Незадолго до этого в городскую управу поступила жалоба гражданки, клиентки сапожника, на чрезмерно высокую цену на его услуги. Гебитскомиссар отмечал, что стоимость работы по пошиву пары обуви, согласно его указанию, составляет 1 – 1,5 марки, и сумма налога чрезмерная [36, л. 25, 25 об., 27, 28, 30, 37, 38].

В условиях мизерных продуктовых пайков, получаемых рабочими и служащими по карточкам, частные предприниматели продавали продукты питания вразнос или через киоски. Осенью 1941 г. открываются частные предприятия общественного питания. В сентябре 1941 г. было получено разрешение на открытие хлебопекарни в г. Друе, мясной лавки в пос. Видзы, столовой в г. Браславе, чайной-столовой без права продажи спиртных напитков в дер. Новый Погост, столовой без права продажи спиртных напитков в г. Браславе, в декабре 1941 г. открылся мясной магазин в пос. Видзы [37, л. 24, 46, 49, 52, 55, 62]. Для получения разрешения необходимо было подать заявление в районную управу. Это же касалось и уже действующих предприятий (некоторые частные предприятия существовали в регионе и в годы советской власти) [37, л. 42]. В июле 1942 г. на имя Могилевского бургомистра поступило прошение двух гражданок, которые просили выдать им разрешение на открытие коммерческой столовой по Днепровскому проспекту. Закупку продуктов предполагалось производить на базаре по коммерческим ценам, приблизительная калькуляция обеда из двух блюд без хлеба (планировалось реализовывать 100 обедов в день) составляла 30 – 35 руб. Предполагалась также продажа хлеба в буфете при столовой. Столовая планировалась как общественная, и предпринимательницы планировали в будущем ее расширение, если она окажется рентабельной. Городское управление одобрило идею и сообщило фельдкомендатуре, что это будет первая частная столовая [38, л. 333].

Предприятия общественного питания часто размещались в арендованных у городского управления помещениях. За период сентябрь 1941 г. – январь 1942 г. Оршанская городская управа сдала гражданам в аренду ряд помещений для открытия 4 парикмахерских, 2 кофеен-закусочных, сапожной мастерской, двух пекарен, кустарного завода для выгонки смолы, бондарной, жестяной, кузнечной, сапожной, слесарно-весовой мастерских. В аренду передавались ларьки, дома, помещения бывших магазинов и даже часть помещения городского банка для открытия в нем кафе-закусочной [39, л. 72, 237, 252; 40, л. 27–29, 32, 9, 34, 41, 42, 47, 83]. В договоре прописывались срок аренды (как правило, на год с возможностью дальнейшего продления), арендная плата за м², с возможностью наложения пени в размере 0,05 % за каждый просроченный день, обязанность арендатора сохранять и оборудовать помещение, а также условия расторжения договора (не своевременный взнос арендной платы, использование помещения не по назначению, государственная надобность в помещении). Арендная плата варьировалась от 2 руб. до 3,75 руб. за м² [39, л. 72, 237, 252].

Частная медицинская практика была представлена услугами стоматологов и акушеров. Оборот средств стоматологического кабинета гражданки за 2-е полугодие 1942 г. составил 1385 руб., чистый доход – 1080 руб. Расценки на услуги: пломбирование зуба – 10 – 15 руб., удаление или лечение – 10 руб., установка коронки – 50 руб. Аренда кабинета обходилась в 40 руб. в месяц, отопление и освещение – 300 руб. за период. В 4-м квартале услуги возросли на 5 – 20 руб. В 1943 г. пломбирование зуба стоило 20 руб., установка коронки – 100 руб., т.е. в два раза больше по сравнению с предыдущим годом. Типичным нарушением частнопрактикующих медиков (как, впрочем, и многих других предпринимателей) являлось отсутствие книги учета заказов, что позволяло утаивать часть доходов. Тем не менее, несмотря на этот факт, доходы стоматологического кабинета (этот бизнес всегда был высокодоходным) выглядят более чем скромными. Со слов врача ежемесячно обслуживалось около 40 чел. [41, л. 1–12]. Фельдшер, принимая пациентов на дому, зарабатывала 25 – 50 руб. в месяц (1 – 2 чел.). Причина невысоких доходов заключалась в том, что все медики (а в военные годы эта специальность являлась исключительно востребованной) работали в поликлиниках и больницах города, и частная практика приносила дополнительный доход. Та же фельдшер работала в районной поликлинике с окладом 200 руб. в месяц плюс имела пособие по инвалидности 150 руб. Подобные предприниматели, по мнению городской управы, платили мизерные налоги, не оправдывая ожиданий; фининспектор даже предлагал лишить ее патента [42, л. 1–2].

Активно функционировали предприятия бытового обслуживания. В Браславской парикмахерской на 15.08.1941 г. существовали следующие расценки на услуги: бритье – 1,5 руб., стрижка волос, мытье головы, бритье головы, дамская стрижка – 2 руб., стрижка машинкой наголо – 1 руб., укладка волос – 1 руб. [43, л. 16]. В Могилеве насчитывалось 11 парикмахерских [44, л. 33]. В Витебске их было не менее 15-ти. Оборот одной из парикмахерских (хозяйка, ученик и уборщица-прачка) за 1-ый квартал 1943 г. составил 3821 руб., из которых чистый доход владелицы – 649 руб. (скромная сумма для трех месяцев работы). Бритье стоило 3 руб., стрижка – 2 – 3 руб. [45, л. 1–10].

В июле 1942 г. – сентябре 1943 г. в г. Витебске действовала частная мыловарня. Сырье покупалось на базаре 2 – 3 раза в месяц. Хотя из-за его отсутствия случались перебои в работе, в среднем за одну варку изготавливалась партия в 20 кусков мыла за 4 часа. 500-граммовый кусок мыла стоил 50 – 100 руб., продавался на базаре и частично на дому. Как правило, производилось 2 варки в месяц. Оборот за 1942 г. составил 3400 руб., чистый доход 1165 руб. или в среднем 233 руб. в месяц. За 1-й квартал 1943 г. оборот составил 1150 руб., расходы на аренду помещения – 240 руб., отопление – 300 руб. всего за 8 месяцев работы мыловарни (июль 1942 – апрель 1943 г.) было произведено 16 варок мыла (320 кусков), оборот средств составил 23466 руб., чистый доход за вычетом производственных расходов и налогов 2347 руб. или в среднем 293 руб. в месяц [46, л. 1–19].

Широко представлено было сапожное ремесло. Поскольку купить новую обувь было затруднительно ввиду ее дефицита и дороговизны, граждане вынуждены были донашивать уже имевшуюся обувь, нуждавшуюся в ремонте, поэтому услуги сапожников были очень востребованы. Нужды сапожников обслуживала специальная заготовительная мастерская, которая продавала заказчикам сапожные заготовки: заготовка для сапог стоила 150 руб., для ботинок – 200 руб. За август – сентябрь 1942 г. было произведено 50 штук сапожных заготовок и 2 штуки заготовок для ботинок, оборот составил 7900 руб. Оборот сапожной мастерской одного из жителей Витебска за 1-е полугодие (мастерская открылась 10.02.1942 г.) составил 2396 руб., чистый доход 1420 руб. или 284 руб. в месяц. Гражданин оказывал услуги по починке старой и пошиву новой обуви из материала заказчика на дому. Дважды в месяц на рынке покупалась фурнитура на сумму 50 руб. Клиентами являлись местные жители. За 24 часа сапожник изготавливал новые сапоги, продаваемые за 150 руб. при себестоимости изделия 30 руб., ботинки (200 и 20 руб. соответственно). На примере данной сапожной мастерской можно увидеть неустойчивость положения мелкого бизнеса в годы оккупации. Как и многие его коллеги-предприниматели, получавшие скромный доход, ремесленник не спешил подавать налоговую декларацию, за что и был осенью 1942 г. оштрафован на 100 руб. Штраф возымел действие, и 14.10.1942 г. предприниматель подал декларацию за 2-й и 3-й кварталы, но в 1943 г. финотдел выявил недоимку уплаты налогов за февраль – март месяцы. Как показало расследование, сапожник с 15.03 до 12.07 работал на принудительных работах при немецкой воинской части за пределами г. Витебска за сокрытие подозрительного человека. После отбытия наказания мастерская вновь заработала, ремесленник обещал заплатить налог за февраль, однако в октябре 1943 г. он прекратил работы и переехал в г. Дриссу [47, л. 1–21].

Главы местной администрации должны были организовать контроль санитарного состояния парикмахерских и предприятий общественного питания силами врачей государственных медицинских учреждений и частнопрактикующих врачей. В случае обнаружения несоблюдения санитарных норм, начальники районов были обязаны сообщать об этом в комендатуру, которая принимала решение об их закрытии [3, л. 23 об.]. Бобруйское городское управление приговорило владельца столовой за антисанитарное состояние, грубость в отношении должностного лица, проводившего проверку, и попытку подкупа его к месяцу принудительных работ с отбыванием в трудовом лагере [48, л. 41]. При проверке в мае 1944 г. администрацией г. Бобруйска гражданки, имевшей патент на производство мороженого, оказалось, что продукция производилась под открытым небом во дворе. Городской санитарный врач потребовал от начальника торгово-промышленного отдела изъять патент и не допускать подобных случаев в будущем [49, л. 182].

Заключение. В исключительно сложной социально-экономической ситуации в период нацистской оккупации предпринимательство стало одной из стратегий выживания для многих граждан. Несмотря на значительные сложности, возникавшие в процессе работы частных ремесленных и торговых предприятий, многие из них функционировали практически до конца оккупации. Для многих граждан предпринимательство явилось альтернативой наемному труду и, соответственно, мизерной заработной плате в государственных учреждениях и предприятиях. Занимавшиеся предпринимательской деятельностью граждане использовали различные тактические приемы (уклонение от налогов, нелегальное предпринимательство), позволявшие функционировать частному предприятию в условиях жесткой регламентации их деятельности со стороны оккупационных властей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев, А.В. Ремесленное производство и частное предпринимательство на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации (1941 – 1944 гг.) / А.В. Беляев // Веснік ВДУ. – 2001. – № 2(20). – С. 20–26;

2. Гребень, Е.А. Предпринимательская деятельность жителей г. Витебска в период немецкой оккупации (1941 – 1943 гг.) / Е.А. Гребень // *Vesture: avoti un cilveki : proceedings of the 17th International Scientific. Readings of the Faculty of Humanities. History XI.* – Daugavpils : Saule, 2009. – С. 108–115.
3. Осокина, Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 / Е.А. Осокина. – М. : РОССПЭН, 1999. – 271 с.
4. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВт). – Ф. 2088. Оп. 2. Д. 1.
5. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 182.
6. Государственный архив Гомельской области (далее – ГАГом). – Ф. 1337. Оп. 1. Д. 11.
7. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 78.
8. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 81.
9. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБр). – Ф. 685. Оп. 1. Д. 3.
10. Государственный архив Минской области (далее – ГАМн). – Ф. 628. Оп. 1. Д. 18.
11. ГАВт. – Ф. 2088. Оп. 1. Д. 56.
12. ГАМн. – Ф. 1604. Оп. 2. Д. 3.
13. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 183.
14. ГАБр. – Ф. 684. Оп. 1. Д. 4.
15. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 88.
16. ГАБр. – Ф. 192. Оп. 1. Д. 1.
17. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 111.
18. ГАГом. – Ф. 1318. Оп. 1. Д. 2.
19. ГАГом. – Ф. 1337. Оп. 1. Д. 35.
20. ГАВт. – Ф. 2088. Оп. 2. Д. 2.
21. Государственный архив Могилевской области (далее – ГАМог). – Ф. 845. Оп. 3. Д. 2.
22. ГАМог. – Ф. 847. Оп. 2. Д. 1.
23. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 90.
24. ГАВт. – Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1.
25. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 178.
26. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 139.
27. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 129.
28. ГАМн. – Ф. 1613. Оп. 1. Д. 1.
29. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 51.
30. ГАГом. – Ф. 1336. Оп. 1. Д. 19.
31. ГАМн. – Ф. 4218. Оп. 1. Д. 22.
32. ГАМн. – Ф. 1039. Оп. 1. Д. 129.
33. ГАМог. – Ф. 858. Оп. 1. Д. 97.
34. ГАМн. – Ф. 686. Оп. 1. Д. 16.
35. ГАМог. – Ф. 269. Оп. 1. Д. 207.
36. ГАМн. – Ф. 4218. Оп. 1. Д. 13.
37. ГАБр. – Ф. 192. Оп. 1. Д. 34.
38. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 233.
39. ГАМог. – Ф. 259. Оп. 1. Д. 22.
40. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 1. Д. 50.
41. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 1. Д. 39.
42. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 1281.
43. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 1280.
44. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 232.
45. ГАМог. – Ф. 271. Оп. 1. Д. 22.
46. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 137.
47. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 1032.
48. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 144.
49. ГАМог. – Ф. 858. Оп. 1. Д. 42.
50. ГАМог. – Ф. 858. Оп. 3. Д. 4.

Поступила 13.04.2015

BUSINESS ACTIVITIES OF THE POPULATION DURING THE NAZI OCCUPATION OF BELARUS

Y. HREBEN

The article clarifies the business activities of the population during the Nazi occupation of Belarus according to the great number of archive data. It is pointed out that during the difficult social-economic period of the Nazi occupation business became one of the surviving strategies for many people. Despite the variety of difficulties, which became the result of the trade and manufacturing enterprises activity, business became the alternative of the manual labor and as a result small salary in the state establishments and enterprises. The citizens who were employed in business activity used different strategies (tax evasion, work without license), which allowed a private enterprise to function in the conditions of strict limits of their activity by the occupation authority.

УДК 94(476)«16»+336.748(476)(091)«16»

О КУРСАХ ОБМЕНА РУССКОЙ КОПЕЙКИ НА РЫНКАХ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

В.А. КОБРИНЕЦ
(Музей Белорусского Полесья)

Рассмотрены котировки или обменные курсы русской копейки на рынках Беларуси во второй половине XVII в. Исследование осуществлено на основе как опубликованных, так и архивных материалов. В совокупности они позволяют проследить изменение рыночных котировок этой русской монеты на белорусских землях в исследуемое время.

Показано, что в середине XVII в. значение обменного курса серебряной копейки находилось около 1,8 польского гроша. Во время войны 1654–1667 гг. на территории Беларуси существовали несколько ее котировок. Изредка используется выражение цены копейки в литовских грошах и более часто в польских грошах. Отмечены ее значения в 1,5 и 1,6 литовского гроша и 1,5 и 2 польских гроша. С 1660-е гг. на рынках Речи Посполитой существуют две параллельные полноправные системы денежного счета – старая, основанная на серебре, и новая, опирающаяся на медь. Курс копейки в серебре оставался стабильным – 1,5 биллонных польских гроша. Оценка этой русской монеты в медных монетах была подвержена частым изменениям.

Введение. На белорусских землях, бывших частью Великого княжества Литовского (с 1569 г. – в составе Речи Посполитой), имели хождение монеты разных европейских государств, в том числе и России. Окончательная инкорпорация продукции русских денежных дворов на белорусских рынках завершается еще в последней четверти XVI в. Одним из ее критериев было наличие у основного элемента денежной системы России (копейки) рыночной котировки или обменного курса на территории Беларуси. Дополнительными признаками этого процесса было то, что эти монеты неоднократно именовались «готовыми грошами» (наличными деньгами), а также исчислялись по копному (копа – 60 грошей) литовскому счету [19, с. 197] и злотовому (злотый – 30 грошей) польскому счету.

Основная часть. Целью предлагаемой публикации является анализ имеющегося комплекса документов, содержащих информацию о курсах обмена русской копейки на денежные знаки, имевших хождение на белорусских землях во второй половине XVII в. Их изучение позволяет ответить на несколько вопросов о денежном обращении исследуемого времени. Во-первых, ввести в научный оборот новые письменные источники. Во-вторых, уточнить и систематизировать данные о котировках копейки на белорусских рынках. В-третьих, раскрыть значение обменного курса в процессе освоения продукцией денежных дворов России рынков Великого княжества Литовского.

Вопрос рыночной котировки «проволочной» копейки на белорусских землях во второй половине XVII в. продолжает оставаться малоизученным. В отечественной историографии эта тема, на наш взгляд, освещалась недостаточно. Известно, что во второй половине XVII в. на территории Беларуси серебряная копейка оценивалась в 1,6 литовских или 2 польских гроша (1655 г.), 1,5 польских гроша (1660 г.), 4 гроша (1687 г.), 3,14 гроша (1689 г.) [18, с. 200, 223–224; 20, с. 196–197; 21, с. 220]. Обменный курс медной копейки составлял медный «шеляг» или солид (1660 г.) или 1/3 польского гроша [18, с. 223–224].

Рыночные курсы русской копейки во Львове XVII – начала XVIII в. были предметом изучения украинских исследователей В.Е. Шлапинского и Р.М. Шуста. Согласно их расчетам, котировка копейки составляла 1,5 польских гроша (между 1627 и 1664 гг.) и 3 польских гроша (1679–1711 гг.) [23, с. 126–127].

Письменные свидетельства о курсах обмена копейки на белорусских землях выявлены в фондах Национального исторического архива Беларуси и в таких опубликованных сборниках документов, как «Акты Виленской археографической комиссии», «Акты Московского государства», «Акты Южной и Западной России», «Витебская старина», «Историко-юридические материалы», «Русско-белорусские связи». В совокупности они позволяют проследить изменения обменного курса этой монеты на денежные знаки Речи Посполитой во второй половине XVII в.

Поскольку в Европе во внешней торговле основными расчетными единицами были крупные западноевропейские монеты (дукаты, талеры и левки¹), то, используя их цену в Русском царстве и Речи Посполитой, можно рассчитать отношение между более мелкими единицами. В 1650–1651 гг. русские купцы оценивали золотой «угорский» или золотой «червоный» (дукат) в 96 и 100 копеек, «ефимок» (та-

¹ Левок или лёвендаальдер – голландская монета, равная по весу талеру, но содержавшая меньшее количество серебра.

лер) в полтину (50 копеек) и «левок» в 35–40 копеек [17, с. 232, 250–252]. В 1640–1650-е гг. в Речи Посполитой рыночный курс дуката составлял 6 злотых, талера – 3 злотых, «левка» – 2,5 злотых [18, с. 201]. Исходя из того, что счетный польский злотый равнялся 30 польским грошам, получается, что дукат стоил 180 ($30 \times 6 = 180$) польских грошей, талер – 90 ($30 \times 3 = 90$) грошей, а левек – 75 ($30 \times 2,5 = 75$) грошей. Расчеты показывают, что котировка копейки составляла 1,8 ($180 : 100 = 1,8$ или $90 : 50 = 1,8$) польского гроша или варьировалась от 1,875 ($75 : 40 = 1,875$) до 2,14 ($75 : 35 = 2,14$) польских грошей.

Одним из результатов военного конфликта между Россией и Речью Посполитой 1654–1667 гг. стал массовый приток русских монет на белорусские земли, и, как следствие, более частое, чем в XVI – первой половине XVII в., упоминание продукции денежных дворов России в актах Беларуси. В некоторых из них содержится информация об обменном курсе русской копейки.

Один из таких документов был составлен представителем русской администрации в Полоцке. Полоцкий воевода, боярин Василий Петрович Шереметев, «с товарищи» поручили Ивану Тимофееву, сыну Веригину, начиная с 1 августа 1654 г., описать город и имеющиеся в нем ценности – церковные строения, различное воинское снаряжение, в том числе оружие, пушечные запасы и т.д. Составной частью документов, составленных Веригиным, была сметная книга царских денежных расходов и доходов. В ней все даты даны по календарю, существовавшему в России до 1700 г., и размещены между июлем 7162 г. и декабрем 7163 г. При переводе на современное летосчисление это соответствует июлю–декабрю 1654 года.

В приходной части этой сметной книги под 2 октября 1654 г. упоминается поступление в Полоцкую казну оброчных денег, собранных старостой Павлом Захарьевым с крестьян Тихомицкой волости, : «литовскими деньгами тридцать коп шелегами» или «русскими деньгами одиннадцать рублей восемь алтын две деньги» [4, с. 286; 18, с. 200]. Аналогичная сумма приводится в итоговой записи [4, с. 288; 18, с. 200]. Расчеты показывают, что одна копейка оценивалась в 1,6 литовского гроша:

$$(30 \times 60) : (11 \times 100 + 8 \times 3 + 2 \times 1/2) = 1800 : 1125 = 1,6.$$

Сведения об иной котировке копеек в литовских грошах известны из материалов Могилевского магистрата. Так, 11 июня 1655 г. перед его членами отчитывался лавник¹ Федор Василевич о допросе некоего Прокопа Алексеевича, взятого под стражу в городскую тюрьму по делу об ограблении магазина другого лавника Григория Ярмолинича Кулака. Из полученных от узника показаний известно, что за □ладенные шесть кубков от жены Захария Гришковича Косича он получил 12 коп. грошей. Из этих денег одна копа или 60 литовских грошей она посчитала Прокопу как 40 копеек [7, л. 57 об.]. Таким образом, на одну копейку приходилось 1,5 ($60 : 40 = 1,5$) литовских гроша. Аналогичный курс рассчитывается из данных инвентаря имущества могилевского бурмистра Овхима Ивановича Хомутовского, составленного 10 декабря 1656 г. представителями местного магистрата Ларионом Севастьяновичем и Иваном Кондратовичем Шевней [8, л. 189 об.].

Позднее курс копейки в литовских грошах возвращается к более ранним показателям. Так, в 1676 г. полоцкий магистрат обвинил мещан Стефана Гавриловича и Стефана Николаевича Кривицкого в присвоении 300 рублей серебряными копейками. В 1660 г. эти деньги они получили от полочан для закупки хлеба на нужды русской армии. В предоставленной ответчиками копии депутатской отчетности от 22 марта 1673 г. названная сумма приравнена 800 литовским копам [5, с. 340–342, 349, 370]. Отсюда следует, что котировка русской серебряной копейки составляла 1,6 литовского гроша:

$$(800 \times 60) : (300 \times 100) = 48\,000 : 30\,000 = 1,6.$$

В письменных источниках периода русско-польской войны 1654–1667 гг. копейки неоднократно приравниваются и к польским грошам. Так, в расходной части той же сметной книги Полоцка под 3 октября 1654 г. приводится отчет царю боярина Василия Петровича Шереметева за работу с плотниками на строительстве башен и городской стены. Согласно документу, часть суммы была выплачена литовскими монетами : «...в рубль считано по двести осмаков², а в осмак считано по 3 шелега...» [4, с. 281, 283, 289–290; 18, с. 200]. Расчеты показывают, что 1 копейка равнялась 2 ($200 : 100 = 2$) «осмакам» (польским грошам).

В последующие несколько лет курс копейки возвращается к предвоенным значениям, а после и к более ранним. К примеру, 5 декабря 1656 г. в полоцкий магистратский суд обратился мещанин Сахон Мушич (Мухин) с жалобой на другого мещанина Семена Амбросовича Шитика. Истец продал ответчику растительное масло («□лей»), за которое расчет должен был производиться «талерами битыми, таляр по шестнадцать алтын» [16, л. 102–102 об.] или по 48 ($16 \times 3 = 48$) копеек. Названная в документе стоимость талера (48 копеек) близка к его официальной закупочной цене в России (50 копеек) [6, с. 197; 22, с. 114].

¹ Лавник – член суда присяжных.

² Осмак – тоже, что и польский грош. Он приравнивался 8 пенязям-денариям в отличие от литовского, паритетного 10 пенязям.

На рынках Речи Посполитой эта монета оценивалась в 3 злотых (или 90 грошей), от чего происходит одно из ее наименований – «трехзолотый». Исходя из имеющихся данных, одна копейка была паритетна 1,875 (90 : 48 = 1,875) польского гроша.

Позднее зафиксирована еще более низкая котировка копейки. Так, 20 мая 1663 г. на рассмотрение царя поступила челобитная от мещанки Старого Быхова «породы еврейския» Богданины Мордахаевой. В ней Богданина жалуется на «салдат шквадрона (эскадрона – В.К.) майора Матвея Чюровского», которые украли у нее на рынке из мешочка платок с деньгами. Среди похищенных монет были «два тареля (то же, что и талер. – В.К.) ценою по двадцати алтын серебряными денгами, да два левка, а левкам цена рубль серебряными ж денгами, да пять вертов (ортов – В.К.) – цена верту по четыре алтына серебряными ж денгами...» [2, с. 523; 18, с. 233]. Таким образом, талер был оценен потерпевшей в 20 алтын или 60 (20 × 3 = 60) копеек, «левков» – в 50 (100 : 2 = 50) копеек, орт¹ – в 4 алтына или 12 (4 × 3 = 12) копеек. В это время цена талера составляла 3 польских злотых или 90 (30 × 3 = 90) польских грошей, «левка» – 75–76 грошей, орта – 18 (90 : 5 = 18) грошей. Расчеты показывают, что одна копейка была равна полтора польских гроша во всех трех случаях.

Этот курс еще долгое время сохранялся как на землях Речи Посполитой, так на территории Украины, отошедшей к России по Андрусовскому перемирию от 30 января (9 февраля) 1667 г. Так, в приходно-расходных книгах Могилевского магистрата под 30 сентября 1687 г. записано, что цена копейки и чеха (полторагрошовика – В.К.) составляла 4 медных гроша [11, л. 16 об.]. Иначе говоря, копейка была равна полтора польских гроша. В «отписке» царю от 16 августа 1672 г. киевский воевода князь Григорий Афанасьевич Козловский привел показания мещан Киева, ограбленных польскими подданными. Среди украденного имущества было «готовых денег полских золотых добрыми денгами 22 782 золотых, московскими денгами числом 4 536 рублей 13 алтын 2 денги» [3, с. 25]. Курс копейки составлял около 1,5 польского гроша:

$$(22\,782 \times 30) : (4\,536 \times 100 + 13 \times 3 + 2 \times \frac{1}{2}) = 683\,460 : 453\,640 \approx 1,5.$$

Русские войска, кроме серебряных монет, привозили на территорию Речи Посполитой и медные копейки. Согласно исследованиям В.Н. Рябцевича и Д.В. Рябцевича, курс обмена медной копейки в 1660 г. составлял медный солид, а серебряная копейка приравнивалась 1,5 польским грошам [18, с. 223; 20, с. 197; 21, с. 220]. Основой для всех расчетов служила «отписка» кн. Бориса Александровича Репнина из Смоленска в Приказ Тайных дел от 30 июля 1660 г.: «...а на бою де за Ляховичами и с бою в отходе побито великого государя ратных людей с 5000; а государеву де денежную казну, которая взята под Ляховичами у государевых людей в обозе, серебряныя и медныя деньги в Сапегине и во всех полках польские люди дают серебряную копейку за чек (чек, полторагрошовик. – В.К.), а медную за шелех (шеляг, солид. – В.К.)» [2, с. 124; 18, с. 223]. Курс серебряной копейки в полтора польских гроша известен и из других источников [2, с. 523]. Равенство медной копейки медному солиду более спорно. В.Н. Рябцевич, впервые цитируя этот документ, обратил внимание на вопиющее несоответствие между метрологическими характеристиками солида и медной копейки, которые отличались почти в 3 раза, и равенством в оценке их рынками [18, с. 224]. Также следует учесть и психологический фактор. Трудно представить себе человека, который в одно и то же время при обмене денег будет придерживаться двух разных курсов – реального и заниженного. Исходя из этого, представляется возможным высказать иное, чем принято ранее объяснение цитированному документу. В нем речь может идти не о единичных монетах, а об их совокупностях (копейках, чехах, шелягах), т.е. обмен происходит по качеству металла серебро на серебро и медь на медь. Таким образом, накопленный материал не позволяет приравнять медную копейку к одному солиду в 1660 г.

Война Речи Посполитой с Россией и вооруженный конфликт со Швецией (1655–1660 гг.) потребовали от правительства значительных финансовых средств. Обеспечение военных расходов привело к неограниченной чеканке в Польше, Литве и Беларуси неполноценных монет (медных солидов – «боратинок» и биллонных тынфов, реальная стоимость которых составляла 15 % и 40 % от номинальной). В послевоенное время они заполнили рынки Речи Посполитой, вызвав два взаимосвязанных процесса – рост цен и появление двойного счета (серебром и медью). Это находит отражение и в котировке всех полноценных монет, в том числе и русской копейки.

Одна из самых ранних записей о котировке копейки в «шеляжной» (медной) монете содержится в тяжбе 1676 г. полоцкого магистрата и вдовы полоцкого мещанина Даниила Михнеевича Феодоры Курбатович по второму замужеству Петрищей. Не имея возможности получить от ее покойного мужа утраченные им 300 рублей серебряными копейками, 12 августа 1676 г. суд постановил взыскать эти деньги с вдовы, но уже медными солидами. Ответчица должна была отдать «злотых три тысячи польских»

¹ Орт – первоначально 1/4 часть талера, а с 1656 г. – 1/5 часть талера.

[5, с. 410–411; 18, с. 223]. Расчеты показывают, что одна копейка соответствовала 3 грошам в медных солидах:

$$(3\ 000 \times 30) : (300 \times 100) = 90\ 000 : 30\ 000 = 3.$$

Наибольшее количество данных об обменных курсах копеек в последней четверти XVII в. сохранилось в материалах прихода-расходных книг Могилевского магистрата. Поскольку в документах нередко приводятся одновременные или близкие по времени котировки крупных монет (дукатов и талеров) в местных и русских счетно-денежных единицах, то, используя их цену, можно рассчитать курс обмена русской копейки в разное время. Согласно книжным записям 1677 г., дукат оценивался в 40 алтын (19 января) и в 11 злотых и 15 грошей медью (7 июля) [9, л. 6, 8]. Следовательно, копейка была равна 2,875 польского гроша в меди:

$$(11 \times 30 + 15) : (40 \times 3) = 345 : 120 = 2,875.$$

Котировка копейки не была постоянной. Во второй половине 1680-х гг. отмечены ее наиболее высокие значения. Так, 15 января 1687 г. в городскую казну от райцы Молчановича поступило налоговых сборов на сумму «копеек олтын сорок и копеек чотыри, копейка по осмаков чотыри на шелеги» [10, л. 13; 18, с. 223], т.е. на одну копейку приходилось 4 польских гроша в медных солидах. В 1687 г. аналогичный курс зарегистрирован еще дважды [11, л. 14 об., 16 об.].

В том же году зафиксирован еще более высокий показатель. Согласно реестру кабацких доходов от 8 июля 1687 г., все поступившие ранее от разных людей копейки обменяли на более крупную монету – «за тарел (то же, что и талер. – В.К.) битый по копеек пятьдесят пят,.. а тарел приняли на шеляги рахуючы (считая. – В.К.) по золотых сем и осмаков двадцат два и пол» [10, л. 14]. Таким образом, «шеляжная» стоимость талера составляла 7 злотых и 22,5 гроша, копеечная – 55 копеек. Отсюда, копейка была равна 4 5/22 медного гроша:

$$(7 \times 30 + 22,5) : 55 = 232,5 : 55 = 4\ 5/22.$$

Анализ источников показывает, что в течение двух следующих лет происходит падение цены копейки в медных солидах. В реестре «дозорцов» (стражников – В.К.) 1688 г. о полученных суммах от их предшественников записано, что «за таляр раховано (считано – В.К.) копеюкъ шестдесят, раховано таляр золотых шест и грошей петнадцать» [12, л. 18 об.]. Расчеты показывают, что одна серебряная копейка была паритетна 3,25 гроша медными солидами:

$$(6 \times 30 + 15) : 60 = 195 : 60 = 3,25.$$

Позднее известно и еще более низкое значение котировки копейки. Так, 6 апреля 1689 г. сумма в сто пять копеек «на шелеги (т.е. на медную монету – В.К.)» была посчитана как одиннадцать злотых [13, л. 17 об.; 18, с. 223] или 330 грошей ($11 \times 30 = 330$). Расчеты показывают, что «шеляжная» цена копейки составляла 3 1/7 ($330 : 105 = 3\ 1/7$) гроша.

К концу XVII в. курс копейки несколько вырос. Так, не ранее 28 июня 1697 г. в городскую казну Могилева поступило «копейками таляров четыре, за таляр битый рахует (считает – В.К.) по копеек 55, а шелягами таляр по зл[отых] 6 гр[ошей] 18» [14, л. 6], т.е. одна копейка была равна 3,6 гроша медью. На протяжении 1697 г. этот курс оставался неизменным [14, л. 24 об.; 15, л. 4 об.].

$$(6 \times 30 + 18) : 55 = 198 : 55 = 3,6.$$

Обобщая исследованный материал, мы располагаем следующими данными об обменном курсе русской «проволочной» копейки на землях Беларуси во второй половине XVII в. (рис. 1.).

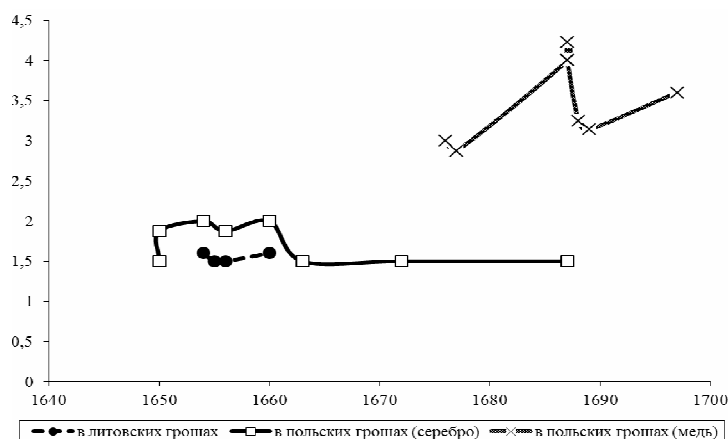

Рис. 1. Котировка русской копейки

Закключение. Подводя итоги изучения динамики изменения котировки русской копейки во второй половине XVII в., следует сказать, что ее рыночная оценка на землях Беларуси была нестабильной.

В середине XVII в. значение обменного курса серебряной копейки находилось в пределах, известных еще в 1630–1640-е гг. Во время войны 1654–1667 гг. на рынках Речи Посполитой существовало несколько ее котировок. Как показывают документы, изредка используется выражение цены копейки в литовских грошах. Известно, что она соответствовала 1,5 и 1,6 литовского гроша. Более часто курс этой монеты устанавливается в польских грошах. Отмечены его значения в 1,5 и 2 польских гроша. Достоверные показатели котировки медной копейки не выявлены и вопрос о ее оценке остается открытым.

Перестройка денежного хозяйства Речи Посполитой в 1660-е гг. на основе медноденежного обращения (широкое распространение медных солидов – «боратинок») привела к существованию двух параллельных полноправных систем денежного счета – старой, основанной на серебре и новой, опирающейся на медь. Курс копейки в серебре оставался стабильным – полтора биллонных польских гроша. Оценка данной русской монеты в медных монетах была подвержена частым изменениям. Известны как периоды ее роста в 1677–1687 и 1689–1697 гг., так и падения в 1676–1677 и 1687–1689 гг. В 1687 г. регистрируется одно из самых высоких значений котировки копейки – 4 5/22 польского гроша. Близкие процессы фиксируются и в других частях Речи Посполитой. Так, на землях Правобережной Украины в период с 1679 по 1689 гг. курс вырос до трех польских грошей за одну копейку [23, с. 127].

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею : в 39 т. / сост. Я.Ф. Головацкий [и др.]. – Вильно : Типография губернского правления, 1870. – Т. 4 : Акты Брестского гродского суда. – 615 с.
2. Акты Московского государства : в 3 т. / под ред. Д.Я. Самоковасова. – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1901. – Т. 3 : Разрядный Приказ. Московский стол. 1660–1664. – 674 с.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею : в 15 т. / под ред. Г.Ф. Карпова. – СПб. : Типография М. Этингера, 1879. – Т. 11 : 1672–1674. Прибавления 1657. – 820 с.
4. Витебская старина : в 3 т. / сост. А.П. Сапунов. – Витебск : Типолитография Г.А. Малкина, 1885. – Т. 4. – Ч. 2 : Полоцкое и Витебское воеводства под властью царя Алексея Михайловича (1654–1667 гг.). – 394 с.
5. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске : в 32 т. / под ред. А.М. Созонова. – Витебск : Тип. Витебского Губ. Правления, 1874. – Вып. 5. – 414 с.
6. Мельникова, А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 год / А.С. Мельникова. – М. : Финансы и статистика, 1989. – 318 с.
7. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 1817 (Могилевский магистрат). Оп. 1. Д. 22 (Актовая книга Могилевского магистрата за 3 января – 29 августа 1655 г.).
8. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилевский магистрат). Оп. 1. Д. 23 (Актовая книга Могилевского магистрата за сентябрь 1656–август 1657 г.).
9. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилевский магистрат). Оп. 1. Д. 122 (Книга учета прихода и расхода товаров Могилевского суконого цеха за 30 октября 1675 – 2 сентября 1683 г.).
10. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилевский магистрат). Оп. 1. Д. 123 (Книга учета поступления и продажи водки, прихода и расхода денежных сумм по питейным заведениям г. Могилева за 1684–1687 гг.).
11. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилевский магистрат). Оп. 1. Д. 125 (Книга учета поступления и продажи водки, прихода и расхода денежных сумм по питейным заведениям г. Могилева за 1686–1687 г.).
12. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилевский магистрат). Оп. 1. Д. 129 (Книга учета поступления и продажи водки, прихода и расхода денежных сумм по питейным заведениям г. Могилева за 1688 г.).
13. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилевский магистрат). Оп. 1. Д. 136 (Книга учета поступления и продажи водки, прихода и расхода денежных сумм по питейным заведениям г. Могилева за 1689 г.).
14. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилевский магистрат). Оп. 1. Д. 138 (Книга учета поступления и продажи водки, прихода и расхода денежных сумм по питейным заведениям г. Могилева за 1697 г.).
15. НИАБ. – Ф. 1817 (Могилевский магистрат). Оп. 1. Д. 139 (Книга учета поступления и продажи водки, прихода и расхода денежных сумм по питейным заведениям г. Могилева за 1697 г.).
16. НИАБ. – Ф. 1823 (Полоцкий магистрат). Оп. 1. Д. 1 (Актовая книга Полоцкого магистрата за сентябрь 1656–август 1657).
17. Русско-белорусские связи: сборник документов: (1570–1667 гг.) / отв. ред. Л.С. Абецедарский, М.Я. Волков. – Минск : Высшая школа, 1963. – 534 с.
18. Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси / В.Н. Рябцевич. – Минск : Полымя, 1995. – 686 с.
19. Рябцевич, Д.В. «Денги Московские» в Великом княжестве Литовском XVI–XVII вв. (денежная и товарная функции) / Д.В. Рябцевич // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Псков, 15–20 апреля 2002 г. Тезисы докладов и сообщений. – М., 2002. – С. 196–198.
20. Рябцевич, Д.В. Российская монета на рынках Великого княжества Литовского в XVI–XVII вв.: Общий анализ свода и топографии кладов / Д.В. Рябцевич // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–21 апреля 2001. Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2001. – С. 196–197.

21. Рябцевич, Д.В. Российские монеты XVI–XVII в. на рынках западных регионов Великого княжества Литовского (Брестщина, Гродненщина, Литва) / Д.В. Рябцевич // Культура Гродненскага рэгіону: праблемы развіцця ва ўмовах поліэтанічнага сумежжа : 36. навук. пр. / адк. рэд. А.М. Пяткевіч. – Гродна, 2003. – С. 220–225.
22. Спасский, И.Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654–1663 гг. / И.Г. Спасский // Археографический ежегодник за 1959 год. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1960. – С. 103–156.
23. Шлапинский В.Е. Соотношение курсов русской копейки и польского гроша на львовском денежном рынке в конце XVI – начале XVIII в. / В.Е. Шлапинский, Р.М. Шуст // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 19–24 апреля 2004 г. – М., 2004. – С. 126–127.

Поступила 22.05.2015

ON EXCHANGE RATES OF RUSSIAN KOPECK ON MARKETS OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY

V. KABRYNETS

This paper presents quotes or exchange rates of russian kopeck on the markets of Belarus in the second half of the 17th century. The study was based on both published and archival materials. As a whole, they allow to follow change market's quotes of this russian coin in the Belarusian lands in the studied time.

In the middle of the 17th century the exchange rate of the silver kopeck was about 1.8 polish grosz. During the Russian-Polish War of 1654–1667 there were several of its quotes in Belarus. Rate of exchange of kopeck quoted occasionally in the lithuanian groszes and more frequently in the polish groszes. It noted its value in the 1.5 and 1.6 lithuanian grosz, and 1.5 and polish 2 grosz. Reliable information are not revealed about the quotation of copper kopeck, and the question of it quote is still open.

There are two parallel full-fledged system of monetary accounts in the markets of the RechPospolitaya from the 1660s – old, based on silver, and the new, based on copper. Rate of exchange of kopeck has remained stable in silver – 1.5 billion polish grosz. Its rate changed frequently in copper coins.

УДК [39+008](=161.3)

**ГОРАД І ГАРАДЖАНЕ Ў СВЕТАПОГЛЯДЗЕ БЕЛАРУСКІХ СЯЛЯН
ДРУГОЙ ПАЛОВЫ ХХ–ПАЧАТКУ ХХІ СТАГОДДЗЯ
(ПА ФАЛЬКЛОРНЫХ І ЭТНАГРАФІЧНЫХ МАТЭРЫЯЛАХ ВІЦЕБШЧЫНЫ)¹**

**канд. гіст. навук У.А. ЛОБАЧ
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)**

Прыведзены аналіз уяўленняў беларускіх сялян ХХ–пачатку ХХІ ст. пра горад і гараджан. Воб раз горада і яго жыхароў у традыцыйнай карціне свету сельскага насельніцтва старэйшых пакаленняў значна змяніўся пад уплывам сацыякультурных і дэмаграфічных фактараў, але працягвае захоўваць сваю сімвалічную амбівалентнасць.

Уводзіны. Горад у традыцыйным светапоглядзе беларускіх сялян бадай заўсёды характарызаваўся выразнай амбівалентнасцю. У фальклорных тэкстах і абрадавых практыках горад можа фігураваць як “цэнтр свету”, “святое месца”, аб’ект паломніцтва, але, у залежнасці ад сітуацыйнага кантэксту, можа ўвасабляць ідэю “чужога”, небяспечнага і нават інфернальнага. Пры гэтым успрыняцце горада і гараджанаў вяскоўцамі не ў малой ступені залежала і карэлявалася культурнымі, сацыяльна-эканамічнымі і дэмаграфічнымі працэсамі, характэрнымі для канкрэтнай гістарычнай эпохі.

Асноўная частка. У ХІХ–пачатку ХХ ст., калі беларусы ўяўлялі з сябе этнас з няпоўнай сацыяльнай структурай (паводле перапісу 1897 г. сяляне складалі 93,8 % [1, с. 221]), горад на побытавым, штодзённым узроўні разглядаўся як патэнцыйна небяспечны прасторавы локус, населены ў асноўным чужынцамі, як у этнічным, так і ў сацыяльным вымярэнні. Да таго ж, прынцыпы арганізацыі прасторы і гаспадарчы лад вёскі і горада прынцыпова адрозніваліся. “Чужынскасць” горада для беларускага вяскоўца канца ХІХ ст., яго “страхі” і забабоны адносна ўрбаністычнага, поліэтнічнага асяроддзя выдатна адлюстравалі ў сваім вершы “Немец” Францішак Багушэвіч:

*Не люблю я места (на расейску – горад).
Надта там цяснота і вялікі сморад.
А паноў як маку ды сярод гароду,
Апроч таго, пропасць рознага народу!
Наш брат як увойдзе, – сам сябе байца:
Ці ісці без шапкі, ці гдзе пакланіцца?
Дык надта ж і стыдна, каб не памыліцца:
Пакланіцца немцу ці якому жыду!
Няхай яго сточа – набярэшся стыду;
Нехай лепей з дому я той дзень не выйду.
А пазнаць жа трудна як жыда, як немца,
Як пана якога ці там чужаземца.
А што жывд да немец – дзеці аднэй маткі:
І мова падобна, і адны ухваткі.
І абодва ласы на чужую працу,
І, мусіць, абодва ядуць з кроўю мацу!*

Аналіз паэтычных радкоў дазваляе акрэсліць асноўныя фобіі вяскоўца ў дачыненні горада: 1) дыскамфортная арганізацыя прасторы (цяснота); 2) пахавы фон горада (вялікі сморад), проціпастаўлены “чыстаму паветру” вёскі; 3) сацыяльны хаос (пропасць рознага народу) і, як вынік, дэзарыентацыя вяскоўца; 4) чужынцы, што тояць у сабе як рэальную (ласы на чужую працу), так і міфалагічную (ядуць з кроўю мацу) небяспеку. Фальклорна-этнаграфічныя матэрыялы канца ХХ–пачатку ХХІ ст. паказваюць, што стэрэатыпныя ўяўленні сялян пра горад у значнай ступені аказаліся трывалымі і ўстойлівымі.

Другая Сусветная вайна і паваенны час карэнным чынам змянілі ролю горада ў структуры беларускага культурнага ландшафту, што аб’ектыўна павінна было змяніць і яго статус у карціне свету вяскоўцаў. Калі ў даваенны час БССР з’яўлялася пераважна аграрнай рэспублікай, то пасля вайны была зроблена стаўка на маштабнае развіццё прамысловасці, што аўтаматычна пацягнула за сабой імклівыя працэсы ўрбанізацыі і, адпаведна, дэпапуляцыі вёскі. Так, калі ў 1959 г. сяляне і гараджане складалі адпаведна 69 і 31 % усяго насельніцтва Беларусі, то ў 1989 г. прапорцыі становяцца адваротнымі: гараджане – 65, вяскоўцы – 35 % насельніцтва рэспублікі [2, с. 14].

¹ Артыкул падрыхтаваны ў рамках гранта БРФФІ-РГНФ «Традиционный культурно-языковой ландшафт белоруско-русского (Витебско-Смоленского) пограничья ХХ – начала ХХІ в.: символика фольклорных образов, ритуальные функции и их коммуникативные репрезентации», дамова №Г14РП-003.

Пры гэтым вяскоўцы, якія перажылі калгасную рэальнасць 1930–1960-х гг., самі жадалі, каб іх дзеці шукалі “лепшай долі” ў гарадах. Як адзначыў В. Насевіч: “Другая палова 1940-х–1950-е гг. былі для беларускай вёскі часам жабрацтва. Менавіта тады пачаўся працэс глыбокай, незваротнай трансфармацыі сацыяльнай і папуляцыйнай структуры. Ідэал шчаслівага альбо проста прыстойнага жыцця ўжо ніяк не асацыяваўся з жыццём у вёсцы. Усе, хто захаваў надзею на такое жыццё для сябе ці сваіх дзяцей, звязвалі яе з пераездам у горад” [3, с. 339]. Гэты тэзіс знаходзіць абсалютнае пацверджанне і ў меркаваннях саміх вяскоўцаў. “Тады было прыгоннае права, чалавечык. Не меў ты права пае хаць нікуды, пакуль калхоз табе не дасць спраўку, што ён цябе адпусціў, ты нікуды не паедзеш, дажэ ў другі калхоз. А без спраўкі паспарт не даюць, а без паспарту – нікуды раньшэ не паедзеш. Ніхто ні хочыць, каб нашы дзеці аставаліся ў калхозе. Таму што гэта адская работа”¹.

У сувязі з падзеямі апошняй вайны (халакост) і масавай міграцыяй вяскоўцаў, радыкальна змянілася этнічная структура горада, дзе ў паваяенны час большасць насельніцтва сталі складаць беларусы (паводле перапісу 2009 г. прадстаўнікі карэннага этнасу складаюць каля 82,3 % гарад жан [3]). Такім чынам, у традыцыйнай карціне свету сялян практычна знікае ўяўленне пра горад як пра патэнцыйна варожае паселішча чужынцаў, бо там цяпер живуць дзеці і ўнукі.

З другога боку, нават у савецкі час старыя гарады, вядомыя сваімі хрысціянскімі святынямі, збіралі значную колькасць паломнікаў з вясковай акругі. Яскравым прыкладам “святога горада” з’яўляецца Полацк, які прыцягваў сялян не толькі сваім кірмашом, але далёка не ў апошнюю чаргу сваімі цудадзейнымі, паводле народных перакананняў, святынямі. Полацк, што выступаў у міфапаэтычнай карціне свету навакольных сялян як Цэнтр Светабудовы, фігуруе ў фальклорных наратывах у якасці сакральнага локуса, дзе можна скарэктаваць жыццёвую долю ў патрэбным для чалавека рэчышчы, выправіць (ліквідаваць) разнастайныя дэвіяцыі, звязаныя, як правіла, з хваробамі і асабістымі (сямейнымі) бядамі. У пазначаным кантэксце, адзінай персаналіяй, што абсалютна пераканана для вяскоўцаў верыфікуе статус Полацка як “святога горада”, з’яўляецца Прападобная Ефрасіння.

Паломніцтва да мошчаў святой Ефрасінні, як правіла, адбывалася ў фармаце абракавання (выкананне пэўнага зароку: дайсці да святыні пешкі, за адзін дзень, нашча) і ахвяравання – сімвалічнага дараабмену паміж чалавекам і сферай боскага, які мусіў ліквідаваць збоі і парушэнні (найчасцей у здароўі) у асабістым жыцці. “Бывала ў майго дзядзькі ў аднаго не гадаваліся дзеці, а не гадаваліся дзеці ў яго за тое, што жаніўся на Вербніцу ў самы пост. Адна нядзелька да Вялікадня, а ён тут жаніцца. <...> І ў гэтага дзядзькі чацвёра дзяцей радзілася, усе чацвёра ўміралі. Ды ўміралі, хай Бог абня сець, страшнай смерцю... Ну, дык вот тады гэта бабушка, што мяне ўчыла, яна сказала так, і гэта ўжо пасля вайны, яна сказала: “Ня будзець, Надзя, у цябе і гэта дзіцё гадавацца. Награшылі вы дужа. Дык вот вазьміце ахвяру”. А якую ахвяру сказала: “Ідзіце, вот када дзень прывітой Ефрасінні Полацкай нашай, вот ідзіце на Ефрасінню цэркву і дайце ахвяру. Ахвяру вот такую – купіце там палаценьчыка, ці платочык які”. Ну, вот і радзіла гэта жанчына дзевачку. Ну, і тады ўзялі ахвяру гэту, і яны паняслі, і гэту дзевачку няшком насілі аж у Полацк. Дык усё з майго дзядзькі смяліся, што садзі ў мяшок і нясі на плячах. Гэта ж далёка перанесці, дык ужо і парадашная была. І вот, як прыйдзеш у цэркву, нада купіць свечачку, запаліць свечачку і паставіць, і во гэту ахвяру, што прымерна яны няслі, нада было палажыць, дзе храняцца мошчы Ефрасінні. І када там ужо нейкія капеечкі былі, дык у тую скрабёначку кідалі, што ля яе тут блізнятка стаіць. Ну, хто ўмеў, ну даўныя людзі ўсе ўмелі Богу маліцца, ну тут во нада сваімі словамі. Када ў чалавека гора, када ў чалавека беда, када ў чалавека нездароўе, нада маліць сваімі славамі, усё раўно да Бога дайдзець гэта. <...> Ну і вот яны хадзілі. Ну і як схадзілі, ну і тая Любачка вырасла і ўжо ў яе і ўнукі ёсць, і праўнукі. І нада хадзіць кажан год на гэту святую Ефрасінню ў цэркву, і там палажы ты там рубаль, свечачку запалі, ну і можа там насавы платочак палажаш. Вот і ахвяра, вот гэта была ахвяра” (Ушацкі р-н) [4, с. 220–221].

Палявыя матэрыялы паказваюць, што, нягледзячы на манаскі статус Прападобнай Ефрасінні, у традыцыйным светаўспрыняцці сутнасным стае жаночы вобраз святой, што ляжыць у аснове трывалых уяўленняў аб яе цудадзейнай дапамозе жанчынам (пры бясплоддзі, дзетанараджэнні, а таксама ў лячэнні разнастайных хваробаў). “Прыпадак (быў). У мяне была гэтакая унучка, дык колькі ей рады не давалі, а тады ў Полацк у цэркву звязілі пад Ефрасінню. Дык вродзе прапала гэта” (Ушацкі р-н) [4, с. 277]. Паказальным з’яўляецца той факт, што надзвычайнымі ўласцівасцямі надзяляліся не толькі мошчы Ефрасінні Полацкай, але нават яе імя, якое выконвала функцыі асабістага абярога чалавека. “Ну, Святую Ефрасінню знаю, якім імем мяне назвалі. У мамы дзевачкі ўсе паўміралі, вот можа есць Бог на свеце, а я грашу яшчэ большай. У яе дзевачкі ўміралі, а малычкі жылі. У мамы нас было цэлых дзевяць, я радзілася самая последняя, маме было пяцьдзесят лет і ей сказалі: назаві яе Ефрасінняй, і мяне назвалі. І я вот ужо восемдесят адзін год жыю. Значыць, гэта святая Ефрасіння. І вот імя яе нашу, затое, верна, і жыю так многа” (Лепельскі р-н) [4, с. 77]. Прыведзены прыклад шмат у чым тлумачыць даволі шырокую распаўсюджанасць імя Ефрасіння сярод жаночага насельніцтва Беларускага Падзвіння, асабліва людзей старэйшага пакалення.

¹ Зап. Чупаў У.А. у 2014 г. ад Кухарэнка Пятра Рыгоравіча, 1938 г.н. у в. Лесава Полацкага р-на.

Аднак прыклад Полацка ў часы “ваўнічага атэізму” быў, хутчэй, выключэннем з правіла. “Актыўная барацьба з рэлігіяй, якая ў 1960-х вылілася ў руйнаванне дзясяткаў гарадскіх храмаў ці іх закрыццё, у значнай ступені падарвалі і сакральны статус горада. Галоўнай адзнакай горада з гэтага часу становяцца заводы і фабрыкі, культурныя, спартовыя, гандлёвыя комплексы, а не храмы. У гэтым плане паказальным з’яўляецца ўтварэнне новых беларускіх гарадоў (Наваполацк, Салігорск, Светлагорск), што фарміруюцца менавіта як буйныя прамысловыя цэнтры, храмы ў якіх з’яўляюцца толькі праз дзесяцігоддзі пасля іх заснавання” [5, с. 394].

Нягледзячы на тое, што для вясковага чалавека сучасны горад не ўяўляе небяспекі міфалагічнага кшталту, гарадское паселішча працягвае выступаць у традыцыйнай карціне свету як месца, арганізаванае прасторава і сацыяльна прынцыпова іншым чынам у параўнанні з вёскай. “Чужынскасць” горада для вяскоўца вынікае, перадусім, з іншага ладу жыццядзейнасці гараджанаў і нязвыклай сельскаму чалавеку празмернай шчыльнасці жыццёвай прасторы, калі гарадская кватэра, нягледзячы на ўсе яе побытавыя зручнасці, разглядаецца як сурагат уласнага дома, сядзібы. “У горадзе цюрма. На сядзьмом этажу сядзіць тама дзень і ноч. – Дык цёпла ж, вада гарачая ёсць, рабіць не трэба нічога... – Ай, лучшэ работаць, чым сядзець. Я люблю работаць. Летам, глаза плахія – мне нельзя работаць, а я люблю, штоб усё ў градках было, штоб усё расло. З дзецтва зямлю люблю і цяпер люблю зямлю. У мяне ўсё сваё. А там эта на сядзьмым этажэ сядзіць, як у цюрме”¹.

Камфорт кватэры, безумоўны для гараджаніна, з’яўляецца даволі спрэчным для вяскоўца: “Вот не хачу [ў горад]. Залатая мама мая, нябожчыца, паехала к сыну ў горад. І кажэць, во кухня, а во тувалет. Нада іці туды [у тувалет], а тут радам ядуць, а тут нада іці што робіць”². Адзначым, што непрыняцце падобных прынцыпаў гарадской арганізацыі жыллёвай прасторы, калі санвузел непасрэдна мяжуе з кухняй, мае трывалы, стэрэатыпны характар і амаль аднолькава фіксуецца ў розных раёнах Віцебшчыны: “Эта очань цяжолы прывыкнуць стараму чалавеку к гораду. Прымерна, у нас тувалет, у мяне там чыста, акуратна. Я пайшла. А там? Тут кухня, тут тувалет. Зяць сядзіць есць, а баба, усе ж людзі, пойдзець у тувалет? Ці нада ждаць, калі той зяць з кухні выйдзець ды пойдзець куды-небудзь. Вот этага я не перэварываю!”³.

Горад, які разбурае павязі чалавека з зямлёй, што ёсць сутнасным у жыцці вяскоўца, акрамя таго рэпрэзентуе і абсалютна іншую экалагічную мадэль быцця людзей. Невыпадкава, што дыскамфорт гарадскога жыцця вельмі часта апісваецца вясковым чалавекам на ўзроўні знешняга, эмацыйнага ўспрыняцця, калі немалаважнае значэнне набываюць гукавыя і нават пахавыя характарыстыкі. “Я горад не люблю, Бог ведаць... Я прывыкла жыць на зямле. Мне нада хазяйства, мне нада зямля... А ў горадзе шум, глум гэты, ай! Я адзін раз тожа вот так, дачка замуж выхадзіла, эта старшая. Паехалі ў Маскву за прадуктамі. І во знаеце, панабралі ўжо, усё, нада іці нам на вакзал, а машыны так ідуць натоўпам і ідуць, ідуць і ідуць. У мяне ў галаве вот так нешта перавярнулася, я захвацілася за сцяну. Дачка гаворыць: “Мам, што з табой?” Гаворыць, што з ліца перамянілася. Мне дурна стала ад таго, ад усяго. Думаю, Госпадзі ты мой, хоць бы я скарэй, скарэй дамой прыехала! Нічога на свеце не нада было. Не люблю я горад, не люблю гарадскую жызн, не люблю”⁴; “Ай, я не магу ў горадзе. А там многа дыму. Мая дачка у Расонах і кажаць: “Мама, паедзем да нас”. Я з’езджу на госці, ноч паначую, дзве, тады ж ужо: “Не, – кажу, – я б тут не была!” Ай, дыму гэтага, газу гэтага поўна, гэтыя машыны...”⁵.

Не меншае значэнне ва ўспрыняцці горада адыгрывае і яго сацыяльны ландшафт, які для вяскоўца ёсць безаблічным, ананімным і слаба пазнавальным, што робіць сацыяльныя павязі жыхара вёскі ў горадзе пасіўнымі і маргінальнымі. І нават такая знакавая падзея ў быцці вёскі, як пахаванне чалавека, у горадзе ўспрымаецца зусім іначай. “Да, была я ў Мінску. У сястры дваюраднай, яна мне шыець. Я крычу: – Яна, Яна, глянь! Хто там памер? Вянкі вунь панеслі! Мусі, малады, дзеці пайшлі. Яна кажаць: – Слухай, глядзі і маўчы, не атвлякай мяне. Не мяшай мне, глядзі сабе, хто куды пайшоў. Гэта ж цябе не ў дзярэўні, што ты знаеш хто памёр”⁶. Індывідуалізм, замкнёнасць і адсутнасць скразной міжасабовай камунікацыі і шчыльных сваяцка-суседскіх сувязяў расцэньваюцца вяскоўцамі як адмоўныя рысы гараджан. І наадварот, кожны суб’ект сацыяльнага ландшафту вёскі не мае ніякіх праблем з ідэнтыфікацыяй іншых суб’ектаў, і сам вычарпальна характарызуецца з боку вясковай супольнасці з улікам сваіх сацыякультурных роляў, сваяцкіх павязяў і маральна-этычнага вобліку. “Толькі ў дзярэўне, канешна, спокійнее многа, і людзі больш добрыя. Мы ўсе знаем друг друга, мы все як родсвеннікі междо сабой. Мы знаем не толькі друг друга, мы знаем дажа і детей, і старших, мы ўсе друг друга знаем. Поэтому все очень дружны междо собой. Гаражане, ані болей такія індывідуалісты. Каждый ў сваей скарлупе, каждый ў сваей кварцірке. Нет такого дабражэлацельства, нет такого абищэня междо сабой,

¹ Запісаў аўтар (ЗА) у 2007 г. ад Васільевай Марыі Гаўрылаўны, 1928 г. н. у в. Пруднікі Віцебскага р-на.

² ЗА у 2014 г. ад Кундук (Карбань) Зінаіды Мікалаеўны, 1930 г.н. у в. Свядзіца Лепельскага р-на.

³ ЗА у 2014 г. ад Раўковай Галіны Сідараўны, 1927 г.н. у в. Соржыца Бешанковіцкага р-на.

⁴ Зап. Валодзіна Т., Лобач У. у 2007 г. ад Хляханавай Марыі Фёдарэўны, 1930 г. н., в. Слабада Віцебскага р-на.

⁵ Зап. Валодзіна Т., Лобач У. у 2007 г. ад Ардынскай Марыі Фёдарэўны ў в. Буй Докшыцкага р-на.

⁶ ЗА у 2014 г. ад Калатоўкінай Вольгі Іосіфаўны, 1940 г.н. у в. Казімірова Полацкага р-на.

*і некаторыя могуць пражыць у горадзе многа лет і не знаць, хто ў іх у под'ездзе жыве, не так як мы в дзярэўні знаем всех абсалютна*¹.

У характарыстыцы гараджан, якую далі вяскоўцы, сутнаснае месца займае ацэнка іх працоўнай актыўнасці ў параўнанні з працаю на зямлі ўласна сялян, што ёсць, па меркаванні апошніх, сапраўдным грунтам жыцця. *“Ну чэм атлічаецца ў дзярэўне, за тое што нада работаць многа. У горадзе легчы: і прадукты, і ўсё, ну заводы ж там работаюць. Канешна, людзі ж у горадзе і на заводах работаюць, а ў дзярэўне нада работаць на зямлі, штоб вырасціць сваё ўсё самае глаўнае, скот дзяржаць. У горадзе часы атработаў, а в дзярэўне на палявых работах як хадзіць, то с утра і да цёмнага*². *“Лёгкі хлеб”, што дастаецца гарадскім жыхарам, карэлюецца ў свядомасці сялян і з высакамерным, грэблівым стаўленнем гараджан да вяскоўцаў: “Ну, лягчэй у горадзе – вахадныя былі, а ў вёсцы працавалі ад цямна да цямна ў калхозе, дарма, за палачку. Прыедзеш у горад, у вочарад калі што станеш купіць, яны крычаць, ды калхознікамі абзываюць. А ні зналі таго, што іх калхознікі кармілі, яны бы прапалі без калхознікаў, здохлі б з голаду*³. Аднак, парадаксальным чынам, прафесійныя поспехі ўласных дзяцей у горадзе тракуюцца вяскоўцамі пазітыўна, становяцца прадметам гонару ў сельскім соцыуме. Але пры гэтым станоўчыя характарыстыкі гараджан (у т.л. уласных дзяцей) усё адно фармуюцца з улікам іх стаўлення (умнення працаваць) да зямлі. *“Ну я скажу, што канешна, гарадскія людзі ёсць каторыя хорошыя, тружэннікі, трудзяцца там і на дачах, а ёсць і гультаі, толькі каб на чужым храбту ехаць, панімаеш?”*⁴. Адсюль вясковы чалавек выраза адрознівае “чыстых гараджан” ад тых, хто мае вясковыя карані і захаваў павязь з зямлёй. *“Вот у мяне ў дзярэўні (выраслі) сын адзін і другі. У аднаго дача во, каля возера. Тут і дача, і гарод сеіць, а гарадскія – не. Другі сын у Віцебску – тожа дача. І ўсё раўно яму нада зямля, грыбы, усё. А каторыя гарадскія, тока прыйдуць – чух-чух-чух – паходзяць і ўсё. У сына зямля тут, нявестка столькі цвятаў насадзіць. І картошку сваю садзяць. Усё, усё у іх сваё*⁵.

Натуральна, што і баўленне вольнага часу ў гараджан і сялян істотным чынам адрозніваецца. У сістэме культурнага ландшафту вёскі паводзіны гарадскога чалавека могуць насіць бессэнсоўны і абсурдны, з гледзішча мясцовага жыхара, характар. *“Во тут прыязжае з Мінску сасед Міша і ў яго жэна Валя, і ў яе была маці, і гэта маці, вядома, з гораду. Дык яна на дзень пойдзець, такое пуцешэсцвіе зробіць сабе. І адзін раз яна пайшла і не прыйшла дамоў начаваць. Ну пайшла недзе ў лес і ўсё. Вот прыходзіць гэтая Валя, плачыць, – “Ай, цёця Анюта, што мне робиць, мама не прыйшла, яна ж рана прыходзіць, а не прыйшла дамоў. Што мне робиць? ” Ну што я магу пасаветаваць, давай фартушок зробім, павешаем к крэсту і знойдзеца твая маці*⁶. У той жа час, перамяшчэнне вяскоўца ў прасторы і часе практычна заўсёды ёсць рацыянальным і прагматычным. *“Я вам скажу, раз я радзілася ў дзярэўні, мне лучшэ нравіцца ў дзярэўні. Ну жыла я ў кварціры, ну сіджу я ў кварціры. Па гораду, есці есць дзеньгі, ну сходзіш там, смайнае можаш купіць і прыгледзіць што-небудзь. І ўсё. А тут я і ў лес магу схадзіць, я і пасадзіла гародзік. Я вот утрам устану – кукушка кукуець. Помню, карова была. Карову нада падаіць, прыгнаць, прыгонім у поле. Курачак пакарміць. Вот неяк такое заняцце і дзень праходзіць. Вот і цяпер. Парнік у нас пасаджаны, там памідоры. Там сейчас думаю, вот сонца спадзець, схаджу у лес пасабіраю сабе чарнікі паесці, ілі грыбоў на суп. Па агароду пахаджу. Там клубнічка пасьпела, то марковіна, то агурэчак”*⁷.

Гісторыя з “пуцешэсцвіем” паказвае і яшчэ адну хібу гарадскога жыхара – няздольнасць пераадолюваць крытычныя моманты быцця пасродкам рэалізацыі адпаведнага рытуальнага сцэнарыя. У найбольшай ступені гэта датычыцца сферы народнай медыцыны, якая лекуе хваробы, што не ўваходзяць у афіцыйны рэестр немачаў (сурокі, упуд, залатнік ды інш.). Пры гэтым гарадскі ландшафт ёсць малапрыдатным для выкарыстання сімвалічных метадаў лекавання. Архітэктоніка горада, асабліва сучаснага, вызначаецца рознымі варыянтамі спалучэння і камбінавання гіганцкіх, з гледзішча вясковага чалавека, форм (шматпавярховыя дамы, адміністрацыйныя ўстановы, гандлёвыя і вытворчыя комплексы і г.д.). У сваю чаргу, архітэктоніка вёскі характарызуецца мінімалізмам формаў. Нягледзячы на маштабнасць гарадской архітэктур, яна, за малым выключэннем (храмы), існуе па-за сістэмай прасторавых каардынат, уласцівай міфапаэтычнай карцінай свету, у той час як вясковая сядзіба не проста звязаная з наяўным касмічным парадкам, але і сама рэпрэзентуе яго, выступаючы ў любой рытуальна значнай сітуацыі мікрамадэллю Космаса. Такім чынам, магчымасці чалавека весці дыялог са светам у яго касмічнай праекцыі ў горадзе вельмі моцна абмежаваныя, што асабліва выразна бачна ў сітуацыях крытычных, звязаных з пэўнымі дэвіяцыямі ў жыцці чалавека, для выпраўлення якіх, прынамсі па разуменні

¹ Зап. Камінскі С. у 2014 г. ад Заенка Валянціны Іосіфаўны, 1940 г.н. у в. Казімірова Полоцкага р-на.

² Зап. Камінскі С. у 2014 г. ад Голубевай Веры Багданаўны, 1944 г.н. у в. Маставуха Полацкага р-на.

³ Зап. Сядлецкі Д. у 2014 г. ад Сядлецкай Лідзіі Паўлаўны, 1934 г.н. у в. Пуканаўка-2 Полацкага р-на.

⁴ Зап. Агіевіч І. у 2014 г. ад Літвінавай Вольгі Мікалаеўны, 1932 г.н. в. Варонічы Полацкага р-на.

⁵ ЗА у 2014 г. ад Калатоўкінай Вольгі Іосіфаўны, 1940 г.н., у в. Казімірова Полацкага р-на

⁶ Зап. Філіпенка У. у 2009 г. ад Васілевіч Ганны Фамінічы, 1928 г.н. у в. Несцераўшчына Докшыцкага р-на.

⁷ ЗА у 2014 г. ад Вашкевіч Надзеі Сцяпанаўны, 1946 г.н. у в. Вілы Лепельскага р-на.

вяскоўца, неабходны сімвалічны кантакт з тагасветам. *“Тожа нада вот, як увідзіш первы раз эту пілєнсію, тады ірві на яго гэту адзежу, і вот, ну як у горадзе дык цераз дом не перакінеш жа, большы дом. Ну дык так во – кінуў [цераз хату] і закапаў яе, дзе кінуў, там і закапывай”*¹; “Дзічы? Тожа загаварваю. Малюся Богу, нітачкі вяжу, закапваюць вот. Адну нітачку закапаць, а другую палажыць, дзе газ. Яна тлеіць... і сатлеіць. Ну не сразу, пасцепенна. Вот тут пліта прымерна, а тут палажыў, яна тлеіць і сатлеіць. А тут, дзе ходзіце, ну ў вас там у горадзе дык няма ж гэта зямлі, як у нас гэта зямля пад парогам, нада хадзіць пака не згніець яна” [4, с. 120].

Выдатная арыентацыя ў рамках сваёй, вясковай супольнасці і дэзарыентацыя ў сацыяльнай прасторы горада задаюць розныя магчымасці пры выпраўленні збояў і парушэнняў у жыцці чалавека. Бо важным стае не толькі актуалізацыя межавой сімвалікі пэўнага прасторавага локуса, але і зварот да чалавека, які ўвасабляе міфалагічнае памежжа ў сацыяльным вымярэнні. Прасцей кажучы, пошук знахара, які і ёсць “аператарам” паміж “гэтым” і “тым” светам, складае ў горадзе значную праблему, але ў інфармацыйным полі сацыяльнага ландшафту вёскі адбываецца, як правіла, даволі проста. “Я сама з Наваполацка. У мяне і кварціра там... І вот врачы лечылі, рука ў яе была.., рожу і врачы сказалі: “Ідзі бабку ішчы!” Тожа па гораду, знаеце, як этых бабак іскаць, не знаўшы” [4, с. 38].

У той жа час, істотным чынам змянілася “кліентура” вясковых знахарак. Калі раней яны абслугоўвалі аднавяскоўцаў і ваколіцу, то зараз па іх дапамогу вельмі часта звяртаюцца жыхары гарадоў. Разгортванню інфармацыйнага поля народнай медыцыны як раз і паспрыялі выхадцы з вёскі, што захавалі з ёй кантакт і перанеслі інфармацыю пра знахарак у горад. “Далёкі горад”, які ўзгадваецца ў наратывах ад / пра знахарак, выступае ў якасці маркера, паказальніка надзвычайнага статусу і моцы народнага лекара. *“Лепель, Паставы, з Глыбокага, а цяпер знаеце адкуль, дзе-та Ліпая ёсць, я ж не знаю. З Ліпай. Цяпер прыязджалі з Мінска. Прыязджалі з Віцебска ужо скока машын прыхадзіла. Усякія балезні, усякія едуць”* [4, с. 128]. Падвышае аўтарытэт вясковага знахара і высокі сацыяльны статус гарадскога чалавека, які да яго звярнуўся: *“Прывёз мужык, начальнік горіспалкома горада Полацка. Так ён мне аб’ясніўся сам. С уважэннем, харошы чалавек. Яго вылечыла, друга вылечыла. Жэна – не праходзіць малако. Гаворыць: “Куда не вазіў: і ў Віцебск, і ў Ленінград я вазіў. Не ідзёт малако да малыша”. Прыехалі ка мне...”*²

Пры гэтым стаўленне вяскоўцаў да неафіцыйных “гарадскіх лекараў”, асабліва мас-медыйнага фармату, крайне негатыўнае: *“Цяпер жа во поўна іх. Па цэлевізару як пачнуць паказваць, я крычу: “це яго, гэтага лекара, ён толькі людзей порціць, калечыць!” Як стаў выступаць Кашипероўскі, Чумак, ай Божа мой – усе ў цэлевізар глядзім. Мой Коля, сын, з Клайпеды, сказаў: “Мама, прыязжай. Я на плёнку запісаў і цябе буду лечыць, набудзіш дзесяць дней.” Я скоренька паехала туды, дзесяць дней Чумака падрыхтаваў, а якая была такая і асталася”* [4, с. 130].

Несупадзенне наменклатуры хвароб у афіцыйнай і народнай медыцыне, радыкальнае адрозненне паміж прыныцпамі і механізмамі медыкаментознага і магічнага лекавання, а таксама той факт, што стацыянарная медыцынская дапамога аказваецца вясковаму насельніцтву ў гарадскіх (раённых) бальніцах, прывялі да парадаксальнай сітуацыі: афіцыйныя медыцынскія ўстановы становяцца прасторай не толькі рэтрансляцыі і распаўсюджвання, але і легітымізацыі знахарскіх ведаў. Значная колькасць пажылых пацыентаў з сельскай мясцовасці, для якіх уласцівы міфапэтычны ў сваёй аснове светапогляд, ствараюць надзвычай спрыяльнае інфармацыйнае поле, у якім адбываецца абмен народна-медыцынскімі ведамі. *“Вот, ліжала ў бальніцы, дык рожу і я навучылася, сьпіціяльна”* [4, с. 50]. Паказальна, што легітымізацыі знахарскіх практык спрыяе ўласна медперсанал, што толькі ўмацоўвае веру ў іх эфектыўнасць і, у шэрагу выпадкаў, перавагу над метадамі афіцыйнай медыцыны: *“Вот, ад рожы. Во, Танька там забалела, ёй саўсім дрэнна была, а к маме прыйшла, яна ёй загаварыла – і ўсё. Тры разы загаварыла, і яна здаровая. А кагда дажэ ў бальніцу хадзілі, врачы гавораць: “Абраціцеся к бабке”*³.

Антыномія горада і вёскі мае і маральна-этычнае вымярэнне, пазбаўленае, па вялікім рахунку, міфалагічных канатаў. У гэтым выпадку, грунтам прыныцпавых адрозненняў становяцца мадэлі паводзінаў, крытэрыі міжасабовых адносінаў і каштоўнасцяў арыенціры, уласцівыя для граджан і вяскоўцаў. У гэтым сэнсе горад вельмі часта разглядаецца жыхарамі вёскі (перадусім прадстаўнікамі старэйшага пакалення) як месца, дзе традыцыйныя маральна-этычныя каштоўнасці небяспечна трансфармуюцца, што асабліва заўважна на прыкладзе вяскоўцаў, якія туды пераехалі. *“Парань жыў у горадзе, дзеравенскі быў, а жыў у горадзе. І прыехаў, дагаварыліся з другой дзярэўні з дзяўчынай, вродзе яны любіліся. На свадзьбу. І вот, гуляюць свадзьбу вечарам. Началі гуляць у дзяўчыны, у парня, а на утра тады ўжо малады едзець к маладухе. Ну ждуць, ждуць яго, гэта маладуха, ждзець, а ён вечар адогуляў, сеў на поезд і паехаў. Вот такое было. А вот штоб ў нашай местнасці свадзьба і адказал – гэтага я не помню”*⁴.

¹ ЗА у 2008 г. ад Каваленка Соф’і Рыгораўны, 1930 г. н. (нар. у в. Белыя Баркі Крупскага р-на) у в. Грыгаравічы Чашніцкага р-на.

² Зап. Валодзіна Т., Лобач У. у 2009 г. ад Лісічонак Ксеніі Мікалаеўны, 1928 г. н. у в. Забор’е Клясціцкага с/с Расонскага р-на.

³ ЗА у 2008 г. ад Харкевіч Надзеі Герасімаўны, 1925 г. н. у в. Лабачова Бешанковіцкага р-на.

⁴ ЗА у 2006 г. ад Мялешка Яўгена Андрэевіча, 1922 г. н. у в. Лажане Ушацкага р-на.

Імклівыя працэсы ўрбанізацыі ў паваяенны час і масавая міграцыя сельскай моладзі ў гарады спарадзілі маральную праблему ўзаемаадносін паміж бацькамі, што засталіся ў вёсцы, і іх дзяцямі, што звязалі свой лёс з горадам і выракліся самых родных людзей. *“А тады старых дагадаваць трэба было, матку дагадаваць. Эта цяпер кінуў і паехаў, а тады ж неяк стыдна было, гэта пазор быў, каб сын кінуў матку ці бацьку таго”*¹. Фальклорны жанр “народнага раманса”, дзе праблема бацькоў-дзяцей даволі шырока прадстаўлена, асабліва акцэнтуюе ўвагу на кантрасце паміж высокім сацыяльным статусам, які атрымалі выхадцы з вёскі ў горадзе, і іх маральнай дэградацыяй: *“Дочка – пракурорам, сыночак – маёрам, / А старая маці сядзіць пад заборам”*².

Заклучэнне. Такім чынам, у другой палове XX – пачатку XXI ст. вобраз горада ў традыцыйным светаўспрыняцці беларусаў у значнай ступені губляе сваё міфалагічнае напаўненне, што звязана з радыкальнымі этнакультурнымі, сацыяльна-эканамічнымі і дэмаграфічнымі зменамі. Разам з тым, горад працягвае ўспрымацца, асабліва вяскоўцамі старэшага пакалення, як месца “чужое”, што абумоўлена прынцыпова іншым ладам жыццядзейнасці гараджан, адрознай прасторавай і сацыяльнай канфігурацыяй гарадскога ландшафту і іншай сістэмай жыццёвых прывычак і каштоўнасцяў. З другога боку, горад не толькі захоўвае функцыі сакральнага локуса, вылучанага ў прастору (храмы, манастыры, святыні, паломніцтвы да іх), але яшчэ ў большай ступені акумуляуе функцыі цэнтра крызіснай сеткі, калі выпраўленне разнастайных дэвіяцый пасродкам дзеянняў сімвалічнага характару (малітва, абраканне, замова) адбываецца не толькі ў храме, але і ў гарадской бальніцы.

ЛІТАРАТУРА

1. Бандарчык, В.К. Беларусы : у 8 т. / В.К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2001. – Т.4 : Вытокі і этнічнае развіццё. – 433 с.
2. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1989 г. : стат. ежегодник / Госкомстат БССР. – Минск : Беларусь, 1990. – 272 с.
3. Носевич, В.Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе / В.Л. Носевич. – Минск : Тэхналогія, 2004. – 350 с.
4. Предварительные итоги переписи населения Беларуси 2009 г. // Белстат. – Рэжым доступу: <http://web.archive.org/web/20100917234113/http://belstat.gov.by>. – Дата доступу: 15.03. 2015.
5. Полацкі этнаграфічны зборнік : у 2 ч. / склад. У.А. Лобач, У.С. Філіпенка. – Наваполацк : ПДУ, 2006. – Вып. 1 : Народная медыцына беларусаў Падзвіння. – Ч. 2. – 332 с.
6. Лобач, У.А. Міф. Прастора. Чалавек: беларускі традыцыйны ландшафт у сяміятычнай перспектыве / У.А. Лобач. – Мінск : Тэхналогія, 2013. – 511 с.

Паступіў 17.06.2015

THE CITY AND THE CITIZENS IN THE OUTLOOK OF BELARUSIAN PEASANTS OF THE SECOND HALF OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURY (ON FOLKLORE AND ETHNOGRAPHIC MATERIAL OF VITEBSK REGION)

V. LOBACH

This article analyzes the representations of Belarusian peasants XX beginning of the XXI century about the city and the citizens. The image of the city and its inhabitants in the traditional picture of the world of the rural population of the older generations has changed significantly under the influence of sociocultural and demographic factors, but continues to maintain its symbolic ambivalence.

¹ Зап. Чупаў У.А. у 2014 г. ад Кухарэнка Пятра Рыгоравіча, 1938 г.н. у в. Лесава Полацкага р-на.

² ЗА у 2003 г. ад Гізевіч Раісы Цімафееўны, 1931 г. н. у в. Церазполле Полацкага р-на.

УДК 947.808.4

**ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ Г. ПОЛОЦКА
В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ¹**

*канд. ист. наук, доц. А.И. КОРСАК,
канд. ист. наук, доц. Е.В. СУМКО
(Полоцкий государственный университет)*

Рассмотрены основные направления деятельности советских органов власти по обустройству города Полоцка и жизнеобеспечения горожан в процессе восстановительных работ в первые послевоенные годы: сеть медицинских учреждений, сфера легкой промышленности, система обеспечения продовольственными и промышленными товарами, железнодорожный транспорт, коммунально-жилищное хозяйство и т.д. Использован архивный материал Зонального государственного архива в г. Полоцке и устные источники.

Введение. Великая Отечественная война и период нацистской оккупации оставили неизгладимый след в истории Беларуси. Население республики (в современных территориальных границах) сократилось на одну треть, с 9,2 млн. в 1941 г. до 6,2 млн. в 1945 г.

Восстановительные работы начались практически сразу, как только были очищены от немецких войск первые районные центры Беларуси. Программа восстановления была изложена в постановлениях СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных задачах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» и от 1 января 1944 г. «О ближайших задачах СНК БССР и ЦК КП(б)», согласно которым «...считать важнейшей задачей Совнаркома БССР и ЦК КП(б) Белоруссии восстановление колхозов в освобожденных от немецких захватчиков районах Белорусской ССР. В этих целях обязать СНК БССР и ЦК КП(б) немедленно широко развернуть необходимую политическую, организационную и хозяйственную работу по восстановлению колхозов с тем, чтобы в течение января, февраля и марта месяцев восстановить колхозы в освобожденных районах и весенний сев 1944 года провести уже колхозными хозяйствами», а также определялись очередность и объем восстановительных работ в промышленности, на транспорте, жилищном строительстве, указывались сроки эвакуации производительных сил из восточных районов СССР и т.д. [13, с. 34–39]. Кроме того, на 6-й сессии Верховного Совета БССР, проводимой 21–24 марта 1944 г. в Гомеле, была утверждена Программа восстановительных работ и бюджет республики на 1944 г.

Основная часть. После реализации замыслов операции «Багратион» и окончательного освобождения территории Беларуси с занятием Бреста 28 июля 1944 г. начались полномасштабные работы по восстановлению народного хозяйства республики.

Рассмотрим данный процесс на примере г. Полоцка. Хронологические рамки исследования соответствуют начальному периоду восстановительных работ сразу после освобождения 4 июля 1944 г. территории города до 1946 г.

За годы нацистской оккупации в г. Полоцке были разграблены практически все промышленные предприятия, социальная сфера и коммунально-жилищное хозяйство. Ущерб, нанесенный городу, не считая разрушений по организациям республиканского и союзного подчинения, составил сумму 143 839, 6 тыс. руб. [9, л. 35]. Всего уничтожено 2 328 домов [9, л. 34].

На момент 15 июля 1944 г. город насчитывал 1 076 человек жителей из 32 тыс. проживавших до войны [4, л. 63]. Следует отметить, что согласно переписи 1939 г. на территории г. Полоцка проживало 39 тыс. чел. [16, л. 83], по паспортным данным Полоцкого района 1940 г. – 29 577 чел. (из них мужчин – 13 770 и женщин – 15 870) [11, л. 451].

После освобождения города были предприняты оперативные меры по восстановлению в первую очередь промышленного комплекса, а также коммунально-жилищного хозяйства, и созданию органов власти. Уже в первые мирные дни были достигнуты определенные результаты в деле восстановления промышленности, железнодорожного транспорта и культурно-бытовых учреждений, а к середине июля 1944 г. были избраны Полоцкий городской Совет депутатов трудящихся, бюро районного комитета КП(б)Б (секретарь Г.С. Петров), утвержден штат горисполкома (председатель Филиппов) в составе 7 человек и частично укомплектованы его отделы: здравоохранения, коммунального хозяйства, торговли, финансов, народного образования, а также городское жилищное управление. Несмотря на то, что вопрос

¹ Статья выполнена в рамках проекта ГБ-0814 «Этнокультурный ландшафт Белорусского Подвинья: региональная специфика и закономерности функционирования в середине XIX – XX вв.»

с подбором руководящих органов был частично решен, кадровая проблема в районе стояла остро. Ни аппарат райкома КП(б)Б, ни горсовет полностью укомплектованы не были. Недостаточным был также аппарат милиции, в результате чего отсутствовала охрана города. Для решения кадровой проблемы районные власти обращались в облисполком и обком партии с просьбой направить в Полоцкий район людей из расформированных партизанских бригад [8, с. 27].

18 октября 1944 г. на сессии городского Совета депутатов трудящихся был рассмотрен вопрос «О восстановлении города Полоцка». В соответствии с этим принято решение об участии всего городского населения в восстановлении разрушенного коммунального хозяйства. Было создано 35 комсомольско-молодежных бригад. Жители города принимали активное участие в воскресниках. Так, в массовом воскреснике 22 октября 1944 г. участвовало 1 090 человек. За день было извлечено, очищено и сложено 28 тыс. штук кирпича, 126 куб. м битого кирпича, 25 куб. м строительного леса, около 680 кг строительного железа, свыше 4 т металлолома, убрано 340 куб. м щебня [12, с. 225].

Значительная работа была проведена по восстановлению сети медицинских учреждений. Следует отметить, что до войны на территории Полоцкой области (в границах 1944–1954 гг.) имелась 31 больница на 1 566 кроватей, а также 16 амбулаторий и поликлиник, 3 тубдиспансера, 7 кожно-венерических пунктов, 16 пунктов и станций скорой медицинской помощи, 2 пункта переливания крови [3, л. 17]. После войны в Полоцке была открыта больница на 100 мест с хирургическим, терапевтическим и инфекционным отделениями; амбулатория; венерологический пункт [8, с. 27].

Переход к мирной жизни требовал налаживания работы промышленных предприятий, в том числе по выпуску товаров и оказанию услуг первой необходимости. Следует отметить, что до войны ведущими отраслями промышленности были деревообрабатывающая (Полоцкая мебельная фабрика имени Парижской коммуны), деревохимическая, льноперерабатывающая, керамическая (в Полоцком и Дриссенском р-нах имелось 287 предприятий по производству кирпича), топливная (4 торфозавода) и пищевкусовая (48 масло-сырзаводов, в том числе 3 механизированных, с общим количеством работников в 630 чел.; Полоцкий мясокомбинат с 8 цехами, выпускающий около 14 тонн различных мясных изделий; Полодowo-винный завод НК Пищепрома БССР и др.) [3, л. 7–8]. По статистике за 1940 г. в Полоцке насчитывалось 90 промышленных предприятий и мастерских [3, л. 9].

Таким образом, в первую очередь были восстановлены хлебозавод, позволявший выпекать до 10 тонн хлеба в сутки, парикмахерская, магазин Районного потребительского союза, сапожная и портняжная мастерские, кожаная и транспортная артели. Начали функционировать почта и радиоузел на 10 точек. По состоянию на 15 июля 1944 г. велись подготовительные работы по восстановлению мельницы, бани, водопровода, кирпичного и лесопильного заводов, кинотеатра, магазина городской пищевой торговли. Была также подготовлена к работе столовая на 150 человек [8, с. 27].

За годы войны в Полоцке почти полностью была разрушена торговая инфраструктура. В конце июля 1944 г. на сессии городского Совета депутаты отмечали, что в городе нет ни одного помещения для организации торговли, за исключением пяти магазинов в разных районах города и одной столовой, однако и они считались временными [1, с. 21]. До Великой Отечественной войны в Полоцке насчитывалось 50 магазинов, 25 ларьков, 4 столовых, ресторан и 5 буфетов-закусочных. К концу 1944 г. могли функционировать 8 магазинов, 5 ларьков, 2 столовые; на 1 января 1946 г. действовало 11 магазинов, 13 ларьков, 3 столовых [7, л. 4]. Восстановление происходило достаточно медленно. Не хватало рабочих рук и строительных материалов. Работу по координированию обеспечения населения продовольствием и промышленными товарами осуществляли Полоцкая городская организация по торговле пищевыми и промышленными товарами (Полоцкий горпищепромторг), отдел торговли исполнительного комитета Полоцкой области и другие организации.

Большинство жителей, разрушенного Полоцка, находилось на грани голода. Чтобы выжить, полочане ходили по деревням, меняли вещи на продукты или нанимались на работу. Особенно тяжело было семьям, которые потеряли кормильца. Впечатления о тяжелом послевоенном детстве через всю жизнь пронесла Т.Л. Шевченко: «Мы жили в офицерском доме. ...Она стоит и чистит своему ребенку яблоко, а у меня отец погиб во время войны. Он офицером был. Она чистит яблоко ножом и так толсто, мне казалось, чистит. И это все срезает и выкидывает в ведро, а я стою (вот меня всю жизнь это так убивает...столько яблок в саду, а я не могу выбросить), стою и думаю, а попросить не могу: «Дай мне эти очистки... я съем»².

В сентябре 1944 года Полоцкому горпищепромторгу был передан, оставленный немцами, засеянный участок земли (13,54 га) [17]. Урожай предназначался для системы общественного питания. Чтобы предотвратить попытки хищения со стороны голодающих жителей Полоцка и округа, было организовано круглосуточное дежурство участка.

² Записано Сумко Е.В. от Шевченко (Борзовой) Тамары Леонидовны, 1941 г.р., г. Полоцк, 2013 г.

В первые месяцы после освобождения приобрести какие-либо товары можно было только на рынке. Однако ассортимент был достаточно бедным, а цены баснословные, например, килограмм свиного сала стоил 1 000 рублей [2, с. 203]. Согласно воспоминаниям В.А. Мишиной, если бы не «маслянка» – жидкость, которая оставалась после выработки масла, ее семья бы не выжила (через дорогу жила соседка, работающая на Полоцком молокозаводе, сотрудникам которого разрешалось «маслянку» выносить и каждый вечер она приносила домой ведро и делилась с соседями)³.

Ограниченность товарных ресурсов обуславливала жесткую необходимость их нормированного распределения. Оно осуществлялось посредством карточной системы, с учетом структуры населения обслуживаемого района. Нормы отпуска товаров были дифференцированы по социально-производственному принципу. Магазины обуживали определенные контингенты, которые были за ними закреплены. Согласно протоколам исполкома Полоцкого городского Совета депутатов трудящихся, в начале 1945 г. такие продукты, как крупа, жиры, масло, сахар население не получало; детские и иждивенческие карточки, кроме хлеба и соли, ничем не отоваривались. Населению приходилось выстаивать огромные очереди. Случалось, что люди штурмовали магазины, ломали двери, били стекла. Значительная доля продуктов питания и товаров повседневного спроса, выделяемых для Полоцка из центральных фондов, была предназначена для снабжения отдельных категорий граждан (военнослужащих, детей-сирот и т.д.). Ответственные работники получали «литерные» пайки в зависимости от ранга. В столовых была специальная комната, где обедали по «литерным» карточкам. В случае командировки в другой город, карточки такого рода сдавали и на время командировки получали «рейсовую карточку», по которой можно было питаться в столовой другого города. В первые послевоенные годы к государственным праздникам выдавали улучшенные пайки, а по «литерным» карточка – по литру спирта-сырца [2, с. 204]. На пайки выдавались также продукты, получаемые из США и других американских стран: Канады, Аргентины и др. Выдавали яичный порошок, сухое молоко, консервированную колбасу, колбасный фарш, свиную тушенку, мясные консервы, сгущенное молоко, сахар, сигареты, жевательную резинку, если получал коробку с дневным солдатским рационом. Кроме того, поступали для распределения через профсоюзные организации и поношенная одежда как из США, так из Англии [2, с. 204].

Выдача карточек входила в компетенцию контрольно-учетного бюро. В этой сфере, как свидетельствуют отчеты о результатах проверок, было много нарушений: несвоевременность выдачи, злоупотребление служебным положением для получения дополнительных карточек, подмена категорий карточек. В условиях тяжелой экономической ситуации распространенным явлением было воровство продуктовых и продовольственных карточек. Согласно архивным материалам ЗГА г. Полоцка, в Полоцкий Совет депутатов поступало большое количество заявлений о хищении карточек. В большинстве случаев они были похожи друг на друга. «3 апреля дочка пошла получить хлеб в магазин № 1 и у нее вытащили хлебные карточки (рабочую, детскую, иждивенческую), которые я получила в бухгалтерии за апрель. Прошу посодействовать в помощи, так как сама работаю, а дети мои существуют без хлеба» [15, л. 121]. По данным Министерства юстиции за хищения, разбазаривание и иные злоупотребления с продовольственными и промышленными карточками в сентябре 1946 г. судами БССР было осуждено 30 человек, из них 23 должностных лица, в ноябре – 65 человек, из них 32 должностных лиц [6, лл. 99–101, 349].

В условиях карточной системы, которая просуществовала до 16 декабря 1947 г., сохранялась возможность приобрести продовольственные и промышленные товары по ценам, намного выше цен нормированной торговли, в коммерческих магазинах и чайных. В 1945 г., например, килограмм хлеба пшеничного из муки второго сорта, выдаваемого пайком, стоил 1 руб. 70 коп., а в коммерческом магазине – 30 руб., сахара-песка – соответственно 6 и 200, макарон – 4 и 60, ботинок мужских хромовых – 100 и 1 200 руб. [18, с. 142]. Не смотря на баснословные цены, коммерческая торговая сеть была востребована среди населения Полоцка, особенно когда возникали перебои с продовольственным снабжением, в первую очередь с хлебом. Например, в первых трех кварталах 1946 г. перебои с поставками хлеба были связаны с отсутствием муки на Полоцком хлебозаводе. Директор Полоцкого педучилища писал в Полоцкий горпищепромторг о том, что «...вот уже четвертый день в столовой не завозится хлеб. В результате студенты не идут на занятия, а стоят в очереди за коммерческим хлебом» [15, л. 221]. В связи с неблагоприятными погодными условиями, которые отразились на урожае зерновых, в сентябре 1946 г. было принято постановление «об экономии в расходовании хлеба». В соответствии, с которым с нормированного снабжения снималась часть населения, сокращалась торговля хлебом по коммерческим ценам (в пределах 200 грамм к обеду и не свыше 100 грамм к завтраку или ужину).

В первые послевоенные годы государственная торговая инспекция Министерства торговли БССР периодически проверяла работу коммерческой торговой сети в первую очередь коммерческих чайных и фиксировала неудовлетворительное состояние данных торговых предприятий. Большинство торговых помещений не отвечало санитарным нормам, материально-техническое оснащение не позволяло органи-

³ Записано Мишиным П.И. от Мишиной (Авдошко) Валентины Анатольевны, 1941 г.р., г. Полоцк, 2010 г.

зывать работу на должном уровне в весенне-летний и осенне-зимний периоды. В ходе проверки инспекция вскрывала такие случаи, когда формально магазин был открыт, однако фактически он не работал, так как товары в нем отсутствовали. Например, в Полоцке летом 1946 года был открыт коммерческий промтоварный магазин без соответствующего обеспечения товарами [5, л. 110].

Проблемным было снабжение больниц, детских учреждений. Сказывалась нехватка транспорта для своевременного подвоза продуктов, а также нарушение порядка и норм снабжения со стороны как руководства данных учреждений, так и руководства городской и областной администрации. Систематически срывалось снабжение таких групп населения, как инвалиды Великой Отечественной войны, беременные и кормящие женщины. В докладной записке «О фактах срыва снабжения продовольственными и промышленными товарами населения и социально-бытовых учреждений» от 28 августа 1946 г., прокурор Полоцкой области отмечал, что неудовлетворительное обеспечение продуктами питания детских домов в регионе привело к смерти от истощения 11 детей [6, лл. 70–73]. Произведенной проверкой было установлено, что на протяжении 1945–1946 гг. фонды на продовольственные и промышленные товары распределялись не по назначению. Например, в ноябре 1945 г. по распоряжению заведующего облторготделом из фондового материала было израсходовано 170 метров мануфактуры на обивку стен и потолков в магазинах № 7 – 8 города Полоцка. Кроме того, в апреле 1946 г. на имя министра торговли БССР с базы Полоцкого горпищепромторга было выписано и получено: 8 кг пшеничной муки, 2 кг сахара, 2 кг варенья, 3 кг мармелада, 5 банок молока, 2 кг риса, 50 штук яиц, 2 куса туалетного мыла. По поводу последнего прокурор Полоцкой области отметил следующее: «Мне кажется, что товарищ Выходцев, проживая в городе Минске, не нуждается в продуктах, выписываемых на его имя заведующим Полоцкого облторготдела» [6, лл. 70–73].

Постепенно с переходом к мирной жизни цены на продукты снижались. На базаре можно было купить зерно, муку, крупу, молочные продукты, мясо, табак овощи. Например, килограмм картофеля в феврале 1945 г. стоил 13 рублей, в марте 1947 г. – 8 рублей. Из мясной продукции дороже всего была свинина, которая в 1945 г. в среднем стоила 300 рублей, в 1947 г. – 95 рублей [17, с. 231]. Доступность цен была относительна, так как уровень доходов в послевоенное время был разным. В 1944 году в Полоцком исполнительном комитете должностной оклад председателя составлял 1 100 руб., инспектора по школам – 500 руб., бухгалтера – 350 руб., делопроизводителя – 200 руб., курьера, уборщицы, сторожа – 115 руб. [17, с. 231]. В 1944 – 1945 гг. рабочие на Полоцком мясокомбинате в среднем получали 234 руб., на птицефабрике – 172 руб., в артелях – 358 руб. [1, с. 30]. Для того чтобы улучшить ситуацию с продовольствием и промышленными товарами, население пыталось заниматься торговлей в частном порядке. Необходимо отметить, что в первые послевоенные годы на рынках города было много трофейных товаров. Солдаты, которые дислоцировались в гарнизонах Полоцка, продавали или обменивали их на продукты питания или водку. Согласно воспоминаниям И. Дейниса, командованию Полоцкого гарнизона пришлось применить жесткие меры для прекращения подобной деятельности, вплоть до конфискации трофейных вещей.

Большая часть средств из семейного бюджета расходовалась на приобретение предметов первой необходимости: спичек, лекарств и т.д. В послевоенный период потребность ощущалась даже в таких мелочах как ложки, кастрюли, чайники и т.д. В разрушенном городе высокий спрос был на мебель и инструменты. Белье, одежду, обувь в магазинах выдавали по особым талонам, которые распределялись через профсоюз. Ходовым материалом для изделий данной группы товаров служили парашюты [7, л. 5]. Многие носили одежду из переделанного немецкого трофейного обмундирования. Большой проблемой было отсутствие обуви. Например, пожарная часть Полоцка не была укомплектована на 55 % по причине низкой зарплаты и отсутствия обуви, без которой выезжать на пожары было невозможно [15, л. 23]. Местные предприятия, которые должны были удовлетворять спрос горожан в промышленных и продовольственных товарах, не справлялись с возложенной на них задачей. Ассортимент продукции был очень ограничен, а качество товаров не всегда отвечало нормам.

За годы войны сильно пострадал железнодорожный узел. Были взорваны пути, стрелки, мост через реку Западная Двина, путепровод. Разрушено депо, водокачки, станционные здания в Полоцке и Громах. В первые дни после освобождения для работы на железнодорожном узле было подобрано 1 020 человек (до войны работало 3 800 человек), которые сразу же приступили к ремонту железнодорожного полотна. Очень быстро удалось восстановить железнодорожную линию Невель–Громы, по которой прибыло 4 поезда (из них три хозяйственных и один армейский). Оперативно была налажена также работа по восстановлению вагонного депо [8, с. 27]. Согласно воспоминаниям И. Дейниса: «В августе 1944 г. был создан Полоцкий стройтрест, первым управляющим был т. В. Жиганов. Восстанавливались все предприятия города, в первую очередь железнодорожный транспорт, работали специальные воинские части и восстановительные поезда. Пришлось перешивать все пути, обрезали поврежденные части рельс, отрезали куски попорченные взрывами, сверлили дырки для болтов, собирали костыли, завозили шпалы, восстанавливали мосты, делали их на сваях, на них клали металлическую ферму, привозили из тыла, в несколько

дней сделали железнодорожный мост через Полоту. Через Двину сделали мост около Красного кладбища, рядом со взорванным, подвели пути к нему на обоих берегах», «в августе 1944 г. наладилось регулярное пассажирское сообщение с Витебском, ходил раз в сутки поезд из вагонов 4 класса – «Максимов» [2, с. 204].

Что касается коммунально-жилищного хозяйства, то до войны в Полоцкой области насчитывалось 15 гостиниц (от 10 до 60 мест) [3, л. 18]. Что касается г. Полоцка, то «по ул. Фрунзе в 1944 г. во флигеле б. кадетского корпуса (дом № 1) разместилась первая гостиница. В сентябре, когда я прибыл в Полоцк, я остановился в ней. В комнатах было темно, т.к. стекол в окнах не было и они были закрыты изнутри ставнями. Кровати собраны с пожарищ или из немецкого госпиталя, покрыты были досками и на них положено сено, никаких одеял и подушек» [2, с. 198].

Следует отметить, что наравне с восстановительными работами на начальном этапе огромное значение уделялось увековечиванию и сохранению в памяти народа событий Великой Отечественной войны. О чем свидетельствует протокол заседания Бюро Полоцкого РК КП(б)Б от 28 июля 1944 г.: «Обязать исполкомы с/ советов, а в г. Полоцке горсовет: построить ограды вокруг кладбищ, а также одиночных братских могил произвести подсыпку земли и одерновку могил, посадку деревьев, цветов и других декоративных растений; восстановить, а там где нет сделать новые постаменты и надписи о похороненных в данной могиле. Надписи восстановить на металлических пластинах масляными красками, а также сохранить имеющиеся фотографии; организовать постоянный уход и наблюдение за состоянием кладбищ, а также одиночных братских могил и местами массовых казней белорусского народа; организовать общественность, рабочих, колхозников, интеллигенцию, комсомол, пионеров и школьников по сохранению и уходу за местами захоронения воинов Красной Армии и партизан, погибших в Великую Отечественную войну на полях Полотчины; произвести учет одиночных и братских могил и составить подробные списки, а также акты описания мест и событий (в необходимых местах сфотографировать); обязать председателя горисполкома т. Филиппова подобрать улицу в гор. Полоцке и переименовать ее на имя погибшего генерал-лейтенанта т. Краснова» [14, л. 52].

С 20 сентября 1944 г. г. Полоцк стал центром созданной Полоцкой области, включавшей 15 районов: Браславский, Ветринский, Видзовский, Глубокский, Дисненский, Докшицкий, Дриссенский, Дуниловичский, Миорский, Освейский, Плиссский, Полоцкий, Россонский, Ушачский, Шарковщинский – занимая территорию 17 300 кв.км. [3, л. 5] г. Полоцк на 10 лет стал областным центром.

13–14 марта 1945 г. состоялось общее партийное собрание Полоцкой городской парторганизации, на котором были подведены итоги проведенных мероприятий и определены новые задачи по восстановлению хозяйственной жизни.

Заключение. Таким образом, за годы войны население г. Полоцка сократилось с 32 тыс. чел. до 1 076 человек на момент 15 июля 1945 г. По данным на 1 января 1945 г. уже насчитывалось 11 062 чел. [10, л. 83]. Урон, причиненный населению города немецко-фашистскими захватчиками за весь период нацистской оккупации, составил сумму 143 839, 6 тыс. руб. Фактически была разрушена вся система жизнедеятельности. После освобождения города были предприняты оперативные меры по восстановлению в первую очередь промышленного комплекса, а также коммунально-жилищного хозяйства, и созданию органов власти.

Обеспечение жителей Полоцка продовольственными и промышленными товарами в первые годы после освобождения от нацистов осуществлялось посредством карточной системы, с учетом структуры региона (нормы отпуска товаров были дифференцированы по социально-производственному принципу). Магазины обуживали определенные контингенты, которые были за ними закреплены. В условиях карточной системы степень доступности товаров зависела от уровня доходов, принадлежности к той или иной социальной группе, связей. Восстановление торговой инфраструктуры города проходило достаточно медленно. К началу 1946 г. в нормальном состоянии находилось чуть более 20 % магазинов от их довоенного количества. Большинство же жителей разрушенного Полоцка находилось на грани голода. По карточкам не всегда можно было получить продукты. Для того чтобы выжить полочане ходили по окрестным деревням с целью обмена вещей на продукты или найма на работу. Как свидетельствуют архивные документы, недостаточным было снабжение социальных учреждений – сказывалась ограниченность товарных ресурсов, нехватка транспорта для своевременного подвоза продовольствия, а также нарушение порядка и норм снабжения со стороны как руководства данных учреждений, так и руководства городской и областной администрации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаўрылава, С.В. Асноўныя кірункі аднаўлення і развіцця г. Полацка ў 1944–1954 гг. / С.В. Гаўрылава // Полацкі музейны штогоднік : зб. навуковых артыкулаў за 2011 г. / уклад. Т.А. Джумантаева і інш. – Полацк : НППКМЗ, 2012. – 468 с.

2. Дейнис, И.П. Полоцк в XX веке (1905 – 1967 гг.) // Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник. – КП – S 2774.
3. Докладная записка о разрушениях и злодеяниях, произведенных немецко-фашистскими захватчиками в г. Полоцке и районах Полоцкой области // Зональный государственный архив в г. Полоцке (далее – ЗГА в Полоцке). – Ф. 687. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
4. Докладная записка о создании органов власти и первоочередных мероприятиях по восстановлению народного хозяйства в освобожденном от немецко-фашистских оккупантов Полоцком районе от 15 июля 1944 г. // Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Ф. 1 п. Оп. 1. Д. 150. Л. 63–64.
5. Докладные записки Главного госторгинспектора в БССР (июль–декабрь 1946 г.) // Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 1140. Оп.1. Д. 7.
6. Докладные записки, отчеты по вопросам торговли и кооперации (1946 г.) // НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 29. Д. 129.
7. Доклады и информация о торгово-хозяйственной и финансовой деятельности за 1945 – 1946 гг. // ЗГА в Полоцке. – Фонд 840. Оп.1. Д.16.
8. Коханко, В.П. Полоцк в первые мирные дни / В.П. Коханко // Выстояли и победили: свидетельствуют архивы / авт.-сост.: М.В. Пишуленок [и др.]. – Витебск, 2005.
9. О злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в г. Полоцке и районах Полоцкой области // ЗГА в Полоцке. – Ф. 687. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
10. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Полацка / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.] – Мінск : БелЭн, 2002. – 912 с.
11. Паспорт Полоцкого района Витебской области 1940 г. // ГАВО. – Ф. 1. Оп. 1а. Д. 266. Л. 450–461.
12. Полоцк: Исторический очерк / АН БССР. Институт истории; редкол.: П.Т. Петриков (отв. ред.) [и др.]. – 2-е изд., перераб. и дополн. – Минск : Наука и техника, 1987. – 320 с.
13. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ближайших задачах Совнаркома БССР и ЦК КП(б) Белоруссии» от 1 января 1944 г. // Освобожденная Беларусь. Документы и материалы : в 2-х кн. / сост.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2004. – Кн. 1. Сентябрь 1943 – декабрь 1944.
14. Протокол № 20 заседания бюро Полоцкого РК КП(б)Б от 28 июля 1944 года // ГАВО. – Ф. 3721 п. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.
15. Решения горисполкома и материалы к ним (1946 г.) // ЗГА в Полоцке. – Ф. 658. Оп.1. Д. 25.
16. Сведения о численности населения Полоцкой области накануне и по окончании Великой Отечественной войны и разнице в его численности // ГАВО. – Ф. 289. Оп. 3. Д. 46. Л. 83–84.
17. Сумко, Е. Восстановление и развитие розничной торговли в Полоцкой области в первое послевоенное десятилетие / Е. Сумко // Гісторыя гандлю ў Беларусі (ад старажытнага часу да канца XX ст.) : праблемы вывучэння і перспектывы даследавання : матэрыялы I Міжнароднай навукова-практычнай канф., Мінск, 14–16 лістапада 2013 г. / Цэнтр вывучэння гісторыі гандлю ТАА «Інстытут рознічных тэхналогій “Менка”». – Мінск : Тэхналогія, 2014. – С. 228–238
18. Экономика Беларуси в период послевоенного возрождения / З.И. Гиоргидзе [и др.] – Минск : Наука и техника, 1988. – 236 с.

Поступила 30.06.2015

THE LIFE SUPPORT OF THE POPULATION OF POLOTSK IN THE EARLY POSTWAR YEARS

A. KORSACK, A. SUMKO

In this article, the main activities of the Soviet authorities on arrangement of the city of Polotsk and livelihoods of citizens in the process of restoration work in the early postwar years: a network of medical institutions, trade and light industry, rail transport, communal housing, etc. are considered. Archival material of Zonal State Archives in Polotsk and oral sources are used.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дук Д.В. Городское пространство и социальная топография Полоцка по данным ревизии 1765 года	2
Ганчар А.И. Использование русского языка в римско-католическом богослужении на территории Беларуси (вторая половина XIX века): анализ польской и белорусской историографии	14
Концевой П.А. Германские репарации и труд военнопленных в восстановлении экономики БССР после окончания Второй мировой войны: вопросы историографии	22
Моторова Н.С. Противоэпидемические мероприятия органов городского самоуправления белорусско-литовских губерний в 1875–1914 годы	27
Аўсейчык У.Я. «Прыватная» (індывідуальная) памінальная абраднасць беларусаў Падзвіння (па матэрыялах канца XX–пачатку XXI стагоддзяў)	31
Величко Н.В. Основные источники и историография второй половины XX века по политике Франции в германском вопросе в 1945–1949 годах	38
Горны А.С. Узаемаадносіны беларускіх паланавільскіх арганізацый з польскімі ўладамі ў Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд	44
Занько Е.Ю. Решение проблемы детской беспризорности и безнадзорности в Брестской области (1944–первая половина 1950-х годов)	50
Костюкевич А.В. История изучения импортов IX–XIII вв. и путей их поступления на территорию Полоцкой земли	58
Огородников А.А. Социально-культурное развитие Новополоцка в системе урбанизационных процессов в БССР в конце 1950-х–1960-х годы	70
Смоловский А.С. Общность и противоречивость теоретических и идеологических взглядов большевиков и левых эсеров	77
Чараўко В.У. Археалагічнае вывучэнне грунтовых пахаванняў XVI–XVIII стагоддзяў на могілніку каля в. Клешчыно Бешанковіцкага раёна ў 2013 годзе	84
Шидловский С.О. Кризис хозяйственных практик и традиционных форм виталитивной культуры поместного дворянства Беларуси в отражении романа Э.Т. Массальяского «Пан Подстолич»	90
Марозаў С. П. Дзяржаўна-палітычная традыцыя Вялікага княства Літоўскага ў нацыянальных рухах яго правапераемнікаў у пачатку XX стагоддзя	94
Кожневская М.Г. Деятельность женских благотворительных организаций на территории Беларуси в 60–90-е годы XIX века	106
Авласович А.М. «Сидячие» погребения курганных некрополей Могилевского Поднепровья в восточноевропейском контексте	111
Король В.Л. Деятельность русской православной церкви в защиту мира в 1945–1949 гг.	121
Залилов И.З. О датировке архитектурных памятников Полоцка XI–XII веков	127
Крюковский В.Д. Комсомол Беларуси в системе отношений государства и церкви в 70-е годы XX века: основные направления работы	135
Волюнец А.В. Историографические тенденции изучения Ветхого Завета как исторического источника	144
Гребень Е.А. Предпринимательская деятельность населения в период нацистской оккупации Беларуси	149
Кобринец В.А. О курсах обмена русской копейки на рынках Беларуси во второй половине XVII века	156
Лобач У.А. Горад і гараджане ў светапоглядзе беларускіх сялян другой паловы XX – пачатку XXI стагоддзя (па фальклорных і этнаграфічных матэрыялах віцебшчыны)	162
Корсак А.И., Сумко Е.В. Жизнеобеспечение населения г. Полоцка в первые послевоенные годы	168